
БОРИС КРИГЕР

ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ 10

КРУЖЕНИЕ
НАД
БЕЗДНОЙ

© 2016 Boris Kriger

© 2016 Illustrations – Ira Golub

Редактор *Валентина Кизило*

All rights reserved. No part of this publication may be reproduced or transmitted in any form or by any means electronic or mechanical, including photocopy, recording, or any information storage and retrieval system, without permission in writing from both the copyright owner and the publisher.

Requests for permission to make copies of any part of this work should be e-mailed to altaspera@gmail.com

Не всем легко глядеть на себя в зеркало, отражающее внутреннюю сущность населяющих его зазеркалье существ. Каждый из героев нового романа Бориса Кригера кружит над бездной, каждый проходит трудный путь испытания, богоискательства, нелегкий путь борьбы с самим собой, пытаюсь или не пытаюсь победить в себе все греховное и наносное, пройти сквозь зыбкие пески соблазнов.

На краю пропасти разыгрывается игра, исход которой неизвестен. Кому-то удастся выйти из этого хоровода благодаря обретению веры, кто-то погибает, кто-то так и продолжает мучительное кружение.

«Кружение над бездной» — это не только роман о замысловатом переплетении эпох, поколений, судеб, но и философская притча, и страстная проповедь уверовавшего человека.

Published in Canada by Altaspera Publishing & Literary Agency Inc.

Убийцу отца Андрей Виригин повстречал на улице. Его так поразила будничность этой встречи, что очнулся уже после, когда вспомнил, что прошло восемь лет, и убийца вышел на свободу.

Все эти годы Андрей пил самоубийственно. Каких только планов сокрушительного мщения он не вынашивал и в пьяном бреду, и наяву...

Убийство — грех, вопиющий к небесам, но на кару Божью Андрей рассчитывать не мог, поскольку в Бога не верил, хотя и был крещеный. Библию считал не более чем литературным текстом весьма сомнительной ценности. Но всё же «глаз за глаз» — это ведь так естественно, и, казалось бы, не требует доказательств! Однако время шло, оставляя смерть отца неотомщенной. Ах, дрозophilное время, стирающее намерения в мелкий порошок, в пыльцу растаявших на ветру пресноцветов. В глубине души он презирал себя, не желая оправдывать свое бездействие знаменитым заветом христианства о всепрощении... Где были эти заветы, когда его отца по-зверски, безжалостно убивали?

И снова Андрей погружался в дурман, и только в спасительном, привычном дурмане можно было думать и не думать... Хотя нет, не так. В запойном бреду мысли как раз становятся безразмерно-тягучими. Они словно произрастают из ушей и резиновыми помочами обтягивают

голову, цепляются за посторонние предметы. В глазах пульсирует темнота. Невозможно спать. Невозможно бодрствовать.

Андрей не считал себя горьким пьяницей и обиделся бы, если бы его кто-нибудь так назвал. Пьяница ведь пьет для удовольствия?

Жажду мести он принялся утолять жаждой любви! А стоило ему повстречать Настю, он вообще забыл о мщении. Любовь ведь даже атеиста может сделать сентиментальным. Чернявенькая, почти девчоночка на вид, хотя самой уже лет тридцать. Он редко влюблялся. То, что случилось у него с женой, нельзя назвать любовью... Это произошло шесть лет назад и длилось всего несколько месяцев. Стоит ли об этом? Нет, в этом контексте не стоит. Не нужно параллелей с Настей. С Настей всё по-другому, все иначе, чем с Лилей...

Проклятая логика. Вытравить бы ее безжалостно из головного бочонка. Но никуда не денешься: раз уж заговорили о Лиле, теперь не отвязаться. Да, Андрей был женат. История вышла прямо фантастическая. С будущей, точнее с бывшей, женой он познакомился исключительно по причине того, что они родились в один день. Просто набрал дату своего рождения на каком-то сайте и нашел ее. Плохая идея. Люди, родившиеся под одним и тем же созвездием, обычно не ладят. Подобное взаимоотталкивается. На этом и держится вселенная.

Так или иначе, он нашел ее по Интернету, и девушка с нежным цветочным именем Лиля приехала к нему. Как-то очнулся он после многодневного запоя и слышит: «Опойка, сколько пить-то можно? И вообще, в понедельник идем в загс». «Что ж не сегодня-то? Загс работает и в субботу». Ну кто его за язык тянул? Девушка была из состоятельной семьи. Ее родители его невзлюбили. Жили молодые в огромной трехкомнатной «сталинке» с высоченными потолками и лепниной. А еще через семь месяцев родилась дочь. Машеньке скоро будет шесть. Лилька снова вышла замуж... Видеться с дочерью Андрею не позволяют. Он — пьянь.

Как вообще можно лишать отца права видеться со своим чадом? Где такой закон писан? На каких таких скрижалях? Маленькое родное существо — оно ведь чадо не только матери, но и отца. Нельзя так. Нельзя!

Еще бывшая жена пыталась засадить Андрея в тюрьму за неуплату алиментов. А и с чего было платить? У него никогда не было ни гроша. Пешком ходил в соседний город, потому что даже на проезд не было денег. Он голодал не фигурально, диетически, а конкретно... Какие тут к чертовому шуту аллегии. Сидел не жрамши. А она — алименты. Говорят, ее можно понять. Понять — значит простить. А он не понимал и не прощал. Хотя опять же — паршивая логика с аксиомой о прощении. Мол, убийцу отца простил, и ее прости. А он и его не простил.

Он хотел целовать малюсенькие ручки своей дочки. Никогда они больше не будут такими малюсенькими. А Лиля не позволяла Андрею видеть, целовать, разговаривать с дочерью. Читать сказки. Кататься на коньках. Она запрещала ему всё. А ведь дети — это единственное живое и радостное воплощение времени. Андрей еще докажет, что не спит под забором... Особенно теперь всё должно измениться. Потому что в его жизни так тепло появилась Настя.

Настю он полюбил сразу, внезапно — не заторможенно, не постепенно, как якобы приличествует влюбляться, а каскадом, словно на него сошла лавина.

Десять минут. Да, он видел ее только десять минут. Злые языки говорят: это страсть, похоть. Острые жала шипят: так не бывает, ты ничего о ней не знаешь, ты полюбил мираж! Что ты с ней будешь делать? Притом она замужем! У нее муж татарин, убьет! Тебе мало смерти отца?..

Да, отец тоже полюбил, да, он ушел от них, от матери, от Андрея, от десятилетней сестренки... Ушел к другой женщине. И она-то его и погубила. Прежний ее хахаль его убил. Но Андрей отца не винил. Уже не винил. Да и какая теперь может быть вина?

Если честно, с сестрой и матерью у Андрея отношения не сложились. Ругался с ними все время. Сестра и мать сердились на отца за то, что бросил семью.

А Андрей скучал по отцу. Так бывает, живая родня вот она — дотронься рукой! Так нет... Неужели он никогда его не увидит? Невозможно поверить, что смерть окончательна и никаких поблажек. Загробность слишком обоюдоостра, чтобы ее допускать. Андрей не верил в душу и тем более в ее бессмертие. Он не мог отвлечься от себя самого. Не понимал, что это значит. Конечно, он может не выкобениваться и сходить в церковь, поставить свечку. Притвориться, как все. Ну хорошо, не как все, как многие... А толку-то что?

Вот бабушка Андрея веровала. Дожила до девяноста лет. Как ей было просто! Мать его тоже верует. Или говорит, что верует. В церковь ходит редко. Между тем настоящему верующему церковь как наркотик — всегда мало.

...А я — не могу. С души воротит от одной мысли. Мы — рабы Его? Кого? Невидимого, воображаемого Бога? И изначально — рабы? Нет уж. Пусть сначала покажется, а мы еще посмотрим. И решим, рабы ли мы. Я грешен? И чем же это? Читал я о грехах. Ни одного у себя не нашел, кроме разве что маловерия, но, думаю, атеисту это простительно. Мы, значит, — грешники... А Он-то сам что творит-допускает? Вот хотя бы с отцом моим... Отец — красавец, Ален Делон... Тоже был атеистом. Так зачем же его Бог к себе прибрал? За что лишил его обаяния жизни? Как так? Всего в пятьдесят лет... Я и сам-то уже приближаюсь к возрасту вполне квалифицированного мессии. Старший сын.

Старший брат. Самое время прозреть. Как-то я с местным батюшкой беседовал, не смог он меня убедить. Он твердил: помолись, мол, так: «Господи, если ты есть, сделай так, чтобы я поверил в Тебя». А если не поверишь, то и дело с концом... Заманивал... Сам словно бы уверен, что если помолюсь, то обязательно втянусь... И прав. Если один раз обратишься к Богу, то, считай, поверил, значит? Дурачок, как же я к Нему обращаюсь, если Его нет? Я же не больной на всю голову? Ну, пью... Не больше чем другие. А кто не пьет?

И еще... Я в христианство не вступал. Заявление не подавал. Меня бабка голопузого крестила без всякого моего на то согласия. И то я, говорят, попа обоссал. Видимо, в знак протеста. Так что нечего мной понукать и внушать, что все мы грешные. За это Он нас, дескать, карает. Извините. Слава богу, не первый век нынче, и не второй, и даже не пятнадцатый. Теперь ракеты в космос летают. Где ваш Боженька? Я так бабушку и спрашивал:

— Где Боженька прячется? Почему его космонавты на небе не встретили?

А бабушка в ответ:

— А он, детка, за тучку спрятался...

Кому-то такого объяснения хватало. Но я был молод и нагл. Тайком язык бабушке показывал и пальцем у виска вертел... Шиза, мол. А она меня концом света и Страшным судом страдала. В четвертом классе, чтоб ее позлить, написал Богу

письмо: «Если Ты устроишь конец света, кто ж на Тебя будет молиться?» Показал ей, она заплакала настоящими такими, старушечьими слезами. Теперь мне за это стыдно. Да мало ли за что еще может быть стыдно? Ну вот ведь есть же у меня стыд? Значит, и без Бога можно по-человечески, по совести? Не верю я в Бога. Не могу. Я уж как-нибудь так по жизни доковыляю. А дальше — полная пустота, ухающая, гулкая. Нет? Ну, так ада я не боюсь. Пусть жарят. Боль отвлекает от мыслей... Хуже, чем на этой земле, все равно не будет. Или?.. Впрочем, это пьяный базар, а я завязал. Пить? Нет. Базарить!

Может, мне недолго жить осталось. Исхудал. Ну, были у меня всякие связи... Не подумайте! Только с девицами. Проверился. Да нет. Здоров. Здоров, молод — и полон сил! Жалко здорового себя убивать. Пушай поживу... Хотя иногда так хочется! Пожить? Покончить с собой? И того, и другого, и можно без хлеба. Ведь не хлебом единым сыты скотины... Ах, как мне все обрыдло. Если бы не Настя, в последний запой я со всем бы и покончил. Почему? Потому что надоело думать.

2

Апостол Андрей был родом из Галилеи. Зелень ее холмов вселяла надежду на возможность счастья. Небеса, пронзенные лучами сходящего, словно бы смягченного облаками, солнца,

позволяли уповать на повсеместное присутствие Божие. Не случайно северная часть Святой земли отличалась плодородием и живописностью, а жители ее — добродушием и гостеприимством. Галилеяне легко уживались с эллинами, во множестве населявшими их страну, многие говорили по-гречески и даже носили греческие имена. Имя Андрей — греческое, и в переводе означает «мужественный».

Не все времена одинаковы. Некоторые моменты вселенского времени Господь именует «полнотой времени», когда приходит час великих изменений. Апостол Андрей жил именно в такие восхитительные времена. «Полнота времени» ожидалась в мире задолго до Рождения Спасителя, но именно тогда были все основания верить, что мессия, посланник Божий, избавитель, предсказанный столькими пророками, должен вот-вот явиться во плоти. С юности будущий апостол, всей душой обратился к Богу. Он не вступил в брак и вместе со своим братом занялся рыболовством.

Облачаясь в разные тона синевы небес и вод, изо дня в день бороздили они на своей лодке гладь Галилейского моря, порой такого зеркального, что казалось — ступи на его чуть приподнятую над впадиной берегов столешницу, и вода удержит, не даст человеку рухнуть, разбрасывая вокруг битое стекло брызг. Каждая капля превращается в алмаз, как только ее касается луч солнца. Так и наши души — разбросанные осколки, они начинают сиять

всеми гранями только уловив присутствие Бога, легкое дуновение его абсолютного бытия.

Летом и осенью лучше всего ловить рыбу возле устья Иордана, этого зеленого ленивого потока вод, сполна питающих восхитительную долину и далеко на юге безрадостно теряющихся в соленом мареве удушливого Мертвого моря.

Когда предтеча Иоанн Креститель начал проповедовать на берегах Иордана, Андрей вместе с Иоанном последовал за пророком. Многие полагали, что, может быть, Иоанн Креститель и есть ожидаемый Мессия, но он объяснял, что послан только приготовить Ему путь.

Вера — источник жизни. Потеряй человек веру — и перестанет существовать. Он для Бога и Бог для него. Это только кажется, что есть некий отдельный объективный наружный мир. Он всего лишь то, что отображается в нашем сознании полном снами и иллюзорными колыханиями нестойких занавесей бытия. Вера так же естественна, как потребность дышать, любить, видеть сны, пить полной грудью восхитительный воздух небесных откровений, преподаваемых нам лишь в той мере, в которой мы можем их вместить.

В то время Иисус пришел к Иоанну Крестителю на Иордан, желая принять крещение, и тот, указывая на Господа, сказал своим ученикам: «Вот Агнец Божий, Который берет на себя грехи мира».

Свершилось Богоявление! Бог сошел на землю и, водворившись в плоть, подал нам пример безграничной, жертвенной любви. Кто же мы, чтобы в этом сомневаться? Чтобы сметь этого не принимать? Мы сами себе творцы и разрушители? Бесы и ангелы? Судьи и подсудимые? Мудрецы и безумцы?

«Вот Агнец Божий...» Услышав это, Андрей с Иоанном Богословом последовали за Иисусом и стали Его учениками. В этот же день Андрей пришел к своему брату Симону Петру и сказал: «Мы нашли Мессию».

3

Однажды Андрея Виригина чуть не убили. Его убивали и раньше, избивали, душили, резали, травили и даже пытались сжечь. Но всякий раз существовала какая-то предыстория, а тут все произошло обыденно. Кто-то просто взял и бросил в него пустую пивную бутылку. Он шел через железнодорожные пути, а бухой шутник метнул бутылку, видимо, с пешеходного моста.

А может, это убийца отца и метнул? Понимает ведь, что пока сын жив, пока в полном здравии и памяти... А может, кто-то просто развлекался. Прицелился в движущуюся мишень и... Скорее всего, так и было. Но самое страшное, если бросили не целясь, наугад, высвобождаясь от

лишней ноши, и тут уж заиграла, зарезвилась сила случая, шанса, потревоженного зыбкой теорией вероятностей. У бросившего — облегчение, что расстался с ненужной оболочкой, у жертвы — тоже облегчение. Ведь смерть — невероятно облегчающее событие. Во всяком случае, должна быть таким событием. И зачем мы стенаем и жалуемся? Всё кругом, как ни верти, сплошное облегчение. Тургенев как-то записал в дневнике, что самое интересное в жизни — это смерть.

...Бутылка пролетела мимо буквально в вершке от моего виска, и хотя я остался жив, во мне что-то рухнуло и раздробилось на мелкие, ноющие, позвякивающие в темноте осколки. Такой степени бессмысленности существования я еще никогда не ощущал. Так значит, это было не облегчение, а наоборот. Утяжеление. Как с эдакой тяжестью жить? Как жить с пониманием, что в любой момент, в любую долю секунды всё может прекратиться? И если небеса пусты, то всё это никем и ничем не управляется, подчиняется случаю, дури, пустоте? Говорят, что технаря гораздо легче убедить в мистическом, чем атеистически настроенного гуманитария, каковым я себя считаю. Да, технарь не верит в Бога. Но он вывел это свое неверие из строгой доказанности и мнимой нелогичности существования Высшего Разума. Поэтому стоит доказать ему несостоятельность его умозаключений, добить его собственной же плеткой, логикой, туго скрученной из фактов, —

и пожалуйста, нет больше атеиста. Всё. Трубите, трубы. Если не прибыло в полку верующих, то, по крайней мере, в полку безбожников явно убыло. Стоит втолковать ученому всю сложность устройства живых организмов, показать ему, что более вероятно, что какой-нибудь его сложный прибор сам собой взял и самообразовался из пыли и песка, без всякого участия человека-создателя, как он тут же начнет шмыгать носом. А отпетый циник медик, стоит ему уразуметь, что физика — вовсе не точная наука, а растерянная девочка, потерявшаяся в лесу неопределенностей, и для того, чтобы объяснить существование нашей вселенной, нужно вообразить себе существование бесконечного числа других вселенных, он тут же утрачивает свой цинизм и находит, что с Богом мир выглядит более материалистично, чем без Него...

Но я крепкий орех. Меня не убеждают доводы разума. Будучи гуманитарием, я верю в собственное безверие, как верят фанатично преданные прихожане в осмысленность своей принадлежности к Божьей пастве. Так что я непереубедим.

Нежданный благодетель, богач, проживающий на Западе, нанял меня своим литературным агентом. Я как-то нашел утерянный в переводе кусочек из «Лолиты» Набокова и тем себя обессмертил. В друзья напрашивался. Терпел мое пьянство. Я организовал запись его произведений Валентином Гафтом и пристроил его сомнительный роман в одно издательство.

Разумеется, он меня боготворил. Он нынче стал набожным... Так и называл меня — упрямым орехом. Посвятил мне стихи:

Ты как орех — упряма, бугрист и сух.
Я не могу сломить твоё упрямство!
Ты словно бы переменил свой слух
На вкус самоубийственного пьянства.
Звоню тебе, — ты снова горько пьян.
А я о Боге всё да о вселенной...
Мне впору о тебе писать роман.
Боюсь, он выйдет слишком откровенный!
Теперь любовь. Вот новая напасть!
«Поддай её мне, вместе мы погибнем!»
Уж ты б свою есенинскую страсть
Преобразил бы лучше в стих невинный...
Как тяжело без Бога! Волком вой
Мечась в бреду, и в возрасте Мессии
Тебя убьёт очередной запой,
Как он уже почти убил Россию.
Но я люблю тебя какой ты есть,
Такого нелогичного, живого...
За то, что ты оставил свою месть,
Приняв всего одно Христово слово.
Ведь мы всю жизнь пытаемся прощать,
Шепча на ощупь зыбкие моления.
Прости меня, прости сестру и мать.
И возвращайся из запоя тленья.

Вернуться из запоя тленья... Вернуться куда? Во вселенную с летящими в мою голову пивными бутылками? Я не верю, что существуют

вселенные, где в меня попали бы этой самой бутылкой. Не верю я и в то, что есть такие миры, где я швырнул бы эту самую бутылку и сам себе попал бы в висок. И чем я отличаюсь от шутника, метнувшего в меня сей смертоносный сосуд?

В чем же тогда объяснение? Итак, миром правит сатана? В сатану я, пожалуй, верю. Как можно не верить в очевидное, ежечасно сопереживаемое? Так что свистите в свистульки, смейтесь надо мной. Я верю в сатану. Ну, конечно, не с рогами и копытами. А в злобное, упорное, налитое расплавленной сталью существо, расплескавшее себя по миру и превращающее его в опасную юдоль.

Как же так, в сатану верю, а в Бога не верю? Дисгармония получается. Асимметрия. Тут перевешивает, там недостаток... Как же мир не обрушивается в тартарары? Или мы уже и так проживаем в этих самых тартарарах? Поезд «Москва — Тартарары» давно отправился со второго пути. Пассажиров просим сдохнуть, как собак. Спасибо за внимание!

Как-то ковыляю по вокзальному переходу. Смотрю, под плакатом «Помогите бездомным собакам!» лежит мужик, дремлет... Казалось бы, чему удивляться? В этом мире к людям всегда относились хуже, чем к собакам. И подходит к бедолаге этому божественно красивая женщина с алмазным крестиком на шее и своим модным каблуком начинает грубо его пинать.

— Иди отсюда! Чего развалился? Всех клиентов мне распугаешь! Нечего у моего ларька ошиваться!

Он так жалобно посмотрел на нее, тяжело поднялся, собрал свои газеты и ушел. А ведь он человек! Такой же, как она! Такой же, как я! Может быть, завтра и я прилягу под плакатом о бездомных собаках. И что, меня так же пнут острым каблуком? И я так же покорно встану и побреду? О каком Боге они говорят? О каком милосердии? Ах, крестик тут ни при чем? Это просто продукт моды, без культового назначения. А Он висел на этом «продукте», истекая кровью. Мало ли до Него и после Него висели на крестах? Почему именно Он? Потому что был Сыном Божьим? Потому что мог и не висеть? Потому что ради нас? Ну и что изменилось? Красивая стерва с крестиком пинает бездомного человека.

Во всяком случае, тот самый Бог, якобы создавший все эти кучи видимых и невидимых галактик, похоже, слишком огромен, чтобы замечать меня, маленького. Впрочем, верю я в него лишь на уровне комиксов и забавных библий, которые издавались во времена всеобщего атеизма.

Итак, если без мистицизма — плохо мне очень, и ничего вокруг не меняется. А так хочется просветления, стадного послушания единой и всемогущей, а потому не оспариваемой силе, но ее нет, и мы бродим, едва не натываясь висками на внезапные бутылки. Весенняя гроза из пивных бутылок, а радуга — вовсе не мост и не закладка в ветхозаветной истории о потопе, а этикетка,

смытая с дешевой бутылки паленой, на полыни настоящей водки.

4

Кто из нас избежал потрясений духа? Кто позволил себе всю жизнь вытворять всё, что заблагорассудится?

Больше все же тех, кто, в томительном безмолвии дожив до седых волос, старается задобрить произвольную память, путается в спорах с собственной совестью и тайком скрывает свою внезапную религиозность, выходящую в наш век за пределы допустимого.

Нынче единственным приличным божеством считается Успех — тот самый великодержавный жрец, возносящий над всеми ахроматический флаг, в своей бесцветности превосходящий любую дозу космополитизма. Успех всегда готов переменить хозяина и мало-помалу начинает брать пример со своей противоположности — невезения. И тогда былой успех еще поразительней, еще скорее ведет нас к недоумевающему краху.

Герберт Адлер, тот самый богач с Запада, новоявленный друг литературного агента Андрея Виригина, будучи на многое горазд, все же устал преследовать фортуна, которая, кичась своей неисполнительностью, по всей видимости,

исключительно из озорства раздевалась донага и мелькала перед его зачитанными глазами своими мало насыщающими формами.

Он сделал ставку на нечто более надежное, чем фортуна.

Герберт искал и нашел путь к Богу.

В трудные времена люди говорят: «Тут не знаешь, как выжить, а вы мне о Боге. Какая мне разница, что там на самом деле?» Когда же у человека всё в порядке, ему и подавно нет дела до веры в Бога...

Кому же важен ответ на вопрос о существовании Бога? Что поделать, если большинству людей всё равно, даже если привести все возможные доказательства Его существования из всех доступных сфер человеческого знания — начиная с философии и заканчивая наукой, моралью и историей, подвергая их критической проверке?

Человеку не интересно, что в любой из этих областей существуют веские аргументы в пользу существования Бога: онтологический аргумент в области философии, космологический и телеологический — в области науки, нравственный — в области морали.

Беспристрастное рассмотрение фактов приводит нас к возможности и необходимости существования Творца, как наиболее вероятному и простому объяснению окружающего мира и нас самих.

Причина, по которой люди отказываются верить в столь простую и очевидную вещь, как существование Бога, коренится в них самих. Они не хотят знать, что же действительно представляет из себя наука и почему возможности ее ограничены. Людям не интересны исторические свидетельства, показывающие реальность существования Христа. Им плевать на достоверность Нового Завета.

В интеллигентских кругах очень популярна идея о том, что каждая религия открывает лишь часть истины, все религии в чем-то верны и все ведут к Одному и Тому же Богу, Который разным народам в разное время открывался по-разному. В основе религий лежат откровения.

Многие исследователи отмечают сходство разных религий. Действительно, естественное и индивидуальное откровение доступно каждому. Мало того, Церковь не отрицает, что в религиозных доктринах других религий есть истинные утверждения. Например, ислам прославляет величие Божье, зороастризм подчеркивает Божественную чистоту, даосизм побуждает нас относиться к тайнам природы с уважением, утверждения индуизма, что Бог рядом с каждым из нас, заслуживают полного признания этого факта. Но вопрос не в этом. Для христианина религиозная система христианства — это истинная система, которая может содержать лишь незначительные заблуждения. А любая нехристианская религиозная система —

это ошибочная система, содержащая некоторые истины.

В чем уникальность христианства? В Личности Иисуса Христа. Все другие мировые религии — это, по своей сути, попытки человека своими силами взойти на небо. Кем были основатели остальных мировых религий? Людьми, достигшими некоего духовного развития. Христианство — это единственная в мире религия, основанная Самим Богом. Проблема других религий заключается в том, что тайна Боговоплощения Иисуса Христа ими не осознана.

Не может быть много путей к Истине. Если бы их было много — то Бог бы не преминул нам об этом сообщить. Христос же сказал: «Я есмь путь и истина и жизнь» и что только через Него можно прийти к Отцу.

Несмотря на то что большинство людей всем этим не интересуется, всё же иногда их беспокоят вопросы: почему добрый Бог допускает страдания? почему существует зло? почему иногда Он не отвечает на молитвы?

Только уверовав, можно получить ответы. Но люди часто мечтают выиграть в лотерею, не купив лотерейного билета, всю жизнь каким-то образом уживаясь с таким противоречием.

Древнейшая форма христианства — православие дает ответы на все эти вопросы, вовсе не являясь этнически только русской или только греческой традицией, а представляя собой

Вселенскую и Апостольскую церковь Христову на земле, основанную самим Христом, с которой Он пребывает до скончания века и которую, по Его обещанию, не одолеют врата ада.

Герберт Адлер, познав горький вкус интеллигентских метаний от атеизма до язычества, написал роман о своих методах непротivления счастью. Издав книгу в России и, несмотря на звукозапись с Гафтом, так и не добившись успеха, он потерял уверенность в себе, в завтрашнем дне, в своей правоте.

Неожиданно для окружающих он принял православие, что оказалось впоследствии вовсе не формальной данью традиции прибегать к крещению, когда намечается дыра в кармане или становится гадко на душе. Ему надоело по-песьи шифровать под каждым забором новоиспеченные истины. Он устал бороться за непротivление счастью. Устал покупать лояльность. Точнее, потерял способность ее покупать. Хотя в безденежье и копейка — рубль, но на копейку лояльности не купишь. Когда у человека исчезает уверенность в себе, не так легко вернуть ее обратно.

Герберт сменил свой покровительственный тон успешного дельца на не менее покровительственный тон самоучки-богослова. Всегда презиравший толпу и много лет избегавший людей, он вдруг принялся каждое воскресенье ездить в далекую, в трех часах езды, набитую народом церковь, истово молился утром и вечером и читал ворохи страниц, исписанных

святыми отцами. В этом своем прозрении Герберт был настолько неоригинален, что даже успокаивал себя: «Я только делаю то, что должен. С каждым рано или поздно такое должно случиться. Один раз по-настоящему прочтя Евангелие, просто невозможно более его игнорировать. Необходимо его или раз и навсегда отбросить (что разумному человеку представляется невозможным), или же просто и незамысловато следовать написанному. Пусть я не свят, но я тоже не от мира сего».

И не то чтобы он говорил это себе, предвкушая обещанное загробное наслаждение. Просто в какой-то момент многих из нас выносит на берег, желаем мы того или нет, на тот самый берег банального океана страстей, выложенный мелкой несокрушимой галькой тысячелетних догм, чью истинность оспаривать настолько неоригинально, что даже не стоит и пытаться.

Стремительная обнаженность по-прежнему заигрывающей с Гербертом фортуны теперь казалась ему отталкивающе комичной. Ему больше не хотелось трепетать от восторга, ощупывая очередную пачку купюр, он больше не желал чувствовать над собой тлетворного владычества денег.

Но всякого благоразумного человека, пытающегося вырвать у денежных знаков бразды, понукающие его жизнью, ждет разочарование. «Постиг христианское назначение своей жизни? Подписался страдать — изволь!» — шепчут деньги, скаля зубы.

Нечего умному ломать комедию и терять чувство реальности — в наказание пред ним разверзается перспектива нищеты. И вот уже фортуна, набросив что попало на голые плечи, уходит куда-то в твоём макинтоше...

Трудно сказать, что началось раньше: желание освободиться от диктата денег или внешнее давление пошатнувшегося экономического мира, но Герберт стал беднеть. Дела шли неважно, да и домашняя жизнь как-то разладилась. Его новоявленное нежное обращение с домочадцами не помогало. Видимо, они не могли забыть прежнего выкручивания рук. Сначала безденежье было искусственным и, пожалуй, связанным с новообретенным христианством. Следуя логике Священных Писаний «раздай всё и следуй за мной», Герберт принялся непомерно жертвовать на церковь, выискивал нищих на дорогах и совал им пачки денег, отдавая всё, что было в портмоне. Потом и этого показалось мало. Он взялся за издание православной газеты, и не каких-нибудь пару раз в год, а каждую неделю. Тратя на это десятки тысяч, он намеренно сокращал содержание поженившимся с его легкой руки Альберту и Энжеле, и дети, как люди обыкновенные и уже привыкшие к достатку, принялись бедствовать, но не роптали, а только все глубже увязали в посредственности повседневного безденежья.

Надо сказать, что при таком обстоятельстве, как потеря контроля над собственной жизнью, финансами и родными, Герберт вспомнил, что у

него есть родители, и пригласил их жить к себе, видимо, собираясь по-христиански лобзать их раны и мыть им ноги. Эльза, страдавшая общим недовольством жизнью, всей душой принявшая христианство, сама предложила привезти его родителей и, во всем Герберту потакала, будучи, как повелось в этой семье, причиной всех этих перемен.

Но вскоре родительские упреки вроде полузабытых с детства «Почему ты не выучил уроки?» с новой силой зазвучали в доме Адлеров, и Герберт постарался отгородиться от них выводком прислуги, которую его мать, как заправская крепостница, чуть ли не по щекам хлестала, ну а после и вовсе был вынужден расселить отца и мать, поскольку они стали не на шутку собачиться между собой, превращая дом Адлеров в поле ожесточенной пошлой брани. Теперь Герберт с удивлением рассматривал полузабытый грибовидный нос своего отца, и ему казалось, что он снова в детстве и что прожитая жизнь не имела смысла, что эпохи смешались и что ему снова необходимо запастись терпением и упражняться в повиновении родителям. В доме, как в детстве, воздух казался спертым и, как на грех, спертым именно в прямом смысле, поскольку дом был теперь весь перегорожен в попытке отделиться от родителей. Наконец Герберт решился отселить мать вместе с двумя сиделками подальше от себя и поближе к больнице, где он оплачивал чрезвычайно дорогие процедуры диализа,

которые по прежнему месту жительства матери производились бесплатно. Естественно, такие действия не могли не подорвать окончательно финансовое положение семьи Адлеров.

Вскоре привычное оплакивание своего несчастного детства Герберт заменил новыми обидами и разногласиями, гораздо менее естественными, когда тебе уже сорок, а не десять лет.

Незаметно добродушный Герберт Адлер превратился в молчаливого цензора собственных мыслей и побуждений, с которыми боролся нещадно, как и завещали Святые отцы, однако теряя из виду, что христианство — это прежде всего детская радость, а не угрюмое братство восскорбевших духом. Подгоняемый нравственным авантюризмом, прерывистым голосом он пытался склонить мать к крещению, но жар в его груди погасил материнский приговор:

— Сынок, скажу тебе как и прежде, что ты — дурак!

Слова прозвучали звонко, как пощечина. Собравшись с силами, Герберт попытался подставить вторую щеку, которая вздрагивала, как лошадиная кожа. Он хотел коснуться устами материнской макушки, но мать раздраженно отклонилась, и он, смущаясь, забрал свои моленные книги и отправился к себе в угол сосредоточенно твердить перед иконами:

«Научу незаконных путям Твоим,
и нечестивые к Тебе обратятся...»

Молитва, поминутно останавливаемая чувством бесстрастного выражения собственного рта, прерываемая то ли бесами, то ли причинами еще более вескими и способными разрушить любой молитвенный порыв, не вызывала у Герберта ни слез умиления, ни рыданий покаяния. Он был бесстрастен и холоден. Он понимал, что это — плохо, но ничего с собой не мог поделать.

Эльза, женщина-ребенок, с которой Герберт надеялся совладать с помощью элементов домостроя, присутствующих в любом православном неопитстве, отнюдь не собиралась поддаваться мужу. Наоборот, у них открылись сложные противоречия, которых раньше виден был разве что намек с полвершка ростом, а теперь буря буквально начала поглощать обоих, и они лишь силились понять, откуда взялся повод для ссор.

Они обвенчались в церкви, несмотря на то что были к тому времени в нерушимом союзе уже двадцать лет. И все это не с усмешкой, а вполне серьезно, с предварительными выяснениями «любишь не любишь»; священник трижды обвел их вокруг анаоя, трижды напоил вином из серебряной чашицы, венчаются рабы Божьи...

Присутствие в церкви стало для них привычным. Герберт увлекся чтением часов и псалмов. Постигая искусство пономаря, он вещал своим зычным голосом на весь храм.

Прихожанам нравилось. Эльза тоже читала, и ее голос казался Герберту странно незнакомым, словно у жены появилось новое увлечение звонить в крошечный колокольчик. Эльза, следуя неизменному веками тексту, жалобно и прилюдно причитала по сорок раз «Господи, помилуй!», и Герберту становилось нестерпимо ее жалко. Он беззвучно рыдал, вспоминая прежнюю свободу и, будучи не в силах отказаться от выбранного пути, покрывался потом от жара близких свечей в своем, с чужого плеча, неудобном подряснике. Что это было? Усугубившаяся разновидность моды на ретро?

Голова шла кругом, но Герберт неслгибаемо шел вперед. Он принялся собирать приходскую библиотеку, потом начал проповедовать в тесном кружке старушек и несмелых девиц, от которых веяло нравственными излишествами, организовал воскресные курсы и толковал Священное Писание, преодолевая конфузливо-насмешливый взгляд маловерных мужей, с нетерпением ожидающих окончания словопрений, готовил к исповеди, а окружающие братья-черноризцы, пристально следившие за новообращенным, хотя и придирались к мелким неточностям, не находили в его поведении ожидаемого в подобном случае самовольства. Не было в речах Герберта отсебятины. Он больше не проповедовал непротивления счастью, не искал оригинальных идей. Когда его взгляд блуждал по «территориям прожитой жизни», волюшка ему больше не казалась хлеба слаще, солнца краше...

Нимало не конфузясь, сильная, невидимая жизнь овладевала всем его существом, и его внутреннее невидимое существо говорило ему: «Ты так много страдал напрасно, волнуясь о жалкой дырявости своих амбаров, пострадай же за нечто светлое и вечное». И Герберт осознавал присутствие этой связи со светлым и вечным и, казалось, ни за что не согласился бы променять ее на что-то иное.

Его просторное жилище уступило часть пространства храму. Свою гордость — специально пристроенный огромный обеденный зал, Герберт превратил в часовню, чем окончательно зарекомендовал себя в глазах родных и друзей как совершенно спятивший с ума.

5

Вера требует исключительной дисциплинированности мысли. Ну кому, спрашивается, нужен святоша, к поступкам которого не придерешься, а помыслы его чернее черного? Для простоты понимания собственного состояния Герберт легко принял весьма обоснованное предположение, что всему виной пресловутые бесы. Бесы достигли сейчас больших результатов, внушив людям, что их нет. А логика сатаны такова: если нет дьявола, то нет и Бога. Если мы считаем, что дьявол аллегория,

метафора, не личность, мы тем самым обезоруживаем себя перед силами зла. Духовная природа не терпит пустоты: если в сердце у нас нет Бога, то его занимает дьявол. Это и есть причина одержимости в наше время. Если ум человеческий бродит по всему свету и всё что ни попадя пропускает через свое сердце, он из своего сердца устраивает проходной двор. И со всем сором, допущенным в сердце, туда входят и бесы. Если ты принял помысел бесовский — ты принял беса самого. Вот таким образом они входят в нас, в человеческое сердце, если мы не бодрствуем духовно, не призываем имя Божье, если ум не занят размышлениями о духовном, не занят Господом. Именно бесы различными ухищрениями побуждают нас взять нож и кого-нибудь ни с того ни с сего зарезать. Именно они, лукавые, поселяют в нашем сердце страсти и нескромные мысли. И действительно, стоило Герберту проникнуться этой концепцией, он стал повсеместно находить ей убедительнейшие доказательства. То бесы заставляли его прочитывать церковнославянское слово «зело» как «зло», то подменяли букву в его газете, и вместо «Христа» выходило «Триста»...

Наконец, устав, как натруженная монашка, жить в постоянном опасении, не бес ли в данный момент толкает его под руку, Герберт внезапно осознал, что все-таки бесы не имеют никакого значения. Ведь чего не попускает Бог, тому и не суждено свершиться. Таким образом, собеседник-то у нас один, и нечего на бесов

внимание обращать. А то если сильно увлечься, можно закружиться с бесами над бездной, а про Бога напрочь позабыть.

Поняв, что кроме Бога нет у него никого, что Он все дал и все может взять обратно ежечасно, что он имеет всецелую власть не только над настоящим и будущим, но даже над прошлым человека, Герберт принялся обращаться к Всевышнему постоянно. Твердил Иисусову молитву сотни раз: «Господи, Иисусе Христе, сыне Божий, помилуй мя, грешного». И пока истово молился, вроде бы помогало, поселялся какой-никакой мир в душе, но стоило оставить молитву, как краски бытия снова сгущались и темнели. А главное, Герберт не был счастлив, и именно это озадачивало его более всего, ведь по мере приближения к свету должно становиться хотя бы теплее, если не светлее...

Далее он открыл в себе гордыню, да такую непомерную, что ее наличием можно было объяснить все неурядицы его прошлой, настоящей и будущей жизни. Борьба с гордыней протекала трудно, и, надо сказать, Герберт так от нее и не избавился, хотя позволял всем и каждому попирать себя и даже пытался выглядеть при этом благодушным.

— Простите мне мою гордыню... — твердил он, но ему справедливо не верили, ведь для короны нет большего урона, чем обнаружить собственное отсутствие!

Осознав наконец, что гордыня скорее поцелует его в холодные губы, чем оставит в покое при жизни, он вошел в относительное равновесие между грехом и праведностью, что, видимо, и требуется любому верующему человеку. А стал он пронзительно верующим человеком. И вера его была настолько осознанна и сосредоточенна, что, казалось, ее невозможно разрушить по минутному легкомыслию! Но Герберт грешил и в качестве наследника Адама совершал все тот же непреложный набор проступков, так мучительно сопровождающий наше ниспадание в бездну, и даже научился ненавидеть свой грех как физически существующего недруга, но что-то внутри него шептало: «Посуди сам, любезнейший, ну какое дело Вседержителю до этой твоей мизерной шалости? Уж не гордыня ли в тебе клокочет, когда ты полагаешь, что Ему есть дело до каждого грешка?» Из уважения к канонам веры он гнал от себя это словоблудие, но ему было все-таки очень жалко Христа. Он понимал логику жертвы, но ненавидел фарисейский подход: мол, лучше, чтобы один человек умер за людей, нежели чтобы весь народ погиб. Он тайком недоумевал, как искренняя вера может зиждиться на принципе пряника и кнута, но потом, вычитав, что истинные святые святы не из-под палки, а потому, что просто не могут иначе, понял, что почитать себя святым рано и неправильно, а следовательно, отнес свои терзания к той же пресловутой гордыне и оставил этот вопрос на потом.

С родителями все решилось само собой. В какой-то момент финансовые источники иссякли. Эльза заявила:

— Пока мы окончательно не разорились, уговори, по крайней мере свою маменьку, уехать поскорее домой.

— Как ты можешь так говорить! — бесцветно вспылил Герберт, но в тот же день на пике скандального звонка матери по поводу того, что она хочет уволить очередную сиделку, которая позволила себе в свободное время выйти прогуляться, сказал:

— Мама, у нас больше нет денег. Тебе нужно уехать.

— Ух ты! Ну, что ж, надо так надо, — сказала она.

В аэропорту Герберт не мог смотреть родителям в глаза. Было такое чувство, что он живьем отправляет их в крематорий. Но и это прошло. И даже было удивительно, что несмотря на то, что такой груз свалился с плеч, почему-то не стало легче, и странно, что родители, такие беспомощные при нем, прекрасно устроились у себя дома, по всей видимости, ладили друг с другом и даже наняли себе новую прислугу и теперь изредка посмеивались над Гербертом по телефону.

— Беда, да и только... — ворчал Герберт и не мог понять, как это он, следуя пятой заповеди, требующей уважения к родителям, умудрился почти полностью разорить семью и потратить все

родительские сбережения. Среди заповедей, данных человечеству в Ветхом Завете, заповедь о почитании родителей находится на особом месте. Пятая заповедь — единственная среди десяти, где Бог заключает своеобразный договор с человеком, обещая ему долголетие и благоденствие при условии должного отношения к родителям...

— Беда, да и только, — вторила ему Эльза, существо жалостливое и заботливое до слез, но тоже лишенное родительской любви: ее старики с космическим скандалом покинули их еще в прошлом году и поселились в одном из нищенских российских селений, притом в их случае их не только не выгоняли, но всеми силами пытались удержать.

После отъезда родителей Герберт хотел помириться с Эльзой, но скандалы разгорелись с новой силой, и ему даже пришлось уйти из дому на целых три дня. Эльза пришла в полную протрацию, но уступать не собиралась. В конце концов, Герберт решил, что идти ему все равно некуда, и вернулся. Последствием этого разлада стало то, что их дети окончательно потеряли последние ошметки уважения и дружно постановили, что родители свихнулись на религиозной почве. Один лишь Патрик, тот самый Пузырик, рождения которого так ждали Герберт с Эльзой и который к этому времени стал уже двухлетним шалопаем, ничего не замечал, задувал свечки в домашней часовне,

целовал иконы и смешно махал ручкой, словно бы крестился.

Эльза же настойчиво выговорила себе право вести себя по своему усмотрению и, когда в горле клокочет, давать волю словам. Теперь у нее был духовный отец, иеромонах Никифор, и если и прежде мнение мужа для нее было не слишком обязательно, то сейчас она могла прикрыть любые свои намерения благословением батюшки. Герберт однажды попытался надавить на отца Никифора, чтобы принял его сторону, но тот юрко отказывался, и даже временное прекращение со стороны Герберта помощи его церкви не возымело должного эффекта.

— В духовном мире, видимо, несколько иные законы... — разводил руками Герберт, хотя понимал, что и в недуховном мире законы тоже не по его вкусу, и там и тут люди творят то, что им заблагорассудится.

Винтообразный червь повседневности точил душу Герберта Адлера. Он отдал многое, отказался от обычного образа мысли, но не стал счастливее. Скорее наоборот. Его любимая Эльза, словно замороженная, стала жесткой, непреклонной и, несмотря на наличие домашней церкви, настаивала на ежевоскресных поездках в дальнюю церковь, занимавших весь день, и вообще заявляла, что хотела бы причащаться каждый день.

Однажды, лежа на боку, отвернувшись от Эльзы, Герберт услышал:

— Я хочу, чтобы ты стал священником.

Герберт удивленно повернулся к жене. Он знал, что она не шутит. Логика всей его жизни с угадываниями тайных желаний накренилась над бездной. Что это? Эльза угадала его тайное желание или высказала свое?

— Эльза, религия — сильнодействующее лекарство. Если с непривычки хватануть лишнего, она может превратиться в яд!

Так или иначе, но отец Никифор внезапно предложил Герберту заочно поступить в семинарию. Эльза клялась, что она ни о чем его не просила. Герберт привык к фантастическим совпадениям, являющимся повседневным доказательством присутствия Божьего, пространно пофилософствовал о жизни и своем предназначении, и согласился.

6

Вот она, живая мука — довольно, впрочем, приятная — испытывать беспрестанное удивление к жизни. С другой стороны, «случайное, являясь неизбежным, не оставляет причин для волнений» — тоже обворожительная и неугасимая истина. И не важно, солидный ты буржуа в очаровательном автомобиле или бомж на грязной скамейке в парке: они оба должны знать, что князь мира сего изгнан будет, и в

присутствии такой надежды на иную жизнь должны оживать самые несмелые упования.

Нельзя сказать, чтобы существование Герберта Адлера было мрачным до фанатизма и заключалось исключительно в ожидании Царства Небесного. Как раз наоборот, его излишняя ангажированность земной жизнью вызывала недовольство окружающих. «Ты — мымра, точнее, мымр», — говорил ему сын, не отвыкший от прежних свобод внутрисемейной демократии. Герберт соглашался: «Да — мымр. Очень я вас всех достал?» «Очень», — отвечала семья, и все понимали, что раз такой разговор еще возможен, значит, не всё потеряно. Со временем отношения с детьми и Эльзой пришли к определенной стабильности, руины помпей досадных ссор покрылись усталым пеплом взаимного прощения, и всепоглощающий текущий момент грациозно прикарманил всеобщее внимание, не оставляя времени на инвентаризацию взаимных обид. Не осуждай осуждающего тебя, не отвечай осуждением на осуждение. Ах, как это трудно...

Герберт почувствовал всё неприличие своих попыток постоянно проповедовать. Эльза тоже понемногу сдала позиции, усомнившись в неуязвимости своей правоты, а дети, заметив, что родители все еще способны быть живыми людьми, потянулись обратно. Джейк, которому исполнилось пятнадцать, обладал щепетильным сердцем и веселым нравом.

— Я верю, но по-своему. Оставьте меня в покое. Просто Бог сейчас не первый в списке моих приоритетов.

Герберт вяло возражал, что так не должно быть, что в соответствии с первой заповедью Бог должен заслонять собой все прочие приоритеты... Джейк разгорячился, наговорил тысячу дерзостей, высмеял самодельную часовню, мол, организовали алтарь на бывшем столе для игры в рулетку, и прочее, прочее, прочее... Но потом внезапно обнял отца и попросил прощения. Семья смирилась с тем, что содержать волосы и одежду в порядке не всякому под силу и перестала подкалывать Джейка, отчего тот расслабился и на глазах спокойно относящихся к этому родителей начал позволять себе безнаказанно проспаться школу, напиться терпким субботним вином в понедельник с утра и затеять шуточную дуэль с отцом на подарочных шпагах, в ходе которой запрыгивал на обеденный стол, громко скрещивал оружие и трагически падал, «пронзенный» безжалостной сталью противника. Эльза и Энжела смеялись до слез, и Герберт тоже потихоньку смягчался, не дулся и не кичился своей беспрестанной настроенностью на неземное.

Каждый из них старался не заглядывать в тот угол совместной судьбы, который в противном случае сулил окончательно затянуться паутиной разногласий.

Энжела и Альберт жили вместе уже два с половиной года. История их причудливого

знакомства была окончательно позабыта и потеряла какое-либо значение. Сам Герберт уже с трудом мог припомнить, откуда в жизни его семьи взялся Альберт, да и в Альберте нелегко было узнать молодого человека, за которого Адлеры выдавали дочь замуж. Альберту исполнилось тридцать, однако солидности это ему не прибавило. Он оказался человеком переменчивым и легко внушаемым. Будучи милым и общительным, с прекрасным покладистым характером, поначалу он охотно (так, во всяком случае, казалось) принял прежние доправославные принципы семьи Адлеров, начал активно участвовать в деле Герберта, освободив нервозную невесту от необходимости работать, и даже добился успехов на этом поприще. В результате счастливого стечения обстоятельств всего за какие-то три недели бизнес Адлера внезапно принес доход почти в двести тысяч долларов, и Герберт, не задумываясь, выписал молодоженам чек на сто тысяч. Те были изумлены и поначалу боялись прикасаться к этим деньгам, но потом пошло-поехало... Вереницу безумств приобретательства довершили две лошади, купленные Альбертом в подарок себе и юной супруге. Одни только седла обошлись в пять тысяч, не говоря уже о помесечной плате за съем стойл в конюшне, равной цене за съем небольшой квартиры.

Свадьбу сыграли с шиком. Пригласили родителей Альберта, и именно их приезд произвел в нем фатальную перемену. А может,

причина была не только в их приезде, ведь Альберт начал проявлять свой странный характер еще за несколько месяцев до свадьбы. Он все время врал, ничего не помнил, все терял. Правды и серьезного отношения от него было так же трудно добиться, как игривого настроения от неподвижного ракетчика, держащего палец на пусковой кнопке. Свои рассказы о якобы разведывательном прошлом Альберт прекратил после того как вначале вполне ими всех застрашал, потом рассмешил, ну и в конце концов ввел в скуку. Вскоре он настроил против себя всех сотрудников, перестал ходить на работу, и Герберту ничего не оставалось, как снова взять бразды правления в свои руки.

Родители Альберта были типичными москвичами советской эпохи. Отец — профессор, мать (впрочем, чем в точности занималась мать, было трудно сказать, — может, именно она и была в их семье настоящей разведчицей?). Люди они были приятные в общении, обходительные и интеллигентные, однако, будучи почти на двадцать лет старше четы Адлеров, исповедовали непреклонные принципы, что дети должны быть самостоятельны, что всю жизнь нужно вкалывать, что частное предпринимательство добром не кончится и что Энжеле надо выучиться на учительницу младших классов, а Альберту — работать по его холуйской специальности — гостиничному делу.

В конечном итоге даже купленный по настоянию Герберта просторный дом, в который были вложены остатки денег, подаренных молодым, и еще столько же со стороны родителей Альберта, не смог удержать молодую семью в орбите Адлеров. Из Москвы раздавались ежедневные контрольные звонки, и постепенно молодожены слово в слово стали повторять концепции матери Альберта и беспрекословно приняли ее взгляды на жизнь. Кончилось тем, что оба ушли из бизнеса, точнее, Герберту пришлось расстаться с ними, потому что один получал зарплату не появляясь в офисе, а другая хотя и заглядывала, но корчила при этом такие рожи, что вреда получалось больше, чем пользы.

Первое время Герберт продолжал щедро помогать им, но постепенно, под давлением обстоятельств и желая вывести молодых из вечной спячки, значительно сократил материальную помощь.

На деньги, присланные из Москвы, Эльзу пристроили в колледж учиться на учительницу младших классов. Лошадей по требованию матери продали. Точнее, лошадь Альберта внезапно подозрительно издохла сама, а лошадку Энжелы выкупили Адлеры и подарили ее конюшне.

Альберт менял одну неквалифицированную работу на другую, нигде не мог удержаться больше трех месяцев и стал в городе притчей во языцех — ходячим символом головотяпства и ненадежности. Милый и общительный характер

тоже куда-то пропал, сменившись угрюмой, хотя и вежливой неприязнью к Адлерам, к их самодельной, хоть и освященной архиепископом, часовне и вообще ко всему, что было связано с этой семьей. После того как его мама растолковала, что его, Альберта, просто купили как куклу, он уже не мог воспринимать принявшую его семью как прежде. Нельзя было сказать, что родителям Альберта не нравилась невестка. Им, скорее, не нравились Адлеры и их философия жизни.

Внезапно мать Альберта купила ему билет на другой конец страны, где, согласно ее дальновидным планам, он должен был найти работу, через полгода выписать к себе жену, а дом продать...

Кстати, воцерковление Адлеров началось именно с покупки этого дома. Герберту хотелось поскорей развлечь жену радостью нянчить внуков, но время шло, а внуки даже не намечались (в свое время, когда оказалось, что Эльза беременна, все пустились хохотать и острить, что, мол, Адлеры сами решили родить себе внука). Исходя из своего опыта разведения попугаев, которые не желают размножаться без гнезда, Герберт решил, что нужно устроить молодоженам отдельное гнездо. Но и это не помогло.

Нежданный дом, свалившийся на голову молодых, был принят ими почти безучастно. Матери Альберта дом не понравился, но интеллигентность не позволила ей вступить в

прямое противоборство с Гербертом. Деньги были выданы, дом был куплен.

— Плохая там атмосфера, — только и заметила мать.

Атмосфера в доме, и правда, была неважная. Прежде там жила пара, которая в конце концов развелась, и, видимо, отголоски семейных скандалов прятались по углам.

— Мы его освятим! — быстро нашел выход из затруднения Герберт и действительно пригласил священника.

Приглашенным батюшкой оказался иеромонах Никифор. Слово за слово, и не прошло и трех месяцев, как Адлеры всей семьей приняли крещение. Причем сначала креститься пожелала только Эльза, потом склонила к этому детей. Герберт же рассудил, что дом, разделенный в себе самом, устоять не может, и потому возглавил и направил общий порыв. Он всегда испытывал симпатию к христианству, хотя и ощущал себя совершенно чужим в церкви. Но тут церковь пришла к нему домой, и он решил воспользоваться таким шансом.

Посреди обеденного зала, ставшего впоследствии часовней, установили крещальную купель и совершили таинство во имя Отца, аминь, и Сына, аминь, и Святого духа, аминь, буквально как в апостольские времена. Однако крещение не нарушило склонность Герберта к шарлатанству: пару месяцев спустя он в черном подряснике уже читал на амвоне псалмы...

— Терпеть не могу роскоши... Но не могу позволить себе роскоши от нее отвыкнуть! — каламбурил он, а потом уже более серьезно добавлял: — Церковь хотя и не насильственная

инстанция, однако ее логика неизбежно ведет к отходу от погони за пусть и прихрамывающим на все конечности, однако совершенно неуловимым Золотым Тельцом. А может, ослом? Может быть, я следую стопами Апулея, и я — осел, которому лишь предстоит разрушить злокозненные чары и пробудиться к человеческой жизни? Что ты молчишь, Эльза? Почему не отвечаешь?

— Хорошо. Я отвечаю. Ты — осел. Можешь успокоиться, — незлобиво откликнулась Эльза.

Отчаянные родители наблюдали, как теряют детей. Скоро не только молодожены, но и Джейк принялся твердить, что собственный бизнес до добра не доведет, что нужно учиться и делать карьеру... Сам Герберт, хотя женился очень рано, ни под чье влияние не подпадал (или ему так казалось) и поэтому не мог не осуждать такую бесхребетность...

Два жарких лета пронеслись, сопровождаемые скрипом весел в уключинах, шорохом оперения стрел, выстрелами восьми новоприобретенных Альбертом ружей. Мальчик-муж продолжал играть, желая во что бы то ни стало, уже вопреки элементарной благопристойности, оставаться ребенком. Он решительно не мог дать себе отчета, почему поступает так или иначе. Периодически, после очередного разгона матери, он впадал в тайное смятение и пытался измениться, но вскоре все опять возвращалось на круги своя.

Вскоре зять уехал, и чем меньше Адлеры знали о нем, тем более нормальным человеком он им представлялся, хотя они отдавали себе отчет в том, что его кажущаяся на расстоянии нормальность — всего лишь иллюзия. Перемена места редко меняет человека. Перед отъездом Альберт постарался (скорее неосознанно) так настроить Энжелу и Джейка и против родителей, и против церкви, что даже вечно плачущая от умиления в храме Энжела наотрез отказалась посещать службы. Ну, о Джейке и говорить нечего.

Однако стоило Альберту укатить, дети снова начали возвращаться к родителям.

— Энжела, — говорил сестре со своей обычной иронией Джейк, — мы с тобой слишком легко внушаемые... Вот и результат налицо! При том, что никто здесь не воспринимает Альберта всерьез, мы охотно заглядываем ему в рот и все за ним повторяем, как зомби, а сам он является зомби своей мамы! А как бороться с зомби? Нужно на зомби уронить рояль, как в том фильме...

К удивлению, Энжела не стала заступаться за мужа, и Герберт простил детям все прежние обиды.

— Я боюсь жизни, будущего, Бога... невзирая на Его очевидные благодеяния, — вздыхал он частенько и уже менее охотно тянулся за молитвословом. — Что будет дальше? Неожиданное миропомазание? Нимб над головой

позолоченным венчиком? Ангелы отпорхнули от меня... Боже, очисти мя грешного, Боже, очисти мя грешного...

Но настоящего раскаяния не наступало, слезы, теперь уже долгожданные, не лились, страстный, умоляющий взор на заварной чайник не мог разжалобить Божеское милосердие. Герберт машинально вертел лежавший на столе хлебный нож или пробку, потом брезгливо швырял их в раковину или в мусорное ведро (каждому свое), выключал свет на кухне, уже в темноте отвешивал по памяти единственный поклон туда, где должны были ютиться строгие иконы и, удаляясь в спальню, укрывался ветровкой часто прерываемого сна. Он давно спал один. Эльза проводила ночи в детской. Как ни странно, Герберта это не только не раздражало, а наоборот, освобождало от какого-то напряжения. У него появилось свое место, где можно было видеть собственные сны.

Ему снилось, что сухие, уродливые, как несвежие картофелины, камни, привезенные со Святой Земли, в его руках начинают расцветать удивительными белыми лилиями. Что это? Его возрождение к новой жизни, или ему предписано побудить к этому возрождению других? Хотелось каяться, да так искренно, чтобы брызнули слезы. Хотелось перестать шептать: «Разве я не человек? Полно же шалить, опаяя всё по пути... Я этого не перенесу, повсюду валяются останки моих надежд... уже более не хочется легкомысленно вешаться всем на шею...»

И уже совсем сквозь сон добавлял, обращаясь к самому себе: «Помилуйте, сударь, ведь уж ночь!» — и снова погружался в свои заповедные подземелья, а едва проснувшись, словно бы продолжал прерванную мысль о новоприобретенном безденежье и нежелании его принимать:

— Что поделаешь? Как бы ни поворачивалась жизнь, разве что из приличия держишь кислую мину, но продолжаешь жить по-детски. Всегда ли совершенствование должно состоять в изменении привычек? Привычка жить по-детски — разве это плохо? Ведь сказано: не будете как дети, не войдете в Царство Небесное. И на что оно нам далось? Конечно, приятно, конечно, греет... Но и вечный покой тоже сошел бы, наверное. Хотя почему бы и нет? Пусть царство... Но до конечной остановки еще бог знает сколько трястись... А тут еще маячащий пасторский путь. Нелегкий. Взвалить на себя чужие заботы, грехи, переживания... «И какой из тебя поп?» — вспомнились насмешливые слова отца. Я же был вольноопределяющимся, всегда уходящим восвояси... Какой из меня поп?

7

Обвинения в неоригинальности в первую очередь неоригинальны сами по себе. Ложь всё это. Ложь! Как пресловутое явление дежа вю —

всего лишь иллюзия, мираж, обман нашей самонадеянной памяти, так и чувство того, что всё нам уже где-то встречалось, слышалось, впрыскивалось в наши окоченелые в нерасторопности извилины — тоже лишь плод самообмана. Герберт, например, каждодневно находил нечто, чего ранее не делал, не ощущал. Может быть, забыл? Ну если бы Господь Бог желал бы нас вразумить, чтобы мы могли помнить все до мелочей, то мы, наверное, помнили бы? Не такая уж это мудреная наука — запечатлевать в нашей памяти, как в камне, что угодно. Камень ведь не становится умнее, когда на него наносят письма.

В журнале «Шпигель» Герберт прочел статью о женщине, которая ничего не забывала. Она мучительно помнила всю свою жизнь в мельчайших подробностях, боль, обиды, даты. Словно точно сработанный дневник ютился у нее в голове и преследовал сорокалетнюю бедняжку. А что, если ей предстоит прожить еще столько же? Еще четыре десятка лет, наполненных брызжащей рутиной, запечатлеет она в своей памяти!

— Итак, не тычьте в меня пальцем. Не оригинален, — возражал Герберт на критику своей литературной деятельности. — Ну и что? Критики травили всех: Пушкина, Гоголя, Тургенева... Вы оригинальны в своем бездействии? В отсутствии хоть какого-то позыва к самостоятельному творчеству? Вот и помалкивайте... Я буду водить рукой по бумаге с

тем упорным наслаждением, как каждый день вкушают пищу, как совершают однообразные ритуалы жизни, как молятся, в конце концов, — без права на пустомыслие и тарабарщину...

Пусть я пишу банальности и не очень разборчив в подборе слов. Но я уютно провожу жизнь, и даже острые на язык корифеи говорят со мной с нежностью...

На днях я разговаривал по телефону с Валентином Иосифовичем Гафтом после того, как он записал на диск мои тексты. Остряк, безжалостный изрыгатель эпиграмм показался мне добрым дедушкой: «Герберт, ваши тексты нужны. Они заставляют людей думать. Я сам хотел бы сказать половину из того, что вы написали...» А ведь поначалу не желал читать. Отбрыкивался от моего московского литагента Андрея. Но от него не уйдешь... И наконец великий Гафт явился мне и миру в виде проникновенного чтеца. Я написал ему благодарственное письмо:

«Дорогой Валентин Иосифович! Пишу «дорогой» не из фамильярности, а просто не знаю, как иначе выразить, насколько Вы мне оказались дороги! (И тут нет и намека на каламбур.)

Вся моя жизнь прошла под сенью Ваших ролей, Ваших реплик, Вашего неповторимого голоса, при звуке которого становится хорошо и уютно... От «Гаража» и «Бедного гусара...» до недавнего фильма «Двенадцать» — Вы мой чуть хмурый,

хрипловатый ангел-хранитель. Как Вы там говорите в последнем фильме: «принялись судорожно строгать детей...» — ну это ли не прелесть! Благодаря Вам я, несмотря на сороковник, только что родил сына, причем все от той же жены, что и предыдущих детей! Когда Вы по телефону сказали, какой у меня милый мальчик, я был поражен. Откуда Вы знаете о моем новорожденном? Но потом понял, что Вы говорили о литагенте...

Я как писатель с крайне болезненным воображением, писал письма многим: Сократу, Сенеке, Иисусу Христу и даже Винни-Пуху. Но то было творческим приемом, аллегорией, так сказать, бесплотной.

А теперь я пишу самому Гафту, и, не веря в реальность происходящего, сам себя все время исподтишка пощипываю (благо есть за что ухватиться...)

Андрей дал мне прослушать запись по телефону, и я был потрясен, несмотря на помехи, проистекающие из-за того, что Земля, как это ни досадно, по-прежнему кругла и неудобна в обращении.

Запись вышла совершенно гениальная! Это не просто высшая степень актерского мастерства... Это уже нечто другое. Просто какое-то метафизическое сроднение душ!

Спасибо Вам от лица многоликого человечества, которое, впрочем, к сожалению, вряд ли насладится в полном составе нашим

совместным трудом, ибо пока далеко не всё овладело русским языком...

Хотя вру! Вот ведь, случайно оказавшийся при прослушивании местный туземец, которому объяснили, что в телефоне, поставленном на громкоговоритель, звучит голос **величайшего артиста** России, долго вслушивался, и вдруг, узнав единственное знакомое ему по-русски слово «да», стал цокать языком и восторженно повторять: «Да! Да! Да!»

Проняло! Даже его проняло! Представляете? Значит, у Вашего тембра голоса, у пауз, у интонаций есть магия общечеловеческая!

Отдельное спасибо Вам за то, что Вы накормили, напоили и приютили «нашего мальчика» Андрея Виригина. Беря с Вас пример, я буду заботиться о нем в посильных пределах. Он — чудо.

Навеки Ваш
Герберт Адлер»

Я страдаю определенным минимализмом. Мне нужно писать, прилаживая знаки друг к другу. Я чувствую, что, как и многие, просто совершаю свыше предписанную волю... Вот и нежнейший артист Сергей Бехтерев умер, оставив после себя последнюю запись моих стихов. По моей просьбе редактор, знавшая его лично, написала некролог:

«Земля пустеет, когда уходят такие талантливые, светлые люди, как Сергей

Станиславович Бехтерев, и пустое пространство это заменить невозможно ничем, никем, оно так и остается навек пустым. Навек, навек, неизбывно. Мне кажется, его любили все, его нельзя было не любить.

Мне посчастливилось встретиться с ним год назад на Итальянской: мы записывали стихи замечательного поэта, прозаика, философа, драматурга Герберта Адлера. Это было в день рождения Сергея Станиславовича, и он был рад, что именно в этот день работает. Когда ему казалось, что он плохо прочел ту или иную строку, он останавливался, репетировал и читал заново, находя нужный ритм и гармонию. А мне нравилась каждая строчка, озвученная его голосом, я почти неостановимо плакала от счастья и замирала от звука и щемящей интонации его неповторимого голоса, и хотелось слушать и слушать.

В перерывах (а работали мы шесть часов) светло и благодарно говорил, какой хороший получился день рожденья (49 лет), потому что, конечно же, лучший подарок — это работа. Мы мечтательно строили увлекательные планы (создать театр Одного Актера, играть пьесы, читать стихи, прозу... а ничего не сбылось, кроме этой вот записи в светлый день рождения, хотя мы созванивались, я передавала ему тексты для работы, назначали встречи... не сбылось, не воплотилось, увы).

Человек уходит, и всегда внезапно и непоправимо. Такая беда. Такая потеря. И какое

счастье, что остаются фильмы, остается голос. Какое счастье, что остался диск с этой (неужели последней?) записью стихов Адлера. И можно вслушаться, что-то понять, что-то, пусть запоздало, еще раз услышать, расслышать, расшифровать, разгадать.

Слушаю все эти дни его голос — такой живой **здесь**, так рядом, такой близкий, но уже и знающий всё о том, что **там**, уже простившийся со всеми, уже простивший всех, кто его обижал (а сам он был ангел, он был Творец, он вряд ли мог кого-нибудь обидеть, разве что невольно), всех, кто его любил и кого он любил так щедро и доверчиво, — и голос уже звучит немного иначе, уже оттуда, как духовное завещание.

Мне хочется, чтоб не кончалась жизнь,
Чтоб было много мыслей и рассветов,
И я готов вселенную за это
Расцеловать в скопления звездных брызг...»

А потом на словах добавила, что он, бездомный, безбытный, ходил репетировать на мост через Обводный канал, чтобы тренировать связки и чтобы звуки голоса заглушал шум проходящих поездов.

От меня все это далеко и кажется непонятным. Я давно живу сытой жизнью, помогаю, кому получается, но всего этого мало. Ведь нужен эпатаж! Нужна трагедия! А я сижу дома и не кажу носа наружу. Там снова морозно... Опять

пришла зима. Мои стихи и тексты, отделившись, живут какими-то своими, неведомыми мне жизнями. И это хорошо. Значит, всё на месте. Мы не можем справиться с всеобъемлющим присутствием Господним. И дурные возражения атеистов тут ни при чем. Просто наша память не вмещает в свои дырявые закрома достаточно воспоминаний, чтобы сделать из нас завершенных, независимых существ. Независимых от Нечто, постоянно диктующего, надеющегося на нас. Неоригинально? Пусть... А что, молитвы должны быть оригинальными? Нет. Они как коды. Пароли, если хотите. Как ключи, открывающие тайные ларцы и воротца.

А эта женщина, которая помнит всё, — больна. Забвение — это счастье. Это привилегия. Это — чудо, если хотите.

8

— Андрей утверждает, что в России существует постановление о моем аресте. Не знаю, за что. Я отдал этой стране лучшие годы юности... Но вот уже столько лет весьма благоразумно там не появляюсь.

Герберт Адлер, как и многие обрусевшие немцы, не доверял России.

— Теперь в так называемых демократических странах не арестовывают за мысли и

высказывания. Нынче новая мода: найти другой повод, но добиться того же результата. Отмахнуться от назойливых высказывателей и деятелей, попутно превратив их в мелких жуликов из сутенеров непроклюнувшейся революции.

Вот и славненько. Теперь наши отношения с этой страной определились окончательно. Мне как бы и неловко выдавливать из себя желчную критику. Ведь скажут, что, ясное дело, злобствую от обиды и мести.

Экая я важная персона! Кому-то хочется заключить мое тело в каземат! Это ли не легенда, пафосная история с раздутыми щечками? Ну как об этом не писать, не помнить, не рефлексировать?

Обыкновенная история. Россия держит заложниками и приманкой моих родителей. Рано или поздно сыновний долг должен возобладать. Птичка впорхнет в клетку — она и захлопнется. Нет, конечно, тут нет и тени злоумышленного намерения. Всё случится само собой. Только недаром духовные люди говорят, что в мире не бывает ничего случайного.

Теперь мне нужно будет помалкивать, чтобы не испортить вкус. Мы должны нынче же отвернуться в разные стороны: Россия, как водится, на Восток, а я, разумеется, — на Запад.

Хотя я думаю, у нас еще будут взаимные сюрпризы.

Итак, мы приближаемся к окончательному апокалипсису. Тот, кто ликом черен и прекрасен, уже забрался на трон мира. Евреи уже собрались на Святой Земле. Гоги и Магоги точат сабли. Я молюсь и каюсь. Короче, всё в порядке.

И кто всё это выдумал? Что за громогласное стадо демиургов скачет и резвится вокруг наших душ и судеб? Бог их знает.

Принялся писать пьесу. Осилил набросок диалога и бросил.

— Ну, как дела на работе?

— А я ее бросил...

— Опять выгнали?

— Нет, на этот раз я сам.

— Не верю...

— Отчего же. Бывают и у меня высокие порывы! Да и невелика беда потерять вакансию ночного сторожа...

— Ты уже на полноги бомж... Как за квартиру платить собираешься?

— Ну и пусть выселяют! Квартирный вопрос — явление благородное. Сам автор «Мастера и Маргариты», говорят, готов был душу продать за хорошую квартиру!

— Э, куда хватил...

— А что, великие сделаны из того же мяса, что и невеликие...

— Мясо тоже бывает разных сортов... Бывает вырезка, а бывает и наоборот.

— Наоборот — это как? Ребрышки тоже ничего!

— Ты когда последний раз мясо-то ел?

— А я вынужденный вегетарианец... Картофелинку поутру скушаю, и хорошо... Картошка многое человеку может заменить.

— А ты, часом, рассудком не подвинулся?

— Ты погоди... Мне кажется, я вот-вот что-то докажу. Всем! Всем докажу!

— Сколько ж можно телиться! Жена от тебя ушла. Дочку увезла... Живешь, как вошь вокзальная!

— Просто нужно действительно захотеть...

— Ну, и чего же ты хочешь? Переспать с мисс Вселенной? Благо на этот раз она из наших. Так что, по крайней мере, нет языкового барьера!

— В любви нет языковых барьеров! А, что, можно и с мисс Вселенной... Только почему так пошло? Не переспать, а влюбить в себя! Втюрить до беспамятства!

— Бог тебе в помощь...

— А что мисс Вселенная?.. Это мелкогато. Я вот захочу — и полечу на Марс. Такое тоже бывает. Ну, есть же где-то там, в сумеречной тишине, такая планета!

— Ну, тогда что еще остается... Стать президентом?

— Само собой. Переспав с мисс Вселенной и слетав на Марс, стать президентом дело плевое.

— Пойду я. А то я гляжу, ты скоро в петлю полезешь...

— Это отчего же? Настроение у меня клевое.

— Вот поэтому и полезешь. Когда настроения нет, все из рук валится, даже петля.

Кто вдохновил? Многие спрашивали, как я вышел на Гафта? Откуда у меня такой литагент? Да ниоткуда... Андрей Виригин — бедный, неустроенный, тридцать с гаком. Живет на каком-то полустанке под Москвой. Я дал объявление (в приступе самогигантомании), что ищу критиков писать статьи о моем трепетном творчестве. Хам оказался. Обосрал мои работы за мои же деньги. Другой бы дел с таким не имел бы, а я терпеливый. Обосрал его обратно. Так и познакомились. Оказался бывший журналист-самоучка (отовсюду выгнанный). Я его попросил пробиться к великим артистам. Он нашел телефоны. Сначала ходил к Юрскому — тот отказал. А вот Гафт на третий раз согласился. Вот и вся история. Мои действия нетипичны?

Хороший вопрос. Нужно ли писателю беспокоиться о продвижении своих работ? Или должен явиться некий тайный помощник и развеять все проблемы? Лежит ли ответственность на том, кому чего-то там открылось, донести это до других? Многие не беспокоились. Многие сомневались. Может, то, что открылось, — вовсе неверно и не нужно. Орать на площадях — ума не надо. В этом деле

лишний ум — помеха. А может, это жалкие оправдания ленивых духом. Именно не нищих духом — таких у нас уже достаточно в Царствие небесное понабилось, — а ленивых духом. Нужно ворочаться. И тогда есть смысл в откровениях, снизошедших нам на лысину. Следовательно, нужно буквально учреждать предвыборный кампэйн! А ну-ка, быстро все читайте Герберта Адлера!

Я за два года написал несколько книг. Бывает же такое? Сначала говорил, что литература пишется для себя. Потом не выдержал. Увлекла меня лихостебельная скачка. Детектив выдал. Потом даже философско-эротический роман. Старался угодить незыблемому вкусу, а сам при этом себя насиловал. Вот редактор говорит — пьесу нужно, пьесу. Ну, пусть сама и пишет, благо ведь умеет. И хорошо умеет... А я вернусь к литературе для себя.

Я долго ждал дорогих гостей (понимающих, вдумчивых читателей). Наготовил для них блюд разной остроты. На любой вкус, ну, в силу моей неподатливой писательской сумки (писатели ведь существа сумчатые). Итак, стол накрыл. Сажу, жду. Некоторые блюда начинают портиться, а гости всё не идут. И мне предлагают приготовить что-то еще? Ну уж нет... Я лучше себе яишечку на кухне смастерю. Вот этот текст и есть такая яишечка. Извольте поверить — именно это и именно так мне в действительности хочется писать. Вот вам Герберт Адлер в

бесподобном обнажении его истинного творчества. Такая вот аллегория.

Скакать по ямкам, удобным и знакомым ямкам собственного сознания, плевать на стили и моды, любить этот миг соития автора с бумагой. Всё. Более ничего. А читатели? Они слишком заняты своими собственными наитиями. Бог с ними.

Я сделаю минимум максимума для того, чтоб они знали, что стол накрыт. Но не более. Не ждите от меня попугайства. Я сам всё съем беззаботно. Но минимум — это обязательно. Нельзя же ставить светильник под корыто, а надо его, как город, — на гору!

А все-таки интересно, за что меня хотят арестовать в России?

9

Историческая память еще subtilнее, эфемернее и папироснее, чем индивидуальная. Там тоже, конечно же, случаются дежа вю, но в основном напрочь, в прах истираются воспоминания о колоссальности всяческих бесчинств и беззаконий.

Трудно вообразить себе, сидя в уютной гостиной, что за стенами нестойкого жилища резвятся ветры в преддверье окончательного урагана. Так и нам за тонкими стенками черепных коробок сладко и безбрежно-покойно.

А на улице идут, идут расстрелы. Они ведь фантастически невероятны. Обречены на проживание в пахнущих канцелярской краской страничках. Но ведь было же! Было! И самое страшное, что неизбежно снова будет! И не важно, кто ведет расстрелы — фашисты, или коммунисты, или какие-нибудь невообразимые будущие «-исты»...

Певучие строки, скандальные годы... Куда укатилось всё это бесшабашное упоение смертью? Никуда. Оно дремлет у нас под кроватями. В наших книжных шкафах оно закономерно расправляет затекшие конечности и вот-вот снова прыгнет в мир. Ведь всё осталось неосознанным, непонятым, неразрешенным. Кто кого? За что? Память отшибло! Насовсем?

Друг Герберта Адлера поселился в Кёльне. А был просмоленным насквозь евреем. Боялся фашистов даже в снах. А тут ничего, акклиматизировался. Через некоторое время забыл генетический страх и исторические обиды. Хотя фашисты в его семье уничтожили десятерых. Но современные немцы вроде как бы и не те, и убивали вроде бы не нас...

— Такая прелесть эти немцы! — говорил он Герберту по телефону. — Такие культурные, обходительные, образованные...

— Да, действительно замечательная нация...

А ты не выяснял у моей *мечтательной* нации, какая муха их укусила шестьдесят лет назад?

— Видишь ли... Такая исключительная нация, а их унизили после Первой мировой. Кроме того, рассказы белогвардейцев о зверствах евреев-коммунистов, да и засилье банкиров, промышленников той же масти...

— Ты понимаешь, что говоришь словами «Майн кампф»? — спросил Адлер.

Друг немного смутился и решил свести всё к шутке. Но как естественно в него проникли эти аргументы! Лучше бы люди были совершенно безмозглыми комками фарша, чем такими мыслящими бодрячками.

Буквально на следующий день:

— Поехал посмотреть собор... А союзники его почти весь разбомбили. Варвары...

— Это союзники-то варвары? Немцы же им пол-Лондона снесли!

— Я вообще не понимаю, что было делить двум арийским народам...

Наверное, он шутил. Друг очень умный и все время шутит. Как там у Борхеса? «К выдумкам диктатуры неприменимы слова “вера” или “недоверие”; они относились к промежуточному уровню существования, прикрывая или оправдывая пакостную и людоедскую явь». Так по Борхесу и получился из друга «полугерманец-полуиудей, с его печалью, пылом и смешком».

Воистину, мысли далеко заводят. Уже и околица осталась позади. Темнеет лес, и его колья пронзают надлежащие тучи, а те кровоточат едва просочившимся дождем. А мы всё следуем и следуем впотьмах, и чаша смыкается над нашими бедовыми головами. Но ты *«не убоишься ужасов в ночи, стрелы, летящей днем...»*, ибо дальше следует лишенный рек и иссушенный горячими пыльными ветрами ад. В него мы входим незаметно. Вообще, если бы сатана подкрадывался явно, предъявляя визитную карточку, он давно потерял бы свои завоеванные позиции. Он обволакивает нас непринужденно, пытается слух воистину красивой и поблескивающей в лучах правды логикой. А

там целые Галереи символов. И попробуй отличи, что от Господа, а что от лукавого. Почему намеки? Зачем сны? Господь не желает говорить с нами на нашем языке. Он учит нас Своему. Естественные понимания слишком просты, чтобы вместить в них много смысла? Поэтому Господь учит нас Своему языку, через который мы сможем понимать несравненно больше? Но мы ничего не понимаем! Мы никогда ничего не понимали!

На днях Герберт Адлер что-то оплачивал в кассе, и продавщица угадала, о чем он хотел ее спросить. Он пошутил, что в ответ попытается прочесть ее мысли. Она сказала: «О! Не заглядывайте в мои мысли! Там такой ужасающий мрак!» Чистенький халатик. Пристойный, неинтересный вид. А внутри мрак! Как такое? Зачем?

— А я что? А у меня не мрак? Кто глаголет моими устами? А ведь следовало бы давно уже себе на носу зарубить: «Молчи, если не уверен! Молчи, если не в духе! Молчи, если нет мира в сердце! Молчи, если это принесет кому-то вред!» А я все глаголю и глаголю... Зачем?

Проблема истинной веры и писательства не нова. Как все ополчились на Гоголя, стоило ему заговорить о Боге и вере. Недаром он писал: «Бог милостив. Не он ли сам внушил стремление поработать и послужить ему? Кто же другой может внушить нам это стремление, кроме его самого? Или я не должен ничего делать на прославление имени его, когда всякая тварь его

прославляет, когда и бессловесные слышат силу его? Мне ставят в вину, что я заговорил о Боге, что я не имею права на это, будучи заражен и самолюбием, и гордостью, доселе неслыханною. Что ж делать, если и при этих пороках все-таки говорится о Боге? Что ж делать, если наступает такое время, что невольно говорится о Боге? Как молчать, когда и камни готовы завопить о Боге? Нет, умники не смутят меня тем, что я недостойн и не мое дело, и не имею права: всяк из нас до единого имеет это право, все мы должны учить друг друга и наставлять друг друга, как велит и Христос и апостолы. А что не умеем выражаться мы хорошо и прилично, что иногда выскочат слова самонадеянности и уверенности в себе, за то Бог и смиряет нас, и нам же благодетельствует, посылая нам смирение».

Иногда, чтобы понять состояние собственного духа, нужно писать. Ибо внешне все спокойно и благопристойно. А тут вдруг такое на бумагу выплеснется, что и не знаешь, откуда оно пришло! Хватит во всем обвинять туманное бессонное подсознание. Легко все сбросить со счетов. Мол, живет в нас этот вольный безумствующий демон, и имя ему Подсознание. Просто и удобно. Поделаться с этим бесом нечего. Молитвы не помогают. Батюшка бессилен. Кто-то сказал: «Слова бессильны, от них остаются одни лишь восклицания». А кто-то другой добавил: «Человек бессилен перед липким страхом». Ничего не попишешь, такова наша природа. Мрачная и неуместная.

Сны чаще всего вызывают чувство досады. Несмотря на то что словно бы отрезвляешься предутренним всплеском бодрствования, все же там, позади, зиждется нечто досадное и непокорное, как родительский упрек, как взгляд исподтишка.

Нам не дано управлять своими снами, и в них выплескивается все ничтожество нашего брожения по тропам осеннего мира. И мыслящий ли ты человек, или так, распутившийся недоумок, — не важно. Сны обволакивают тебя своей блеклостью и неразрешимостью. Давно ли вы получали удовольствие от сна? Я имею в виду не сам процесс отдыха, а его содержание?

Почему наши сны не полнятся надеждами, радостью, смехом? Нет, что-то серенькое, отталкивающее селится и гнездится там, и быстро хочется забыть его, но ощущение растерянного опустошения остается на все утро, если не на целый день.

Нужно больше смешить себя и других. Может быть, тогда неприятное присутствие снов отступит или наполнится светлым, веселящим содержанием!

Герберт Адлер давно хотел решить для себя, какие закономерности присущи смешному. Ведь ясно, что шутки, остроты, приколы можно классифицировать и выяснить, почему они вызывают смех. Умеющий смешить имеет безусловное преимущество. Ведь смех вызывает у человека чувство удовольствия, причем не

простого физиологического, но и душевного, интеллектуального, если хотите.

Итак, хочешь привлечь внимание — научись шутить. Говорят, что смехом можно разрешить то, что иначе осталось бы неразрешенным. Однако не бывает смеха просто так. Во всякой шутке должна присутствовать жертва. Пусть даже неодушевленная, но жертва. Без жертвы шутка невозможна. Может быть, поэтому смех считается грехом... Существуют ли безобидные шутки? Всегда, пусть с натяжкой, можно найти жертву.

Жертва — это старая валюта обнищавшего мира. Без жертвы мы не можем. Все кажется тусклым и недостаточно пикантным на наш человеческий вкус, а тяжеловесность наших взглядов часто облегчается слезами, приносимыми в жертву обезлуненной ночи.

10

Я снова пью. Зачем?

Голова раскалывалась на тысячи змеиных головок.

У меня же недавно был запой! И опять? Всё. Это последний раз. Или лучше постоянно потихоньку пить? Жаль, потихоньку я не умею. Может, нужно строго и категорично принудить себя закодироваться? Хотя бы на год? И жить.

Трезво жить, чтобы умереть, или пить, чтобы выжить?

Просто даже не знаю что... Да и можно ли жить трезво, когда по городу ходит убийца отца?. Причина, конечно, крутая, чтобы не просыхать. Но не пить же целое десятилетие? Я и раньше ведь пил, до гибели отца... Бывшая моя жена Лиля, ядовитый цветок, говорила, что у алкашей всегда есть повод и оправдание. Что каждое пьяное чудовище мнит, будто у него израненная трепетная душа... С чего она взяла, что я чудовище? Что я ей сделал?

Лиля. Два месяца прожить и сбежать беременной очертя голову... Это ж надо ухитриться — довести женщину до отчаянного бегства? А уж чтоб ножом пырнула? Или я и впрямь чудище страшное? Что такое я делаю, что становлюсь нестерпимым для людей? Жена говорила... Много острых слов говорила она. Что основная черта моего характера — самодурство, доведенное до абсурда. Что у меня в мозгу осталась одна извилина, отвечающая за самомнение, а все остальные человеческие черты давно смыты пивом.

И все ведь пьют, но не на всех жены с ножом кидаются. Наоборот, возятся, спать укладывают, ботинки снимают, бутылочку на опохмел покупают... Короче, по-доброму, с пониманием относятся. А тут прямо что-то страшное!!!!

Смешно, но безверие совершенно не мешает дремучему суеверию. Я жутко суеверен. Более

того, сам придумываю себе суеверия. Если вижу нож — стараюсь его спрятать подальше. Видимо, никак не могу забыть тот проклятый вечер, когда я приехал к Лиле. От меня ее увез отец. Беременную. Он меня сразу возненавидел. А она, сбежав от меня в другой город, потом, видимо, раскаялась...

Наш ребенок к тому времени уже родился. Она позвонила, позвала. Я всё бросил... В общем, и бросать-то было нечего. Приехал. Прожили две недели. Опять началось. Я ревновал ее к прежним хахам. Я ей сказал, что у меня уже есть другая женщина. (Ну, было пару раз, так, по пьяному делу...) А она пошла на кухню. Я думал, она там плакать будет. Как бы не так. Я вошел, а она неожиданно пырнула меня кухонным ножом в живот. Я ничего не успел сообразить. Смотрю — кругом кровь, какая-то неестественно алая. Даже не сразу понял, что это моя кровь, что это кровь вообще... Она тем временем спокойно вызвала милицию и «скорую» и сказала им, что я сам себя пырнул ножом. Я, конечно, подтвердил. Подписал протокол. Кормящая мать... Малюсенький ребенок. Она знала, что я не выдам.

Мне сделали перевязку. Пырнула неглубоко, так, мышцу разрежала, а брюшину не проткнула и органов никаких не повредила. Как выразился один мой друган — побаловалась. Хотела бы убить — убила.

Ее отец сунул мне денег и выселил в дурную гостиницу. Я оклемался и уехал к себе.

А она меня до сих пор любит. Давно замужем за кем-то, а я знаю, что любит... А я ее — нет. Как женщину, да, именно как женщину, я, может, ее и хотел бы, но не более. Хотя и выгляжу, как бомж, а все же глубоко всадил себя ей в сердце. Она мне — нож в живот, а я ей — себя в сердце... Вот такое взаимное проникновение.

Не так давно потряс меня один случай. Я подходил к дому и наткнулся на бомжа, он умирал прямо на тротуаре. Я наклонился, и он вцепился в мой шарф. Было холодно. Он весь дрожал.

— Вызови «скорую»! Я умираю!

Ну, у меня тогда еще был мобильник. Я вызвал. Прождал на морозе не меньше часа. Они приехали, увидели, что он бомж, и бросили там же, на улице. Что мне было делать? Тащить его к себе? Я сказал: «Прости, браток», и ушел не оборачиваясь. А вслед неслись его стоны. Такие громкие, будто наигранные, ненастоящие... На следующее утро дворник аккуратно передвинул мертвое тело в сторонку, закрыв ему лицо варежкой. Потом его как-то быстро увезли. А ведь было это в двух шагах от моего подъезда. А что, если я мог его спасти? Может быть, он не был смертельно болен, а просто замерзал? Мороз-то был знатный.

И что бы я себе ни шептал, что бы ни внушал своей совести, не идет у меня из памяти этот бомж. Вот не идет, и всё. Острее, чем кухонный нож моей бывшей женушки, запал мне в душу.

Как такое объяснишь? Богом? Совестью? Где были хваленые благоверные христиане? Почему я, безверный, должен был час стоять на морозе и ждать коновалов?.. А они, Гиппократ им в задницу, бросили его умирать. Протокольно, правомерно, бесхитростно.

И что во мне говорит? Сострадание к этому совсем незнакомому человеку? Страх закончить таким же образом? И то и другое одновременно? Рвотный рефлекс на разглагольствования о бессмертии души и любви к ближнему?

Мой бывший благодетель Герберт Адлер — неофит. Воцерковился. Просто анекдот. Часами обращал меня в православную веру. А я ответ всё про бомжа умершего талдычил. Нет и не может быть Бога в мире, в котором происходит такое. А сам думал об отце и нащупывал шрам от ножа. Я как-то даже рассказал Адлеру про этот шрам на моем левом боку.

— Ну, что ты можешь сказать о моей благоверной?

Адлер, почмокав губами в телефонную трубку, промолвил:

— Она у тебя правша.

Пинкертон хренов. Всё увещевал:

— Ступай в церковь, спроси, где ставить за упокой, поставь свечку за отца. Потом поставь за здравие, за мать и сестру, и помолись.

— Не умею я молиться!

— Тут и уметь нечего... — Было видно, что Герберт и сам еще не очень умеет. — Ну, скажи от себя, скажи просто: «Господи, Боже мой, прости мне все грехи мои...»

— Да какие у меня грехи? — сразу перебил я его.

— Мне тоже поначалу казалось, что я безгрешен. И что, думаю, я на себя наговариваю? А потом потихоньку такое сам в себе нашел — и ужаснулся. Молитва и покаяние, видимо, для того и нужны, чтобы самого себя внимательно разглядеть...

— Да некогда мне молиться.

— А ты молись, когда есть когда!!! Не человек для молитвы, а молитва для человека!

— Герберт, отстань. Ты хочешь, чтобы я обращался к тому, в кого не верю? Это всё равно, как если бы ты попросил меня обратиться с мольбами к шифоньеру. Только с Богом еще хуже. Шифоньер-то вот он. А Бог где?

— Пообещай мне, что сходишь в церковь.

— Да уймись ты. Был я в твоей церкви.

— Когда?

— Когда на Лиле женился.

— Вы что, венчались?

— Нет, просто после загса зашли. Она захотела. Ну, походили, посмотрели и вышли.

— Шесть лет назад?

— Ну да... Еще как-то в застолье с одним батюшкой пообщался. Тоже без толку.

Короче, насилиу я от него отвязался, от Адлера. А тут как-то шел мимо церкви. А что, если и правда зайти, думаю. Подошел к двери, даже за ручку взялся... И словно бы сила невидимая меня остановила. Не могу, и всё. Ну не могу!

Адлер сказал, это бесы. Сам он бес. Я ему про Настю рассказал. Никому, только ему. Фотокарточку показал. (В Интернете разыскал, сейчас нетрудно.) Он говорит:

— Не переживай. Она твоя будет.

Так уверенно сказал, будто кто-то ему продиктовал.

— Спасибо, Герберт, — говорю, — спасибо. А почему ты так решил?

— Не знаю... По карточке видно.

Я обиделся.

— Ну, фотография не передает... Да и не понимаешь ты ничего, Герберт. У тебя, кроме твоей жены, женщин не было.

— Мне и не надо.

— И вообще, как это ты, такой весь из себя православный, а мою связь с замужней женщиной одобряешь?

— Не знаю... — Герберт помолчал. — Может, она не в церковном браке живет. А это — блуд. Тогда нет ничего дурного в том, что ты желаешь

взять блудницу в жены. Ты ведь готов на ней жениться?

— Да!

— В церкви?

— Хоть в мечети!

— Ну вот видишь.

— Вижу... Вижу, Герберт, все вижу. Дерьмо твоя религия. Зря только свечки переводите. И лицемерия в вас не меньше, чем в какой-нибудь фарисейской шайке.

— Что же тебе нужно, чтобы ты поверил? Чудеса? Но ты скажешь — фокусы. Перемену судьбы? Ты скажешь — случайность! Что?

— Ну а зачем, мне, Герберт, верить? Двадцать первый век на дворе. Рехнулся ты со своими дряхлыми проповедями.

— Да потому что ты не живешь. Ты словно змей ползучий...

— Иди ты...

— Вот и сквернословишь...

— Я тебя сейчас еще и побью.

— По телефону?

Так и поговорили. Значит, бесы меня колбасят? Хорошо. Но проблема заключается в том, что я и в бесов не верю. Есть такие индивидуумы, которые в Бога не верят, а в дьявола верят. Есть — наоборот. А я теперь — полный ажур. Ни в бога, ни в душу, ни в мать... Вот только разве в сатану. И то только когда в подпитии.

Вчера виделся в издательстве с Настей. У нее и впрямь синие глаза или мне только кажется? Нес всякую чушь, как всегда. Был очень скован. Познакомиться бы нам лет пятнадцать назад, в блаженную пору нашей совместной юности. Она всего на год моложе меня, но как много осталось в ней от чистой, наивной девочки. Просто удивительно. Вполне возможно, она относится ко мне с тем презрением, которого я заслуживаю.

Один мой кореш зовет на выходные в интим-салон. Не пойду. Он хочет взять себе двух девушек одновременно. Наверное, я очень странный человек. Не могу представить близость с женщиной, если вижу ее впервые. Даже если она очень красива. За редчайшим исключением. С алкоголем, конечно, эта странность пропадает. Кстати, через несколько минут начинаю алкоголизацию, три бутылки пива принесены из универсама и ждут меня. «Вы снова ступили на этот топкий путь», — сказала мне Настя. Но теперь, когда в моей жизни появилась Вета, все будет иначе!

Мне написал по поводу Герберта Адлера один юноша из-за границы. Он, видимо, знаком с ним лично. Пишет, что Герберт «метит стать священником».

Вступивший в возраст Христа Андрей Виригин выглядел гораздо моложе своих лет. Печальный взгляд светло-зеленых глаз, некоторая скованность движений, подчеркнутая, порой наигранная вежливость. Он казался себе приятным и предельно искренним собеседником, однако подчас его искренность и откровенность шокировали.

Деловые, как, впрочем, и дружеские отношения между Гербертом и Андреем пришли к логической развязке после третьего запоя. У Герберта стало туго с деньгами, терпением, да и вообще ему показалось, что довольно тешить свою гордыню писательством.

Выйдя из запоя, Андрей, однако, пришел в бешенство. Он еще дрожащими пальцами заполнил Интернет потоком хмурой желчи. Наиболее полной была статья: «Как я был агентом дьявола».

«Герберт Адлер — западный бизнесмен, родом из России, без всяких на то оснований вообразил себя гениальным писателем. На родине находится в розыске уже более двадцати лет.

Герберт — совершеннейший невежда, нахватавшийся верхов в литературе и философии, представляет собой нечто среднее между Остапом Бендером и Хлестаковым. Любит “сильные” фразы, как, например: “Когда я жил в России, от меня вся страна плакала”. А его болезненное самолюбие, тщеславие... Однажды я отозвался об одном своем знакомом как об очень

талантливом писателе. “Ты в присутствии девушки тоже расписываешь достоинства других?” — раздраженно спросил Герберт. Если в Интернете появлялся чей-либо негативный отзыв на его книгу, он немедленно рассылал письма своим платным клеветам: “Напишите ему, этому умнику, что он козел”. К сожалению, подобными инвективами приходилось заниматься и мне.

Адлер обожает давать советы. Помню, он прочитал мне длинную лекцию на тему соблазнения замужних женщин. Дескать, для того, чтобы увести девушку, надо втереться в доверие к ее мужу, стать его лучшим другом. Так Герберт и поступил много лет назад в России. Та девушка — его нынешняя жена Эльза.

Мои откровения могут быть восприняты как месть за увольнение. Ради бога. Каждый волен воспринимать мои слова, как вздумается. Не скрою, поначалу мной и в самом деле двигало желание отомстить, но постепенно чувство мести сменилось потребностью предупредить литературный мир о том, что в нем действует проходимец. Не могу сказать, что Адлер — плохой писатель. Адлер — не писатель вообще. О чем говорить, если он страдает дисграфией, делает ошибки в простейших словах! Даже автоматическая проверка орфографии не всегда его спасает.

Прошлым летом я увидел его объявление на одном из сайтов поиска работы. Предлагалось писать рецензии на его произведения за весьма

привлекательные гонорары. Желающих, если мне не изменяет память, набралось более сотни. Я написал две статьи, получив за первую 500, а за вторую 350 долларов через систему Western Union. Видимо, чем-то я приглянулся Адлеру, и он предложил мне стать его представителем в России. Впрочем, с юридической точки зрения литагентом я никогда не был. Доверенность на ведение своих дел Герберт на мое имя так и не оформил. Жалование начислялось на кредитную карточку одного из американских банков. Налоги с этой суммы, разумеется, не платились. Что входило в мои профессиональные обязанности? Например, я осуществлял взаимодействие с издательствами. В начале этого года в одном из столичных издательств вышел роман Адлера. Само собой, на деньги Адлера же. Он попытался написать эротический бестселлер а-ля Владимир Набоков или Генри Миллер. Вместо «клубнички» получилась развесистая клюква. Помнится, он жаловался мне, что работать над книгой было мучительно трудно, он-де уже три года сидит на мощнейшем антидепрессанте прозак, напрочь убивающем половое желание.

Видимо, Адлер начал принимать прозак, когда у него возникли проблемы с душевным здоровьем. Об этом упоминается в автобиографическом романе «Непротивление счастью», где, по его же словам, нет ни капли вымысла, за исключением одной проходной сцены. Там даже электронные письма приведены без изменений. Существование книги скрывается от московских

родственников его зятя. Адлер познакомился с молодым человеком по имени Альберт по Интернету, выдавая себя за Энжелу, и уговорил его приехать к ним в гости. Такие вот у Герберта Адлера забавы.

Прошлой осенью Адлера охватило желание записать аудиозапись своих рассказов в исполнении одного из знаменитых российских актеров. Сначала я пытался договориться с Сергеем Юрским. Ответ был предсказуем — проза убогая, графоманская, читать не буду. Мне довелось поговорить с Сергеем Юрьевичем после моего увольнения. Он сказал: «Андрей, вы грешник. Вы были агентом дьявола. Этот человек хочет всех купить». Поразительно, этот вывод он сделал исключительно на основе нескольких десятков страниц адлеровской прозы!

История едва не повторилась и с Валентином Гафтом. Отказывался он, если не ошибаюсь, трижды. Однако каким-то непонятным для меня самого образом мне все-таки удалось добиться его согласия. Так появился компакт-диск, режиссером и продюсером которого я стал. Знаю, что Валентин Иосифович сейчас сожалеет об этой работе. Он запретил продавать диск в фойе «Современника» перед спектаклями.

Адлер не гнушается никакими методами для достижения своих целей. Одним из способов заявить о себе в полный голос был банальный спам. За восемнадцать тысяч рублей он заказал через меня рекламную рассылку на один миллион электронных адресов русскоязычного

сегмента Интернета. В прошлом году в Петербурге умер актер Сергей Бехтерев. Так вот, Герберт Адлер устроил на его похоронах рекламную акцию по распространению компакт-дисков с записью своих стихов, когда-то прочитанных Сергеем.

У Адлера есть агенты и в других странах. Во Львове живет некая Елена Мах. Именно ее перу принадлежит большая часть панегириков в адрес Герберта, размещенных на форумах сетевых библиотек. Она создала Интернет-ресурс, который выдается за сайт поклонников творчества Адлера. На самом деле он появился благодаря деньгам Герберта, а не его несуществующим поклонникам. В своем подбострастии Мах дошла до того, что однажды попросила Адлера выплатить ей зарплату его книгами.

Я знаю, на кого он меня променял. Не уверен, что эта девушка, эта Вета, является литагентом в полном смысле слова, но то, что она — единственный представитель Герберта в Москве, я знаю совершенно точно. Она родилась на Украине и каким-то образом умудрилась получить два паспорта: украинский и российский, хотя в этом случае двойное гражданство не предусмотрено. Мы познакомились в марте в Литинституте, где Герберт оплатил мои курсы корректоров. Подошла, попросила закурить. Денег у нее тогда даже на сигареты не хватало. А одевалась как, боже мой!..

Я убедил Адлера заказать ей редактуру одной из его книг, выдал аванс из собственных средств. Когда Герберт увидел ее фото, то сказал: «Андрюша, найди себе нормальную девчонку. Жалко тратить деньги на такого заморыша». Очевидно, у него проблемы не только с литературным вкусом — девушка-то симпатичная. И необычная. Говорила, что может провести меня на закрытые вечеринки для геев и лесбиянок. А однажды я увидел вместе с ней некую Алену. Выяснилось, что та давно влюблена в Вету, переехала ради нее из Питера в Москву и поступила в Литинститут. Такая история. Что ж, бывает — совсем недавно мы с Ветой ходили по Тверской взявшись за руки, а теперь оказались по разные стороны баррикад. Меня это мало удивляет.

Почему же я был уволен? О, это совершенно замечательная история! Между прочим, в свое время Герберт клялся мне в вечной дружбе, хотел заказать майку с моей фотографией, едва ли не рыдал в телефонную трубку, узнав, что Гафт записал в студии его рассказы...

Несколько месяцев назад Герберт принял православие, после чего его душевное здоровье, и без того небезупречное, серьезно пошатнулось. Стараясь убедить в необходимости поверить в Бога, он отправлял меня с поручениями в разные приходы. Как-то сказал: «Мне что с тебя, потребовать письменное подтверждение от настоятеля одного из храмов в том, что ты являешься его прихожанином?» А однажды и

вовсе стал уговаривать поступить в духовную семинарию. Да-да, представьте себе. Сотрудников своей компании он заставляет молиться за успех их бизнеса, свято веря, что увеличение доходов напрямую зависит от искренности и продолжительности молитв. В конце концов Герберт обвинил меня в гордыне и уволил. Наверное, я единственный работник в мире, уволенный с такой формулировкой.

Но это не все. Незадолго до увольнения у меня похитили карту американского банка, на которую начислялась зарплата. Я попросил Герберта помочь ее восстановить. Вместо этого он распорядился перевести все мои деньги на свой счет! В одночасье я остался без копейки. Правда, потом он перевел большую часть, но, скорее, чтобы потешить свое христианское тщеславие.

Хочу предупредить всех — услышав фамилию Адлер, знайте, что речь идет о мошеннике от литературы, человеке без принципов, который для достижения своих целей не останавливается ни перед чем!»

Самому Адлеру Андрей написал так:

«Герберт, я отказываюсь от тех стодолларовых еженедельных выплат, которые ты мне предлагал в качестве пожизненного пособия. Получать деньги от такого человека, как ты, для меня неприемлемо. Мой долг — предать нашу историю огласке, что я и сделал. На твоей литературной карьере это не скажется (трудно

сказаться на том, чего нет), а вот по бизнесу и твоей новоявленной карьере в православии может больно ударить. Все, что содержится в этом материале, — правда в высшем значении слова, и ты об этом прекрасно знаешь.

Интересно, как ты отреагируешь. Ну скомпрометируй меня, что ли. Я тебе сам этот компромат подкину. Андрей Виригин — хронический алкоголик, не раз допивавшийся до *delirium tremens*, в просторечии “белочки”, сломавший нос своей беременной жене, дочери миллионера и т. д., и т. п. Всё это бесполезно — я стою на низшей ступени социальной лестницы (курьер с зарплатой 15 тыс. руб.), мне ничто не может навредить.

Я полностью согласен с бывшим бой-френдом твоей дочери (милейший, должно быть, человек) в том, что ты лицемер. Я же лицемерить не умею, даже за деньги пишу и говорю то, что думаю. Помнишь, когда в самом начале нашего знакомства я говорил тебе о своем прямодушии, ты советовал мне “покриветь”? Нет, Герберт, я останусь честным перед собой до конца. И уж конечно, никакой ты не дьявол, Юрский тебе польстил. Масштаб не тот. Так, мелкий бес. Что касается меня, то я давным-давно мертв. Осталась лишь телесная оболочка, лишенная желаний и страстей. Когда мне сделали запретительный укол, у меня взяли кровь на ВИЧ. На днях я узнал, что тест положительный. И это очень странно, учитывая то, что я не гей и не наркоман. Итак, СПИД скоро сведет меня в

могилу. В прошлом декабре после запоя у меня начались слуховые галлюцинации. Два голоса обсуждали меня, не давая уснуть. Они называли год моей смерти. Уверен, так оно и будет. Adieu! Сделаю все возможное, чтобы меня похоронили НЕ по православным традициям. Кремация, после чего прах в Москву-реку — вот мой выбор.

Андрей Виригин,

(тот самый, кого Валентин Гафт называл талантливым мальчиком и самородком, а девушка Вета симпатичным молодым человеком, самым неадекватным из тех, что ей встречались)».

Герберт ничего не ответил Андрею.

12

Апостол Андрей последовал призыву Спасителя и остался верным ему до конца.

Апостолы не сразу всецело посвятили себя апостольскому служению. Из Евангелия мы знаем, что братья Андрей и Симон Петр с братьями Иоанном и Иаковом должны были на какое-то время вернуться к своим семьям и заняться своей обычной работой — рыбной ловлей. Несколько месяцев спустя Господь проходя мимо и увидев их ловящими рыбу,

сказал: «Идите за мной, и Я сделаю вас ловцами человеков». Тогда они оставили свои лодки и сети и последовали за Христом, став Его учениками.

Андрей, ранее других апостолов последовавший за Господом, стал называться Первозванным. Он пребывал с Христом в течение всего времени Его общественного служения. После Воскресения Спасителя апостол Андрей Первозванный вместе с другими учениками удостаивался встреч с Ним и присутствовал на Елеонской горе, где Господь благословил их. И узрели апостолы, что Господь медленно начинает подниматься от земли, светлое облако скрывает Его от их взоров, небеса принимают в сокровенные недра свои...

Чрез Вознесение Господа падшее человечество Христом возводится от земли, тления и смерти к нескончаемой жизни на небе. Христос, воскреснув силой Своего Божества, чрез Вознесение удостоил обоженное и одухотворенное человеческое естество величайшей чести и славы восседать одесную Отца.

Вознесшись на небо, Господь не оставил землю Своим Божественным присутствием. Он стал еще ближе к человеку, ко всем верующим в Него. Ныне Он находится на земле не только вездесущим Своим Божеством, но и в великом и пренебесном таинстве Евхаристии — Божественных Тела и Крови Его, которых

приобщаются верные. Преславное Вознесение Спасителя на небо было продолжением и завершением прославления Его, которое началось в Воскресении и основанием которому послужил Крест Христов. Здесь совершается и завершается таинство Домостроительства нашего спасения Христом в Его пребывании плотию на земле.

Вознесение Иисуса Христа на небо вместе с тем открывает для всех верующих в Него путь к небу, к вечной жизни, подобно тому, как Его смерть и Воскресение есть победа над грехом и смертью для всего человечества. Христос вознесся на небо, как первенец из мертвых, представив в Своем Лице начаток искупленной и возрожденной Им человеческой природы. Он взошел со славой к Светонамачнику Отцу Своему, Крестом Своим разрушив древнее осуждение человечества и преграду между человеком и Богом.

Произошло это на десятый день после Вознесения и на пятидесятый после Воскресения Христова. Апостолы и Дева Мария в этот момент находились все вместе в горнице в доме на иерусалимской горе Сион. Они усердно молились. Вдруг раздался шум, и на каждого из них сошел огонь в виде языков пламени. Это был Святой Дух, появления Его перед Вознесением велел ждать Иисус.

И тут апостолы заговорили на неведомых им языках. Да и откуда им было их знать, иностранные-то языки? Говорили они на родном

арамейском, может, немного по-гречески. И не просто заговорили, а начали проповедовать величие Божие. В это время в Иерусалиме собралось много иудеев из других стран по случаю праздника Пятидесятницы, который посвящен тому, что на пятидесятый день выхода из Египта Моисей получил Тору на горе Синай.

К тому времени не одно поколение евреев жило за пределами Палестины. И для многих из них родным языком был тот, на котором говорили в стране их обитания. Много ли современных евреев, живущих, например, в Литве, знают иврит? Та же языковая ситуация была и тогда. И вот они слышат родную речь. Многих это удивило. «Не все ли они галилеяне? Как же мы слышим каждый свой язык, в котором родились? Как они могут говорить нашими языками о великих делах Божиих?»

Что может быть труднее, чем изъяснить божественное откровение на человеческом языке, при том, что слушатели не желают слушать? Уши их закрыты... Недаром еще Иисус Христос повторял: «имеющие уши да услышат...» Необходимо вмешательство чудесной силы, которая заставила бы людей воспринять то, что говорили им апостолы, в большинстве своем не искусные ораторы, а простые рыбаки и ремесленники.

Петр произнес перед собравшимися пламенную проповедь. Результат не заставил себя ждать: около трех тысяч человек приняли крещение.

Таким образом, на земле начала складываться Церковь Христова.

Церковь родилась не только из-за численного увеличения верующих. А из-за того, что, наконец, Бог проявил себя в трех лицах. В Ветхом Завете Он — Творец мира, Бог-Отец. В Новом Завете проявляется вторая ипостась — Бог-Сын, Иисус Христос. И в день Пятидесятницы явилось третье лицо Божества — Бог-Дух Святой.

Святой Дух — это не только источник вдохновения и творческих озарений. Это начало и причина всего живого. Поэтому Его называют Животворящим.

После сошествия Святого Духа апостолы бросили жребий, кому в какую страну следует идти для проповеди Евангелия. Этот удел составили: Малая Азия, Балканский полуостров, берега Черного моря, Грузия, Крым и Россия.

Церковное предание сохранило память об апостольских странствиях. Одно из них святой Андрей совершил с апостолами Петром и Матфием в Антиохию Сирийскую и в Синоп, на южном берегу Понта Евксинского (Черного моря).

В Синопе иудеи заключили апостола Матфея в темницу и намеревались умертвить его. Апостол Андрей поспешил в город, двери темницы пред ним раскрылись и оковы с узников пали. Далее апостол Андрей отправился на Восток...

Почему эти люди были готовы посвятить всю свою жизнь, все свое существо одной цели? Как уверовали всецело и безвозвратно? Почему ныне нам так трудно следовать учению Христову до конца? Одна надежда на Духа Святого... Призывайте Его! Он вел апостолов, Он поведет и нас...

13

Литагентша Елена Мах написала Герберту:

— Я давно являюсь вашей почитательницей. Читала все ваши книги и очень люблю их. Знаю также, что вы воцерковились и даже готовитесь принять сан священника. Видела ваши фотографии, связанные с вашей церковной деятельностью. Взгляд спокойный, умиротворенный. Вроде бы все нормально... Но что-то меня продолжает мучить. Я вас не узнаю!

Как известно, кому многое дано — с того много и спросится. Так не возникает ли у вас мысли о том, что когда настанет час предстать перед Всевышним, Он спросит приблизительно так: “Герберт! У меня много хороших, умных, замечательных священников, пастырей человеческих. А Герберт Адлер — только один! Я тебе дал талант, ум, мудрость... Ну зачем ты пошел в священники? Разве этого я от тебя ждал?”

Герберт подумал и ответил.

— Верующие люди испрашивают волю Божию в молитве. Мы молимся — и становится ясно, что делать. Я думаю, что именно такой путь Бог и предполагал для меня, потому он миловал меня ранее, в счет того, может быть, что я должен еще совершить. Но так или иначе, все по благодати Божьей. А еще сказано: «Жатвы много, делателей — мало». Проповедников всегда будет не хватать...

— Но это ведь не ваше желание? Ваш духовный отец Никифор сказал, что вы должны стать священником и проповедником — и вы стали.

— Нельзя самому желать священный сан. И просить об этом нельзя. Нужно, чтобы тебя духовный отец благословил. Я так понимаю...

— А ведь Бог не отнимал у вас свободу выбора. Он мог бы спросить у вас: «Герберт! Как ты думаешь, кто умнее — писатель Герберт Адлер или отец Никифор? И кто из них двоих лучше знает и понимает Герберта Адлера?»

— А вот это как раз рассуждение от гордыни. При чем тут ум? Кто ближе к Богу? Конечно, монашествующий отец Никифор, который тридцать лет только в Боге и живет. И ум тут ни при чем. Вот его стихи:

Знаю, бывает тяжело,
Страшно за каждый шаг...

Как-то одна монашка,
Мне говорила так:
«Надо молиться Богу,
Чтобы рассеять страх.
С Богом найдешь дорогу,
Словно с огнем впотьмах.
Надо молиться много,
Долго и не спеша,
Чтоб добралась до Бога,
Как ручеек, душа.
Надо молиться часто,
Чтоб не нарушить связь.
Чтоб ручеек несчастный
Не превратился в грязь.
Надо молиться сильно,
Вырваться из тисков,
Чтоб он рекой обильной
Вышел из берегов.
Надо молиться страстно,
А не зевать кругом.
Не бормотать напрасно,
Думая о другом.
Надо молиться строго,
Не потакать себе.
Не торговаться с Богом,
Веря своей судьбе...
Надо молиться чисто,
Радуясь и любя,
Так, чтобы круг лучистый
Ткался вокруг тебя...
Чтобы такой кольчугой,
Сердце облечь ты смог.
Вот...И тогда, как чудо,

В нем засияет Бог».

— Талантливо написано... Ваш духовный отец — особенный человек. Но вот начала читать ваш новый роман — и не узнаю вас! Герберт, это не вы! Ваши герои кажутся мне нервными, дергаными. Не такими, как прежде! Что-то их волнует, беспокоит...

— Роман я начал писать полтора года назад, до воцерковления. Сейчас почти в каждой главе появилась слегка замаскированная евангельская мысль.

— Конечно, вера в Бога важна и нужна. Она дает поддержку в период душевного кризиса, успокоение...

— Какая самонадеянность должна быть в нас, чтобы относиться к Богу не как к причине всего, а как к валерьянке на черный день? — перебил ее Герберт.

Елена не преминула возразить:

— Тем не менее вера — это не вся жизнь человеческая. Вы сами когда-то написали: «Не вникая в суть своего предназначения, по-моему, невозможно стать вполне счастливым». И это тоже цитата из вас: «Самое главное — найти свое высшее, особое предназначение, а это так непросто, так непросто... что многие даже и не пытаются. У каждого должно быть свое предназначение! Господь затем и дал нам свободу выбора!» У вас, Герберт, было явное предназначение — писать умные, талантливые, добрые книги о непротivлении счастью.

— А я вовсе не отказываюсь от этого, как и от большей части написанного мной. Просто живой человек развивается. Если рассматривать слово «предназначение» как исполнение воли Божьей о нас — то так оно и есть. Это я и имел в виду. Бог именно и ожидает, что мы, пользуясь свободой воли, будем искать Его волю о нас.

— Между тем в последнее время вы почти отошли от писательства и издаете православную газету. Почему?

— Могу ли я написать так, как сказали люди, выстрадавшие свое богоискательство за тысячелетия? Но донести читателю эти мысли хочется. Тираж нашей газеты — десять тысяч экземпляров — расходуется по многим церквям мира. Многие читают.

— Церковь одобряет вашу новую деятельность?

— Слава Богу... У меня есть благословение двух митрополитов и двух архиепископов, а митрополит всея Украины наградил меня почетной грамотой... Более того, наша православная газета способствовала воссоединению ранее разделенных православных церквей.

— Я не очень уважаю духовенство... Мне оно кажется неискренним, алчным и темным.

— Православное духовенство на Западе — люди исключительно преданные Церкви и ничего не получающие за свой труд. Мы ведь на чужбине.

— И что же дальше будет с Гербертом Адлером?

— Далее — период углубленного чтения Святых отцов, Священного Писания. Начал преподавать Слово Божье. Веду духовные беседы. И, конечно, работаю над газетой.

Елена не унималась:

— Мне кажется, Бог радуется, когда видит, что кто-то выполняет свое предназначение или хотя бы ищет его, и в этих поисках испытывает свои силы и пытается свернуть горы или «выпить все моря». Почему вы отказались от своего предназначения? Разве поиски предназначения могут быть гордыней?

— Гордыня часто понимается неверно. Гордыня — это когда человек полагается на самого себя, а не на Бога. Нельзя путать слова «гордыня» и «гордость». Это разные понятия. Гордость — это собственное достоинство. Гордыней может быть все что угодно. Даже показное смирение. Именно гордыня привела меня к депрессии, и именно к ней она и должна приводить. Всё зависит от того, как сам человек к этому относится. Если что-то делается для похвал, для возвышения себя над другими — это гордыня. Если это совершается для того, чтобы искать новые пути проповедовать любовь, мир, счастье, величие Творца — это не гордыня. По внешнему виду необязательно видно. Это нужно человеку в самого себя заглянуть.

— Герберт, вы полагаете, что поиски собственного предназначения — грех? Откуда такая внезапная перемена?

— Она не внезапная. Уже в конце «Непротивления счастью» у меня начинается слабое осознание собственных грехов. Так что это не внезапная перемена, а постепенное движение.

— Разве поиск своего «я» — это не угодное Богу дело?

— В Священном Писании предельно ясно сказано, что угодно Богу. Сказано: блаженны кроткие, блаженны миротворцы, блаженны плачущие о своих грехах, блаженны жаждущие правды, блаженны гонимые за правду, не судите, да не судимы будете... Все предельно просто. Предназначение у нас у всех одно: мы — соль земли. Мы — свет мира. Что может быть выше такого предназначения? Просто выражаться оно может разными средствами, но со смирением, кротостью и любовью. Потому что главная заповедь — «Возлюбите друг друга».

— Скажите, а ваш духовный отец понимает вас? Он понимает, кто вы? Понимает ли он, что таких людей на земле — считанные единицы (или даже еще меньше), и с каждым веком становится все скуднее? Он ваши книги читал?

— Читал немного и, в общем, любит.

— И он не говорит, что писательство — это гордыня?

— Никогда он такое не говорит. Это же осуждение! Монах никогда никого не осуждает. Но когда покопаешься в себе, считаешь Святых отцов, легко находишь зерна гордыни в себе.

— Конечно, если вы абсолютно уверены, что это ваше предназначение... Ни капельки не буду спорить. Но если это только из-за слов вашего духовного наставника... А ведь он же не Бог! Он человек. Он же тоже может ошибаться. Даже абсолютно искренне желая вам добра! Вот вам на этот случай цитата из Герберта Адлера об авторитетах: «Непризнание ничьих авторитетов — первый шаг на пути поиска истины».

— Имеется в виду человеческих авторитетов. Отец Никифор сказал мне о сани священника не потому, что такова его воля, а потому что в молитве ему пришло такое откровение. Да и я всем сердцем этого желал.

— А вы точно уверены, что это ваш путь?

— Да. Конечно. Этот путь виден по моим книгам.

— А в каком ряду тогда стоит роман «Непротивление счастью»? Там герой сам устраивает свое и чужое счастье.

— Да, главный герой — человек, надеющийся на себя. Его главный провокационный вопрос: как Бог знает о том, что он Бог? И ответ — в том-то и дело, что Он не мыслит, как мы. Это буквально перекликается с тем, что сказано в Библии: «Мои пути — не ваши пути». Мой главный герой — это попытка создания Царства Божьего на земле в материальном смысле. Уже в

этой книге чувствуется, насколько это невозможно. Обратите внимание, в большинстве критических статей мой герой — не очень положительный. Да и автор не считает его положительным. А в следующем романе происходит крах идеи Царства Божьего на земле и осознание того, что стяжание мирских богатств бессмысленно. И попытка освобождения от этих богатств. Приход к христианству. Если вы помните, главный герой в конце произносит «Отче наш...».

— Я прекрасно понимаю ход вашей мысли в сторону Богоискательства. И ни в коем случае не спорю по поводу веры и той или иной религии. И даже могу привести цитаты из ваших прежних книг: «Занятия космологией и философией приводят меня к разочарованию в этих науках и уверенности, что Бог есть»; «Единственное, заслуживающее доверия, — Божье Откровение (проверял со всех сторон — более 120 пророчеств о Христе сбылись, хотя были написаны за 500–700 лет до его рождения) и так далее. Итак, вывод: “Христос сын Божий, Святое Писание — откровение”. Всё становится на свои места. Чем больше изучаю Святых Отцов, тем больше уверенность в правоте их. Обратный эффект по сравнению с изучением наук. Далее, если это правда и Священное Писание — Божье откровение, то как его можно игнорировать? Нельзя. Тут начинается работа над собой...». Вот до этой фразы — я целиком и полностью согласна!

— И я не отрекаюсь.

— А далее вы продолжаете: «...работа над грехами, прежде всего гордыней». А как же ваши положительные герои? Разве они грешны?

— Да, все герои обладают человеческими пороками. И признают это и даже пытаются бороться. Они грешны, но они милые и они каются, и поэтому им прощается.

— Скажите, вы сами ощущаете в себе внутреннюю потребность быть священником и проповедником? Поддерживать людей, нести им Слово Божие?.. Успокаивать мятущиеся души?

— Большого счастья для себя не чаю. Seriously. А литература — это лишь одна из попыток это делать.

— Так разве не ваше предназначение — давать миру именно то, что только вы можете ему дать как писатель? Книги, мысли, идеи... Очень важные и добрые. Вера в Бога, конечно, важна и нужна. Но ведь это не вся жизнь человеческая.

— В том-то и дело, что вся. Первая заповедь — «Я Бог твой и не будет у тебя других Богов». Вторая — «Не сотвори себе кумира». Третья — «Не поминай Бога всуе. Четвертая — «Чти день субботний. Шесть дней работай — седьмой Богу». Что это значит? Что жизнь в Боге есть стержень жизни. Что нельзя создавать себе кумиров из своего таланта, богатства, чего угодно. Не забывай о Боге и посвящай седьмой день Ему. У нас, на Западе, церковные службы в основном только по воскресеньям, и все

священники неделю работают на разных работах, а только в воскресенье священничают. Ну, за редким исключением. Итак, если мы согласны, что нарушать заповедь «не убий!» нехорошо, то как можно игнорировать остальные заповеди? Как?

— Я понимаю, что в православии (и почти в любой религии) смирение — это добродетель, а гордыня — грех.

— В том-то и дело, что православие — не одна из религий. Если углубиться в изучение истории религии, становится ясно, что православие единственное сохранило апостольский дух. Сейчас я работаю над книгой по истории Церкви на английском и, поверьте, изучил этот вопрос. Одних библиографических источников там более 150. Для того чтобы это понять, нужны долгие беседы. Я бы не стал примыкать к «одной из религий». Просто в России и на Украине православие имеет не лучшую репутацию, хотя, если вы вспомните тысячи расстрелянных священников и сотни взорванных церквей, вы ужаснетесь и сами зададите себе вопрос «почему?». Почему мы не уважаем попов? Не потому ли, что нам это с детства внушили те, кто их расстреливал? А как вы думаете, кто подвигал коммунистов расстреливать духовенство? Ясно, что не Бог. Тогда кто?

Кроме того, зачастую православие рассматривается как этнически славянская религия. Но здесь, на расстоянии, нам видно, что это Вселенская церковь.

— Ну а самоосознание? Самоощущение?

— А что в Библии сказано о поиске человеком своего предназначения и своего пути? Сказано: «Дерзай, дочь! Вера твоя тебя спасла!» И еще сказано: «Стучите, да отворят вам». Ну, вот я и стучусь, и дерзаю. Для меня открылся целый мир святоотеческой литературы, о которой большинство из нас не имеет никакого понятия. И, поверьте, это вовсе не скучная ерундень. Наоборот. Светлейшие умы приходят к этому. Вся Русская литература... Гоголь. Вот почитайте у Гоголя — хотя бы всего одну страничку из «Выбранных мест из переписки с друзьями», «Христианин идет вперед»:

«Друг мой! считай себя не иначе, как школьником и учеником. Не думай, чтобы ты уже был стар для того,

чтобы учиться, что силы твои достигнули
настоящей зрелости и развития и что характер и

душа твоя получили уже настоящую форму и не могут быть лучшими. Для христианина нет оконченного курса; он вечно ученик и до самого гроба ученик. По обыкновенному, естественному ходу человек достигает полного развития ума своего в тридцать лет. От тридцати до сорока еще кое-как идут вперед его силы; дальше же этого срока в нем ничто не подвигается, и все им производимое не только не лучше прежнего, но даже слабее и холодней прежнего. Но для христианина этого не существует, и где для других предел совершенства, там для него оно только начинается. Самые способные и самые даровитые из людей, перевалиясь за сорокалетний возраст, тупеют, устают и слабеют. Перебери всех философов и первейших всесветных гениев: лучшая пора их была только во время их полного мужества; потом они уже понемногу выживали из своего ума, а в старости впадали даже в младенчество. Вспомни о Канте, который в последние годы обеспамятел вовсе и умер, как ребенок. Но пересмотри жизнь всех святых: ты увидишь, что они крепили в разуме и силах духовных по мере того, как приближались к дряхлости и смерти. Даже и те из них, которые от природы не получили никаких блестящих даров и считались всю жизнь простыми и глупыми, изумляли потом разумом речей своих. Отчего ж это? Оттого, что у них пребывала всегда та стремящая сила, которая обыкновенно бывает у всякого человека только в лета его юности, когда он видит перед собой подвиги, за которые наградой всеобщее рукоплесканье, когда ему

мерещится радужная даль, имеющая такую заманку для юноши. Угаснула пред ним даль и подвиги — угаснула и сила стремящая. Но перед христианином сияет вечно даль, и видятся вечные подвиги. Он, как юноша, алчет жизненной битвы; ему есть с чем воевать и где подвизаться, потому что взгляд его на самого себя, беспрестанно просветляющийся, открывает ему новые недостатки в себе самом, с которыми нужно производить новые битвы. Оттого и все его силы не только не могут в нем заснуть или ослабеть, но еще возбуждаются беспрестанно; а желание быть лучшим и заслужить рукоплесканье на небесах придает ему такие шпоры, каких не может дать наисильнейшему честолюбцу его ненасытимейшее честолюбие. Вот причина, почему христианин тогда идет вперед, когда другие назад, и отчего становится он, чем дальше, умнее».

Я сравниваю с себя с Гоголем не из гордыни, не потому что считаю себя тождественным его таланту, а просто использую его как архетип, пример писателя, пришедшего к православию и оказавшегося под ударом со всех сторон. Гоголь — одна из самых аскетических фигур нашей литературы. Последнее его десятилетие проходит под знаком все усиливающейся тяги к земному претворению христианского идеала. Не давая важнейших обетов монашества — целомудрия и нестяжания, — он воплощал их в своем образе жизни. «Нищенство есть блаженство, которого еще не раскусил свет. Но кого Бог удостоил

отведать его сладость и кто уже возлюбил истинно свою нищенскую сумку, тот не продаст ее ни за какие сокровища здешнего мира».

Однако подлинный трагизм ситуации заключался в том, что монашеский склад был только одной и, вероятно, не главной стороной гоголевской натуры. Художническое начало побеждало в нем; кризис Гоголя — следствие глубочайшего внутреннего конфликта между духовными устремлениями и писательским даром.

«Выбранные места...» были враждебно встречены критикой и большинством читающей публики: перелом в умонастроении Гоголя, явственно отразившийся в книге, для многих стал полной неожиданностью. Гоголь как бы нарушил законы жанра и в светском произведении заговорил о таких вопросах, которые исконно считались привилегией духовной прозы. Вяземский не без остроумия писал: «...наши критики смотрят на Гоголя, как смотрел бы барин на крепостного человека, который в доме его занимал место сказочника и потешника и вдруг сбежал из дома и постригся в монахи». В спорах быстро выявилась основная тенденция — неприятие книги. Ее безоговорочно осудили не только западники, но и люди, близкие Гоголю. Апофеозом стала статья Белинского и его известное письмо, в котором критик утверждал, что Гоголь изменил своему дарованию и убеждениям, что книга написана с целью попасть в наставники к сыну наследника

престола; в языке книги он видел падение таланта и прямо намекал на сумасшествие Гоголя.

Гоголь был потрясен несправедливостью многих упреков.

Весьма сдержанно отнеслось к книге и духовенство, традиционно не вмешивающееся в дела светской литературы. Хотя митрополит Московский Филарет сказал, что «Гоголь во многом заблуждается, но надо радоваться его христианскому направлению», а святитель Игнатий (Брянчанинов), один из авторитетнейших духовных писателей XIX века, канонизированный Русской Православной Церковью, отзывался о книге Гоголя довольно критически: «...она издает из себя и свет и тьму. Религиозные его понятия неопределенны, движутся по направлению сердечного вдохновения неясного, безотчетливого, душевного, а не духовного».

Вот вам пример попытки светского писателя всерьез заговорить о православии и Боге... Молитесь за меня, гордеца и грешника Герберта Адлера!

Герберт много времени проводил в своей часовне. Несмотря на подорванное материальное

благополучие, он ничего не жалел на благолепие своего маленького храма. Он любил зажигать много свечей и затихал в уголке в полумраке с набожным выражением лица дремлющего ангела.

— Господи, спасибо тебе, что дал мне посвятить Тебе этот скромный храм! — шептал он, с запретной гордостью разглядывая иконы, подсвечники, позолоченный запрестольный крест... Церковную утварь поставлял ему секретарь Владыки протодиакон Ануфрий. Его имя чрезвычайно подходило к нему. В переводе с древнеегипетского языка Ануфрий — «священный бык». Его носитель — дородный мужчина в полном расцвете своего диаконского таланта. Бас у него был знатный, глубокий и не такой, что можно пройти мимо, не обращая внимания, мимоездом... Рядом с ним вспоминалась старинная шутка, дескать, на Руси чудес много, а главных из них три: Царь-Колокол, Царь-Пушка и диакон Андрюшка... Вот таким чудо-протодиаконом Ануфрий и был. Палитра его голоса была поразительна еще и тем, что какими-то общими чертами пересекалась с его талантом иконописца. Так музыка и цвет всегда неразрывно шествуют по нашей жизни.

Отец Ануфрий вернулся из поездки с Владыкой по Украине. Расцеловавшись с Гербертом по-православному три раза, он оглядел внутреннее убранство храма и удовлетворенно забасил:

— У меня для вас приятная новость. Мы с Владыкой гостили у архиепископа Фомы и

подарили ему Ваши газеты. Его преосвященство был поражен, что такую работу может проделывать один человек. А когда мы рассказали, что недавно освятили домашнюю часовню, которую вы открыли для местного народа, а между тем раньше у вас там был обеденный зал, бильярд, рулетка, местный воротила, сидящий по правую руку от владыки Фомы, вдруг просиял. Оказалось, он — бывший владелец четырех казино. Став духовным чадом Владыки Фомы, он образумился и продал три из них. Четвертое закрыл, но здание в центре города никак не продавалось. «Владыко, благословите создать в бывшем казино храм». «Почему бы и нет», — ответил Владыка Фома, и на следующий день воротила подарил здание церкви. Вот так и не знаешь, как ваш поступок здесь отзовется на другом конце земли. Воистину уж неисповедимы пути Господни.

Герберт был очень доволен, услышав такие вести.

— Спасибо, отец Ануфрий. Порадовали вы меня, Теперь милости просим в баньку.

— А сами вы не желаете?

— Я не люблю парилку... здоровье не позволяет.

Отец Ануфрий, попарившись с сопровождавшим его иподиаконом, пожаловал за стол, но к удивлению и даже некоторому облегчению Герберта выпить водки отказался. Точнее, пригубил и отставил стопку.

— Здоровье не позволяет, — пояснил он. Герберт, сам не любитель спиртного, не настаивал.

Поскольку был рождественский пост, откушали постного борща, сваренного Эльзой, потешили себя капустным пирогом, а от картошки с грибами отказались, поскольку были сыты. За чаем гости, блаженно кряхтя и потягиваясь, принялись расспрашивать Герберта о его житье-бытье.

— Тяжело, но стараюсь не роптать. Мне недавно пришла в голову мысль, что на Бога чаще ропщут как раз именно верующие, потому что те, кто не верует, зачем на Господа станут роптать? Он ведь на Него не полагался, значит, и нельзя сказать, что Бог не оправдал его ожиданий. А чем более верующий человек полагается на Бога, тем больше соблазн роптать. Ведь Бог становится повседневным собеседником, партнером во всяком деле... — Герберт, не желая показаться неопитом, пристально вслушивался в каждое свое слово и предложение, однако это не помогло. Гости выдали свое отношение к сказанному благодушными улыбками.

— Да, бывает, долго ищешь Бога, а как найдешь, так и не знаешь, что с ним делать, — пошутил отец Ануфрий. — Я слышал, вы не ладили с отцом Матвеем?

Отца Матвея приписали к часовне, устроенной Гербертом. Хотя отец Матвей и был ровесником

Герберта, выглядел он моложе. Это был угрюмый человек, весьма сосредоточенный на себе. Герберт же, привыкший в своей светской жизни, что ему все в рот заглядывают, со временем, естественно, стал плохо переносить отца Матвея. Он платил ему по двести пятьдесят долларов за каждую службу и надеялся, что тот хотя бы будет элементарно уважать его мнение. Однако отец Матвей чем больше получал, тем сильнее сердился на Герберта. Ссора разразилась внезапно. Накануне службы отец Матвей прибыл в гости к Герберту с матушкой и годовалой дочкой. Когда после обеда все вышли из-за стола, Герберт возразил отцу Матвею по поводу какой-то мелочи. Отец Матвей немедленно вспылил и ушел, хлопнув дверью, крикнув матушке из прихожей: «Домой!».

Пока матушка собиралась, Герберт успел выказать свое недовольство.

— Ну и что это, христианское поведение? — возмутился он.

Матушка, кутая ребенка, успокоила его:

— Ничего, он скоро отойдет.

— Зато я отойду не скоро! — возразил Герберт, всем своим видом стараясь дать понять, что он этого так не оставит.

Через час позвонил отец Матвей и извинился.

— Бог простит, а я простил, — ответил Герберт и в свою очередь тоже извинился. Но, к сожалению, обмен извинениями остался

формальностью. На следующее утро оба были раздражены и с трудом переносили необходимость служить вместе литургию. Герберт, который выполнял обязанности алтарника, псаломщика и отчасти диакона, не любил свое занятие. Ему, привыкшему руководить, трудно было вовремя подавать кадило и следить за тем, чтобы оно не погасло. Кроме того, о каком молебном настроении могла идти речь? Мало того, что нужно следить за тысячей мелочей во время службы, так еще и со священником отношения паршивые. Бес особенно любит ссорить служителей церкви в алтаре. В этом он большой специалист.

Из алтаря нервозность передавалась жиденькому хору, состоявшему из Эльзы, немолодого прихожанина и застенчивой прихожанки. По неопытности они частенько давали петуха, а отец Матвей не очень им помогал, лишь нервически посмеиваясь, когда они делали очередную ошибку.

Из прихожан присутствовал пожилой серб, который прошлым летом был выведен врачами из состояния клинической смерти, пожилая супружеская пара немцев-лютеран, заинтересовавшихся православием, русская бабушка с двумя внуками и еще несколько не знакомых Герберту мужчин и женщин.

После того как спели «Отче наш», Герберт прошелся с блюдом и собрал долларов пятьдесят. Ему же самому предстояло доложить двести долларов из своего кармана. Настроение у него

было отвратительное, и причастие не пошло ему на пользу.

После службы Эльза пригласила прихожан этой катакомбной миниатюрной церкви пить чай. За столом Герберт, обычно словоохотливый проповедник, угрюмо отмалчивался, косо поглядывая на жующего отца Матвея.

Немцы-лютеране рассказывали о том, что обеих сестер герра фон Паули изнасиловали русские солдаты, когда освобождали Пруссию, а самого его, тогда двенадцатилетнего отпрыска аристократической семьи, чуть не расстрелял пьяный солдат, поймав на воровстве овощей с огорода в их бывшем поместье.

— Освободитель, потягивая водку из бутылки, поставил меня к стенке в конюшне и принялся описывать круги над моей головой, паля из автомата. Пока он тянулся за второй бутылкой, я успел убежать. В нашем городке все почитали меня убитым. Я до сих пор не понимаю, почему Бог дал выжить именно мне. Одна из сестер, не выдержав позора, вскоре покончила с собой.

За столом повисло тяжелое молчание.

— А мою семью освободители раздавили танками. Спаслись только мы с сестрой, — добавила к рассказу мужа свою историю фрау фон Паули. Она была старше и помнила войну лучше. — Мы жили в Риге, и мои родители говорили по-русски, — пояснила пожилая женщина свой интерес к православной церкви.

— А у меня немцы расстреляли почти всю семью деда, — сказал отец Матвей, спешно прожевав и отпив из стакана чаю. Он сказал это так, словно сообщал, что чайник уже вскипел.

— Поразительно, — сказала Эльза. — Война ведь закончилась в прошлом веке, а за этим столом кажется, что она не закончилась до сих пор.

— Да, я помню все, словно это было вчера... Февраль... Берлинцы назвали такую погоду «фюрер веттер» — гитлеровская погодка... — вздохнула фрау фон Паули.

На следующий день дела Герберта в бизнесе пошли совсем плохо, и он позвонил отцу Матвею.

— Благословите, отец Матвей!

— Бог благословит.

— Простите великодушно, но финансы иссякли... Живем теперь более чем скромно. Придется нам проводить литургию только раз в месяц. На большее у меня просто нет денег.

— Ну что ж, на все воля Божья... — ответил отец Матвей.

Дети, которые отца Матвея недолюбливали за его нудный, мрачный нрав, резюмировали:

— Папа уволил батюшку.

«Иисус говорил, что он — Сын Божий, — писал Герберт в своей газете. — Однако вскоре оказалось, что многих он пугает и шокирует своими заявлениями. Он начал говорить о себе совсем не как о выдающемся учителе или пророке. Он начал объявлять себя Богом. И свою личность Он сделал центральным пунктом своего учения. Своим последователям Он задавал самый важный вопрос: “А вы за кого почитаете Меня?” Когда Петр ответил: “Ты — Христос, Сын Бога Живого”, Иисус не удивился и не обличил Петра. Наоборот, Он похвалил его!

Иисус совершенно четко утверждал это, и его слушатели испытали на себе всю силу его слов. Написано: “И еще более искали убить Его Иудеи за то, что Он не только нарушал субботу, но и Отцем Своим называл Бога, делая Себя равным Богу”.

В другой раз он сказал: “Я и Отец — одно”. Иудеи сразу же решили побить его камнями. Он спросил, за какое именно доброе дело они хотят его убить. И они ответили: “Не за доброе дело хотим побить Тебя камнями, но за богохульство и за то, что Ты, будучи человеком, делаешь Себя Богом”.

Иисус четко заявлял, что ему присущи атрибуты Бога. Когда паралитика спустили через отверстие в крыше, потому что он хотел, чтобы Иисус исцелил его, он услышал: “Дерзай, чадо! Прощаются тебе грехи твои”. Из-за этого среди религиозных лидеров начался большой переполох, ведь они рассуждали так: “Почему

этот человек такое говорит? Он богохульствует! Кто может прощать грехи, кроме Бога?”

В тот момент, когда Его жизнь висела на волоске, первосвященник напрямую спросил: “Ты ли Христос, Сын Благословенного?”

Иисус сказал: “Я; и вы узрите Сына Человеческого, сидящего одесную силы и грядущего на облаках небесных”.

Тогда первосвященник, разодрав одежды свои, сказал: “на что еще нам свидетелей? Вы слышали богохульство”.

Его связь с Богом была настолько тесной, что Он приравнивал отношение человека к себе к отношению этого человека к Богу. Таким образом, знать Его — значило знать Бога. Видеть Его — значило видеть Бога. Верить в Него — значило верить в Бога. Принять Его — значило принять Бога. Ненавидеть Его — значило ненавидеть Бога. И чтить Его — значило чтить Бога.

Поскольку Христос утверждал всё это, существует только четыре варианта того, кем же Он был на самом деле.

Он был либо лжецом, либо сумасшедшим, либо мифом, либо Истиной.

И если мы говорим, что Истиной он не был, мы автоматически утверждаем, что к нему применима одна из трех оставшихся характеристик.

Если допустить, что Иисус лгал, называя себя Богом, то придется признать, что Он знал, что Он не Бог, но сознательно обманывал своих слушателей, для того чтобы его учение пользовалось большим авторитетом. Очень немногие так думают — если вообще найдутся такие люди. Даже те, кто отрицает Его божественность, утверждают, что Он был великим учителем, преподающим нравственные принципы. Они не понимают, что эти два утверждения противоречат друг другу. Вряд ли Иисус мог быть великим учителем нравственности, если Он сознательно лгал насчет основного положения своего учения — самой своей сущности.

Второй вариант помягче, хотя это всё равно было бы удивительно. Предположим, Он был искренен, просто сам заблуждался. В наши дни человека, который считает себя Богом, называют сумасшедшим. Если бы Христос так сильно заблуждался по поводу своей личности, Он бы и был сумасшедшим. Однако, глядя на Его жизнь, мы не видим никаких проявлений ненормальности, неуравновешенности, свойственных помешанному человеку. Напротив, под давлением Он демонстрировал редкостное самообладание.

Третий вариант: представим, что все эти разговоры о собственной божественности — миф. Просто в III–IV веках последователи-энтузиасты вложили в Его уста такие слова, услышав которые Он бы сильно удивился. Если

бы Он вернулся, то непременно отрекся бы от них.

Эта теория была опровергнута благодаря открытиям современных археологов. Они подтвердили, что четыре биографических описания жизни Христа были написаны при жизни Его современников. По словам доктора Уильяма Ф. Олбрайта, всемирно известного археолога, работавшего в Университете Джонса Хопкинса, нет причин думать, что какое-либо из Евангелий было написано позднее семидесятого года нашей эры. Невозможно поверить, что легенда о Христе, написанная в виде Евангелия, распространилась по стольким странам и произвела такой эффект, при том, что она не была основана на реальных событиях.

Это то же самое, как если бы в наши дни кто-нибудь написал биографию покойного Джона Ф. Кеннеди, и в ней было бы сказано, что он был Богом, прощал людям грехи и воскрес из мертвых. Эта история настолько неправдоподобна, что в нее никто не поверил бы, потому что еще живы люди, которые лично знали Кеннеди. Таким образом, в свете раннего происхождения Евангелий теория о мифе не выдерживает никакой критики.

Остается только один вариант — Иисус говорил правду. С одной стороны, однако, слова значат не так уж много. Что такое слова? Кто угодно может объявить себя кем угодно. Многие люди заявляли, что они — боги. Я могу сказать, что я — Бог, и вы тоже, однако в этом случае нам

будет необходимо доказать, что дело обстоит именно так. В случае со мной вам потребовалось бы меньше пяти минут, чтобы разоблачить меня. И вас вывести на чистую воду было бы ненамного сложнее. А вот когда речь заходит об Иисусе из Назарета, всё не так просто. Свои утверждения Он подкреплял доказательствами. Он говорил: “Когда не верите Мне, верьте делам Моим, чтоб узнать и поверить, что Отец во Мне и Я в Нем”.

Каковы же доказательства, предоставленные Иисусом? Во-первых, Его нравственные качества соответствовали Его заявлениям. Многие пациенты психиатрических лечебниц утверждают, что они божества или знаменитости. Но эти утверждения опровергаются их поведением. А с Христом было по-другому. Он уникален — прямо как Бог.

Иисус Христос был безгрешен. Его жизнь была настолько чиста, что Он мог спокойно спросить у своих врагов: “Кто из вас обличит Меня в неправде?” И они не нашлись, что ответить, хотя, если бы в его характере была хоть какая-нибудь порочная черта, они бы обязательно ее упомянули.

Мы читаем об искушениях Иисуса, но никогда не видим, чтобы Он исповедовался в каком-либо грехе. Он никогда не просил прощения, хотя своим последователям велел делать это. Ему не за что было просить прощения!

Это отсутствие чувства вины за проступки тем более поражает, что ни у одного мистика или святого за всю историю мы не встречаем ничего подобного — наоборот, все они терзаются от чувства собственного несовершенства.

Чем больше человек приближается к Богу, тем тяжелее ему становится от собственных поражений, испорченности и недостатков. Чем ближе человек к источнику света, тем больше он понимает, насколько ему необходимо смыть с себя грязь. С нравственностью дело обстоит точно так же — для обычных смертных, по крайней мере.

Примечательно, что Иоанн, Павел и Петр — люди, с детства привыкшие верить в то, что все грешны, — в один голос заявляют о безгрешности Христа: “Он не сделал никакого греха, и не было лести в устах Его”.

Понтий Пилат, которого нельзя назвать другом Иисуса, сказал: “Какое же зло сделал Он?” Он подразумевал, что Христос невиновен. А римский сотник, бывший свидетелем смерти Христа, сказал: “Воистину Он был Сын Божий”.

Во-вторых, Христос продемонстрировал такую власть над стихиями, какая могла быть только у Бога, Создателя стихий. Он усмирил ветер и волны во время шторма на Галилейском море. И сидящие с ним в лодке спросили с благоговением: “Кто же это, что и ветер и море повинуются Ему?” Он превратил воду в вино, накормил пять тысяч человек пятью хлебами и

двумя рыбами, воскресил из мертвых сына несчастной вдовы и дочь безутешного отца. Он сказал старому другу: “Лазарь! иди вон!” — и воскресил и его тоже. Заметьте, что Его враги не отрицали этих чудес. Они просто пытались убить Его. “Если оставим Его так, то все уверуют в Него”, — вот что они говорили.

В-третьих, Иисус продемонстрировал власть Творца над болезнями. Благодаря ему паралитик пошел, немой заговорил, а слепой прозрел. Он исцелял в том числе и людей с врожденными болезнями, которые не поддаются психосоматическому лечению. Самое большое чудо — это исцеление слепого, о котором написано в девятой главе Евангелия от Иоанна. Он не мог толком ответить на провокационные вопросы, которые ему задавали, но его собственного опыта оказалось достаточно, чтобы уверовать. “Одно знаю, что я был слеп, а теперь вижу!” — заявил он. Он поразился, что его друзья не признали его Исцелителя за Сына Божия: “От века не слышано, чтобы кто отверз очи слепорожденному”. Для него это было очевидно.

Наконец, самое веское доказательство божественности Иисуса — Его воскресение из мертвых. За свою жизнь Он пять раз предсказывал свою смерть. Также Он предсказывал, как именно умрет и как через три дня воскреснет и явится ученикам.

Это была хорошая проверка. Подобное заявление было бы очень легко опровергнуть. Потому что это либо произошло бы, либо нет.

Как христиане, так и враги христианства признают, что воскресение Христа является краеугольным камнем всего вероучения. Павел, великий апостол, писал: “А если Христос не воскрес, то и проповедь наша тщетна, тщетна и вера наша”. Павел сказал, что абсолютно всё зависит от физического воскресения Христа. Он либо воскрес, либо нет. Если это произошло, то эта самая большая сенсация за всю историю человечества.

Если Христос воскрес, то нам теперь достоверно известно, что Бог существует, как Он выглядит и как можно лично общаться с ним. Жизнь обретает значение и смысл, и современный человек может наслаждаться общением с живым Богом.

С другой стороны, если Христос не воскрес из мертвых, христианство — всего лишь музейный экспонат, и ничего больше. Оно не имеет никакого отношения к реальности, а также никакой ценности. Мысль, конечно, была хорошая, но из-за чего весь сыр-бор, непонятно. Все эти мученики, идущие на растерзание львам с песней на устах, все эти современные миссионеры, умирающие в Конго и Эквадоре, неся Евангелие тамошним жителям, — все они просто дураки, которых обманули.

Враги христианства чаще всего утверждают, что воскресения не было, потому что именно этот момент — решающий. Одну из самых ярких атак совершил молодой британский адвокат Фрэнк Моррисон. Он был убежден, что воскресение — это выдумка. Чувствуя, что это краеугольный камень христианской веры, он решил оказать человечеству большую услугу и развенчать сей миф. Он думал, что ему как адвокату не составит труда найти необходимые доказательства своей правоты. В свою очередь, он не собирался признавать никаких доказательств, которые не соответствовали бы современным судебным требованиям.

Однако во время проведения этих исследований с Фрэнком Моррисоном случилась удивительная вещь. Дело оказалось гораздо более запутанным, чем он предполагал. В результате первая глава его книги “Кто отодвинул камень?” получила название “Книга, которая так и не была написана”. В ней он пишет, как, исследовав все доказательства, он, против своей воли, пришел к выводу, что Христос действительно физически воскрес из мертвых.

Иисус подвергся публичной казни и был распят на кресте. Правительство думало, что казнит Его за богохульство. Иисус же сказал, что умирает, чтобы заплатить за наши грехи. После жесточайших пыток запястья и ступни Иисуса пригвоздили к кресту, и Он висел там, медленно умирая от удушья. Потом Его бок проткнули копьем, чтобы удостовериться в Его смерти.

Тело Иисуса обернули в пелены, пропитанные примерно сорока пятью килограммами клейких благовоний, и поместили в гробницу, высеченную в скале. При помощи рычагов вход в гробницу закрыли огромным валуном весом в полторы-две тонны. Поскольку Иисус прилюдно заявлял, что воскреснет на третий день, у могилы выставили стражу — обученных римских солдат. Вход в гробницу запечатали официальной римской печатью, в знак того, что это государственная собственность.

И несмотря на все это через три дня тело исчезло. Остались только пелены, сохранившие форму тела, но при этом пустые. Валун, закрывавший вход, оказался отодвинут довольно далеко.

Самое первое объяснение — ученики украли тело. Первосвященники и старейшины, безусловно, были разъярены и терялись в догадках. Они дали стражникам денег и приказали им говорить всем, что ученики пришли ночью и забрали тело, пока стража спала. Это была настолько явная выдумка, что Матфей даже не подумал ее опровергнуть! Какой судья поверил бы вам, если бы вы заявили, что пока вы спали, ваш сосед прокрался к вам в квартиру и стащил телевизор? Кто может знать, что происходит вокруг, когда он спит?

Подобные свидетельские показания высмеяли бы в любом суде.

К тому же это невозможно по причинам психологического и этического характера. Подобное поведение — кража тела Христа — вступает в полное противоречие с характером учеников и вообще со всем, что мы о них знаем. Это значило бы, что они преднамеренно совершили преступление, там самым обманув и приговорив к смерти тысячи людей. Невозможно представить, чтобы, даже если несколько учеников сговорились и совершили эту кражу, они не рассказали бы об этом остальным.

Все ученики подверглись пыткам и стали мучениками за то, во что верили и что утверждали. Человек может умереть лишь за то, что он считает истиной, даже если на самом деле это не истина. Однако никто не умирает за то, что заведомо ложно. На смертном одре любой скажет правду. И если бы ученики украли тело, и Христос был бы мертв, как объяснить утверждения о его дальнейших явлениях?

Согласно второй гипотезе, тело могли забрать власти — или иудейские, или римские. Но для чего? Они же поставили стражу у гробницы, так зачем же было красть тело? К тому же власти молчали, когда апостолы открыто говорили о

воскресении. Все духовенство кипело от негодования и делало все возможное, чтобы предотвратить распространение слуха о том, что Иисус восстал из мертвых. Они арестовали Петра и Иоанна и пытались заставить их замолчать, избивая их и угрожая им.

А ведь можно было так просто решить эту проблему. Если бы тело Христа было у них, они могли бы провезти его по улицам Иерусалима. Одним махом они задушили бы христианство на корню. Но они не сделали этого — а значит, тела у них не было.

Еще одна теория гласит, что обезумевшие от горя женщины заблудились в сумерках и пришли не к той гробнице. Потрясенные, они решили, что Христос воскрес, потому что гробница была пуста. Однако эта теория терпит крах по той же причине, что и предыдущая. Если женщины перепутали гробницы, почему первосвященники и другие противники веры не отправились к гробнице Иисуса и не предъявили тело? К тому же невозможно представить, чтобы и Петр с Иоанном тоже пришли не туда. По крайней мере, Иосиф Аримафейский, хозяин гробницы, мог бы решить эту проблему. Кроме того, необходимо учесть, что это была частная гробница, а не общее кладбище. Рядом не было других могил, и перепутать было очень сложно.

Некоторые утверждают, что всё дело в потере сознания. По их версии, Христос вообще не умирал. Его ошибочно признали мертвым, но на самом деле Он просто потерял сознание от

изнеможения, боли и потери крови. А оказавшись в прохладной гробнице, пришел в себя, вышел из гробницы и предстал перед учениками, которые решили, что Он воскрес из мертвых.

Это современная теория. Впервые она появилась в конце восемнадцатого века. Важно учесть, что подобное предположение возникло вовсе не в древности, когда христианство подвергалось жесточайшим нападкам. Ранее факт смерти Иисуса никогда не подвергался сомнению.

Но предположим, что Христа действительно похоронили заживо. Возможно ли поверить, что Он пробыл в сырой гробнице целых три дня, без пищи, воды и медицинской помощи, и остался жив? Откуда у Него взялись силы, чтобы освободиться из погребальных пелен, отодвинуть тяжелый камень от входа в гробницу, пройти мимо римских стражников и идти еще несколько километров пешком, хотя его ноги были проколоты гвоздями? Эта версия даже более фантастична, чем само воскресение.

Даже немецкий критик Давид Штраусс, который никоим образом не верит в воскресение, отверг эту невероятную идею. Он сказал: “Не может быть, чтобы тот, кто только что полумертвым вылез из гробницы, весь слабый и больной, кому нужна была медицинская помощь — перевязки, восстановление сил, усиленная забота, — кто в конце концов не выдержал страданий, мог произвести на учеников

впечатление, будто он победил могилу и смерть, что он — Князь жизни”.

И наконец, если эта теория верна, Христос сам участвовал в вопиющем обмане. Его ученики верили и проповедовали, что Он умер и вновь воскрес. Иисус не сделал ничего, чтобы разоблачить их, — наоборот, Он их поощрял.

Единственная теория, в достаточной мере объясняющая наличие пустой гробницы, состоит в том, что Иисус Христос воскрес из мертвых.

Если Иисус Христос воскрес из мертвых, доказав свою божественность, то Он жив и по сей день. И от нас Ему нужно больше, чем поклонение. Он желает быть познанным нами и войти в нашу жизнь.

Иисус сказал: “Се, стою у двери и стучу: если кто услышит голос Мой и отворит дверь, войду к нему и буду вечерять с ним, и он со Мною”.

Покойный Карл Густав Юнг сказал: “Главный невроз нашего времени — душевная пустота”. Все мы очень хотим, чтобы у нашей жизни был смысл, чтобы мы жили не просто так. Христос предлагает нам более значимую, более наполненную жизнь, которую можно обрести, вступив во взаимоотношения с Ним. Иисус сказал: “Я пришел для того, чтоб имели жизнь и имели с избытком”.

Иисус умер на кресте, взяв на себя грех всего человечества, и поэтому теперь Он предлагает нам прощение, принятие и подлинные отношения с Ним.

“Вот наступают дни, — говорил Господь через пророка за столетия до рождения Иисуса Христа, — когда Я заключу... новый завет... не такой завет, какой Я заключил с отцами их... тот завет Мой они нарушили, хотя Я оставался в союзе с ними. Но вот завет, который Я заключу с домом Израилевым после тех дней, вложу закон Мой во внутренность их и на сердцах их напишу его, и буду им Богом, а они будут Моим народом. И уже не будут учить друг друга брат брата и говорить:

“познайте Господа”, ибо все сами будут знать Меня, от малого до большого, потому что Я прощу беззакония их и грехов их не вспомню более”.

В Новом Завете, который Бог заключает с Его народом во Христе, Он Сам учит его, вселяя в него “новый Дух”, который является Его собственным Духом, Духом Божиим. В православной традиции Церковь видится как жизнь во Святом Духе и Царство Божие на земле не в смысле “внутреннего” и “мистического” пути внутренней жизни души, но конкретно и объективно в духовной и канонической жизни общества, которое существует в определенном месте и времени, действует в человеческой истории и есть в наше время. Известный русский православный богослов о. Сергей Булгаков так писал об этом в своей книге “Православие”: “Православие — это Церковь Христова на земле. Церковь Христова — не организация; это — новая жизнь со Христом и во Христе, руководимая Святым Духом. Христос, Сын

Божий, пришел на землю, стал человеком, соединив Свою Божественную природу с человеческой”».

16

Эльза приняла близко к сердцу давние невзгоды несчастного немца и его деликатной пожилой дамы. Прощаясь в прихожей, она внезапно расплакалась и сквозь слезы забормотала:

— Простите нас за всё, что они с вами сделали!

Она по-детски обняла герра фон Паули. Тот, сомкнув объятия, прижал ее к себе.

— Ничего, ничего... — успокаивал стройный, подвижный старик безутешную Эльзу. Герберту, стоявшему рядом, было неловко, и он завел тихий разговор с фрау фон Паули. Указывая на платочек на голове жены, Герберт деловито спросил:

— Не из морковок ли составлен этот узор?

— Нет, кажется это гвоздички, — охотно ответила фрау фон Паули, которой тоже было не по себе от того, что ее супруг не выпускает Эльзу из объятий.

Наконец и эта сцена была позади. Герберту было очень жалко Эльзу, он забыл о насущных своих заботах и провел весь день подле нее. Непринужденно развлекая жену историями, он между прочим рассказал, что намерен отец

Ануфрий посоветовал ему приобрести для часовни какую-нибудь реликвию.

— Ваш храм назван в честь Преображения Господня... — рассуждал отец Ануфрий.

— Ну, и какого же святого мощи подошли бы? — улыбнулся Герберт, тут же раскayавшись в кощунстве.

— Зачем мощи? Достаньте камни с горы Фавор.

Герберт словно дотронулся до раскаленной добела мысли: Боже мой, так вот что значили неказистые камни, расцветшие белыми цветами в его сне! Вот он, долгожданный ключ к загадке. Вот к чему стремится его душа! Фаворский свет — свет Божественной славы, которым просияло лицо Господа Иисуса Христа при преображении на горе Фавор. Явленный Господом фаворский свет и есть Сам Бог, тот самый свет, к которому мы все должны стремиться. Но некоторых он слепит, и они удаляются во тьму. Эта тьма тождественна грехам и ими образована. Власть тьмы, которая, собственно, и составляет колоссальные, пусть и подспудные наши опасения, может быть развеяна только этим окончательным, абсолютным фаворским светом! Многие из тех, кто Его окружал, говорили: Он одержим бесом и безумствует; что слушает Его? Дескать, любая правда неизбежно очерняется, и кажется, зачем нам какой-то неземной свет, если можно вполне налюбоваться на множество огней и в

поднебесном мире... Но только этот несотворенный, неиссякаемый фаворский свет и есть надежда на наше спасение. Что это значит?.. Спасение от чего? Спасение от кого? Спасение зачем? Вечному перу евангелистов принадлежат давно данные ответы. Люди снова неприязненно требуют доказательств? Верующему человеку они открываются ежечасно. Невероятные совпадения — разве это не доказательство вмешательства Божьего, его ласково-заботливого участия в наших жизнях?

Вот и отец Ануфрий поведал несколько историй из своей жизни, когда провидение Божье невозможно было спутать ни с каким научно объяснимым математическим шансом. Само по себе такое не случается и быть не может. Если хотите — в этом и есть сокровенное значение чуда.

— Как-то довелось мне посетить стольный град... Я приехал с церковными деньгами, должен был выполнить множество поручений, купить церковной утвари для нескольких приходов. Зашел пообедать, положил портмоне рядом с собой. Не успел борщ поперчить — глядь, а портмоне нету. А там десять тысяч долларов! — отец Ануфрий увлекся воспоминаниями. — Я в отчаянье бросился туда, сюда... Конечно, ужас меня обуял, немного, наверное, и ропот. За что? Почему? Как теперь быть? Ведь не мои деньги, церковные! Потом оказалось, что на камере видеосистемы безопасности ресторана заснят мужчина,

берущий мое портмоне и выходящий вон. Когда он открывал дверь, то случайно задрал подол майки, и показалась рукоятка пистолета.

То есть дернулся бы я — он бы меня застрелил! Вот так! Это точно как в той истории... Один человек роптал и причитал, как тяжело ему живется. А Бог показал ему его следы. Вот же, говорит, Я всюду с тобой шел. Видишь два следа рядом? Человек посмотрел и вдруг заметил часть пути, где остался только один след. «Ну вот же, зачем тут Ты меня одного оставил?» — «Это Я тебя на руках нес!» — ответил Бог. Так и меня на руках Господь пронес... Всю ночь я провел в пещерах у старцев за молитвой. А деньги ко мне вернулись на следующий день.

— Что, нашли грабителя?

— Нет... На следующий день обедал я с местным архиепископом, вышел от него, опустил руку в карман подрясника, чувствую — там что-то лишнее, неудобное, большое... Достаяю — пачка денег. Пересчитал — десять тысяч. Ни записки, ни объяснения.

— Ну, не Бог же их подбросил...

— Я думаю, архиепископ узнал о моей беде и подослал своего помощника. Я назад, просить разъяснений! Спасибо, говорю, что помогли вернуть утраченное, но, Владыка, не могу я этого принять! А он — мол, ничего не знаю. Иди с миром. Вот такая история... Такой человек попался, молитвенник, первому встречному прикажет помощь оказать... И потом, даже если

бы и не вернулись ко мне эти деньги... Хорошо, что именно у меня украли, меня б за эти деньги не убили. А вот если бы на моем месте какой-нибудь горе-бизнесмен оказался, да с одолженными деньгами?

— Ну, у меня, конечно, не так все трагично пока, но вот пример... Иссякли средства на издание нашей газеты. Нужно три тысячи долларов. А тут Рождество на носу. Пожертвования раньше слали вяло. Никогда не хватало покрыть даже малую часть расходов. Помолился о помощи. Открываю почтовый ящик — двенадцать конвертов (именно двенадцать!) от разных людей чуть ли не со всей земли. В одном конверте — пятьдесят, в другом тридцать, там двадцать долларов, А тут сразу девятьсот! Складываю суммы — уже догадались?

— Три тысячи? — забасил со смехом отец Ануфрий.

— Ни копейкой меньше, ни центом больше... — склонил голову Герберт. — Подстроить ведь такое человеку не под силу!

— Да, Он такой... всякому благу Промысленник и Податель!

— И ладно бы такое случалось раз или два за всю жизнь... Но ведь буквально каждый день совпадения эти... — признался Герберт. — Раньше меня они беспокоили, но теперь превратились в ласковое напоминание мне, маловеру... Иными словами, именно этой снисходительной подмогой и разрушается в пыль

и прах аргумент атеиста об отсутствии очевидных доказательств присутствия Божьего... Пожалуй, и у меня, Фомы неверующего, от этих совпадений окончательно открылись глаза.

— Только не надо относиться к Богу как к кассиру... Господи, помилуй нас, яко Благ и Человеколюбец... — предостерег отец Ануфрий. — Он великий сердцевед!

— Помню, привозили Чудотворную Почаевскую Икону Божьей Матери, — вздохнул Герберт. — Я выстоял в очереди приложиться к образу. Всё твердил, что хочу попросить себе мира в душе и благоденствия... Наконец среди просветов меж плечами увидел образ, и словно бы малюсенькая капелька фаворского света на меня снизошла. Ничего не надо. Только быть здесь, подле... Хорошо-то как! Не по земному хорошо. Совершенно не по земному. И ничего земное более не волнует! А меня уж в спину подталкивают. Очередь подошла. Я приложился к иконе и шепчу: «Славы и благоденствия!» Откуда это взялось? Не «мира в душе» а «славы»! Я испугался, хотел поправиться, но меня уже оттеснили прочь. И что вы думаете, в конце службы вызывает меня митрополит при всем честном народе на амвон и вручает грамоту за помощь в организации доставки иконы. Храм битком набит. Все на меня смотрят. Не каждый же день в церкви грамоты вручают. Вот и получил славу... А мира в душе как не было, так и нет... и благоденствие тоже прихрамывает. Хотя грех жаловаться! Грех... А ведь это урок!

Стало быть, Бог нас лучше знает, чем сами мы себя! Значит, не изжил я еще вкуса к славе, значит, нерасторопны, безразличны, черствы мои молитвы, а то, что я пишу, всего лишь высокомерная изысканность, а вовсе не исповедь на бумаге...

— А что же с приходом вашим будет? Не ладите вы с отцом Матвеем. Он человек тяжелый. Рано ему в настоятели. Он в лучшем случае второй священник в каком-нибудь соборе, чтобы смиряться и учиться послушанию... — помолчав, вернулся к нелегкой теме отец Ануфрий.

— Мне несподручно своего священника судить, грех это, — с неизбежной долей лицемерия загнусавил Герберт.

— Так в чем же выход? — спросил иподиакон.

— Рукоположите меня в священники, — кротко вымолвил Герберт.

— Если бы я был патриархом... — смущенно улыбнулся иподиакон.

— Хорошо сказал, но несколько прямолинейно... — тоже улыбнулся отец Ануфрий. — Вам окунуться надо в православие... Знаете, о новоначальных как говорят? Горят они как сено, ярко, но тепла не дают и быстро сгорают. Вы же должны теплиться как уголь, незаметно, да так жаром шпарить...

— Да, уж не раз обжигался углем для кадила, — вздохнул Герберт. — Не по своей воле ищу

священства. Духовный отец благословил. Я так скажу: мне надо либо быть простым прихожанином, либо священником, потому что я хочу в церкви молиться, а не за кадилом следить...

— Да, диакону молиться некогда, нужно за всем присматривать. Я тоже «молюсь ногами», недослушиваю последние «аминь» хора, уже бегу туда или сюда... — сказал отец Ануфрий. — Однако вы найдете себе помощников за кадилом следить. Вот сын ваш...

— Ну, это маловероятно... Хотя, если сказать ему, что молиться надо ногами и служба быстрее пройдет... Пока он у нас в звонарях. Помните, Джейк бил в колокол, когда я Владыку хлебом-солью встречал на освящении храма? Так он переусердствовал — колокол и упал...

— Да, Владыка мне рассказывал. Иду, говорит, смотрю, на земле колокол лежит!

— Заставь дурака Богу молиться... — вздохнул Герберт, понимая, что священство ему пока не светит. И тут дело не в знаниях. Просто в самой консервативной религии мира время — лучший советчик. — Ну, и слава богу, мне эта ноша тоже вряд ли пока по плечу...

— Есть такая история, — начал отец Ануфрий. — Шли два монаха по пустыне. Каждый нес свой крест. Один монах устал и крест бросил. И вот подошли они к пропасти. А на той стороне земля цветущая, благодатная. Тот, что нес крест,

перекинул его как мост и перешел, а тот, что бросил, остался в пустыне...

17

«Отче наш, Иже еси на небесех...» О превеликое человеколюбие Божие! Тем, которые от Него удалились и были против Него, такое даровал забвение оскорблений и причастие благодати, что и Отцем Его называют: «Отче наш, Иже еси на небесех...» Герберт Адлер пытался вникнуть в смысл самой главной молитвы, данной Самим Господом Иисусом Христом.

«Да святится имя Твое». Свято по естеству имя Божие, говорим ли мы то, или не говорим. Но в согрешающих оно иногда оскверняется. Для того молимся, чтобы в нас имя Божие свяtilось: не потому, что будто, не быв святым, начнет оно быть святым, но потому, что в нас оно святым делается, когда сами освящаемся и достойное святыни делаем.

«Да приидет Царствие Твое». Чистая душа с дерзновением сказать может: «Да приидет Царствие Твое». Ибо кто слышал апостола Павла, говорящего: «да не царствует убо грех в мертвенном теле вашем», и кто очищает себя деянием, и мыслию, и словом; тот может сказать Богу: «да приидет Царствие Твое».

«Да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли». Божественные и блаженные Ангелы Божии творят волю Божию, как Давид, воспевая, сказал: «благословите Господа, вси Ангели Его, сильнии крепостию, творящий слово Его». Посему, моляся, мы проговариваем это в таком значении: «как во Ангелах Твоих свершается Твоя воля, так и на земле во мне да будет свершаться, Владыко!»

«Хлеб наш насущный даждь нам днесь». Не только хлеб обычный насущен. Хлеб же Истины Святой еще более насущный, на существо души нашей подаваемый.

«И остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим». Ибо многие мы имеем прегрешения. Потому что согрешаем словом и мыслию, и делаем очень многое, достойное осуждения. Итак, мы Бога просим, моляся, чтобы простил нам грехи, как и мы прощаем ближним долги и обиды, не медлим и не откладываем прощать друг другу.

«И не введи нас во искушение (Господи)!» О том ли Господь научает нас молиться, чтобы нисколько не быть нам искушенными? И как же сказано в одном месте: «муж не искушен не искусен есть»? и в другом: «всяку радость имейте, братие моя, егда во искушения впадаете различна»? Но войти во искушение не значит ли быть поглощенным искушением? Потому что искушение подобно некоему потоку, трудному для переходения. Следовательно, которые, находясь во искушениях, не погружаются в них,

переходят их, как искуснейшие пловцы, не будучи потопляемы ими: а которые не таковы, те, вошедши, погружаются, как, например, Иуда, вошедши во искушение сребролюбия, не переплыл, но, погрузившись, утонул телесно и духовно. Петр вошел во искушение отвержения: но, вошедши, не погряз, а мужественно преплыв, от искушения освободился.

«Но избави нас от лукаваго». Если бы: «не введи нас во искушение» то же значило, что совсем не быть искушаему, то не придал бы Господь окончание молитвы: «но избави нас от лукаваго». Лукавый же есть бес, от которого избавиться молимся и завершаем молитву нашу славным словом «аминь!», что означает «верую!»

18

Утром Герберт проснулся от вопроса Эльзы, зашедшей к нему в спальню:

— Скажи мне, ты счастлив?

— Нет, — не задумываясь отозвался он, почувствовав, что, видимо, будет скандал, а через каких-нибудь полчаса должны прийти прихожане.

— А почему ты не счастлив?

— Одно только и было существо у меня — Эльза... Она меня любила, а теперь совсем отдалилась... Слишком чужда всякой ласки и

нежных отношений... — Герберту не хотелось выслушивать упреки, у него не было сил и желания, ведь сегодня отец Матвей, сказавшись больным, оставил его одного...

— Хочешь, я скажу тебе, почему я чужда всякой ласки?

— А у меня к тебе нет претензий, — примиряюще промолвил Герберт.

— А у меня есть...

— Изволь изложить.

— Во-первых, ты уходил от меня пять раз за последние полгода, и теперь я не могу тебе больше доверять.

— Ну, если ты будешь продолжать в том же духе, я уйду и в шестой раз... — проворчал Герберт.

— Вот видишь? Во-вторых, ты обманул меня с литургиями. Ты обещал, что, построив церковь, все равно будешь возить меня в наш старый приход, у меня там друзья, я люблю своего духовника отца Никифора... Потом ты заявил, что у нас будет служить отец Матвей, а теперь ты уволил и его. А когда я собралась снова ездить по воскресеньям в наш приход, ты объяснил, что у нас теперь только одна машина и мы не можем оставить семью без машины на целый день. И потом, мне не нравится, что ты подсиживаешь отца Матвея, жалуешься на него направо и налево. Чего ты хочешь добиться? Ну не будет у

нас священника, и кому тогда будут нужны все эти мертвые аналои и подсвечники?

— У нас будет священник...

— И им будешь ты? Может, ты сам возведешь себя в сан и станешь раскольником?

— Между прочим, вчера звонил отец Никифор, сказал, что активно добивается моего рукоположения.

— Ну, ты и его ругал.

— И что? Так у нас принято. Это же в шутку. Он, например, называл диаконов, которые у нас были, архиерейской сволочью...

Эльза оторопела, и он поспешно добавил:

— Ну что ты всех судишь и пытаешься сделать святыми? Мы такие, какие есть. Оставь нас в покое. Следи за своими грехами.

— Зачем ты нажаловался на отца Матвея благочинному, что он причащал без исповеди?

— Потому что это правда. Он сказал — подходите к причастию, я не хочу, чтобы остывало... А исповедоваться можете потом. Это ведь ересь! Как можно причаститься Святых Тайн, стать частью тела Христова, не освободившись от грехов? И он заставил меня причаститься. Ну что, я должен был драться с ним на амвоне? Так мы потеряли несколько прихожан, которые только развели руками и ушли рассеивать дурную славу о нас и о нашем неканоническом батюшке. Что это? Самоуверенность? Самоуправство? И он ведь не

обсудил потом этого со мной, не объяснил своего поведения. А это значит, завтра он может выкинуть вообще что угодно.

— Ты один у нас без греха... — подвела итог Эльза и поджала губы.

Пора было спускаться вниз. Уже начали стекаться прихожане. Герберт быстро прошел в свой кабинет и облачился. Он никогда не показывался прихожанам в светской одежде.

Когда он вошел в церковь, все были в сборе. Джейк и Энжела зажгли лампы и свечи. Герберт поклонился собравшимся, отдернул занавеску, отделяющую алтарь, и начал молитвы. Прочел третий час по-английски и частично по-немецки, а шестой — на церковнославянском. Как ни странно, невзирая на утреннюю размолвку с женой, Герберт молился увлеченно и искренно. Густевшая снегом природа в окнах храма приветствовала замороженных пришельцев, взывающих к Вседержителю.

Озноб и жар овладевали Гербертом, когда он произносил слова молитв, и этот настрой не мог не передаваться собравшимся. Наконец прозвучало последнее «Господи, помилуй». Герберт обернулся к прихожанам и поклонился.

— Прошу всех к столу, — сдержанно произнес он.

По пути в столовую, где, как обычно, был накрыт стол, Герберт неожиданно попал в объятия Эльзы.

— Прости меня. Я была неправа. Ты хорошо молился, и я молилась с тобой. Прости меня.

Герберт улыбнулся. Ему было чрезвычайно лестно услышать такое признание.

За столом он произнес молитвы, благословил ясти и пити, пожелал всем ангела за трапезой, точно так, как делал отец Никифор, и уселся во главе стола, где обычно восседал батюшка. «Ну не оставлять же место пустым?» — оправдал себя самозванец.

В начале трапезы Герберт внимательно слушал, о чем говорят собравшиеся. За столом присутствовали всё те же: пожилая чета православных сербов, чета фон Паули, дети Герберта и Эльза, кроме Патрика, которого нянечка увела во время службы, потому что он расплакался. Патрик не переносил, когда внимание было сконцентрировано не на нем, и обычно начинал плакать, как только отец начинал говорить или молиться. Его нянечка-китаянка дорабатывала последние месяцы, и Адлеры воздерживались от попыток перевоспитать младенца в присутствии человека, который провел с ним большую часть времени с самого рождения. Вот уйдет, тогда и попытаемся ввести новые правила поведения, решили они.

За столом сначала, как водится, разговор шел ни о чем. Герберт не вмешивался до поры до времени, чтобы застолье не выглядело формальным и направленным на проповедь. Но

как только выдался удобный момент, он не упустил своего.

— Почему женщины захватили власть у мужчин? — спросила фрау Паули, глядя прямо в глаза Герберту. Все за столом посмотрели на него, но Герберт не успел ответить. Серб принялся рассказывать о том, как несправедлив современный мир, и говорил об этом по крайней мере минут пять. Герберт его не перебивал. Он знал, что его супруга сама прервет его, когда придет время. Так и произошло.

— У тебя всё выходит слишком мрачно... — сказала она мужу.

— В действительности же необходимо разделять два мира. Тот, о котором вы говорите, — полный жадности и несправедливости, — это земной мир. Иисус Христос же говорил, что он не от мира сего... — вступил Герберт, и серб согласно кивнул.

Герберт продолжил:

— То есть и мы, последовавшие за Христом, тоже не от мира сего. Христос сказал, что он победил мир. И это так. Приняв Его заповеди, ничто мирское более не должно нас по-настоящему мучить. Вот и насчет вопроса фрау фон Паули. В том, что женщины стали свободны, нет ничего дурного. Наоборот, проявлением нашей любви к ближнему должно быть прежде всего уважение. А как можно проявлять уважение к человеку, не давая женщинам свободно выбирать профессию или голосовать?

Но с другой стороны, общество, именно то самое общество, которое и является князьями человеческими, на которых не следует надеяться, превратило освобождение женщины в еще большее закабаление, заставив ее работать как мужчину, на многие годы отобрав у нее возможность воспитывать детей и лишив возможности сохранять дом, выхватывая и разлучая супругов в интересах карьеры, посылая мужа на другой конец страны... — тут взгляд Герберта невольно остановился на Энжеле и она отвела глаза. — Короче, во всем нужно различать два подхода. Если же все смешивать вместе, то впадешь в осуждение, не увидишь никакого выхода и в конце концов примешься роптать на Бога. Потому что, живя по законам мира сего, теряешь всякий смысл. Никто из нас не страдает от недостатка хлеба или крыши над головой. Но мы ведь глубоко неудовлетворены только хлебом единым. Поэтому, несмотря на снегопад, мы собрались здесь сегодня. И Христос нас не оставил, Он здесь, с нами, потому что обещал, что где двое-трое соберутся во имя Его, то и он посреди них.

Чета фон Паули снова заговорила о военных воспоминаниях, но Герберт вмешался:

— Христианство освобождает вас от прошлого.

Все с недоумением посмотрели на него. Фрау фон Паули мягко возразила:

— Мне уже за восемьдесят. Всё, что у меня есть, в прошлом. Так что же, христианство освобождает меня от себя самой?

— Вот именно, — кивнул Герберт. — Христианство не является религией, обращенной в прошлое. Оно направлено в будущее.

— Какое будущее может быть на девятом десятке? — горько усмехнулась фрау фон Паули.

— Царство Божие или его отсутствие. Это самое важное будущее, какое только может быть. Исповедовавшись и получив отпущение грехов, вам следует их забыть. Простив грехи других, вам тоже следует предать их забвению.

— Но как же я могу забыть танки... — всхлипнула она.

— А вот тут нужна помощь Божья. Ведь православные тем и отличаются от лютеран, что последние отказались от церковных таинств, а следовательно, от Святого Духа. Ведь если мы верим в Бога, нам следует верить и в чудотворное действие Духа Святого. Если вы примете крещение по православному обычаю, вы получите доступ к этим таинствам — исповеди, причастию. И сами не заметите, как начнете меняться. Это словно таблетка, принятая от головной боли: наутро вы уже не чувствуете боли и забыли о ней. Ведь будучи в нормальном состоянии, мы не удивляемся нашему здоровью и воспринимаем его как должное. Но вспомнив, почему вы легли в постель раньше обычного, вы вспомните и боль, удивившись, куда она исчезла. Так произошло и со мной. После крещения, в процессе молитв и принятия Святых Тайн, я вдруг заметил, что давнишние дурные помыслы

растворились без следа, темные желания поблекли, болезненные воспоминания стерлись. Жизнь моя обрела смысл. Она стала чище, лучше, светлее, несмотря на то, что я, увы, пока еще не вполне счастлив.

— Ну как я могу забыть отца, убитого бомбежкой в Берлине в конце войны... — вдруг возмутился герр фон Паули. Об отце он упоминал только один раз, мимолетно, рассказывая, как отец учил его не глушить мотор на морозе и как под Москвой они никогда не глушили мотора. Несмотря на то что это было сказано мимоходом, Герберт отметил гордую усмешку на устах обаятельного старика.

— Послушайте, вот вы говорите, вашего отца убили союзники, и вы до сих пор не можете спокойно смотреть на этих, как вы их называете, «павлинов», которые маршируют в дни празднеств, посвященных победе во Второй мировой войне. А что, собственно, делал ваш отец под Москвой с мотором, который он не глушил на морозе?

Немец попытался сменить тему.

— Нет уж, позвольте, что делал ваш жестоко убиенный впоследствии отец под Москвой? Он что, был там туристом? Может, если бы не было его пробега с мотором до Москвы, не было бы и бомбежек Берлина?

— Конечно, вы правы, — герр фон Паули потупил глаза.

— Но вы постоянно обличаете другие религии... — взволнованно подлила масла в огонь его супруга.

— А какое вам дело до других религий? — нагло спросил Герберт. — Вы что, не можете ничего решить для своей души без того, чтобы не разрешить всех разногласий в мире?

— Дело в том, что мой сын выжил благодаря буддийскому монаху. Сын был очень болен и никто не верил в его выздоровление. И тогда я пошла к знаменитому буддийскому монаху. Мы медитировали, и он сказал, что с моим сыном все будет нормально. И вот сыну уже пятьдесят лет! Он жив и здоров.

— Ну, во-первых, я не думаю, что именно монах излечил вашего сына. Во-вторых, возможно, он очень хороший и милый человек, но мы не можем согласиться с их верой в переселение душ. Я и сам грешил такой верой раньше, но теперь понял, что она противоречит православию. Если наша душа меняет тела, то с каким обновленным телом мы объединимся в конце времен? И потом, буддизм уравнивает людей и животных, а это не одно и то же. Всегда, когда перестают видеть разницу между людьми и животными, к людям начинают относиться как к скоту.

— Я не могу есть мясо... Хотя Христос ел мясо! — возразила фрау фон Паули.

— То есть вы хотите быть более безгрешной, чем Христос, или поправить его? — пошутил

Герберт и продолжил: — Переселение душ противоречит и воскрешению Христа. Где сейчас Его душа, в кролике? Пусть я утрирую, но мне кажется, вместо попыток вести богословские споры нам следует усвоить простые истины православия и попытаться их принять. Вот, например, согласны ли вы с символом веры, и если да, почему бы вам не принять крещение и не получить пользу от наших церковных таинств? Ну, давайте пройдемся по символу веры... «Верую во единого Бога Отца, Вседержителя, Творца небу и земли, видимым же всем и невидимым». С этим вы согласны?

Немцы закивали, но Герберт уточнил:

— Чем больше мы пытаемся объяснить мир с научной позиции, отбрасывая Бога, тем меньше мы в этом преуспеваем. Невозможно объяснить ни существование вселенной без Божественного вмешательства, ни возникновения жизни... «И во единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия, Единородного, Иже от Отца рожденного прежде всех век; Света от Света, Бога истинна от Бога истинна, рожденна, несотворенна, единосущна Отцу, Имже вся быша».

— Мы верим в Евангелие, — ответили супруги фон Паули.

— «Нас ради человек и нашего ради спасения сшедшаго с небес и воплотившагося от Духа Свята и Марии Девы, и вочеловечшася. Распятого же за ны при Понтийстем Пилате, и

страдавша, и погребенна. И воскресшаго в третий день по Писанием...»

— Вот с этим я не могу согласиться, — вмешался герр фон Паули. — Что же, этот замечательный человек был распят за мой грех, который я совершил, скажем, сегодня утром, съев во время рождественского поста бутерброд с ветчиной?

— У меня тоже была эта проблема. Мне тоже стыдно, что Он умер за нас. Я тоже считаю себя недостойным, и в мечтах уводил Его от этого распятия на волю... Но помните, что сказал Христос Петру, когда тот стал отговаривать Его от крестного пути? Он сказал: отойди, сатана. Смысл христианства в том, что Бог проявил наивысшую степень любви, суть которой — самопожертвование. Поскольку Он был человеком, значит, человек совершил эту жертву и от лица всего человечества искупил свой первородный грех. Он спустился в ад и извлек оттуда всех старозаветных праведников... Просто до воплощения Христа не было возможности получить прощения грехов, вот что совершилось...

— Теперь я смотрю на это совсем иначе! — воскликнул герр фон Паули. — А как же те, кто никогда не слышал о Евангелии? Как же те народы, которым не успели донести Благую Весть? Ведь откровение произошло на Святой земле, а до Америки добралось только через полтора тысячелетия...

— Те, кто не слышал слов Евангелия, не несет ответственности за то, что не выполнял Его заветов ... Безумец тот, кто слышал и не исполнил, — ответил Герберт, но серб его поправил:

— Многие жили по близким законам, жертвовали собой и были хорошими людьми. Православие отнюдь не является гарантией Царствия небесного. Праведная жизнь — вот в чем ключ от врат небесных.

— «И возшедшаго на небеса, и сидяща одесную Отца. И паки грядущаго со славою судити живым и мертвым, Его же Царствию не будет конца. И в Духа Святаго, Господа животворящаго, Иже от Отца исходящаго, Иже со Отцем и Сыном спокланяема и сславима, глаголавшего пророки. Во едину Святую, Соборную и Апостольскую Церковь. Исповедую едино крещение во оставление грехов. Чаю воскресения мертвых, и жизни будущего века. Аминь», — закончил Герберт.

— С этим споров нет? — наконец спросил он. Немцы улыбались.

— Если я начну исповедоваться отцу Матвею за всю свою жизнь, ему придется слушать меня неделю...

— Нет такой необходимости... Крещение освободит вас от всех грехов. Конечно, если что-то будет продолжать вас смущать, то и будете в этом исповедаться, но крещением смываются все грехи за прежнюю жизнь, и вы рождаетесь в

жизнь новую, вечную... — не без торжественности объявил Герберт, давая понять, что на сегодня проповедь подошла к концу.

19

Герберту было приятно получать письма, приходившие в редакцию его газеты. Первое письмо он получил от архиепископа: «Узнав об издании православной русскоязычной газеты, я вспомнил евангельские слова Господа нашего Иисуса Христа: “Не вы Меня избрали, а Я вас избрал и поставил вас, чтобы вы шли и приносили плод”».

Семьдесят с лишним лет в стране, когда-то известной глубиной своей любви к Богу и преданностью Его Церкви, коммунизм пытался насилием и страхом искоренить Веру из человеческого сердца. Самосознание так называемого советского человека оказалось разрушительным для основ жизни и поставило человечество перед опасностью как нравственного, так и физического вырождения.

Здесь, на Западе, где свобода и демократия являются самым важным атрибутом человеческого существования, материализм, эгоцентризм и гордость, которые в капиталистическом мире считаются показателями внутренней силы и залогом жизненного успеха, приводит человечество к той же опасности.

И вот в это-то время, когда человечество стоит перед пропастью нравственной катастрофы и в обществе ощущаются элементы политического и экономического кризиса, чреватых приближением еще большей глобальной катастрофы, издается эта прекрасная газета, обращенная к будущему, — будущему, в котором человек начнет строить свою жизнь на христианских началах покаяния и любви.

Я ознакомился с первыми номерами этого великолепного издания, и убежден, что эта газета способствует выработке православного мирозерцания, возвращению к истокам духовного реализма святых отцов и развитию внутренней христианской культуры.

Я благословляю издание и распространение православной газеты в пределах своей епархии и молюсь: да будут милости Великаго Бога и Спаса нашего Иисуса Христа со всеми вами».

Но стоило Герберту опубликовать статью о сектантах-пятидесятниках, как он получил следующее письмо: «Обращается к вам группа пастырей русскоязычных протестантских церквей. Учитывая непростую духовную ситуацию среди русскоязычной общины (люди оторваны от Родины, у многих проблемы с работой из-за незнания языка, конфликты между родителями и детьми), появление новой газеты, проповедующей христианские ценности, нами было воспринято с надеждой и радостью. Не секрет, что уровень проблем среди русскоязычных семей очень высок. Здесь

процветают и пьянство, и наркомания, и депрессии, и разрушение семей.

Однако, появление статьи «Пятидесятники» в последнем номере газеты нас огорчило и озадачило. Мы верим, что Господь призвал всех христиан трудиться на своих нивах, ибо, по словам Спасителя, «жатвы много, а делателей мало».

Особенно необходимо объединение христиан перед лицом угрозы воинствующего секуляризма и нравственного релятивизма, глубоко пропитавшего западное общество.

В то время, когда проводятся мерзкие и богопротивные мероприятия вроде парадов гомосексуалистов, всем людям, исповедующим Христа как Господа и Спасителя, необходимо объединиться в посте и молитве за наш город и стоять, по словам Святого Апостола Павла, «в одном духе, подвизаясь единодушно за веру Евангельскую».

Хотим также напомнить слова Спасителя, сказанные Им в Евангелие от Луки 9: 50 «Иисус сказал ему: не запрещайте, ибо кто не против вас, тот за вас». Мы верим, что люди, верующие в Иисуса Христа как Бога, должны искать точки соприкосновения, по словам Апостола Павла, «доколе все придем в единство веры и познания Сына Божия, в мужа совершенного, в меру полного возраста Христова».

Католики и протестанты гораздо многочисленнее православных и ведут активную деятельность в социальной сфере.

Особенно настораживает появление данной статьи в разделе «Сектоведение». Попытки записать пятидесятнические церкви в категорию «сект» вызывают серьезное недоумение. Это вносит разделение и напряженность в Тело Христово. Писание же призывает нас думать о себе скромно, да и слова Иисуса в Евангелии от Иоанна 13:35 «По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою» учат нас любить друг друга и выполнять общее дело, проповедуя Библейские истины.

Поэтому мы надеемся, что в ближайших выпусках вашей газеты вы опубликуете извинения по поводу выхода данной статьи. Пусть Господь благословит вас».

Герберт ответил: «Газета предназначена русскоязычному читателю православного вероисповедания и лицам, интересующимся православной верой. В силу своей специфики газета не обращается к широкой аудитории и вряд ли может привлекать внимание ваших прихожан, если они твердо стоят на позициях протестантизма и неопротестантизма. Если же некоторые из них примкнули к вашим церквям из-за недостатка информации о различиях между православием и другими религиозными движениями — вы не можете запретить им

почерпнуть эти знания из нашей газеты или из каких-либо других источников. Тем более вы не упомянули ни о каких фактических ошибках в статье. Кроме того, как вы, возможно, заметили, статья выдержана в нейтральном стиле, и слово «секта» в ней практически не употребляется.

Мы не знаем, существуют ли у вас подобные публикации, но вряд ли мы заметили бы статью, посвященную православию, если бы она появилась в вашей газете. Во всяком случае, мы спокойно восприняли бы ваше право свободно выражать свое мнение о различиях в наших вероисповеданиях.

Именно поэтому ваше письмо вызвало в редакции искреннее удивление. Нам представляется вполне естественным, что наша газета знакомит читателей, интересующихся православием, с позицией Православной Церкви в отношении различных религиозных движений.

Сектоведение — дисциплина, занимающаяся изучением таких религиозных движений, и другое слово, обозначающее эту дисциплину в русском языке, отсутствует.

Сектоведение является обязательной дисциплиной для изучения в Санкт-Петербургской Православной Духовной Академии, Московской Духовной Семинарии и многих других православных духовных учебных заведениях по всему миру.

Между тем слово «секта» не несет в себе никакого негативного смысла. В классической

латыни этот термин (лат. *secta* — «партия, школа, фракция») служил для обозначения образа мышления, образа жизни, а в более конкретном смысле — политической партии или философской школы, к которой принадлежал человек.

В. И. Даль определил слово «секта» как «франц. братство, принявшее свое, отдельное ученье о вере; согласие, толк, раскол или ересь».

Д. Н. Ушаков — как «религиозное сообщество, состоящее из людей, отколовшихся от господствующей церкви и принявших новое вероучение».

В англоязычной терминологии понятию «секта» соответствуют термины *sect* и *cult*. В то же время в английском языке *sect* также применяется по отношению к традиционным направлениям многих религий (например, основных течений индуизма, ислама или христианства).

«Пятидесятников» называют сектой такие средства массовой информации, как CNN, термин *Protestant Sect* используется и многими газетами и даже Британской энциклопедией.

Теперь по существу вашего письма.

Сектой именуется религиозное движение не в силу его массовости или малочисленности, а в силу его происхождения, откола от основной ветви.

Таким образом, даже христианство именовалось в свое время сектой иудаизма.

Заслуги католиков в наше время вызывают многие споры и некоторые исследователи даже видят в завоевании Америки элементы геноцида против местного населения. В то время как православие, появившись на Американском континенте в восемнадцатом веке и начав свою миссионерскую деятельность на Аляске, продолжает ее до сих пор, не запятнав себя никакими насильственными действиями.

Роль протестантизма в создании системы социального обеспечения также является аргументом, вырванным из контекста. Люди приходят в Церковь не за хлебом насущным, и приписывать религиозному движению подобные заслуги можно только признав, что оно занимается не своим делом. Наша Церковь также помогает населению, но при этом православие сохранило апостольское благословение, передаваемое через рукоположение нашим священнослужителям.

Лишение прихожан Таинства Евхаристии (причастия), Таинства Исповеди и других таинств, основоположенных самим Спасителем и Его апостолами, является духовным обкрадыванием людей, стремящихся к Богу.

Христос говорил: «Многие лжепророки восстанут и прельстят многих». Как вы думаете, кого он имел в виду?

Мы согласны, что необходимо объединение христиан перед лицом угрозы воинствующего секуляризма и нравственного релятивизма, глубоко пропитавшего западное общество. Но мы верим, что это объединение может произойти

только в результате возврата заблудших братьев и сестер наших в лоно Апостольской Православной Церкви. В противном случае мерзкие и богопротивные мероприятия вроде упомянутых вами парадов могут приносить меньше вреда душам человеческим, чем уверение людей, что на них нисходит Дух Святой вне покаяния и спасительных церковных таинств. Потому что в первом случае соращение явное, а во втором — тайное.

Принимая во внимание все сказанное, нам трудно выполнить вашу просьбу и принести публичные извинения. Как они будут выглядеть? «Мы приносим извинения, что опубликовали статью о Пятидесятниках в разделе Сектоведение?» А о ком нам писать в этом разделе? Или мы вообще должны закрыть этот раздел?

Мы просим прощения, что опечалили вас, но мы не можем иначе. Признание или игнорирование сектантства может погубить ростки веры, пронесенной сквозь тысячелетия.

Вы можете позволить себе утверждать, что все церкви равны перед Богом, мы — не можем.

Мы бы с огромной радостью общались с вами и пытались бы объяснить наше видение мира, поделились бы с вами учениями наших Святых Отцов и двухтысячелетним опытом православия. Мы бы углубились в корни протестантизма, да и католичества, и увидели бы, где произошел досадный раскол во Вселенской Апостольской церкви, и вы бы безусловно убедились, что

единственный путь его устранить — это вернуться в Ее лоно.

Храни вас Бог».

Были и приятные письма: «...Хотим поблагодарить вас за доброе дело, которое Вы делаете для людей, приехавших на Запад уже в пожилом возрасте.

К великому сожалению, в нашей родной стране мы сподобились пройти лишь начальную школу веры в Господа. Здесь же печаль и скорбь о нашей Родине способствовала тому, что сердце открылось для настоящей любви к Богу и ближнему. Спаси Вас Господи за ту радость и знания, которые Ваша газета нам дарует...»

«Хочу выразить слова огромной благодарности за ваше дело! Ваша газета помогает духовному развитию православных людей, оказавшихся вдали от родного края, вдали от родных и близких. С вашей газетой в руках легче переносятся жизненные тяготы, да и относится к ним лично я стала совсем по-другому.

Хочу поделиться так же своим опытом. Практически ежедневно читая вашу газету, я несколько раз обращала внимание на просьбу редакции о материальной поддержке газеты. Я поначалу ловила себя на мысли, что надо действительно помочь, но как-то дальше мысли, к моему стыду, дело не доходило. Пока однажды, после чтения вечерних молитв и Евангелия я, как обычно, не взяла в руки газету и по-другому увидела это объявление. Я вдруг поняла,

насколько мы должны быть благодарны Господу за возможность просвещаться, но ведь есть и другие люди, которые не имеют такой возможности из-за ограниченной материальной возможности редакции. И действительно, на данный момент газета распространяется только в 50 из 700 православных приходов. Уважаемые читатели, вдумайтесь в эти цифры — 650 православных приходов не имеют такой возможности! После осознания этого я сразу же внесла свою посильную лепту и призываю всех читателей помочь распространению православия и поддержать материально издание газеты!»

«Спасибо вам за ваше благое дело. Это очень важно, что существует газета, где каждый может найти для себя ответ, что же такое христианство, где объясняются постулаты веры и подвиг нашего Господа Иисуса Христа.

Я думаю, многие крещеные люди через вашу газету укрепятся в вере, потому что поймут ее и умом и сердцем...»

«Не знаю, как у вас хватает сил на такой большой труд. Помогай Вам Господь в вашем благом деле — и Вам, и жертвователям, и тем, кто так или иначе участвует в этом деле. Газета, которая сейчас издается, невероятно нужна. Я верю, что это тот живительный колодец, который поможет спастись многим...»

“Много лет назад я, девочка из еврейской семьи, впервые задумалась о Боге. Нет, это не были размышления ребенка, росшего в религиозном

окружении. Слово «Бог» употреблялось очень редко и в обычном для советских людей контексте, без какой-либо религиозной подоплеки. Моим родителям, выросшим при Сталине, и в голову не приходило говорить на такие темы вслух. Тем более поднимать тему иудаизма, будучи партийцами... Несколько раз в году отмечались праздники, но то была, скорее, дань прошлому, далекому детству, отзвуки которого мои мама и папа слышали, несмотря на заглушавший их «коммунистический задор» строителей светлого Всего. Сомневаюсь, что суть этих праздников была им до конца ясна...

Помню свое удивление и радость, когда впервые оказалось в моей детской руке крашеное яичко, подаренное православной соседкой, сладковатый вкус кулича. Видимо, тогда впервые закрался в мою душу вопрос о различии праздников у разных народов и об их смысле... И, видимо, тогда же начался неосознанный поиск, растянувшийся на много-много лет...

Сочельник, Рождество, Святки, Крещение — эти слова из книг школьной программы почему-то завораживали меня. Было в них что-то таинственное и до боли знакомое! Как после долгой потери памяти — проблески воспоминаний. Иногда возникало пронзительное щемящее чувство; так бывает, когда потеряешь что-то очень дорогое, ищешь, ищешь и не можешь найти.

Первый мой приход в храм запомнился навсегда. Маленькая церквушка у русского кладбища,

уютный дворик с колодцем, не слишком много людей, чтобы за ними спрятаться. Стояла я позади всех, ближе к двери. Боялась, что вот-вот выведут на чистую воду, уличат в том, что не по праву стою и слушаю их тихие молитвы, не для меня они звучат под этими сводами. Батюшка поманил. Подошла и дрожащим голосом призналась: «Батюшка, я еврейка...». Молодой рыжеволосый батюшка всплеснул руками: «Иудейка? Что же, приходи, молись с нами. Это неважно, в каком храме молиться...». Кто знает, как сложилась бы судьба, не скажи он тогда этих слов, которые словно путеводная нить вели меня по жизненной колее, неровной, ухабистой, словно размытая проливными дождями проселочная дорога...

Еще однажды пришла в эту церковь. А потом появился страх, что об этом узнают мои родители, мой брат, преданный всей душой иудейским заветам. Что они скажут, как переживут мое «предательство»?

Вскоре мы с мужем решили уехать в Израиль. Я поставила точку на своих исканиях. Решила повернуться лицом к своим традициям, обрести веру там, где предписано предками.

Первое время на Святой Земле я очень старалась следовать обычаям. Мне был нужен Б-г, был нужен путь к Нему. Но отклика в душе мои старания не находили. Не было счастья ожидания, радости приближения. Лишь механическое выполнение обрядов, проникнуться которыми я так и не смогла...

Каждый человек ищет Б-га, но не каждый отдает себе в этом отчет. И чем менее он это осознает, тем более несчастным себя чувствует. Потому что если болит душа и не знаешь причины боли, как же сможешь исцелить свою душу?

И я искала! Гуру, ведантизм, астрология...

Душа моя молчала. Я так запуталась! Все потеряло смысл. Мне нужно было найти Б-га — не погруженного в медитацию, не отгородившегося от живого копошащегося мира, не говорящего, что нет ни добра, ни зла, а жизнь человеческая — лишь бесконечно вращающееся колесо... Как мой муж, мои дети могут быть лишь временными спутниками на одном из его витков?! Мои родные, любимые — лишь призраки, о которых я забуду, вновь придя на Землю?!

Мне нужно было найти Б-га, в Котором Любовь к человеку затмевает боль, страх, горечь чужих предательств! Который учит такой Любви и к ближнему, и к врагу! К Которому можно подбежать, вырвавшись из толпы, прикоснуться к краю плащаницы, упасть на колени, оплакивая всю свою неправильную, несправедную жизнь! И знать, что Он не велит побить камнями, не оттолкнет презрительно, не уйдет, не оглянувшись! Б-га, который ждет моего прозрения, моего раскаяния и прощает!..

И я нашла. Я поняла это с первой секунды, когда спустя 15(!) лет снова переступила порог православного храма. Этот запах! Словно

вдыхала его всю жизнь — запах воска и ладана! Запах дома. Хотелось упасть на холодный каменный пол и плакать, пока все старое, чужое, лишнее не исторгнется этими слезами из души, расчищая место для настоящего и неизменно светлого. Я смотрела на образа, еще не решаясь приблизиться, прикоснуться, но уже понимая, что долгий путь блуждания в темноте окончен, и теперь начинается другой — путь Познания. Пусть бесконечный, но единственно мой.

Мы крестились в небольшой церкви на берегу Тибериатского моря. В той же церкви венчались. Папа не застал этого. Мама постепенно приняла. А брат, по-прежнему верный своему народу, ничего об этом не знает. Безусловно, он никогда не понял бы и не простил мне моего решения. Какая разница? Я же все равно не перестану его любить.

«Ибо Я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее» (Ев. От Матфея).

Две тысячи лет назад израильтяне разделились на тех, кто пошел за Мессией, и тех, что остались и ждут до сих пор Его прихода. Каждый поступил так, как повелело ему сердце. Две тысячи лет назад, и сегодня...”

Неделя для Андрея промелькнула незаметно. Каждое утро он ездил на службу, где работал курьером, а оттуда с бумагами — пешком до налоговой. С бомжом, живущим на лавке около метро, он начал здороваться. В выходные отсиживался дома за своей раздолбанной клавиатурой.

«В Интернете наткнулся на информацию об отвергнувшей меня Вете. «Вета Нефедова, секретарша из Литинститута, на досуге тягает штангу, курит гашиш в центре Барселоны и смотрит кино про кровь». Почему-то жутко разволновался, спустился вниз, стрельнул «Парламент» у какого-то мужика. Хорошо, видимо, осведомлен тот, кто это написал.

Одно только и было существо, которое я был готов любить без задних мыслей, среди плохо оштукатуренных декораций невнятного бытия. Настя — другое дело. Там была влюбленность. С Ветой была любовь! Зачем она отказалась от меня, даже не попробовав на вкус мои непозволительно искренние слова? Да, я видел ее мельком, и благоразумные советы толстосума Герберта не способствовали моей откровенности. Он говорил, что такие порывы кажутся неестественными. Что любая новая женщина, которая появится на моей орбите, — это очередная жертва на алтарь моей нетрезвой гордыни. Полезно ли иметь такое сокровище, как я, в семействе? Конечно, нет, особенно когда деньги на исходе и я окончательно испорчен одиночеством. Еще это православное животное,

бесчувственный богач говорил, что все, что я хочу, это позабавить себя очередной молодкой и что без церкви жизни мне не будет... Однако я живу, и, вопреки теориям Герберта Адлера, по-прежнему мыслю и существую без церкви.

Я выбросил с моста в реку подаренный им крестик, освященный на Гробе Господнем. Так что Его Превосходительство Герберт Адлер может отдыхать. Никаких последствий столь кощунственных и губительных действий, как надругательство над нательным крестом, я не наблюдаю. Скорее наоборот. Без креста, который он вынудил меня носить, я чувствую себя гораздо свободнее и не стесняюсь возможных недостатков своей натуры, воплощаясь, каждый день в человека, имеющего настойчивое тщеславное желание обедать. Я — веселое двуногое, ищущее пищи и любви. И не надо меня учить жить сызнова, пытаюсь перечесать мои грехи. Таковых я у себя не нахожу, вопреки безобразной репутации.

В субботу встретился на Арбате со знакомым литератором в летнем кафе рядом с Российско-украинским культурным центром, где он работает. Приятный высокий молодой человек с почти волевым лицом, которое, наверное, и пристало иметь поклоннику и последователю Владимира Набокова. Просидели с ним без малого два часа, вокруг неумолчно галдели итальянцы. «Невоспитанная нация», — заметил он. О времени учебы в Литинституте он вспоминает как о напрасно потерянном.

Посредственности преподаватели, студенты, из всех сил старающиеся изобразить из себя богему, и т. д. Выяснилось, что он даже не знает, кто там сейчас ректор. Так что тот факт, что единственное мое законченное образование — пищевой техникум по специальности «оператор колбасного оборудования», вовсе не мешает мне быть талантливым писателем в коконе. Пусть я и не намерен себя раскрывать и у меня не очень хорошо выходят диалоги, но мне есть о чем мечтать, хотя за всю свою жизнь выжал из себя всего восемь стихотворений, три критических статьи и полстраницы утраченного перевода Набокова из романа о его соблазнительной нимфетке...

Мне давно приходило в голову, что Герберт Адлер был для меня почти тем же, что миллионер Питер Спрэг для Эдуарда Лимонова. Об этом я в шутку говорил Гафту еще в ноябре, когда водитель-бомбила вез нас к нему на Арбат. Какая разница, что Лимонов работал хаускипером (читай — слугой), а я — литагентом. Это не мешало мне заниматься физической работой: после разгрузки машины с его книгами Адлер сказал, что теперь я в буквальном смысле ощутил на себе всю тяжесть писательского труда. Меня притягивают лимоновские места. В Уланском переулке, где мы записывали аудиокнигу с Гафтом, Лимонов жил дважды, а на Нижней Сыромятнической, неподалеку от которой работает Вета, он обосновался после саратовской отсидки. Ну и

что, что у Гафта пятикомнатная квартира ценой, наверное, в миллион, а я снимаю угол в бомжатнике. У нас явное сродство душ, которому не помешал даже сомнительный талант Герберта Адлера.

Правда, теперь, благодаря моему изгнанию из рая, приходится довольствоваться общением с людьми иного сорта. Занятная у нас в квартире подобралась компания: бакинский армянин с российским гражданством, русский с гражданством украинским, парень из-под Пензы и я, наследник Левши. Кроме меня, все плотно сидят на стакане. Ну а я, эстетствующий ренегат, променял алкоголь на модный на Западе прозак, который, кажется, мне не помогает. Нет даже побочных эффектов. Вспомнилась сегодня запись из дневника Бунина: «Проснулся от юношески сильной эр». Литературовед, готовивший текст к печати, с целомудренным простодушием расшифровал «эр» как «эротика». Как говорится, несмотря ни на что, мой револьвер всегда при мне. Интересно, что думают обо мне соседи — не пьет, девок не водит, стучит себе и стучит по клавиатуре. Не иначе как мормон. Впрочем, мормоны лекарств не принимают. Где-то сейчас девушка моих жестоких грез? Ангел, фея, тварь, паскуда... У нее отпуск, она собиралась за границу. В моем телефоне любовно хранится ее эсэмэска: «Idi nah». Выглядит как надпись по латыни... Совершенно неподобающая фраза для студентки Литинститута, ибо это слово в современном

сленге используется исключительно для усиления смысла, но никак не для указания пути: «Выйдем флэш-мобом к Останкину нах, / с водкой-селедкой и песней протеста» (В. Степанцов).

На Новом Арбате, куда я ездил по поручению, меня встретила не виденная мной ранее высокая девушка с волной длинных светлых волос, льющихся на плечи. Так и хотелось сказать ей: я не то, что вы думаете, я совсем другое. Гафт

называл меня самородком и талантливym мальчиком, дата рождения в моем паспорте — ошибка, мне меньше, намного меньше, но хотя я такой юный, я уже целовался с девушками, во всяком случае, с одной, и на губах ее был вкус четвертого «Кента», и она была такой же высокой, как и вы, а звали ее Вета, гибкая, как ветка акации над несуществующим пристанционным прудом в ста километрах к югу от Москвы, на глади которого колышутся (значит, не совсем на глади, раз колышутся) лилии, она узнала бы этот стиль, эту интонацию, ведь ей нравится этот автор, ведь и ее собственная проза — это тоже нанизывание вереницы слов на бесконечную нитку фразы, а еще я сочинил для нее за много лет до нашего знакомства изящное двустишие: «Зимой и осенью, весной и летом // твержу я, как молитву, имя Вета», которое прочитал ей в ГУМе за глянцеvито-черным, как стремительно дешевевшая той весной нефть, кофе, и она улыбалась и щурила свои карие глаза, в полном неведении о значении слова adoration и бескорыстности любования.

Но сколько можно разглядывать в увеличительное стекло обольстительные мечты!

И отчего я так оробел, сам не знаю. Видимо, смелость — привилегия капитала. В литературе — как в жизни. Первой половине всякой фразы позавидует даже безмозглый оратор, а вот концовку поди подбери... Вся ведь соль именно в концовке! И здесь ни при чем высокомерное

нежелание принимать челобитную от собственного либидо.

Я давно уже стал затворять дверь собственному любопытству и не смотрю в ту сторону, где слащаво разверзаются женские прелести. Зачем мне ждать, когда через годы любимая задаст очередной экзистенциальный вопрос:

— Я очень подурнела?

— Нет, — с откровенностью, не лишенною благородства, отвечу я, лишь после опомнившись и смутно заметив, что она легко раскусила мою ложь.

А так я — одинок. Мне остались безденежье и безделье. Работа у меня, конечно, не бей лежачего. До здравствуют безденежье и безделье!

Странствуя по городу, думал о Ветиной прозе. Бессюжетность, отсутствие характеров, нарочитое совмещение разных временных пластов, псевдобылинная интонация, обилие вычурных или самодельных слов — все это лишь маскирует внутреннюю бессодержательность и духовную пустоту. Поражаюсь, как можно написать столько страниц абсолютно ни о чем. Сделано все ладно, живо, с некоторым даже изяществом, производить такую прозу при ее словесном умении можно в промышленных масштабах. Впрочем, оценить все достоинства и изъяны мне мешают *jealousy*, *despair*, *remorse*, *tenderness* и многие другие чувства, вызываемые

ее произведениями, которые мне почему-то неприятно называть по-русски.

А роман Герберта Адлера — ниже всякой критики. Напыщенность, претенциозность, философские потуги, высоколобая эротика. Из сцены орального секса: «зубастенькие тюрьмы». Ужас! От этой книги за версту разит не только творческой, но и половой несостоятельностью автора, уже много лет сидящего на антидепрессантах.

Я по-прежнему ищу работу в издательстве. Мешает отсутствие образования. Побывал на двух собеседованиях и рассказывать о них совсем не хочется. Много лишних, не относящихся к делу вопросов, подробностей, околичностей. На «Водном стадионе» некто Армен дошел до того, что принялся читать мне стихи Иосифа Бродского в собственном переводе на армянский.

Вновь бесцельные одинокие странствия по своему любимому городу, в который стремился столько лет и вот наконец в нем оказался. Не слишком ли поздно?

21

Однажды апостолу Андрею явился Иисус Христос и сказал: «Спеши опять в Вифанию и не бойся, Я с тобою состранствую; еще же и земля Скифов тебя ожидает». Жители города Никеи встретили евангельскую проповедь враждебно; с целью их обращения апостол совершил многие

знамения, крестил уверовавших жителей, на месте синагоги воздвиг церковь Христову и пребывал в Нике два года.

В Синопе апостол был жестоко избит и брошен замертво, но явился Спаситель и исцелил его. В другой раз святой Андрей со спутниками достиг Грузии, апостол Матфей остался проповедовать в Сванетии, апостол Симон Кананит — в Севасте, а апостол Андрей пошел далее в Скифию и Киммерию (земли между Черным и Азовским морями), в города Пантикапей (ныне Керчь), Феодосию и Корсунь (Херсонес).

Преподобный Нестор в Лаврентьевской летописи, в разделе «Откуда есть пошла Русская земля», свидетельствует, что апостол Андрей Первозванный был и апостолом Руси, и благословение первого ученика Христова положило начало зарождению Российской земли и будущему просвещению ее православной христианской верой. Потом по Днепру поднялся на север и дошел до места, где впоследствии возник город Киев. Здесь он останавливался у Киевских гор на ночлег. Встав утром, он сказал бывшим с ним ученикам: «Видите ли горы эти? На этих горах воссияет благодать Божия, будет великий город, и Бог воздвигнет много церквей».

Апостол Андрей поднялся на горы, благословил их и водрузил на одной из них крест, предвозвещая принятие веры будущими обитателями Руси. Помолившись, он поднялся еще выше по Днепру и дошел до поселения славян, где был основан Новгород.

Проходил апостол Андрей и по тем местам, где сидел и стучал по клавиатуре его отдаленный тезка Андрей Виригин.

Неужели усилия апостола были напрасны? Обратить Андрея Виригина в христианство невозможно. Не всем суждено спастись... Но ведь если время в очах Бога являет собой единый конгломерат, состоящий из начала и конца, то апостол Андрей проходит и теперь где-то под окнами Виригина. Он и теперь проповедует и учит. Чтобы это почувствовать, не надо обладать сверхъестественным воображением...

А что, если бы эти два Андрея повстречались? Наш Виригин предложил бы Апостолу бутылку пива? Сказал, бы, что не верит в Бога и любит одну только Вету, но она лесба и его недостойна...

Еще посоветовал бы Апостолу бросить его неблагодарное занятие и взяться за что-нибудь полезное обществу, например за торговлю наркотой.

Герберту позвонила мать. Было условлено, что он будет звонить ей раз в неделю. Эта повинность стала для него мучительной, он все

оттягивал ее и вот наконец дождался раздраженного звонка.

— Ты что, совсем мать забыл? Что-то, как наш сын стал христианином, так и вовсе родителей забросил. Что ты молчишь?

— Я не забросил. У нас ветреная погода. Много снега, — Герберт пытался вести себя нейтрально.

— Ты что, подрядился сообщать погоду по радио? Что ты мне вещаешь про переменную облачность? Совсем спятил со своей церковью, — не унималась мать на другом конце провода, и трудно было представить, что этот желчный, сочный, самоуверенный голос принадлежит совершенно больной женщине.

— А о чем ты хочешь, чтобы я говорил? — стараясь не раздражаться, спросил Герберт.

— Расскажи о детях. Как Патрик? Не болеет?

— Не болеет.

— А ты все добиваешься стать священником? Зачем тебе это надо? Что тебе, своих забот не хватает?

— Ммм... — Герберт не нашел в человеческом языке подходящего слова, чтобы ответить.

— Ну что ты мычишь, как теленок?

Разговор еще долго крутился вокруг одного и того же. Мать никак не желала вести беседу в рамках приличия и каждой фразой, каждым словом пыталась спровоцировать скандал.

Герберт остался невозмутим, но, положив трубку, почувствовал тошноту.

— Хорошо поговорили... — пробормотал он, хотя с каждым обидным словом матери в нем поднималось чувство удовлетворения. — Ну вот же и оправдание. Вот почему я не могу ничего с ней поделать, ни вразумить, ни обиходить. При таком разрушительном нраве ничего нельзя поделать. Только молиться...

Герберт написал стихотворение:

Я смотрю на этот лик,
Милый и простой.
И мне кажется на миг,
Что Он только мой.
Что нет в мире никого,
Кто бы знал Его.
Что о Нем нет разных книг,
Песен и кино.
Я не знаю, почему
Жадный я такой, —
Меня люди не поймут
И махнут рукой.
Но гляжу в Его глаза —
Верь или не верь, —
Точно знаю: это взгляд

Бабушки моей.

Бабушку Герберт помнил и любил. Но по правде, он давно практически ни за кого не молился. Едва успевал просить помощи себе, изредка благодарил Бога, чаще всего повторял: «помилуй мя, грешного». Вот чем в общих чертах ограничивались его молитвы. Бизнес, едва поправившись, снова свалился в тартарары, и Герберту уже до головной боли не хотелось ничего пытаться в нем подправить. Снова зазвонил телефон. Это был отец Никифор, духовный отец Герберта.

— Вы станете священником, но через вас ко мне придет искушение. Об одном прошу вас: не восставайте тогда против меня и не атакуйте.

— С чего вы взяли, что я буду вас атаковать? — смущенно спросил Герберт, хотя прекрасно знал, что при стечении определенных обстоятельств вполне на это способен. Это ведь по-прежнему был тот самый неумолимый борец Герберт Адлер, лишь слегка подправленный и затушеванный христианскими принципами... — Отец Никифор, послушайте, я вовсе не добиваюсь священства. Святой Герман Аляскинский не был священником, а все же крестил тысячи алеутов. Я не думаю, что, став священником, я мог бы сделать намного больше того, что и так делаю... — Герберт кривил душой. Конечно, ему хотелось бы стать наконец

священником... — С чего вы взяли, что я буду выступать против вас?

— Не надо никаких вопросов. Просто пообещайте мне, что когда вас заставят сделать выбор, вы останетесь нейтральным.

— Обещаю, — неуверенно вымолвил Герберт. — Но все-таки что произошло?

— Меня вызывают к архиепископу... Видимо, дадут разнос. Я, видите ли, не люблю подчиняться. Не переносу начальства.

«Донесли», — подумал Герберт, который сам несколько раз именно так охарактеризовал на людях отца Никифора.

— Вам сказали, что я плохо о вас говорил?

— Пока нет, но пообещайте мне...

«Мало ли, отец Никифор монах, молитвенник, может, ему что и открылось по молитве...» — подумал Герберт.

Отец Никифор попрощался. Герберту припомнились стихи этого одинокого человека, всецело посвятившего себя Богу:

Порою в минуты души просветления,
Заглянешь глубоко, глубоко в себя...
И стон из груди, прозвучит как моление:
«Помилуй мя, Боже, помилуй меня!»

И лень, и немощь, и мало усердия...
Вся жизнь в суете истощает себя!
Одна лишь надежда — Твое милосердие:

«Помилуй мя, Боже, помилуй меня!»

Рассеянье мысли, ума ослепленье,
Забвение цели сего бытия,
Какое безумство не жаждать спасения?
«Помилуй мя, Боже, помилуй меня!»

Как слабо, бесплодно бывает раскаянье!..
Лишь только пробьется живая струя, —
Как снова низводят грехи до отчаянья...
«Помилуй мя, Боже, помилуй меня!»

Помыслю о часе с земным разлучения,
Какая загробная участь моя?
Увы мне! Страшусь я суда и мучения...
«Помилуй мя, Боже, помилуй меня!»

« Ни тепел, ни хладен»...и нет оправданья
Заветы Спасителя ведаю я!
О вера, велики твои упования!
«Помилуй мя, Боже, помилуй меня!»

Болезнует сердце, а Дух разгорается....
И с жаждой святой благодати огня, —
Молитвенный стон из груди вырывается:
«Помилуй мя, Боже, помилуй меня!»

Герберт в задумчивости прошел в кабинет. Из мусорного ведра доносилась рождественская песенка. Сотрудники подарили ему неисправную играющую открытку, и он в шутку всем жаловался, что вот до чего дошел бизнес, что

даже музыкальные открытки не играют. Дома открытку схватил маленький Патрик и как-то так сжал, что вдруг она заиграла, но теперь наоборот: уже никто и ничто не могло ее заткнуть. Выброшенная в ведро, открытка все равно не унималась. Герберт отправился спать, но и на следующее утро открытка продолжала — правда, уже немного фальшивым голосом — напевать все ту же песенку. Он разворошил бумаги в корзине, нашел непокорную открытку и перерезал бунтарке проводок ножницами. Музыка смолкла. Герберт стало грустно. Показалось, что он лишил жизни нечто живое, пусть раздражающее, но невинное...

— Поганый я человек. Вот и открытку убил...
— огласил он себе приговор.

В комнату вошла Эльза.

— Все-таки пообещай, что ты не будешь больше жаловаться на отца Матвея!

— Кто тебе сказал, что ты должна быть моей ходячей совестью? — неожиданно вспылил он.
— Да, я пожаловался благочинному, что он причащал без исповеди. Это, если хочешь знать, мой долг.

— Прежде чем жаловаться, ты должен был обсудить это с ним...

— Я пытался, но он рассердился из-за менее значительной вещи и ушел, хлопнув дверью. Ты хочешь, чтобы я стал священником, но совершенно не собираешься меня уважать... а ведь так не бывает!

— Я уже не хочу, чтобы ты стал священником...

— Чего еще ты более не хочешь?

— Мне нравятся твои цели, но мне противны твои средства...

— Когда на моих глазах нарушают каноны и от этого страдает наша миссия, я не могу и не буду молчать. А тебе нужно привыкать не вмешиваться в подобные дела. Ты не можешь одновременно стать матушкой, женой православного священника, и при этом оставаться мегерой на уровне эмансипированной фемины!

— Герберт, я достаточно хорошо тебя знаю. Ты протаскиваешь свои деловые методы в православие. Я не хочу сказать, что этих методов до тебя в нем не было, но я просто не хочу, чтобы ты занимался интригами... И еще не хочу, чтобы ты все время угрожал уйти от меня.

— То, что ты называешь «уйти», — это плод твоего воображения. «Уйти» — это значит связаться с другой женщиной, завести семью на стороне и вернуться лет через пять... То, что я заперся в своей комнате, не называется словом «уйти».

— Но ты жил три дня на даче...

— Но у нас больше нет дачи и мне некуда больше уходить. У меня нет своего автомобиля и нет денег на гостиницу.

— Я не хочу, чтобы ты оставался только потому, что тебе некуда уйти...

— Оставь меня в покое. Пожалуйста... Тобой бес крутит, которому очень не нравится все, что я делаю. Ты стоишь надо мной, когда мне надо делать рождественский номер газеты. А вчера ты приставала ко мне перед самой службой, чтобы лишить меня молитвенного настроения и воспрепятствовать моей проповеди!

— Я не думаю, что я делаю это с теми намерениями, о которых ты говоришь.

— Между тем это очевидный факт.

— Ты хочешь стать священником, чтобы окончательно покорить меня своей воле!

— Нет, ты хочешь, чтобы я стал священником, а ты будешь диктовать мне каждый шаг и указывать, кому отпускать грехи, а кому нет. Почему бы тебе самой не стать священником? Только тебе нужно будет сменить конфессию. У англикан, например, модно возводить в сан священника женщин!

— Может быть, ты прав, и я лезу не в свои дела... — на глазах Эльзы показались слезы.

— Ну что мне ей на это сказать? Отче! — Герберт посмотрел на иконы. — Мне так тяжело с тобой. Легче справиться с сотней еретиков, чем провести одну беседу с собственной женой. Разве это нормально?

— Поверь, мне тоже с тобой нелегко.

— Отчего же?

— С тобой все происходит слишком стремительно. То ты бизнесмен, то ты священник. Согласись, перепады высот очень чувствительные.

— Давай помиримся, — неожиданно предложил Герберт.

— Хорошо, — согласилась Эльза, тем более, что продолжать разговор стало совершенно невозможно. Маленький Патрик лез из кожи вон, чтобы привлечь к себе внимание. Он разбросал целый ворох бумаг по полу и, валяясь на них, орал во весь голос. Когда родители не обратили на это должного внимания, он принялся рвать бумажки, среди которых были и документы со стола Герберта, и аккуратно складывать их в мусорное ведро, где покоилась убитая Гербертом рождественская музыкальная открытка.

23

Герберт отвечал в своей газете на набившие оскомину однообразные вопросы читателей. Почему бы Богу не явить Себя таким очевидным образом, что люди были бы просто вынуждены поверить в Его существование? Один из христианских авторов размышляет: «Моя вера страдает от избытка свободы, от множества искушений не доверять Ему. Временами я хочу, чтобы Бог настиг меня, превозмог мои сомнения

полной определенностью, дал окончательные доказательства Своего существования и Своей заботы. Я хочу иметь дело с Богом, не вызывающим и тени сомнений, на Которого я могу уверенно указать моим сомневающимся друзьям». Однако далее продолжает: «Чем больше я познаю Иисуса, тем большее впечатление на меня производит то, что Достоевский назвал чудом Божьей сдержанности».

Иисус мог бы совершить такие внушительные, впечатляющие чудеса, что люди были бы просто вынуждены поверить в Него. Он мог бы исцелять целые города одним публичным провозглашением. Он мог бы совершить много других чудес, от которых захватило бы дух, и этим принудить людей поверить в Него. Но Бог всегда сохраняет свободу воли, которую Он нам дал, когда сотворил нас.

Удивителен отказ Бога творить показательные и принуждающие чудеса. Ужасающее Божье уважение человеческой свободы так абсолютно, что Он дал нам силу жить так, как будто Его не существует, плевать Ему в лицо, распять Его. Бог настаивает на таком ограничении, потому что никакая пиротехническая демонстрация всемогущества не приведет к желаемому ответу нашего сердца. Хотя послушания можно добиться силой, только любовь может вызвать ответную любовь в нас, а ведь это как раз то, чего Бог хочет от нас. По этой причине Он и создал людей.

Если бы Бог показал нам всю Свою безграничную мощь, Он мог бы вынудить нас поверить в Него. Ему ничего не стоит заставить нас повиноваться Ему. Он мог бы приказать нам всё, что угодно. Но то, чего Бог действительно желает, — чтобы мы познали Его как Отца, Друга, Утешителя, Советника и Господа добровольно, а не по принуждению.

Он уже дал нам более чем вескую причину верить в Него, но Он не принуждает нас. Это видно из слов Иисуса: «Се, стою у двери и стучу: если кто услышит голос Мой и отворит дверь, войду к нему, и буду вечерять с ним, и он со Мною».

Он входит в нашу жизнь, если мы позволяем Ему. И если мы искренне хотим узнать, каков Бог, Он поможет нам найти Его и познать Его.

Православное христианство, или, точнее, Бог и Его Христос присутствуют среди нас, чтобы дать нам свидетельство. Возможность для людей осуществить свободу быть чадами Божиими им дана, сохраняется, гарантируется и осуществляется живым Богом, Который привел людей в этот мир, как сказал преподобный Максим Исповедник, по Своей милости, которой Он и является по своей природе... если только они имеют глаза, чтобы видеть, уши, чтобы слышать, и разум и сердца, чтобы понимать.

На чем мы строим свою жизнь? Каждый человек, независимо от того, верующий ли он, строит жизнь на определенном основании.

Основание нашей жизни — это то, на что мы возлагаем надежду и во что мы верим. Может быть, это мы сами. Мы утверждаем: «Я знаю, как добиться успеха в жизни, просто мне нужно приложить достаточно усилий». Это может быть наш стиль жизни: «Если я заработаю столько-то денег, жизнь будет просто превосходна». Или даже промежуток времени: «Ближайшие годы принесут позитивные перемены в мою жизнь».

У Бога другая точка зрения. Он говорит, что напрасно возлагать надежду на себя, на других людей или на что-либо, предлагаемое нам этим миром.

Напротив, Бог хочет, чтобы мы возлагали свое упование на Него. Он говорит: «Итак, всякого, кто слушает слова Мои сии и исполняет их, уподоблю мужу благоразумному, который построил дом свой на камне; и пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и устремились на дом тот, и он не упал, потому что основан был на камне. А всякий, кто слушает сии слова Мои и не исполняет их, уподобится человеку безрассудному, который построил дом свой на песке; и пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и налегли на дом тот; и он упал, и было падение его великое».

Есть мудрость в том, чтобы призывать Бога вмешаться в нашу жизнь во время бедствия. Но Божье намерение по отношению к нам состоит в том, чтобы мы жили умиротворенно и полноценно в любых обстоятельствах. Он хочет внести добро и плодотворность во все сферы

нашей жизни. Когда мы полагаемся на Него, мы строим свою жизнь на Скале.

Некоторые люди чувствуют себя безопасно, будучи детьми мультимиллионеров, некоторые спокойны, потому что научились управлять и манипулировать другими людьми для извлечения личной выгоды. Есть безопасность прочнее, она в том, чтобы иметь личные взаимоотношения с Богом.

Бог всемогущ. В отличие от нас, Бог знает, что произойдет завтра, на следующей неделе, в следующем году, в следующем десятилетии. Он говорит: «Я Бог, и нет иного Бога, и нет подобного Мне. Я возвещаю от начала, что будет в конце». Он знает, что произойдет в новом тысячелетии. Что более важно, он знает, что произойдет в вашей жизни, Он будет с вами, когда это произойдет, если вы пригласите Его в свою жизнь. Он говорит, что может быть «нашим прибежищем и силой, скорым помощником в бедах».

Но мы должны искренне стремиться найти Его. Он говорит: «Взыщите Меня и найдете, если взыщите Меня всем сердцем вашим».

Это не значит, что те, кто знает Бога, не столкнутся с трудностями в жизни. Обязательно столкнутся. Если страна будет переживать экономический кризис и бедность, то страдания затронут и тех, кто знает Бога. Но присутствие Бога приносит мир и силу. Один последователь Христа когда-то сказал: «Мы отовсюду

притесняемы, но не стеснены; мы в отчаянных обстоятельствах, но не отчаиваемся; мы гонимы, но не оставлены; низлагаемы, но не погибаем». Реальность говорит нам, что мы столкнемся с проблемами. Однако если мы будем проходить через них вместе с Богом, мы можем реагировать на них с иным отношением и проявлять силу, которая далеко превосходит нашу собственную. Нет проблем, которые были бы непреодолимы для Бога. Он больше всех проблем, которые могут настигнуть нас в жизни, и мы не оставлены с ними один на один.

Великая Божья сила, которая может быть явлена в наших жизнях, сопровождается Его глубокой любовью. Новое тысячелетие может стать временем полного мира на земле или принести множество конфликтов и насилия. В любом случае никто не сможет любить нас так, как любит Бог. Никто не будет заботиться о нас так сильно, как Бог. Его Слово говорит нам: «Благ Господь, убежище в день скорби, и знает надеющихся на Него». «Все заботы ваши возложите на Него, ибо Он печется о вас». И еще: «Праведен Господь во всех путях Своих и благ во всех делах Своих. Близок Господь ко всем призывающим Его, ко всем призывающим Его в истине. Желание боящихся Его Он исполняет, вопль их слышит и спасает их».

Иисус Христос сказал своим последователям утешительные слова: «Не две ли малые птицы продаются за ассарий? И ни одна из них не упадет на землю без воли Отца вашего; у вас же

и волосы на голове все сочтены; не бойтесь же: вы лучше многих малых птиц». Если вы обратитесь к Богу, он будет заботиться о вас, как никто другой.

24

Несмотря на то что дело Герберта болело всеми возможными недугами, все-таки оно являло собой практически единственный источник средств. Бог, видимо, в отличие от Герберта Адлера относящийся к деньгам со всею Божественной серьезностью, не желал отпустить своего подопечного в пампасы внефинансовых идиллий. Неожиданно он прислал к Герберту индуса Лакшми Вишну Мишра, с которым тот встречался несколько раз за последние два с половиной года и потерял уже всякую надежду получить хоть какую-нибудь материальную выгоду. Лакшми дарил Адлерам свадебные костюмы, сшитые в индийском стиле. Привозил много литературы от Сатъя Бабы и увесистые мешочки с прахом, материализованным этим индийским пророком из воздуха. Герберт принялся просто дружить с ним и уже ничего не ожидал от этого немолодого человека с другой планеты под названием Индия, с вызывающе темным цветом кожи, переходящим из коричневого в вовсе уж черный.

Для Герберта оставалось загадкой, почему деловые партнеры из Индии активизируются именно зимой и приезжают встречаться с ним в лютые холода, хотя ведь для индуса и минус пять — очень холодно.

Лакшми был старомоден. Он обещал прибыть на поезде со своим молодым партнером, который и должен был подписать с Гербертом договор и заплатить деньги. Герберт настолько уже привык к пустым обещаниям Лакшми, что, в общем, не ждал никакой выгоды и от этой встречи.

Приехав на вокзал за десять минут до прибытия поезда, он вышел на платформу. Было холодно. Начало побаливать горло. Герберт порылся в карманах красивой куртки, которую не надевал с конца прошлой зимы. Там он нашел листочек с девяностым псалмом. Видимо, он положил его в карман на Пасху. Герберт машинально пробежал глазами написанное и внезапно понял, что стоит и молится. «Живый в помощи Вышняго... Речет Господеви: Заступник мой еси и Прибежище мое, Бог мой, и уповаю на Него. Яко Той избавит тя от сети ловчи, и от словесе мятежна...»

Наконец, как уродливый монстр, подкатил локомотив, совершенно потерявший благородный облик паровозов прошлого. «Оружием обыдет тя истина Его, не убоишися от страха ночного, от стрелы летящая во дни, от вещи во тме преходящая, от сряща и беса полуденного...» Странно, почему Бог подложил ему в карман именно этот псалом?

Поезд оказался практически пустым. Никого даже с отдаленно индусской внешностью на нем не прибыло. «Скорби, изму его, и прославлю его; долгою дней исполню его, и явлю ему спасение Мое...» На душе у Герберта, как ни странно, стало легче. Он аккуратно сложил листочек с псалмом и положил его обратно в карман. Честно говоря, его напрягали эти встречи. Он давно подписал бумаги и получил деньги от другой группы индусов. Деньги были потрачены. И то, что Лакшми пытался купить у него, Герберту сейчас было трудно обрисовать даже самому себе. Право на заключение сделок от лица компании, которую Герберт когда-то создал, чтобы конкурировать с самим собой, во времена борьбы с пресловутой Анной на шее, той самой директрисой в бизнесе Адлера, которую он совершенно изничтожил, победил, простил и уже даже не преследовал за судебные долги. Невозможно же каждый день повторять «и остави нам... как и мы оставляем должникам», и не оставлять таки буквально... Так что Герберт продавал даже не воздух, а вакуум, но поскольку Лакшми, похоже, ничего и не собирался покупать, то и говорить было не о чем, кроме как об индийской философии и религии.

Герберт устало, исключительно для галочки, заехал в офис сообщить, что «эти погонщики слонов снова его подставили», но был резко оборван секретаршей.

— Они тут. Прибыли на такси.

Герберт прошел в комнату для деловых встреч. Время не меняло посланника таинственных махараджей. Лакшми по-прежнему покачивал головой из стороны в сторону так, словно пародировал сам себя. С ним был еще более темнокожий молодой человек по имени Кумар. Герберт вспомнил, что Лакшми уже привозил с собой этого человека. Тогда с ним был и третий — его солидный покровитель с напыщенным видом индийского министра. Кажется, его представили как директора сети больниц. Теперь именно он послал Кумара на встречу с Адлером.

Герберт, как и в прежние разы, устало, но достойно изложил свое видение сделки, что было просто, поскольку договора давно были готовы и напечатаны. Прежде чем читать бумаги и выплясывать перед потенциальными партнерами, Герберт как бы невзначай спросил, как они собираются платить.

— Трэвел-чеки, — ответил Кумар и достал огромную пачку дорожных чеков Американ-экспресс с индийскими письменами на них.

«Такими детскими денежками можно Патрику дать поиграть», — подумал Герберт, но несказанно обрадовался: похоже, перед ним замаячила перспектива получить весьма крупную сумму.

— Вы их поменяйте на доллары... — мимоходом попросил Герберт, который и представить не мог, как это он явится в свой банк с ворохом индийских дорожных чеков. Кумар

согласился. Герберт оживился пуще прежнего. Теперь он снова был на коне. В считанные часы была создана программа, которая действительно могла обогатить и его, и партнеров. Договора были подписаны, и индусы в сопровождении секретарши отправились менять чеки. Герберт остался в офисе готовить дополнительные документы. Теперь вместо вакуума, который он продавал утром, в его сознании вертелась прекрасная бизнес-идея, и ему не терпелось ее осуществить. По сути, он получил контракт с сетью индийских госпиталей. Пусть Индия не пользуется прекрасной репутацией, но теперь он мог начать конкурировать сам с собой, чего ему уже очень давно хотелось, то есть получать деньги за себя и за конкурента, которым, прикрываясь новыми партнерами, был бы он сам.

— Все законно и очень остроумно, — похвалил он себя и заказал вегетарианскую пиццу, поскольку спутник некровожадного Лакшми тоже оказался вегетарианцем.

Опытный взор Герберта сразу определил, что индийские гости вернулись с деньгами. Последовала напряженная сцена пересчета купюр. Герберт пересчитал дважды — получалось, что Кумар переплатил ему полторы тысячи. Он учтиво отдал излишек растерянному индусу.

— А печать у вас есть? — немного взволнованно спросил Кумар, рассматривая расписку в получении десяти тысяч долларов.

— Вы спрашиваете, есть ли у нас печать? — весело переспросил Герберт и попросил секретаршу принести золотые наклейки для печатей, которые контора Герберта использовала исключительно для сертификатов. Торжественно пропечатав по золоту, Герберт выдал расписку Кумару. Теперь все было в порядке, и, сославшись на неотложные дела, Герберт потихоньку смылся из офиса.

Дома он нетерпеливо пригласил к себе в кабинет Эльзу, Джейка и даже маленького Патрика, который терпеть не мог, когда от него запирались, и разложил на столе сокровище. Джейк одолжил свой переносной несгораемый сейф, и они, пересчитав деньги, погрузили их в уютное хранилище и заперли на ключ, потом принялись искать место, куда спрятать сейф и наконец решили оставить его на самом видном месте, чтоб никто и не подумал, будто он представляет какую-либо ценность.

— Пусть это будет наш фонд на всякий пожарный случай, — предложил Герберт и стал перечислять случаи, которые могли заставить их немедленно потратить эти деньги. Основную часть списка составляли невыплаченные долги, которых набралось в пятнадцать раз больше заныканной суммы.

Эльза погрузилась.

— Ну а если нам удастся избежать всех этих пожарных случаев, мы построим на эти деньги золоченую луковку с крестом на нашей церкви...

— Угу... — скучно поддакнул Джейк.

— А как ты предлагаешь их использовать, если все мои опасения о требованиях немедленной выплаты долгов рассеются? Ты бы поехал на Карибы? — задиристо спросил Герберт.

— Почему, я тоже заказал бы золоченую чесноковинку для нашей церкви, — ответил Джейк, который, как домашнее дитя, был крайне рассеян и не следил за тем, какие именно золоченые овощи нужно водружать на крышу самозванной церкви, занявшей место обеденного зала, где Джейк так любил смотреть огромный плоский телевизор...

Острое осознание себя белой вороной пронзило Герберта. «Лишь легкий звук сопения нарушает мою пустопорожность!» — внезапно подумал он.

25

Внезапно после почти полугодового молчания Герберт получил письмо от Андрея Виригина. «Никак не уймется! Неужели знакомство со мной было для него вершиной жизни, Джомолунгмой...»

Герберт неохотно пробежал текст глазами.

«Как видишь, я не забыл... Поздравляю тебя с Рождеством твоего сомнительного Бога. Надеюсь, твой бизнес пошел на поправку. «Денег нет совсем» из твоего последнего письма звучало вовсе тоскливо. Вспоминается Довлатов: американцы думают, что голод — это питаться консервами. У меня вот деньги есть: пятнадцать тысяч рублей в месяц, из которых больше трети я отдаю за угол в бомжатнике. Живу, не жалуюсь. Бывали времена и похуже. Не всем же курить гашиш в Барселоне, кому-то надо дымить коноплей в Кузьминках.

Главное, что вопреки всему я в Москве. Спасибо чудесной риэлторше, у которой, кстати, было куда больше оснований отказать мне в помощи, чем у Веты. С восторгом узнал, что ты присылал Насте начало романа, который ты сейчас пишешь, предупредив при этом, что главный герой — алкоголик, изменяющий беременной жене, — списан с меня. *Grand merci*. Ты даже имя не поменял.

Ты чудесный в своем простодушии человек, Герберт. Даже странно, что при твоей наивности ты сумел добиться успехов в бизнесе. Ты мог навести обо мне справки, и тебе бы сказали, что с деградантом Андреем Виригиным не следует иметь никаких дел. (В свое время я был уволен из небольшого столичного издательства после проверки на детекторе лжи, показавшей мою склонность к алкоголизму, воровству, игромании и сверх того — наличие у меня опасной для окружающих болезни. Полный бред, конечно...)

Вместо этого ты без раздумья доверил совершенно незнакомому человеку значительные суммы. С четырьмя нулями, в североамериканских долларах. А ведь у тебя уже был печальный опыт с гением мультипликации, скрывшимся с авансом. Мне, кстати, не составляло труда найти его (сумел же я узнать, что в России ты в розыске), но это тебя, кажется, мало интересовало. Честно говоря, не верится, что ты способен на преступление, хотя факты говорят об обратном. Скорее всего, ты попросту не хотел топтать сапоги в советской армии и попал в уклонисты.

То, что произошло между нами в начале мая, я имею все основания считать предательством. Ты называл меня своим другом, но это не помешало тебе поступить так, как ты поступил. В начале мая я жил в долг в неоплаченной квартире, письма мои ты игнорировал. Даже если бы нас связывала лишь вертикаль «начальник — подчиненный», у меня были бы все основания иметь к тебе претензии. Тебя совершенно не интересовало, как, не имея за душой ни копейки, я выбрался из Москвы. Ты попросил американский банк перевести деньги с моего счета на твой, — дескать, парень совсем без денег, не может ждать восстановления карточки, я ему сделаю перевод. Полностью я эти деньги не получил до сих пор. Ладно, к черту «о грусти этих дней»... Удачи тебе, Герберт. Я и вправду думал, что ты особенный, я огорчился твоим книгам, безуспешно стараясь найти в них

отблески настоящей литературы. Я уберег тебя от слов Сергея Юрьевича Юрского (насколько жестких, настолько и верных), зная, что они тебя больно ранят. Я придумал формулировку «достойный писатель», которую слышали от меня и Сергей Юрьевич (человек с безупречным вкусом и чутьем на фальшь), и Валентин Иосифович Гафт, и Настя, и Вета, и многие-многие другие. Наверное, я был не самым хорошим литагентом, но упрекнуть себя мне не в чем — я старался делать все, что было в моих силах.

А. В.»

Отвечать на письмо бесполезно. Тем более он теперь опять пустился в запой. Как тонко написано... Совершенно игнорируется тот факт, что большую часть мая мой литагент провел в бессознательном состоянии алкогольной дезориентации, валяясь в московской квартире, оплачиваемой мною же... Еще поразительней, что этому типу все время хочется высморкаться на мои литературные дарования...

Конечно, он прав. Богатый на бедняка не похож. Но, по-моему, я с ним расплатился. И даже если и не додал ему каких-то денег — ну пришлою я ему еще, а он только больше упьется... Когда судьба человека стала неузнаваемой даже им самим, ее нужно переписывать начисто. Напрасно я гордо показал себя со своими книгами славянам. Эти Виригины представляют

собой удивительную смесь высокой тоски и низменной дряни. Ежеминутно судорожно ищут друг друга, чтобы напиться и начистить напарнику рыло. Вечное перещелкивание, перестукивание, легкая воспламеняемость, в присутствии которой мне всякий раз становилось не по себе...

Редактору Герберта Андрей прислал такую записку: «Можете, конечно, мне не верить. Но вот что пишет один из других, обманутых Адлером, людей. Пройдите по ссылке, почитайте. Герберт Адлер — мошенник и лжец». Далее следовала ссылка на некую Сару из Израиля, которой Герберт не доплатил денег за исследовательский проект, потому что ему самому не заплатили спонсоры...

Дело было путаное. Пострадали двое: сотрудницы из Бельгии и со Святой Земли. Дама из Бельгии прислала Герберту коробку отличного бельгийского шоколада, открыв ему глаза, что все, что до сих пор ему подсовывалось под названием «бельгийский шоколад», было сущим надувательством. Герберт с трудом вынул из собственного кармана долг и расплатился с бельгийкой. Сара же принялась угрожать Герберту чуть ли не рэкетом, какими-то криминальными русскими, которые выбьют из него долг. Герберт усмехнулся, пожелал ей «хорошего приговора на страшном Суде», как у израильтян принято желать в канун кипура. Ничего он ей не заплатил, тем более что был более чем уверен, что она, как водится, раздувала

счета и наворовала у Герберта раза в два больше, чем ей полагалось. Вот на Сарину злую реплику в Интернете и прислал ссылку Андрей. «За свою деловую карьеру я имел дела с сотнями, может, тысячами людей. И вот только двое недовольных: Сара из Израиля и Андрей из бомжатника...» — подумал Герберт.

Редактор ответила и прислала копию ответа Герберту:

«Андрей, весь день о вас думаю, думаю. И до сих пор не понимаю, чем уж он вас так обидел, Адлер? Почему столько эпитетов негативных? Ну работали вы на него. Ну перестали. Простились. Бывает. Что он так болит в вас до сих пор? Авторы имеют право нас осуждать, а мы их — нет, мы какое-то время были их помощниками (работа у нас такая) и никогда не врагами. А вы вдруг так агрессивно склоняете (не когда работали, а уже потом, потом...) Герберта Адлера — а и за что? Что он вам плохого сделал? Благодаря ему в Москву переехали, с Гафтом подружались, к Юрскому ходили и т. д. И разве вы не гордились своим диском (режиссер и продюсер)? И все это было прожито вместе с Гербертом Адлером. Андрей, мне кажется, вам нужно учиться быть благодарным. А вы зачем-то теперь так глумитесь над своим не только работодателем, но и другом бывшим. Что это? Вот вы пишете в живом журнале: “Будущее окутано мраком. Наконец-то забрал с Петровско-Разумовской семь дисков с аудио-книгой бездарного, как

обоссанный матрас, Герберта Адлера. Все-таки моя фамилия на обложке: режиссер и продюсер. Взял вот грех на душу, уговорил замечательного артиста читать эту дрянь”.

Вы считаете, что сравнение человека с матрасом делает вам честь как литературоведу? Что вами движет? Может быть, раскаянье, что запятнали свое доброе имя общением с недостойным, на ваш взгляд, человеком? Но ведь никто вас не заставлял, это был ваш выбор, Андрюша. И это был выбор Гафта — читать или не читать текст Адлера. И ведь вы теребили, тормошили, правили еще не вычитанный текст, то есть вам хотелось ведь работать? И почему вдруг во всем Адлер виноват? Ату его? (“Мариею Стюарт зовутся все мои несчастья”?)

Андрей, а может, именно с Адлером и состоялся самый творческий, светлый и созидательный период вашей жизни?

И вот еще, вы пишете: “взял грех на душу...”. Разве не грех на вашей душе то, что вы завалили Адлеру всю работу в России? Андрей, ведь это не секрет. Вы пьете, и в мае были в длительном запое. У Герберта из-за вас пропало много денег и связей. Между тем доходы от продажи его романов и дисков, какие-никакие, а приходят к вам, и вы не собираетесь ему их перечислять.

Андрей, я понимаю, что писать вам бесполезно, но все же я должна была ответить.

Мне искренне вас жаль».

Редактору Герберт посвятил стихотворение:

Скупая вязь чуть узловатых букв
Похожа на признание виноватых.
И хочется поплакать просто вслух,
Без суеты, без смуты, без утраты...

И так, стремясь к полному росту,
Предвосхищая хлеб грядущей ночи,
Мы все в какой-то мере на виду,
И вышедшие ростом, и не очень...

Устав изрядно от истертых фраз,
Мы надеваем новые оковы,
И прорастаем в свой иконостас
Из узловатых букв Молитвослова.

Не потревожив незнакомых птиц,
Плетущих гнезда в аккуратных строчках,
Мы извлекаем из святых страниц
Всё то, что утаили многоточья...

А по углам струится наша быль.
Как хорошо, что воскурился ладан!

Ведь под кроватью бес, глотая пыль,
Не спит, не ест (ведь бесам есть не надо)...

А мы ему на хвост святой водой.
И пусть изыдет, чертовое войско!
Я так искал в религии покой,
А в ней нашел борьбу и беспокойство...

Я так искал в религии мечту,
Но обнаружил отягченный трепет.
Хочу молитв — молитвы перечту,
А сам скажу — так выйдет жалкий лепет.

Мой милый друг, скучаю по тебе,
По нашим шуткам и гульбе веселой.
Ты отдалился, — или просто мне
Немного давят новые оковы.

Вернись ко мне, мой милый шалопай,
И побежим по лужам, точно прежде...
И нас оденет непутевый май
В свои простые внешние одежды...

«Пока все идет хорошо, особенно так кажется в сумерках, где царствуют спокойствие и прохлада...» — с удовольствием рассудил Герберт, любивший проводить время в полумраке своей часовни. Потянув воздух носом, он подумал, что хорошо бы покадить, а то запах ладана совершенно выветрился.

Вообще чтецы не кадят, пока их не рукоположат во диаконы, но мирянину можно покадить свой дом, а поскольку часовня домовая, Герберт заключил, что не велик грех, если он покадит. Тем более было совершенно необходимо испытать новое кадило. Неуклюжий Герберт плохо справлялся со всем, что требует минимальной аккуратности.

Для солидности он облачился в подрясник и взял свое новое кадило, гораздо большего размера, чем старое. Подцепив угольный кружочек щипчиками для сахара, Герберт поднес его к зажженной свече. Сначала уголек не реагировал на жар, но вдруг словно по цепной реакции по его поверхности забрызгали искорки и стремительно принялись осваивать черное пространство уголька. Запахло теплом, и Герберт аккуратно положил уголек в кадило. Затем он теми же щипчиками взял три комочка ладана и бросил на уголек.

Герберт принялся кадить иконы. Дым валил, как из паровоза. Он явно не рассчитал, что новое кадило имеет гораздо более эффективную

конструкцию, и через минуту небольшое пространство часовни было заполнено ароматом ладана. Поскольку кадило и не думало гаснуть, Герберт решил покадить весь дом. Силы злокозненные опасаются этого благотворного дыма и бегут прочь, недаром говорят: «Бойтся, как черт ладана».

В кухне Герберту повстречалась китайская нянечка, все еще не отказавшаяся от комсомольских замашек. Правда, она как-то даже изъявила желание принять крещение, и Герберт послушно нашел в Интернете и распечатал для нее молитвослов по-китайски и Евангелие, однако, когда в связи с кризисом пришлось снизить зарплату, у китаянки интерес к православию пропал.

Герберт дружелюбно похвастался кадилом и порадовался, что Патрик спит и не выхватывает у него из рук опасный предмет с раскаленным угольком. Затем он ввалился в рабочую комнату Эльзы, где та занималась кройкой и шитьем. Эльза разговаривала по телефону. Там же сидел и Джейк, недружелюбно отреагировавший на появившегося отца в черном одеянии с кадилом. «Опять крыша поехала», — прочел Герберт во взгляде карих глаз сыновний приговор.

Герберт безуспешно попытался заинтересовать Джейка пиротехническими перспективами повозиться с кадилом с далеким прицелом, поскольку сам этого не любил и искал, на кого бы сбавить обязанность подготавливать и подавать кадило священнику во время литургии.

Потом постарался привлечь внимание Эльзы, но та была слишком увлечена телефонным разговором.

— Мама, успокойся, — говорила Эльза. — Ты никому ничего не должна...

По обрывкам фраз Герберт понял, что речь идет об очередных разборках и вышел из комнаты. В коридоре он натолкнулся на Энжелу, которая только что привезла машину, потому что Джейку хотелось всей семьей поехать в кино. Энжела недружелюбно посмотрела на кадило и, поприветствовав Герберта легким кивком, прошла мимо.

Герберт отправился тушить уголек.

Украдкой он по-прежнему сочинял стихи.

Если вы спросите: «В чем же тут дело?

Что тебе нужно от жизни еще?»

Я не отвечу, а лишь неумело

В вас запущу я в ответ кирпичом.

Если вы спросите: «Что тебе надо?

Разве не всё тебе дали сполна?»

Я не отвечу, а только парадно

Выпью свой кубок молчанья до дна.

Здесь нет вопросов, как возле раздачи,
Мы не пропойцы, и нету пивной...
Я представлял эту жизнь чуть иначе —
Нет, не цветистей, а просто другой.

На суету не меняется мода,
Тихо струится над памятью дым,
Я не ропщу, становясь год от года
То ли светлее, а то ли седым.

Я извлекаю из пыльных альбомов
Давние фото и щурюсь на них...
Жизнь и тогда ведь текла невесомо,
Как перед утром приснившийся стих.

Господи, Боже, прости меня, милый.
Я не хочу Тебя вовсе гневить.
Всё хорошо, и до самой могилы
Я как-нибудь постараюсь дожить.

Я буду верить в Тебя непременно
И отслужу много тысяч молитв,
Ты ж за мое поведение примерное
Дашь мне немного на небе пожить.

Я буду волю Твою без простоя
С тихим смиреньем всегда исполнять.
Бог, говорят, существо простое.
Что ж простое так сложно понять?

Вдруг все засобирались. Эльза закончила разговор, и оказалось, что они опаздывают в кино.

По дороге Эльза рассказала суть конфликта, бушующего по новому месту жительства ее родителей.

— Папа сломал ребра. Упал в гололед. У них морозы — сорок градусов. «Жигули» его не завелись... Баба Маня...

— Сколько ей лет? — спросил Герберт об Эльзиной бабушке, которая, ко всеобщему удивлению, все еще была жива.

— Девяносто два года... Так вот, баба Маня в очередной раз собралась умирать. Они забрали ее из однокомнатной квартиры в городе и увезли к себе в деревню, к черту на кулички. Но бабулька выжила, причем всех достала чрезвычайно. В результате они отвезли ее обратно, но тут она снова сообщила, что умирает. Мама сказала, что так не может, и собралась ехать к ней на автобусе, до которого нужно брести три километра по морозу, и ловить его на трассе, причем еще неизвестно, остановится ли он. А мама только из больницы выписалась, где лежала с аритмией. Папа, который перенес третий

инфаркт, полез чинить машину и все-таки ее завел. Но было поздно. Мама уже уехала на автобусе. Он поехал следом на машине. До города сто километров. Они приехали к бабушке, вымыли ее, накормили, и она перестала умирать. У нее есть нянечка, но ей было важно, чтобы сын лично проявил заботу. Поскольку остановиться негде, они тыркнулись к моему брату, с которым не разговаривают уже полгода. Если верить их словам, он их обматерил и не пустил. Ночевали чуть ли не в подъезде.

— Как всё это мне напоминает их славное пребывание у нас... — вздохнул Герберт. — И чего им здесь не сиделось?

— Беспокойные души, — подвела итог Эльза, стараясь оставаться спокойной.

Несколько недель спустя Эльзе придет сообщение от брата: «Сегодня после обеда умерла баба Маня...»

Герберт скажет: «Невозможно поверить... Столько лет мы провели под сенью шуток о вечноживущей бабе Мане».

«Ничего нет вечного...» — тяжело вздохнет Эльза и закажет панихиду...

А пока они опаздывали в кино минут на десять и поэтому решили поехать в японский ресторан и там полакомиться суши, отпраздновать успешное заключение сделки с индусами. Энжелу на всякий случай посвятили в тайну, где спрятаны деньги. В общем, наверное, это была по-прежнему очень крепкая семья.

В ресторане, где Адлеры давно не были из-за финансовых сложностей, они с непривычки заказали больше, чем могли съесть. Разговор зашел о Энжеле и ее разлуке с мужем.

— Мы вчера поссорилась. Сказала, что не хочу ехать к нему на Рождество. И что я там буду делать? Сидеть в однокомнатной квартире и ждать его с работы? И вообще сказала, что вся эта затея его мамы насчет его отъезда яйца выеденного не стоит. Такую же работу можно было найти и здесь, незачем было бросать дом и мчаться на край света. А он сказал: если мне не нравится, то можно развестись.

— Ну. Я говорил, что этот брак вряд ли продлится дольше двух-трех лет. Но тебе ведь очень хотелось выйти замуж? — спросил Герберт. — Да, — согласилась Энжела, — особенно мне хотелось свадьбы...

— У тебя было два свадебных платья... —
напомнила Эльза.

— А теперь мне с ним скучно...

— С платьем? — уточнил Герберт.

— С мужем, — ответила Энжела.

— Но ты же просила найти тебе принца. Вот он — типичный принц, — заявил Герберт, которого радовало, что разговор не вызывает у Энжелы раздражения. — Так ты не хочешь к нему переезжать?

— Нет.

— А чего ты хочешь? — настаивал Герберт.

— Куда-нибудь поехать... Например, в Италию...

— В Италии сейчас холодно. Дожди...

— Ну, тогда в Испанию...

— Там тоже дожди, наверное... Зима все-таки... — рассудила Эльза.

— Короче, все вернулось на круги своя, — вздохнув, подытожил Герберт. — Как тогда, после разрыва со Стюардом... Ты тоже хотела путешествовать...

— Ну, что же, остается скорбеть об этом... — задумчиво промолвила Энжела, чей русский язык значительно исправился после длительного общения с русским мужем.

— Хочешь, я выделю тебе тысячи три и поедешь куда хочешь? — устало спросил Герберт.

— Нет... У меня не хватит смелости.

— Ну. Соверши какой-нибудь поступок, на который у тебя хватит смелости.

— Я, пожалуй, закажу себе мартини. Это поступок?

— Безусловно, — согласились все.

— Так тебя везти в воскресенье в аэропорт или нет?

— Конечно, ведь его мама заплатила за билет, чтобы я съездила на случку...

Энжела не поняла, почему родители рассмеялись. Она все-таки не очень хорошо знала значение некоторых русских слов. Чета Адлеров не стала пояснять. Просто сказали, что она смешно выразилась.

На обратном пути Энжела включила свою музыку. Герберта раздражала эта дребедень. Он риторически вопрошал:

— Ну что это за музыка? Где Бетховен? Где Шопен? Где Моцарт?

— Они умерли, — лаконично ответил Джейк.

Им было хорошо и легко, они смеялись всю дорогу и чувствовали себя счастливыми, как встарь. Дети уехали к Энжеле, а Эльза пошла купать Патрика. Тому очень нравилось зеленое мыло, и он не захотел с ним расставаться и после ванны. Любая попытка отобрать у него кусочек мыла заканчивалась громогласным ревом.

Так он и заснул в обнимку с мылом.

Человек, который хочет, чтобы вы знали о его чувствах и мыслях, всегда рассказывает вам о них. Так же поступает и Бог, с той только разницей, что Он всегда говорит правду.

Всё, что Он говорит о Себе или о нас — абсолютная истина. Его слова заслуживают больше доверия, чем все наши чувства, мысли и ощущения. Всё, что говорит Бог, истинно и непреложно. Мы смело можем положиться на каждое Его обещание. Каждое Его слово верно.

Хотели ли бы мы никогда не совершать ошибок? Можете ли вы себе такое представить? Бог никогда не ошибается. Его мудрость безгранична. Он знает всё, что происходит в нашей жизни, как и почему это происходит. Он знает всё и о прошлом, и о будущем. Нам не нужно сообщать Ему «свежие новости», советовать или убеждать поступить правильно. Он безусловно сделает это, потому что Он свят и благ во всем.

Если мы доверимся Ему, Он никогда не сделает ошибки из нашей жизни, никогда не оставит и не предаст. Во все времена, во всех обстоятельствах Его решения благи и достойны доверия. «Да не постыдятся и все надеющиеся на Тебя...».

Бог доказал Свою любовь к нам. «Ведь Бог так полюбил этот мир, что отдал своего единственного Сына, чтобы каждый верующий в Него не погиб, но имел вечную жизнь». Бог даровал нам жизнь вечную. Что такое вечная жизнь? «Ведь вечная жизнь состоит в познании

Тебя, единственного истинного Бога, и Иисуса Христа, Которого Ты послал».

Если мы выбрали свой собственный путь — жизнь без Бога, в этом повинен каждый. Мы предпочитаем жить по своим законам, а не так, как угодно Богу. Мы либо открыто не повинемся Богу, либо просто не обращаем на Него внимания. Такую жизненную позицию Библия именует грехом. Мы все находимся в одинаковом положении «Все согрешили, и лишены славы Божьей». Каждый из нас страдает от последствий своего греха, «ведь возмездие за грех — смерть».

Бог свят, а мы грешны, поэтому нас разделяет огромная пропасть. Никакие попытки заполнить пустоту в душе работой, отношениями с людьми, деньгами, спортом не могут увенчаться успехом, поскольку причина проблемы — наш отход от Бога — остается без должного внимания.

Есть ли решение этой проблемы греха? Пожертвовав ради нас Своей жизнью, Иисус Христос открыл нам путь к общению с Богом. Иисус Христос — личность, равной которой не знала история. «Иисус говорил: “Я — есть путь, истина и жизнь. Никто не приходит к Отцу, как только через Меня”». Он может примирить нас с Богом. «Когда-то вы были далеки от Бога и враждебны Ему в своем разуме, направленном на злые дела. Но сейчас Бог примирил вас с собой тем, что Христос в своем земном теле прошел через смерть». Иисус Христос имеет власть над смертью: «После своего страдания Он

представал перед людьми живым со многими доказательствами. Иисус являлся им еще в течение сорока дней и говорил о Божьем Царстве». Иисус принял на Себя наказание за наш грех, отдав Свою жизнь на кресте. Воскреснув из мертвых, Он лишил грех смертоносной силы. Иисус Христос предлагает нам вернуться к Богу и освобождает от власти греха. Чтобы узнать Бога и начать общение с Ним, необходимо принять Христа. Нам нужно принять Бога. «Но всем тем, кто Его принял и кто поверил в Его имя, Он дал власть стать детьми Божьими».

Принять Бога — значит признать перед Богом свою вину за то, что отвернулись от Него; поверить в то, что Бог полностью простит нам эгоцентризм на том основании, что Христос уже заплатил за наш грех Своей смертью; принять решение следовать за Христом и признать Его своим Господом.

Среди дюн во Фландрии стоит массивный деревянный крест с образом Спасителя и почерневшей от времени резной надписью:

Я — Свет, а вы не видите Меня.

Я — Путь, а вы не следуете за Мной.

Я — Истина, а вы не верите Мне.

Я — Жизнь, а вы не ищете Меня.

Я — Учитель, а вы не слушаете Меня.

Я — Господь, а вы не повинуетесь Мне.

Я — ваш Бог, а вы не молитесь Мне.

Я — ваш лучший Друг, а вы не любите Меня.

Если вы несчастны, то не вините Меня.

Если что-то в этом мире обретает бытие, это, как правило, вызвано чем-то еще. У книги есть автор. Музыка написана композитором. Всё, что имеет начало, точку отсчета, имеет причину, по которой оно начало существовать.

Возьмем, к примеру, Вселенную. Когда-то ученые придерживались теории о том, что Вселенная существовала всегда и не имела начала.

Космологический аргумент сейчас называет «большой взрыв» точкой отсчета, началом существования Вселенной. Наша Вселенная с пространством — временем — материей — энергией, по мнению большинства современных ученых, имела определенный и единственный начальный момент своего существования.

Так как она существовала не всегда, а когда-то появилась (была уникальная точка отсчета ее начала), значит, другая реальность вызвала ее появление или стала причиной ее создания.

Всё, что мы видим вокруг, имеет начало. Бог, однако, принадлежит к другой категории, и так и должно быть. Бог отличается от всего в природе и в жизни людей, от всего, что есть в мире, тем, что Он всегда существовал, и существовал независимо от всего, что Он создал. Бог —

бытие, не зависящее ни от кого и ни от чего, самодостаточное. Именно таким Бог изображен в Библии, именно таким открывается Бог людям. Почему Бог должен быть таким?

Нашу Вселенную нельзя объяснить никак иначе. Сама себя она не могла вызвать к существованию. Она не существовала вечно. И она не могла бы быть сотворена чем-то, что само было сотворено. Было бы непоследовательным утверждать, что Вселенная была сотворена Богом, но Бог в свою очередь был сотворен Богом, обладающим силой второго порядка, кто, в свою очередь, был создан Богом, обладающим силой третьего порядка и так далее. Как убедительно утверждал Аристотель, должна быть реальность, служащая первопричиной, сама же в первопричине не нуждающаяся (вызывающая движение, сама же остающаяся неподвижной). Почему? Потому, что если есть бесконечное обратное движение первопричин, тогда, по определению, весь процесс не начался бы никогда.

Рассмотрите основные религии мира и найдете, что Будда, Мухаммед, Конфуций и Моисей называли себя учителями и пророками. Никто из них не приравнивал себя к Богу. Ко всеобщему удивлению, это было сделано Иисусом. Это и отличает Иисуса от всех остальных. Он сказал: Бог существует и вы видите Его. И хотя Он говорил о Своем Небесном Отце, делал Он это, находясь не в положении разделения с Ним, но единства, уникального для всего человечества.

Иисус сказал, что любой, кто видел Его, видел Отца: любой, кто верит в Него, верит и в Отца.

Он произнес: «Я свет миру; кто последует за Мною, тот не будет ходить во тьме, но будет иметь свет жизни». Он заявлял, что имеет качества, свойственные только Богу: способность прощать людям их грехи, освобождать их от греховных привычек, давать людям жизнь с избытком и вечную жизнь на Небесах. В отличие от других учителей, которые пытались привлечь внимание людей к своим словам, Иисус указывал людям на Себя. Он не говорил: «Следуй моим словам, и познаешь истину». Он сказал: «Я есмь путь, и истина, и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только через Меня».

Что нам открыто о Божьих мыслях, ожиданиях, чувствах по отношению к человечеству? Иисус Христос показал, что Бог нежен и любящ, Он знает о нашем эгоизме и недостатках. И тем не менее он глубоко желает иметь отношения с нами. Иисус открыл, что, хотя Бог видит нас грешниками, заслуживающими Его наказания, Его любовь к нам взяла верх, и Бог решил послать Своего Сына принять наказание за наши грехи. Иисуса мучили, избивая плетью с девятью острыми наконечниками. «Венец» с двухдюймовыми шипами вонзили Ему в голову. Затем пригвоздили Его к кресту, вонзив в деревянный крест гвозди, которые прокололи Его руки и ноги. Учитывая все Его чудеса, эти гвозди не могли удержать Его на кресте; Его любовь к нам сделала это. Иисус умер за нас,

ради того, чтобы мы получили прощение. Из всех религий, известных человечеству, только через Иисуса вы увидите, как Бог пытается достигнуть человечества, проложив путь для наших отношений с Ним. Иисус являет Божье сердце, исполненное любви, отвечает на наши нужды и привлекает нас к Себе. Благодаря смерти Иисуса мы можем иметь прощение, быть полностью принятыми Богом и искренне любимыми Им. Бог говорит: «Любовью вечною Я возлюбил тебя и потому простер к тебе благоволение».

28

— Даже в халтуре я стараюсь не опускаться ниже своего уровня, — Андрей Виригин снова и снова возвращался к временам своей работы литагентом.

— В свое время книготорговая фирма «У Сытина» попросила меня предоставить аннотацию к компакт-диску Адлера. Юноша я ленивый, аннотаций никогда не писал. Дотянул до крайнего срока, а потом выдал вот этот перл:

«На диске несколько произведений Герберта Адлера, написанных изысканной, ажурной прозой. Автор делится со слушателями своим немалым жизненным опытом. Обаяние с детства знакомого голоса всенародно любимого актера

Валентина Гафта привносит в тексты Адлера дополнительное словесное волшебство. Повествуя о вещах привычных, автор заставляет взглянуть на них под другим углом и осознать необычайную прелесть мира, в котором главной ценностью во все времена будет любовь».

Честно признаюсь, что это «словесное волшебство» я позаимствовал из чужого отзыва на чью-то прозу. Изысканная, ажурная? А дубовую, топорную не хотите? А ты, Андрюха, бесстыжий циничный халтурщик, коли строчишь такие аннотации. Но писать ты умеешь, этого у тебя не отнять. Вот чего об адлеровском романе наплел, пристегнул к нему Виктора Пелевина:

«В сущности, Герберт Адлер в своей книге делает то же самое, что и Виктор Пелевин — писатель, без которого нельзя представить русскую литературу на рубеже двух веков. Пелевин в своем творчестве не просто причудливо перемешал западную и восточную философию, но и перепачкал ее (словцо из его недавнего романа «Empire V») на язык, понятный не обремененным знаниями широким люмпен-интеллигентским массам, которые воспринимают наркотически-алкогольные экзерсисы культового писателя почти как религиозные откровения. Адлер же переводит опыт, приобретенный человечеством за тысячи лет, на другой язык — язык наших душ. Вот почему этот роман, написанный, в общем-то, для всех, так любят женщины. Постоянная адлеровская самоирония, отсутствие снобизма и отношение к собственным

писаниям как к чему-то не слишком значительному вызывают у многочисленных поклонников его книг искреннюю симпатию».

Теперь мне осталось традиционное ничегонеделание. Отправил скромненький алимент Лиле с Центрального телеграфа. К вечеру погода испортилась. Прятался от снегопада в Храме Христа Спасителя, где оказался впервые. Странно, но изнутри он мне показался меньше, чем снаружи. На входе запищала рамка, пришлось сдать электрошокер.

У меня тоже внутри словно сработал микровыключатель и зазвучал голос: «Прыгни с моста».

«Ага, сейчас, разбежался. Всему свое время. К тому же внизу лед, хоть и тонкий пока, но больно можно ушибиться».

Вот такой я человек, падкий ассенизировать по любому поводу.

Помню, в последний день на работе землячка Лена была в глубокой депрессии, вызванной вчерашней алкогольной интоксикацией. Без косметики. Попросил у ее соседки авторучку. «Ну вот, лишаешь меня последней ручки». Лена: «Скажи спасибо, что не чести». Я: «Как раз хотел это сказать, но поостерегся». Лена: «И правильно. Мне-то можно, я блондинка». Огромное отличие от провинциального жлобства и высокомерия. Дистанции между начальником и подчиненными почти нет. А может, мне просто

повезло с коллективом. Все ребята и девчонки нормальные, веселые, ненапряжные.

В тот же день к нам в офис заявила девушка-курьер, имеющая отдаленное сходство с Ветой, — рослая, пышущая здоровьем и молодостью и, что называется, спортивная. «На лесбиянку похожа», — сказала Лена, едва за той закрылась дверь. «Симпатичная», — сказал я. Как, однако, изменились мои вкусы. А ведь до знакомства с Ветой я полагал, что женственность не менее важна, чем красота как таковая. Более того, мне казалось, что женственность — важнейшая ее составляющая. Не сведи я Вету с Адлером, я до сих пор работал бы литагентом у этого обаятельного бездаря, пошляка и невежды. Сейчас бы не дул себе в ус, а дул бы дорогое пиво. Но я ни о чем не жалею. Кстати, трогательно влюбленной в Вету подружке в женственности никак не откажешь.

Вместо прозака уже несколько дней утром и вечером пью флуоксетин, что, в сущности, одно и то же, отличается только цена. Прозак — патентованное название флуоксетина, подобно тому как аспирин — зарегистрированное название ацетилсалициловой кислоты.

Вспоминается мне что-то в последнее время телекомпания, в которой работал журналистом, несмотря на мое колбасное образование. Какие были люди! Глыбины, мастодонты! О журналистике они имели лишь отдаленные представления, русского языка не знали и не любили, зато были убеждены в собственном

профессионализме и звездности. Главный редактор, писавший «асфальт» через «в», запивал, бывало, на неделю, а то и больше. С раннего утра он похмелялся джин-тоником и нередко к полудню уже не вязал лыка, клал ноги на стол и закуривал мерзейшую сигарету «LD». Не забуду, как поутру мы с ним, оба с сильного похмелья, уступая друг другу дорогу, столкнулись головами в дверях туалета. Жаль, нас никто не видел. Корреспондент Митя, спяну дважды терявший микрофоны на съемках. Тот считал себя знатоком культуры во всех ее проявлениях и узурпировал все сюжеты на эту тематику. Ну а я частенько делал репортажи о спорте. Давно дело было...

Напоследок я притащил на работу в контору «Рога и Копыта» две бутылки вина (красного и белого) и коробку конфет. Сидели впятером. Я почти не пил. Если так пойдет дальше, то, неровен час, за моей спиной развернутся сизые крылья, а вокруг головы засветится ореол. Таня, оказывается, работала в цирке.

Жаль, что маргиналам не платят зарплату за их маргинальность. Я бы стал штатным сотрудником...

Пьяный кореш вчера привязался с предложением покурить коноплю. Ну покурили. Наверное, мало, потому что я ни черта не почувствовал. Вета курит в Барселоне гашиш, а я по-простецки коноплю.

Устроился на диване и стал читать перед сном. Поймал себя на мысли, что невольно оцениваю текст с профессиональной точки зрения.

«Было уже совсем темно, только вечернее небо еще чуть пропускало свет. Блестел мазут на шпалах, светились гладкие рельсы».

Залюбовался ямбическим зачином последней фразы, а потом понял, что так бы не написал. Если совсем темно, то почему мазут на шпалах блестит? Скорее уж темнеет. А вот рельсы да, светятся. Мне ли, выросшему в железнодорожном городке в сотне километров от Москвы, этого не знать. Перестук колес, запах креозота, объявления по станции, которые в тихие летние ночи слышны на самых дальних окраинах города, старые вагоны, брошенные на запасных путях, где рельсы заржавели, а меж шпалами пробивается трава, — всё это мне знакомо с раннего детства.

Короче, получил последнюю зарплату, феноменально смешную по сравнению с моими былыми доходами в эпоху работы на Адлера... Помню, он как-то меня спросил: «Послушайте, Андрюша, что же еще я могу вам дать?» Козел, да и только... Вот вам и все данные, полученные из разведывания адлеровской сущности и проведения аутентификации его души. Так и представляю его, заядлого обжору с прыгающими щеками, отыскивающего на столе очередной деликатес. Он все время не дослушивал меня по телефону (я, особенно если в запое, люблю выражаться обстоятельно),

говорил, что ему пора обедать или ужинать. Или что там еще бывает у состоятельных людей? Я всегда досадовал на себя поутру и пребывал в в крайнем недоумении после разговоров с ним. Эх, Герберт, Герберт. Ты — голодоморный деспот. Где ты был, когда я по пьяни был ограблен и сжался от отчаяния, поняв, что моя банковская карточка пропала, а там все мои сбережения — полторы тысячи долларов. Да, Герберт деньжата спас, но прикарманил себе. Точнее, он перевел сразу только шестьсот, да и то моей матери. Недавно перевел еще шестьсот. Оправдание? Ты, говорит, упьешься до смерти... Ты, говорит, пьешь, пока у тебя не кончатся деньги. Это правда. Хотя тоже мне, нейрохирург моего алкоголизма. Но какое ему дело? Надо было всё с карты снять... Хотя если бы деньги были налом, то он не смог бы их спасти... А обещал меня не бросать... Как оценить постоянство, которое сильнее всякой любви? Просветил бы меня хоть на йоту, господин толстосум. А то я тут ношусь как кометовидный, медленно бегающий заяц экс-чемпион в вечно дурном расположении духа. И Бог не сотворил никакого чуда, не открыл вентилек, а просто обшнырял... Также мне, по образу и подобию моему, двугубый...

Аморфная эмульсия пространства плотно облегла жизнь Герберта. Ему не нравилась его жизнь. Эльза призналась, что и она не в восторге от своей. Прошлая их жизнь казалась им почти смешной, но и она, эта самая прошлая жизнь, им не нравилась. А вот какая бы жизнь им понравилась, Адлеры не знали. То есть гораздо легче создать себе любую жизнь, чем понять, какую именно ты действительно хочешь.

— Почему у всех других жизнь сбалансирована и спокойна, а у нас нет? — вопрошала Эльза.

— Ну, во-первых, это нам только кажется, потому что мы знаем мало подробностей о жизни других. К тому же все, кого мы более или менее знаем, либо наши родственники, которым мы помогаем, либо наши работники, которых именно мы тоже финансово поддерживаем, что бы они себе ни думали и ни говорили... Вон как я из кожи вон лезу, чтобы наскрести им на рождественские бонусы.

— Почему нам бонусы никто не дает? Почему нас никто не поддерживает?

— Это наш с тобой выбор. Мы всегда занимаем в жизни такое место, что прежде всего помогаем решать проблемы других. Вон твоя подруга... на всех отряхнула и поехала с мужем отдыхать на Карибские острова. А на нас сколько всего висит? Вот мы и не были в отпуске уже три года.

— Значит, мы особенно хорошие? — обиженно спросила Эльза.

— Да, зато в райских садах будем сладкие плоды вкушать... Мне так отец Никифор пообещал. — то ли пошутил, то ли серьезно заявил Герберт и, подумав, добавил: — Так или иначе, трудно себе представить, какую жизнь мы действительно хотели бы вести. Ну, а твои родители, что ли, счастливы? Ведут сбалансированную жизнь?

— Да... Хотя, конечно, наверное, нет, — промолвила Эльза нехотя. — Отец сказал про бабушку Маню: «Я ненавижу мою мать. Когда твою, Эльза, маму положили в больницу с аритмией и я вернулся домой, она радостно соскочила с кровати и спросила: ну что, умерла?» В таком возрасте пережить другого становится своего рода спортивным состязанием. «И молодые умирают», — обычно с удовлетворением отмечают старики...

— Да... Смерть каждого считает своим земляком... — философски заметил Герберт.

— Ты любишь молиться? — неожиданно спросила Эльза.

— Честно говоря, не очень, — признался Герберт. — Во-первых, страшно это... Тут я, а там Он. Чувствуешь масштаб? Потом, молитва — момент, когда ощущаешь себя слишком самовольным, прося Господа о чем-либо. А твердить «да свершится воля твоя...» что толку? Она и так свершится, наверное...

— Так какой же ты будешь священник? Ты еще совсем не готов...

— А может, я им не буду.

— А если я умру, что ты будешь делать?

— Уйду в монахи...

Эльза задумалась.

— О чем ты думаешь? — спросил Герберт.

— Как бы тебя поскорее развязать... чтобы ты смог уйти в монахи. — Эльза вовсе не шутила и не говорила со зла.

Герберт поморщился.

— Дура ты, — сказал он. Я тебя люблю. Не надо никогда меня развязывать.

Наступало время католического Рождества. Несмотря на то что обычный бизнес Герберта очень страдал, вдруг неожиданно появилась надежда получить деньги не откуда-нибудь, а из Зимбабве. Два года назад Герберт оказал услугу одной африканке из этой страны бесплатно, и вот теперь она привела несколько клиентов, которые были готовы заплатить. Перевод был отправлен, но на счет компании Герберта никак не поступал. Он рассчитывал на эти деньги, и ему пришлось очень попотеть, чтобы выкроить зарплаты и бонусы. Но когда всё было уплачено, вдруг позвонили из банка.

— Вы знаете, что против Зимбабве существуют экономические санкции? — спросила заведующая отделением.

— Так что же, мы не получим денег? — подавленным голосом спросил Адлер.

— Ну почему, просто нужно будет пояснить, что ваши услуги не связаны с разработкой оружия...

— Фантазмагория какая-то, — пробурчал Герберт и принялся объяснять, что он не торгует оружием.

На следующий день деньги наконец пришли и Герберт смог дать Энжеле тысячу долларов на дорогу. В эти выходные она должна была лететь к Альберту.

— Ты не говори ему, что я дал тебе денег, а то он у тебя их выпросит и всё спустит... Лучше спрячь...

— Куда? — засмеялась Энжела. Хорошо, я спрячу в трусы...

— Как раз там он скорее найдет, — вздохнул Герберт, но Энжела пропустила скабрёзность мимо ушей. Казалось, она невинна, как десятиклассница.

Герберт с удивлением заметил, что его романы не прошли незамеченными. Несмотря на то что он буквально документально записывал свою жизнь, все единодушно считали, что всё в его повествованиях сущая выдумка... Более того, осуждали главного героя и хвалили автора, который так беспощадно выписал все его недостатки. Герберт и не подозревал, что он писал столь исповедально и самокритично...

— Милости просим пригулять славу, — мурлыкал Герберт, обнаружив в Интернете более

пятисот различных цитат и отзывов на его произведения. Один читатель даже написал:

«Может быть, многие не согласятся с моим мнением, но я думаю: Герберт Адлер для мировой литературы — такое же открытие, каким, в той же самой традиции (постмодернистов прошу не волноваться!) в том же самом мироощущении, в том же самом ощущении времени был (почему был? есть) Марсель Пруст. Еще раз повторяю — очень субъективно. Но мне очень нравится. Я не один. Поговаривают, что его роман номинировали на Букера...»

И чего этому Андрею от меня надо? Что он меня все в аналфabetизме уличает... В своем ли он уме?

30

Заканчивается мой первый год в Москве, который должен был стать единственным, если бы судьба в очередной раз не пренебрегла спецэффектами и не доверилась чудесам. — Андрей Виригин по-прежнему был в отвратительном настроении. — Весь год я работал создателем иллюзий, надувателем мыльных пузырей с радужно-переливающимся солнечным бликом на боку.

Сперва я пытался создать иллюзию того, что Герберт Адлер — это не невежественный бородатый *быдлохуй*, не способный написать две строчки без грамматической ошибки, а изысканный писатель бунинско-набоковской школы, чья ажурная, как чулок дорогой проститутки, проза способствует умягчению людских сердец.

А затем, работая в «Рогах и копытах консалтинг», я регистрировал несуществующие фирмы, создавая видимость того, что Россия держится не только на оптовой продаже самой себя.

Ладно, хватит рассуждений, пора идти за чудесным пивом «Лювенбрау», которое на время примиряет меня с действительностью. «Алкоголь временно примиряет меня с действительностью», — эта фраза принадлежит Довлатову, но я придумал ее до того, как познакомился с его прозой, в ответ на вопрос девушки одного моего друга: «Андрюш, а почему ты пьешь?»

— Я пью, потому что пытаюсь покинуть инкубатор своего тщедушного тела. Воспарить над брызжущей слюной обыденностью, преодолеть ежедневное закармливание самого себя иллюзиями. Я пью — потому что пришел черед пить, потому что невыносимо думать о предстоящем, потому что необходимо заполнить свой позументовый грушевидный мозг чем-нибудь еще, кроме анфилады ярко освещенных нечистых пустот, или пустых нечистот... Это уж кому как больше нравится. И

я буду раскисать еще лютее прежнего; буду метаться на обрыганной постели, и даже сны, сопровождаемые легкой качкой, не освободят меня от ежедневных послеполуденных воспеваний простоты и естественности моего бытия. Я буду пьянствовать и беспокоить окружающих... И когда я окончательно допьюсь и уже не смогу принять внутрь твердую пищу, я увижу Ветины глаза, к величайшему моему удивлению покрытые росой, я потяну руку, чтобы снять фигуру противника с доски, заместив ее на свою, но всё, что мне будет нужно, это только видеть ее фигуру, гибкую, не вызывающую размышлений. И ее спотыкающаяся биография, и мое оставленное в прошлом учрежденческое паникерство... Кажется, Паниковский тоже служил курьером?

Я пью, чтобы оставаться полюсным персонажем, чтобы моя речь вызывала волнение по комнате. А Вета не идет за мной, в то время как весь мир идет за Ним. Я — Его прямая противоположность. А Вета пусть расскажет всё своему папе (как она советовалась, ехать ко мне пьяному или нет, и папа отсоветовал). Правильно, что за манера русской лесбийской барышне иметь секреты от отца? «Папа, я лесбиянка!» — «Ничего, доченька, а я в беззакониях зачат есмь!»

Вон как Адлеру плевать, кому он доверяет. Ему хорош первый встречный. Он хоть и живет в миру, давно заперся в свой домашний монастырь. А я пьян пуще прежнего и

равнодушно-задумчив. Умственный труд — это восхитительно! Когда полупьяные, полусумасшедшие мысли улыбаются друг другу своей покорной рассеянной улыбкой...

Проснулся сегодня от звуков похмельного соития Антона и Люды. Ахам-вздохам вторил богатырский храп третьего соседа, чей тембр меняется в зависимости от степени его опьянения. Накануне он изрядно выпил и звучал зловеще. В общем, начиналась обычная жизнь бомжатника, оказавшаяся не такой уж и обычной.

Заявившись почти в пять вечера в офис с «Биг ланчем» в руках (мне нужно было забрать кое-какие вещи), я обнаружил там несколько очень молодых и очень наглых людей с пистолетами на боку. Выяснилось, что мусора накрыли нашу контору. Офис опечатан, оргтехника изъята. Всех девчонок увезли на допрос к следователю. Между прочим, сегодня я должен был получить последнюю зарплату. Сдается мне, что этих денег я не дождусь никогда. У меня изъяли все документы, а заодно с ними корректуру детектива, мне ее в понедельник сдавать в издательство. Корректуру, правда, вернули. Хорошо, что меня не обыскивали. В этом случае нашли бы электрошокер. Я с самого начала знал о том, что творилось в нашей фирме, однако мне, наивному, не приходил в голову такой финал.

Я был удивлен в той же мере, как когда Герберт Адлер неожиданно выслал моей матери большую часть суммы, которую был мне должен.

Оставшуюся часть пообещал отправить в ближайшее время. Удивительно! Я ведь от этих денег отказался, написав ему об этом еще в июне. Дескать, от такого человека, как ты, мне не нужно ни копейки. Он оказался все-таки лучше, чем я думал...

В прошлые выходные ездил на родину. Копаясь там в компьютере, наткнулся на постановление мирового судьи, обязавшее меня выплачивать алименты в фиксированном размере. К моему удивлению, он носит ту же фамилию, что и Вета. А ведь они не Ивановы и не Кузнецовы... В общем, судьба чертила предостерегающие знаки задолго до моего с ней знакомства. Документ поистине шедевральный, все слова моей бывшей жены приводятся как доказанные факты: «Истец обратилась в суд с указанным иском, ссылаясь на то, что она вступила в зарегистрированный брак с ответчиком. Ответчик в течение совместного проживания не работал, злоупотреблял спиртными напитками, оскорблял и избивал ее». Чудовище он, этот Андрей Виригин, беременную жену избивал. Недаром дядя Митя Набоков, сын великого писателя, назвал его «аморальной личностью», а Герберт Адлер — «одержимым гордыней эгоистом».

«Idite nah...» — отвечу я им, как лесбиянка Вета по латыни, упреждая экзальтированное охмеление гортани. Скоро меня не станет. И какая разница, завтра или через вечность? Всё равно...

31

На своем пути Первозванный апостол Андрей претерпел много печалей и мук от язычников: его изгоняли из городов, избивали. В Синопе его побили камнями, но, оставшись невредимым, верный ученик Христов неустанно нес людям проповедь о Спасителе. По молитвам апостола, Господь совершал чудеса.

Чудеса суть дела, которые не могут быть сделаны ни силой, ни искусством человеческим, но только всемогущею силою Божией. Священное Писание исполнено сказаний о различных чудесах от Господа или совершенных всемогуществом Божиим избранными от Господа мужами.

Чудеса происходят и в настоящее время, хотя и не в таком обилии, как в первые века христианства, частью по маловерию, а частью по недостойнству и нашим грехам. Главнейшее условие для получения чудесной помощи от Бога есть горячая, усердная молитва ко Господу, Пречистой Его Матери, св. угодникам Божиим, и соединенная с нею глубокая вера и сознание своего недостойнства перед Богом.

«Истинное чудо, — писал отец Павел Флоренский, — совершается в духе верующего, когда усматривает он в видимо случайном волю Бога». В жизни человека всегда есть место для необъяснимого, непредвидимого, непонятного,

поэтому человек никогда не сможет исчерпывающе понять и объяснить свою же собственную жизнь. «Всего чудеснее бывает часто то, что происходит в действительности, — писал в своем дневнике Ф. М. Достоевский. — Мы видим действительность всегда почти так, как сами предвзято хотим растолковать ее себе. Если разберем и в видимом увидим не то, что хотели бы видеть, а то, что есть на самом деле, то принимаем то, что увидели, за чудо».

Иногда эта простейшая очевидность может глубоко удивлять, но порой она невыносима и трудна для восприятия человека.

Молитва — это не сверхъестественный механизм решения проблем, о котором мы вспоминаем тогда, когда остается надеяться только на чудо. Смысл жизни невозможно четко сформулировать в своем сознании, он открывается сердцу как чудо присутствия Божия в жизни человека. Но для того чтобы увидеть Бога и Его участие в нашей жизни, нужен труд, а не напряженное ожидание чего-то необычного. Чудо — не сенсационное известие о каком-то очередном «явлении» или «знамении». Скорее всего, это радость и удивление Промыслу Божию, который управляет все к лучшему в каждое мгновение нашей жизни вопреки нашим близоруким прогнозам и ожиданиям. В этом смысле чудо — это торжество веры в мире холодного рассудка.

Человек требует быстрого и безболезненного решения своих проблем и с таким настроением

безучастно ожидает чуда: Спаси Себя Самого; если Ты Сын Божий, сойди с креста (Мф. 27: 40). Но Господь ответил молчанием на это требование человека, и совершилось истинное чудо из чудес — Воскресение Христово. В свете Воскресения Христова чудесно, когда человек меняется, становится лучше. Но меняется человек, как известно, не в одно мгновение, а путем медленного перерождения.

Всё, что произошло чудесного в пределах планеты Земля, — это появление человека в его первозданном образе. В какой-то исторический момент человек, принадлежащий по природе своей иному миру, отказывается жить по законам Царствия Небесного. И Господь, уходя из его жизни, попускает ему жить по законам природы. Человек оказался эмигрантом в чужой стране, — эмигрантом, который не может полностью реализовать свои возможности, раскрыться как личность. Поэтому то, что мы воспринимаем как нечто сверхъестественное в жизни святых и Самого Христа, в действительности просто и естественно для человека: Верующий в Меня, дела, которые творю Я, и он сотворит, и больше сих сотворит (Ин. 14: 12). Просто оно давно потеряно и забыто, как твердая поступь для человека с параличом ног.

Истинное чудо — «не приобретение сверхъестественных или чуждых человеку качеств, — писал Максим Исповедник, — но восстановление тех качеств, которые были нам свойственны со времени творения». И это,

конечно же, не способность ходить по воде как по суше или одним словом иссушать смоковницу. Только Бог смог стать настоящим Человеком. И только в Нем во всей полноте проявились те чудесные свойства, которые характеризуют человека как существо, принадлежащее иному измерению: любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание.

А как же быть с теми сверхъестественными изменениями в стихиях, которыми повелевал Господь, с чудесами, которые Он творил? Некоторые святые отцы говорят, что если бы человек не согрешил, то обладал бы такими же способностями. Но всё же в Евангелии не на этом ставится акцент. Господь воплотился не для того, чтобы бесконечно являть чудеса, но для того, чтобы спасти человека. В этом свете, в контексте спасения, мы и веруем тому сверхъестественному, что творил и творит Господь в Своей Церкви. Но не это, конечно же, является признаком истинности Православия: у нас, мол, Благодатный огонь, значит, у нас и Христос. Чудо в данном случае, скорее всего, наоборот, должно послужить поводом к смирению и обличению нашей глухоты: «Слово Его было преисполнено силы, — писал святитель Игнатий (Брянчанинов). — Но человеки ниспали глубоко во мрак и мглу плотского мудрования; сердца и умы их ослепли. Оказалось нужным особенное снисхождение к болезненному

состоянию человекoв. В помощь слову Божию даны Божии чудеса».

Поэтомy нельзя верить в чудо само по себе, вне контекста жизни человека, народа, человечества. В истинных чудесах нет никакой загадочности. Они всегда что-либо объясняют, подсказывают, к чему-то лучшему направляют. «Настоящее чудо, — писал Павел Флоренский, — и должно состоять именно в таком, рационально объяснимом в широком смысле явлении». В этом смысле чудо в православной духовной традиции называют знамением, то есть признаком присутствия Господа в жизни человека. Но особенно ярко Его участие чувствуется в трудные минуты жизни людей.

Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят. Наверное, в этом и заключается то главное условие, при котором возможно увидеть истинное, Божие чудо.

Не только чудесами, но и трудами святого апостола Андрея Первозванного возникали христианские Церкви, которым он ставил епископов и священство.

Именно поэтому по своему внутреннему упованию православие мыслит себя христианством в его изначальной полноте и неповрежденной целостности, возникнув непосредственно от апостолов Христовых.

Эльза пожаловалась матери Альберта, что тот угрожает Энжеле разводом. Герберт предупредил дочь, что свекровь может позвонить ей с утешениями и наставлениями.

— А ты скажи ей, как есть... Отобрали у меня мужа и так далее.

— Ну почему я должна говорить то, что думаю? Гораздо удобнее соглашаться с ней. В противном случае она мне все мозги процедит... — зафыркала Энжела.

— Вот, ты с ней соглашаешься и имеешь то, что имеешь...

— А что? Чем плохо? Меня всё устраивает... Деньги она присылает. Хотя немного, зато исправно. — Энжела старалась показаться прагматичной, но у нее это плохо получалось.

— А то, что теперь тебе, как декабристке, нужно тащиться зимой на другой конец страны.

— Значит, я увижу нашу страну с другой стороны.

— Может быть, ты знаешь ее с лучшей стороны, зачем же подвергать себя опасности разочароваться? — пошутил Герберт.

— Я не боюсь разочароваться. Трудно разочаровать разочарованную. Если этот край страны и есть ее лучшая сторона, значит, я в этом убежусь!

— Ты сильно расстроилась, что мама рассказала твоей свекрови, как Альберт угрожал тебе разводом?

— Ну и как она это восприняла?

— Нельзя сказать, что она была в шоке...

— И мне кажется, она с сыном заодно. Надоели они мне.

— Она сказала, что вы тут подле нас как принц с принцессой жили. А на возражение, что вы и есть принц с принцессой и родились не в свое время, ответила, что вам надо «вкалывать». Я на заднем плане пытался повопить, что это, мол, за сталинские методы, ей тут не архипелаг ГУЛАГ!

— Правда?

— Да, но она, конечно, ничего не слышала...

— Вот, блин, досада. Сейчас она позвонит и будет вправлять мне мозги... Знаешь, мне безразлично. Пусть делают, что хотят...

В комнату вошла Эльза. Она прочла в Интернете грязь о Герберте и просто кипела.

— Почему этот Андрей Виригин не унимается? Ведь по сути дела это настоящая травля!

— По-моему, отгадка проста. Там он где-то сознается, что по-прежнему получает деньги от издательства за мои книги, получает и от магазинов. Суммы небольшие, но в конечном итоге составят около тысячи долларов. Ну, сама посчитай... Тираж примерно тысяча экземпляров. Даже доллар за книгу — это уже тысяча. Беснуясь и кликушествуя, что я якобы его

ограбил, он пытается затушевать свое воровство. Плюс таким образом шантажирует меня, пытаясь вытянуть еще денег. Всему, конечно же, причина гордость и зависть. Но долго ли это продлится? Скоро он на эти самые деньги упьется так, что уже не сможет добраться до издательства, чтобы получить очередной расчет.

— Ты мне только одно объясни, мы гонимы за правду или наоборот?

— Ну, если принимать во внимание, что конфликт с Андреем зиждется на моих попытках проповедовать ему православие, то можно с натяжкой сказать, что да, мы гонимы за правду.

— Тогда нечего роптать. Ведь это то, что нам обещано...Будем молиться за ненавидящих нас! Вся подлость происходит от трусости. А почему он тебя боится?

— Судит обо мне по себе. Думает, что я мстительный и влиятельный. Другой на моем месте заткнул бы ему рот в самом начале. Ты не забывай, ведь это Россия. Там такие штучки не сходят с рук просто так, а найти его в Москве не составит труда, не говоря уже о его родном поселке. Но мне это только полезно. Пусть напоминает моей гордыне, какое я ничтожество.

— Просто поразительно, как много неприятного нынче может сделать бродяга, проживающий на другом конце света. И хорошо, что он вздумал на тебя лаять теперь, а не прежде. Убить, конечно, ты его не убил бы, но пострадал бы он крепко за свои разглагольствования.

— Одно знаю, что я был слеп, а теперь вижу,
— ответил Герберт.

— Ты очень изменился с тех пор, как я попросила тебя стать священником.

— В лучшую или худшую сторону?

— В лучшую, так что ты уже можешь им и не становиться.

— И я теперь начинаю чувствовать себя спокойнее и счастливее! Одна проблемка... Джейк сказал, что уже привык видеть меня в черном подряснике, но мне не хватает на груди большого креста.

— Ну, если Джейк так сказал, то, конечно, надо становиться священником.

Джейк, услышавший краем уха этот разговор, засмеялся.

— Что же, если я папу представляю в блестящих доспехах на коне, то ему надо стать рыцарем?

— Ты правда представляешь меня в латах и с мечом? — Герберт сделал вид, что растроган этим до глубины души.

— А вот я представляю тебя лохматым чудовищем, — заявила Эльза. — Тебе обязательно нужно постричься.

Индюшка, начиненная имбирем и черносливом, стояла на столе. Адлеры праздновали Рождество и по-западному, и по-православному. Двадцать пятого декабря они уселись за семейный стол, потому что весь западный мир поступал так же, и им не хотелось лишать себя ощущения общего праздника. Гостей не было, только свои. Смотрели фильм. Во время сцены роскошной свадьбы Герберт сказал Энжеле:

— Смотри, свадьба красивая, как у тебя. Мы больше не сможем такую себе позволить. Может, останешься с Альбертом? Ты не пробовала лупить его скалкой по голове? Говорят, это помогает вправить мозги...

Энжела устало поглядела на отца.

— Я сейчас настолько раздражена, что не хотела бы слышать подобные шутки.

А после просмотра фильма внезапно призналась:

— Я не хочу к нему ехать.

— Ну так не едь! — воскликнул Джейк со свойственной его возрасту горячностью.

— И правда, ты не обязана! — поддержал Герберт. — Если не хочешь его видеть, можешь сказать, что заболела.

— Но он расстроится... — деланно захныкала Энжела.

— Ты не хочешь ехать, потому что он тебе стал неприятен и тебе не хочется, чтобы он к тебе приставал!

Энжела состроила мину, по которой невозможно было понять, прав Герберт или нет.

— Я, пожалуй, пойду домой. Билет уже куплен. Всё на мази...

— Думаешь, вы поссоритесь? — спросила Эльза.

— Возможно...

— Так стоит ли для этого лететь на другой конец страны?

— В крайнем случае поменяю билет и вернусь раньше.

— А он извинился за то, что угрожал разводом? — спросил Герберт.

— Нет.

— И его маменька тебе не звонила?

— Не звонила...

— Странно...

— Может, не хотела тебя лишний раз раздражать, — предположила Эльза. — Ты уже собрала вещи? Хочешь, я дам тебе кастрюлю?

— Я не собираюсь везти ему полдома. Не повезу ему кастрюлю. И не повезу ему одеяло.

— Так сама же и замерзнешь!

— Почему, почему я должна все это везти?

— Может быть, потому, что ты уже два года наперебой с ним собиралась туда переехать? — задиристо спросил Джейк.

— Спасибо! Это замечание мне очень помогло! — Энжела надулась. — Пусть сам приезжает и перевозит всё это барахло. У меня отпуск. Я еду отдыхать.

— У нас больна душа — расслаблена. А чем больна? Гордыней, похотью плоти, похотью очей наших, нашей привязанностью к земному миру и его благам, нашим поклонением разуму... — принялся за свое Герберт.

— Но я молода, и мне не хочется думать обо всем этом. Я, пожалуй, пойду домой. Простите, что я всем испортила настроение в праздник.

— Нам ты не испортила, — поспешно отмахнулись родители.

— А мне испортила! — не унимался Джейк. — Сначала ты морочишь родителям голову: «Найдите мне принца». Потом не знаешь, что с ним делать, с принцем этим... А теперь разыгрываешь из себя уязвленное достоинство.

Никто не ожидал, что Джейк выскажет то, что каждый в глубине подспудно думал, но боялся выразить. Над столом повисла тишина. Герберт даже зажмурился, думая, что сейчас разразится большой скандал.

— Ну, значит, у тебя такая неудачная сестра, — только и ответила Энжела. Она обняла сначала ершистого брата, потом потрепала волосики Патрику, который с серьезным личиком наблюдал всю эту драму и, наконец, обняла отца и мать.

— Мне тяжело будет отвезти тебя в аэропорт,
— вздохнул Герберт. — Ты знаешь, как я ко
всему этому отношусь...

— Я знаю, — вздохнула дочь, — я знаю... Бог
поможет...

Герберт аккуратно перекрестил дочь.

— Надо потрудиться самому, а не только
возлагать всё на Бога, без всякого личного
участия. Вот блудный сын пришел в себя, встал и
пошел к Отцу сам (не только сказал, но и сделал,
исполнил), тогда и Отец пошел сейчас же
навстречу, на помощь; так и нам надобно делать:
самим потрудиться, решиться, приступить, —
тогда и благодать Божья поможет...

34

Свою жизнь Герберт считал афористичной, то
есть столь же насыщенной, как и тексты его
сочинений. Его мысль, свободно переходя от
предмета к предмету, не напоминала
рассуждений богомольных тихонь. И зря о нем
поговаривали: «Богу стал чаще молиться... Надо
полагать, совесть нечиста...». Герберту казалось,
что он всё менее и менее, что называется, жил
по-свински. И радостные лучики прозрения все
чаще навещали его, вызывая тихую улыбку,
точно, как сказано у Чехова: «Бывает так, что в
темную келию постника, погруженного в

молитву, вдруг нечаянно заглянет луч или сядет у окна келии птичка и запоеет свою песню; суровый постник невольно улыбается, и в его груди из-под тяжелой скорби о грехах, как из-под камня, вдруг польется ручьем тихая, безгрешная радость».

Вот такая тихая радость все чаще навещала мятущегося Герберта. Все-таки его упорство на пути веры не оставалось без награды. Одной из таких наград стала его притихшая, задумчивая Эльза. Бес упрямства и озлобленности покинул ее, отправился бродить в места иные, пустынные, и теперь нужно было чем-то наполнить чисто выметенное жилище, пока он туда не вернулся.

Если бы было позволено проникать в чужую душу, Герберт наверняка поселился бы в душе у Эльзы. Он любил ее настолько, что иногда забывал, где кончается он и начинается она. Бывали, однако, случаи, когда размолвки прерывали это чувство неразрывности. Наверное, поэтому они запоминались надолго и создавали ложное впечатление, что у этой пары есть непримиримые противоречия. Чтобы убедиться в обратном, было достаточно послушать их ночные разговоры. Когда Герберту не спалось и он самозабвенно строчил свои романы, а Эльза спускалась с внезапно пробудившимся Патриком в четыре часа ночи из спальни в кухню, и бой часов, обрывисто немногочисленный, вызывал законную зевоту у этой полуночной троицы, им было хорошо. Пили чай. Патрик сидел на своем детском стульчике и бормотал что-то невнятное,

изредка покрикивая: «Гугали-гугали-гу!» Совсем другое дело было, когда Герберт читал Эльзе только что написанное. Патрик выходил из себя и орал так, словно ему только что разом открылись все преступления человечества. Герберт останавливался, терял строку, морщился, злился. Патрик замолкал. Но стоило отцу снова открыть рот, как всё повторялось. В конце концов, Герберт смирялся и продолжал, несмотря на шумовую завесу. Эльза, казалось, не слушала. Она как бы подсматривала за творчеством мужа исподтишка. Тем более, что писал он и о ней, и обо всей окружающей ее жизни. Не всем легко глядеть на себя в зеркало, отражающее не столько внешнюю, сколько внутреннюю сущность населяющих его зазеркалье существ.

— Дочь у нас актриса, — заметил Герберт, отхлебывая чай из стакана в подстаканнике. В таких мелочах, как наличие подстаканников, легко была заметна ностальгия иммигрантов со стажем по утерянному прошлому.

— Да, актриса, у нее этого не отнимешь, — согласилась Эльза. — Странно, что теперь нам совершенно все равно...

— Мы настолько недовольны всем, что происходит, что уже не имеем никакой позиции. Поэтому нам уже все равно. Хочет — пусть едет. Не хочет — пусть остается. Она нам вполне доказала, что проку не будет ни от нее, ни от ее супруга... Причем заметить, ведь Джейк посмотрел в самую суть. Сначала она громче всех заявляла, что не желает всю жизнь провести в нашем

захолустье, а теперь, когда ее принц из кожи лезет обосноваться на новом месте, так сказать, натурально вкалывает, она на него в обиде, — рассудил Герберт.

— Она играет людьми, как марионетками... Вся в тебя! Ну а насчет Альберта, ты и сам понимаешь: неизвестно, как он там вкалывает и из какой кожи лезет. Может, у него и работы-то нет. Может, снова к кому-нибудь присосался и альфонсичает! Ведь мы думаем о нем лучше только потому, что мало знаем о подробностях его тамошней жизни. Но по старому опыту можно с уверенностью сказать, что наверняка большая часть из того, что он о себе сообщает, — ложь. А истина состоит в неизбывной глупости, громоздящейся на глупости. Ведь перемена места не меняет человека.

— Что ж... наша дочь упустила шанс его воспитать, — вздохнул Герберт.

— А тебе очень-то удалось воспитать меня? — задиристо спросила Эльза.

— Интересно, какой станет наша дочь, когда повзрослеет? — неожиданно спросил Герберт и с сомнением добавил: — А может, она уже выросла?

— Нет, характер у нее еще не сформировался... Где эти золотые годы с трех до шести лет? В таком возрасте нам и с Альбертом было бы легче справиться. Наверняка он был замечательным шалуном.

— Он таким и остался.

— Нет, теперь, судя по его поведению, ему лет десять...

— Бог с ними... Наверняка Энжела нас дурит, впрочем, сама не отдавая себе отчет. Она вернется загадочная и будет снова нести нам его глупости, а точнее глупости его мамы, так, словно и не имела иного мнения. Главное, наверное, перестать обращать на них внимание. Заметь, теперь от них уже ничего не требуется. Ни детей, ни творчества, ни веры... Все только с замиранием сердца наблюдают, чем закончится этот конфликт... Большая артистка наша дочь, надо сказать... — повторил Герберт.

— Да, но самое главное, на нее невозможно обозлиться. Единственное, что я ценю в теперешнем состоянии, так это то, что у нас снова полный мир и гармония с детьми. Я очень этим дорожу! Постарайся этого не портить, — немного капризно и обеспокоенно промолвила Эльза.

— Я просто рассуждаю... — Герберт пропустил напряженный тон мимо ушей. — Ты заметь, отношения исправились, как только уехал Альберт. Неужели ему удавалось настолько влиять на наших детей? Он не столь уж умен...

— Для этого ума не надо. Он заражал их своей гордыней. Ты помнишь, Джейк совершенно свихнулся тогда... Как он тебя отучал от церкви, и мне говорил: «Мама, тебе этого тоже не нужно!», как требовал уважать себя за будущие успехи!

— Дьявол всех заражает своей гордыней. Да, именно так! Гордыня опасна тем, что она заразна!

— Снова ты изобрел афоризм... Хорошо бы всю жизнь просидеть с тобой на кухне... — неожиданно сказала Эльза и ласково коснулась руки Герберта, в которой тот держал бутерброд со словно бы простреленным навывлет швейцарским сыром.

— Я — причина того, что у нас нет спокойной жизни, — признался Герберт. — Именно афористичность моего мышления... Поэтому и жизнь наша становится слишком насыщенной. Уплотненной до предела. Ни слова просто так. Ни пустого разговорчика, ни простой болтовни...

— Вот и твоя гордыня проснулась. Не рановато ли? В полпятого утра!

— Да нет же... Дело в том, что я слишком насыщенно живу, хотя со стороны поглядеть — ничего такого особенного не делаю. Сажу целыми днями дома, словно на пенсии. Пробовал ходить в офис, но в очередной раз убедился, что от этого только хуже всем: мне, работникам и бизнесу.

— Успокойся, никто тебя не гонит на работу, афористичный ты наш! — вздохнула Эльза.

— Моя афористичность проявляется вот в чем. Я иногда подслушиваю ваши разговоры со стороны — они совершенно бессодержательны. Их невозможно передать! Но стоит мне в них

вступить, как из каждого разговора можно сделать главу романа!

— Ну, ты совершенно расхвастался!

— Одно только неясно... Интересно, почему Бог постоянно желает держать нас на границе финансового краха?

— Значит, так нужно...

— А постоянные поношения и этот привязавшийся Виригин...

— Напоминают твоей гордыне, что она забыла выключить свет в кладовке твоего самомнения...

— Этот бомж воображает, что может влиять на мою судьбу, в то время как я пишу о нем роман, и по сути дела могу сделать с ним всё, что мне заблагорассудится. Могу убить, могу помиловать... Кстати, когда мы еще дружили, он просил не убивать его в романе. Но теперь мне не представляется возможным оставить такого героя в живых! И ведь именно то, что будет написано в романе, останется, а истинная его судьба, как и он сам, будут забыты. Причем мой герой гораздо глубже и многогранней своего прототипа... Именно таким он не будет забыт!

— Твой роман тоже будет забыт... Не беспокойся...

— Да, забвение — это самый распространенный приговор, который всем нам подписывает время.

— Ты — неисправимый поэт.

— А ты — поэтесса. Как жаль, что ты ничего больше не пишешь. Ты очень талантлива!

— Зачем тебе нужна поэтесса? Они все неврастенички.

— Ты и так неврастеничка, но при этом от тебя и стихов не дождешься, — запротестовал Герберт. — Это как держать корову, которая и бодается, и молока не дает.

— Ты тоже бодаешься. Ну а молока с тебя как с козла, по определению... Да, мы оба больны, а я все время об этом забываю. У нас совершенно расстроены нервы... — вздохнула Эльза. — Что делать? Мы должны с покорностью переносить самих себя. Без воли Божьей ни один волос не падает с головы человека.

— В этом отношении лысый имеет преимущество...

— Не кощунствуй.

— Ночью можно. Пока еще всё в мире спит...

— Бог — как Нью-Йорк. Он никогда не спит! — в свою очередь пошутила Эльза.

— Если хочешь насмешить Бога, поделись с ним своими планами на завтра! Ладно... Об этом можно говорить бесконечно. Как ты думаешь, то, что я пишу, привлечет людей к Церкви или оттолкнет от нее?

— Редко кто перемешивает в одной и той же книге грязные ругательства и изречения святых отцов. Трудно сказать, какой это произведет эффект, — высказала свои сомнения Эльза.

— Думаю, обычный эффект. Святоши проклянут за матерщину, а матерщинники обматерят за святость. Все остальные просто не обратят внимания. Слишком много у человечества дел между очередным отпуском и могилой.

— Тогда зачем ты пишешь?

— А как быть? Замолчать? Вера не совместима с литературой? Неужели пером может водить только гордыня, а смирение всегда должно оставаться немым?

— Многие верующие описывают плоды своей веры, пасхальную радость и так далее. Очень немногие откровенно пишут о страданиях и неровностях своего пути. Может быть, поэтому стоит писать? Пиши, Герберт, писать, конечно же, стоит...

— Будут ли кому-нибудь интересны мои переживания?

— Ну, те, кому станет скучно, смогут вполне насладиться включенными в роман обильными излияниями Андрея Виригина в стиле «Москва — Петушки». «Ах, что ты еще пил, Веничка, и после которого стакана ты блеванул?»

— Он наверняка обвинит меня в плагиате...

— Ну, мы-то знаем, что ты его увековечиваешь.

— Достойно ли это увековечивания? Что же, всякой кашке теперь памятник ставить? — хмыкнул Герберт.

— Ага! Вот и попался. Ты признаешь, что считаешь его какашкой! Теперь ты прямо сказал, что он за фрукт.

— Он — не фрукт, он — орех, разве что гнилой внутри. Не разгрызть, а разгрызешь — отпрянешь!

— Он конский каштан, — пояснила Эльза.

— А что это такое?

— Какашка, только конская.

35

Напрасно я пытаюсь покрывать сусальным золотом собственные нечистоты... Да, Андрюша, нечего тебе стыдиться. Пусть твоя блевотина будет открыта для обозрения в выставочном зале современных искусств! Ошибок в моей жизни было много, но, собственно, главная из них, по моему мнению, — это нездоровый дух, который царит в моем бытии.

Сегодня был у моей благодетельницы Насти, попросившей пособить с компьютером. Ехать хотелось не слишком, но отказать не мог. Она, впрочем, вскоре укатила по своим делам и вернулась только к моему уходу. В ее отсутствие мило поболтал с ее подругой, увядающей красавицей аристократической разновидности. Еще один персонаж из бульварного романа, в который, как я уже писал, выродилась моя жизнь.

Мне определенно пришлась по душе ее блестящая пустоватость, улыбчивая доброжелательность, жизнеутверждающий матерок. Бывшая рублевская жена, не носившая, по ее словам, украшений дешевле тысячи баксов и бывший представитель творческой полубогемы (как меня туда занесло, пусть и ненадолго?). Я ведь — юноша без возраста и без каких бы то ни было убеждений и принципов. Если бы я был напыщенным представителем пишущего люда, стадами пасущегося на чахлых нивах разнообразных провинциальных СМИ, я бы непременно завернул что-нибудь в духе: она продала за деньги свою красоту, он — свой талант. Оба оказались у разбитого корыта. Но к счастью, я всегда относился к себе с самоиронией. В тот же день я провел с ней в постели незабываемую ночь. В данном случае это не эвфемизм занятия сексом, мы с ней просто спали в одной кровати. Просто спали, и всё.

Никогда бы не подумал, что смогу безмятежно лежать рядом с красивой, пусть и немолодой, нетрезвой женщиной, не только не испытывая желания, но и не допуская самой мысли о его возникновении. А ведь могло бы быть... Уж не стал ли я импотентом? Перед сном она, помнится, рассказывала мне о своих ощущениях от кокаина.

А что же, нам, «только детские книги читать, только детские думы лелеять»? Я говорил в постели горячо, но моя соспальница уснула, не дослушав. Поделом тебе, Андрюша. Не суйся ты

судить и рядить о красоте. Всякий по-своему наслаждается и художественным шедевром, и статуей, и живой красотой женщины.

Мне повезло — со своим любимым современным писателем я знаком лично. Или, скажем так, любимым из ныне живущих, ибо Владимира Набокова тоже есть основания считать нашим современником. Более того, мы некоторое время работали в одной газете. В общем-то, и оказался я там не без его участия. Зовут этого писателя Остап Агатович Арсиров. Ничего, что о нем никто слыхом не слыхивал. Таланты обычно проявляют себя посмертно. Узнал я о нем в разгар девяностых. Как-то раз попался мне на глаза его рассказ в «Молодом коммунаре», который я покупал исключительно из-за отчетов о матчах моей любимой футбольной команды. Из рассказа в моей памяти осталась только злобная теща, выставившая зятю лыжи за дверь. Дескать, забирай и проваливай.

В разном градусе подпития я любил цитировать эти фразы: «Я как-то взялся считать, сколько у меня было женщин по имени Света, и уснул без света. Я всегда так делаю, когда бессонница». Ну не гениально ли?

«Я же нормальный мужик: конечно, Лолита. Ведь только зрелая женщина с горьким опытом страсти в постели истинная львица».

«Один порядочный энергетик стоит одиннадцати паршивых импресарио со всем выводком их вертялых педерастов».

«Сорокалетнему мужчине почти любое шестнадцатилетнее тело кажется привлекательным».

Самое большое упущение в моей жизни — в том, что я до сих пор ни разу не выпивал с ним. Но мы это с Вами, Остап Агатович, обязательно исправим. Однажды Вы написали мне в ответ на перечисление неувязок в Вашем романе, вышедшем в «Гелеосе»: «Ваша взяла! Пишу фигово, считаю еще хуже». Так вот, пишете Вы, Олег Агатович, не фигово, а офигительно. И спасибо Вам за это, Ваша проза помогала мне выжить в жутком промышленном городке, где меня угораздило родиться. Как же здорово, что Ваши две пьесы и поэма понравились Валентину Иосифовичу Гафту не меньше, чем мне самому! И как жаль, что не получилось записать поэму в его исполнении!

Может, мне пора устаканиться, бросить пить, жениться? Тогда и творчество пойдет! С другой стороны, ведь жениться можно много раз: ужели я не могу наслаждаться красотой так, как бы наслаждался красотой в статуе? Дон-Жуан наслаждался прежде всего эстетически, но грубо: сын своего века, воспитания, нравов, он увлекался за пределы этого поклонения — вот и всё. А я бы мог нарисовать в своем воображении истинный идеал!

В подходящие к концу нулевые Арсилова стали регулярно печатать толстые журналы. Его блистательная поэма, на мой взгляд, — лучшая короткая проза уходящего десятилетия. Остап — едва ли не единственный нынешний прозаик, умеющий писать по-настоящему смешно. Так, чтобы смеяться до колик. Немолодой и небедный энергетик из Ханты-Мансийска приезжает в вымышленный южный город Сиктым (обсценное слово во многих восточных языках) в поисках сексуальных приключений. Однако его ждет череда досадных обломов, которые приводят его к выводу, что «за деньги можно приобрести всё, что угодно, кроме романтических грез». (Добавлю, что нельзя, слава богу, купить еще талант и доброе имя. NB для Герберта Адлера.) Энергетик пишет поэму о своих неудачах и с пространными комментариями читает ее в летнем кафе случайному знакомому, от лица которого ведется повествование. Совершенно восхитительный сюжет. После прочтения этого произведения на стеклянной тверди моего нетрезвого сознания словно бы написано: «За радость тихую дышать и жить, Кого, скажите, мне благодарить?» Конечно же, великого писателя Остапа Агатовича Арсилова.

Утром явилась Энжела. Машину ей пришлось оставить внизу дорожки, поднимающейся к дому Адлеров, — гололед не позволил добраться до верха подъема. Теперь в их семье был только один автомобиль и поэтому Герберт должен был отвезти дочь на работу в магазин одежды, а вечером забрать ее оттуда.

— Я не отпущу тебя на нашей единственной машине в гололед и сам не поеду. — заявил отец.
— Если мы ее разобьем, останемся без машины.

Поскольку автомобиль Альберты снимали по лизингу, в случае серьезной аварии страховку выплатили бы не им. А новую машину им не выдали бы, поскольку в последнее время Герберт серьезно испортил свой кредит тем, что, нарушив договора, до срока вернул лизинговой компании два других автомобиля, а третий разбила Эльза, выйдя из страшной аварии без единой царапины.

Да, еще недавно у этой семьи было в распоряжении четыре автомашины. Теперь же Герберт трясся, чтобы не потерять последнюю. Хотя втайне был доволен: ведь чем меньше машин, тем легче контролировать передвижение домочадцев. Тем более теперь, как в старые времена, все ездили вместе и можно было беспрепятственно общаться; когда машина несется по шоссе, собеседнику некуда уйти, и волей-неволей приходится дослушать до конца.

Однако сегодня у Герберта не было настроения бороться с гололедом. Он выдал дочери пятьдесят долларов на такси туда и обратно. Это

было совершено глупой в экономическом плане затеей, поскольку Энжеле в магазине платили только десять долларов в час, и ехала она работать как раз на пять часов.

— Какая разница. Всё, что связано либо с ней, либо с Альбертом — сплошная глупость или безумие. Чего ей не работалось в нашем бизнесе, где она за два дня в неделю получала в четыре раза больше, чем в магазине за пять дней работы? — привычно проворчал Герберт.

Энжела не слышала этих замечаний. Она продолжала ходить по комнатам и вопрошать, что ей делать, «не тратить же пятьдесят долларов на такси!» Казалось, она посоветовалась даже с собаками и котом.

Джейк порывался вызволить машину из ледяного плена, но Герберт раздраженно его остановил и еще раз доступно объяснил, почему он не хочет, сэкономив пятьдесят долларов на такси, потерять автомобиль ценой в пятьдесят тысяч (машина у Адлеров была хорошая, новый джип «хайлендер»).

На дворе стояла талая суббота, и несмотря на то, что Герберт предупредил прихожан, что рождественская служба будет завтра, в воскресенье (так постановил отец Матвей — и не по новому и не по старому стилю, а как ему было удобно), Адлеры опасались, что кто-нибудь все-таки приедет, потому что все привыкли, что в их домашней Преображенской церкви службы совершаются по субботам в десять утра.

— Ну, приедут, я облачусь в подрясник и прочитаю часы, — успокаивал не в меру суетливую с утра супругу Герберт. — Нельзя сказать, что наша церковь приносит только хлопоты. Радость всё же тоже имеется и производит свое неприметное действие на нас и наши души. А как иначе? Без радости никак нельзя! Так что ты не суетись! Ведь если кто-то стучится к нам в дверь, чтобы помолиться Богу, значит, Бог присутствует в нашем доме. А разве это не радость?

И действительно, выглянув в окно, чета Адлеров заметила, что в хвост их застрявшей в начале дорожки машине пристроился повидавший виды белый фольцваген-фургон. Герберт схватил свой подрясник, и уже было нарядился, как оказалось, что в этом нет надобности. Приехал мужчина, который помогал Эльзе петь в хоре, иногда состоящем из нее самой и этого мужчины... Он, не предупреждая, решил порепетировать, чем и вызвал небольшой переполох. Певчие отправились к роялю. Герберт вышел с подрясником в руках, поздоровался и не без приветливой учтивости спросил:

— Вы, собственно, желаете помолиться или порепетировать? Маму вашу не привезли? Как ее здоровье?

Его смутило то, что мужчина был одет в черный костюм, белую рубашку и галстук. В таком виде он обычно появлялся только на литургии.

— Не беспокойтесь. Я без мамы. Мы просто порепетируем.

Герберт кротко улыбнулся и удалился. Ему стало немного обидно. Хотелось почитать часы, но делать это только для себя было неловко. Он пробовал одно время вести по возможности суточный круг богослужений, доступных ему по чину, но вскоре бросил, потому что никто из домашних к нему не присоединялся. Конечно, Герберт понимал, что он молится не для себя самого, а для Бога, но что поделаешь, люди, начавшие молиться в зрелом возрасте, с трудом привыкают к этому занятию.

После почти бессонной ночи Герберта клонило в сон. Он прилег не раздеваясь на кровать и принялся смотреть на внезапно осунувшийся снег в окне. Его мысли вторили капли, которая занялась с первыми лучами солнца. Постукивание капель талой воды отдавалось морзянкой у него в голове...

«Как же мне не писать? — размышлял он, — Если мы уйдем, не оставив после себя ни наших мыслей, ни наших сомнений, — считай, это поколение отжило напрасно. Пусть не для Бога. Для него все живы. Напрасно и без пользы для других людей! Сколько было за всю историю таких безмолвных поколений? Стоит нам замолчать хоть на минуту, и наше место тотчас же займут шуты в колпаках с бубенчиками, приписав нашей эпохе очередное шутовское название и искаженный смысл. Ведь нет совершенно бессмысленных эпох, как не

существует совершенно лишенных смысла человеческих жизней! А какой смысл, скажем, в жизни Андрея Виригина? Он обязательно есть, просто не очевиден ни окружающим, ни уж тем паче ему самому. Но смысл должен быть. По крайней мере, этот смысл ведом Богу. И нам нельзя молчать. Ведь мы были на этой земле, существовали, страдали... и наши живые голоса нужнее, чем нудные лекции плохих профессоров истории, склонных описывать любовные похождения лидеров наций да кровавые стычки на стыке времен, а не тайный смысл наших жизней, которого для истории словно бы не существует.

Не важно, что по большей части то, что мы пишем, останется неосознанным, более того, непонятым не только другими, но и нами самими. Понимание не так уж важно... Ведь бывает, что слово понято неверно, а смысл уловлен даже больший, чем в него, в это слово, был вложен. Похожую историю, вполне реальную, рассказывал митрополит Антоний Сурожский: «Иногда люди даже умиляются такими вещами, которых нет в богослужении; люди превратно понимают слова, хотя до них все равно кое-что доходит. Помню старушку, которая мне говорила: “Как замечательно, что в православии всякая тварь Божия как бы держится перед лицом Божиим, — я всегда плачу, плачу, когда поют: “Господи, возвах к Тебе, я крокодила пред Тобою ...”, когда священник на самом деле произносил: “Господи возвах к Тебе,

услыши мя... Да ся исправит молитва моя, яко кадило пред Тобою”. Она умилялась, потому что чувствовала: вот, всякая тварь, и животные тут, и я тут... Она умилялась вполне справедливо, то есть я хочу сказать, что ничего плохого в этом не было, она уносилась душой к Богу, но, конечно, не на том основании, которое ей давала Церковь».

Конечно, нелегко говорить и тем более писать, когда повсеместно поношения всякие претерпеваешь. Не успеешь рта отверзнуть, как тебе уже и про обоссанный матрац, и про быдлохуя пишут. Но ведь так и должно быть. Что же, если бы на месте хулителя был сущий бес, то он поступал бы иначе? Разве что, может быть, не так явно выражался бы, чтобы его не уличили и не разоблачили. Зачем Андрюша так меня поносит? От скуки, видимо, а может, для удовольствия... С расчетом или без расчета. Какая разница? Когда мерилom всего является человек, а не Бог, в мире вообще отсутствует какая бы то ни было правда. Каждый волен судить на свой вкус, и таким образом человеческие законы — всего лишь выражение главенствующих тенденций... Победят на выборах людоеды — будем есть друг друга на совершенно законном основании. В том-то и дело, что гуманизм да демократия не являются достаточно прочной защитой от людоедства. Вера — является. Не пошлая политизированная религия, а именно искренняя вера. Как я наслаждаюсь красотой и стройностью Евангелия,

так Андриюша наслаждается грязными откровениями его босса — окаянного беса... А я что, святой? Во мне мой собственный бес сидит и его бесу непрестанно подмигивает. Так и живем мы со своими бесами во гнев себе и Богу — вот и всё. Ведь есть же те, кто молится страстно, а иные не знают этой потребности... Хотя что есть страсть? Разве не от страсти мы пытаемся избавиться, молясь?

Отец Никифор как-то рассказывал, что в девяностые видел братков, которые пришли в храм, где отпевали их безвременно убиенного кореша. Они молились страстно! У одного, говорит, лицо от ненависти было мертвеннее полотна зимнего неба... А мне припомнилось мандельштамовское «и небо мертвенней холста»... А молились они так: «Господи, дай нам угондошить эту суку, что убила нашего кореша!!!»

Так что в страстности молитвы еще не всё... Когда же придет нам время наконец покинуть развратный Вавилон? Только по милости Божьей это возможно! Никакие наши заслуги, добрые дела, поступки — ничто не исцелит нас, не оправдает вполне... Помню такую поучительную историю, тоже, кажется рассказанную отцом Никифором.

Является праведник к вратам рая, ему ангел объясняет правила: «Нужно набрать сто баллов, чтоб попасть в рай. Ну, поведай мне, что ты сотворил хорошего?»

— Молился усердно всю жизнь.

— Хорошо. Вот тебе за это полбалла.

— Любил ближних.

— За это балл.

— Пожертвовал собой за други своя!

— Это очень хорошо. Еще два балла!

— Так кто ж спасется? Только по милости Божьей!

— Говоришь, по милости Божьей? Тогда проходи!

Трудно оставить в этой жизни суетные заботы да тщетные надежды и вознестись мыслями к небу. Тяжело поверить, что принцип воздаяния и кары и правда лежат в основе Вселенной. Я ведь так долго боролся против этого принципа! Может, его и нет. Может, он выдуман людьми для простоты усвоения библейских истин. Но с меня довольно одиночного поиска... Я больше не желаю шарахаться впотьмах, не только без маяков, но и без фонаря обыкновенного. А ведь для не принявшего Евангелие — жизнь именно и превращается в такое вот шатание. Нет другого альтернативного, в той же мере удовлетворяющего объяснения нашей жизни. И не к философам мне хочется бежать, а к батюшке, молить его; как говорится, будьте столь достолюбезны и снисходительны отпустить мне грехи, причастить меня Святых Великих Тайн!

Наконец певчие умолкли. Вне контекста службы Герберт не любил, когда поют церковные напевы. Ему казалось это кощунственным и нелепым. Но репетировать же надо!

Уже засыпая, убаюканный собственными мыслями, Герберт вдруг увидел перед собой лицо Эльзы.

— Виталий хочет пожертвовать на газету, но у него какие-то вопросы. Спустись к нему и поговори, пожалуйста.

— Боже, как неудобно... — деланно запричитал Герберт, хотя был очень доволен.

Виталий стал путано объяснять что-то о банковском переводе. Герберт, не дослушав его, спросил:

— А сколько вы хотите пожертвовать?

— Долларов сто пятьдесят.

— Почему бы не дать наличными?

— Хорошо, завтра я принесу на службу.

— Только положите, пожалуйста, в конверт и подпишите «на газету», а то отец Матвей может отобрать... — полушутя-полусерьезно предложил Герберт.

Виталий не смутился и согласно кивнул.

Повисла неприятная тишина. Герберт не знал, что еще сказать.

— Несколько священников пожертвовали, и теперь с вашими деньгами хватит напечатать следующий номер.

Было видно, что Виталию приятно это слышать. Однако из приличия он перевел разговор на другую тему.

— У вас в доме так много книг... Почти все стены покрыты книжными стеллажами.

— Да, я очень люблю книги.

— И у вас есть время их читать?

— У меня даже есть время их писать...

— Занимательно...

— Пройдемте в заветный уголок моей библиотеки... Я подарю вам несколько своих книжек.

Они поговорили о книгах Герберта, обсудили газету. Виталия удивило, что Герберт издает ее не только по-русски и по-английски, но и по-французски.

— А что поделаешь... — не без гордости промурлыкал Герберт. — С тех пор как французы потеряли доверие к католичеству, у них в душе образовалась дыра величиной в Бога.

Он попытался изобразить руками величину дыры, но почувствовал, что так широко, как требуется, развести руки он не может.

Отдохнуть Герберту так и не удалось. Не успел уехать Виталий, как позвонил давний друг из Кельна с рассказом о невзгодах в личной жизни.

— Я к тебе как к будущему попу обращаюсь, помоги советом, только учти — креститься я не буду.

Герберт выслушал долгий рассказ о цепочке, каждое звено которой представляло собой несчастную любовь буквально полувселенского масштаба. Последнее порванное звено оказалось безответной любовью размером с целую вселенную, и друг не знал, как теперь жить. Герберт занудил свои обычные наставления, и друг остался не очень доволен.

Так толком и не выпавшись, Герберт поднялся на следующее утро разбитым и, с трудом натянув на себя облачение, пошел встречать прихожан. Должна была состояться рождественская служба. Первым прибыл хмурый отец Матвей. Герберт ответил на его приветствие взглядом Иуды и не попросил благословения. Однажды он попытался поцеловать руку этого нервного батюшки, а тот ее как-то неловко дернул вверх и больно стукнул Герберта костяшкой по губе. С тех пор Герберт опасался брать у него благословение.

Пришли немцы. Фрау фон Паули привела дочь лет пятидесяти пяти и сына лет сорока. Они гостили у престарелой четы, и рождественская служба в православной часовне, по всей видимости, входила в список осмотра местных достопримечательностей. Жаль, что посещение

церквей теперь становится своеобразным туризмом.

Немного опоздала чета сербов. Пришел и Виталий в своем неизменном костюме.

Пока Герберт читал часы, Джейка послали бить в подвешенный на место колокол, и звон получился знатный. Морозный воздух словно бы лопался от звона, и у всех собравшихся появилось ощущение настоящего храма, что так необходимо в еще ненамоленных местах.

Служба прошла на удивление складно и спокойно. Только новое кадило напустило столько дыму, что жена серба не выдержала и вышла подышать морозным воздухом.

Когда пришло время обходить собравшихся с тарелкой, Герберт с удивлением увидел, что на тарелке уже лежало восемьдесят долларов, и он решил больше денег не кланчить, поскольку, по всей видимости, прихожане сами положили деньги еще до службы, когда брали свечи.

После целования креста все прошли в столовую, а Герберт подошел к отцу Матвею, который всё еще возился в алтаре, и протянул конверт с деньгами за службу.

— Отец Матвей, вы сможете отслужить литургию в последнюю субботу следующего месяца? — спросил он холодно, хотя и почтительно.

— Пока не знаю, уточним позже. Я ведь вынужден искать работу. Мой основной приход не дает достаточно денег.

— Хорошо, — раздраженно сказал Герберт. — Ничего страшного.

Его одновременно охватили радость и обида. С одной стороны, он почувствовал себя свободным пригласить другого священника, с другой, было очевидно, что отец Матвей специально пытается уязвить Герберта, ведь получить двести пятьдесят долларов за службу ему выгодно и никакой поиск работы не может этому воспрепятствовать. Своим ответом отец Матвей еще раз подтвердил Герберту, что шансов сработаться у них нет.

В коридоре к Герберту подошла дочь фрау фон Паули с богословскими вопросами, чем приятно его удивила.

— Вы считаете, что ваша Церковь единственно истинная и отрицаете все другие церкви, конфессии, религии?

— Ну, Иисус Христос ведь не сказал нам, что на земле будет много истинных религий. Он пообещал, что только его Церковь будет стоять до скончания века и ее не одолеют врата ада.

— И эта Церковь — ваша?

— По крайней мере, на земле должна быть хотя бы одна Церковь, которая является истиной Церковью Христовой. Если мы верим в Христа, то мы же не можем допустить, что

вочеловеченный Бог ошибся. Мы также не можем допустить, что он не воскрес и не исполняет своего обещания не оставить нас до конца времен, и что где двое-трое соберутся во имя его, там и он будет посреди них.

— Итак, как же вы знаете, что именно ваша Церковь — это истинная Церковь Христова?

— Очень просто. Христос основал свою Церковь, передав полномочия апостолам. Именно апостолы создали нашу православную Церковь и через поставленных ими епископов передали Божью благодать через рукоположение каждому последнему православному священнику.

— А как же католики? Разве их церковь не была основана апостолом Петром?

— Православная и католическая церковь были едины в течение тысячи лет! Но потом папа римский возомнил себя единственным верховным викарием Христа на земле, то есть снова пустился в спор, кто из всех больший, а кто меньший... Ну а там уж пошло-поехало...

— А как же мусульмане?

— Христос предупреждал нас, как узнать истинного пророка — по плодам его...

— А буддисты?

— Они вообще стоят особняком, вдали от Библии и, несмотря на некоторую привлекательность их учения, во многом противоречат христианству.

— Но вы верите, что отдельному человеку может быть откровение?

— Да, но чаще всего это откровение приходит не с небес, а наоборот...

— Как же отличить...

— Человек должен быть малогрешен, чтобы удостоиться Божественного откровения...

— А как же апостол Павел? Ведь он не был безгрешен, более того, он преследовал христиан, а удостоился узреть самого воскресшего Христа!

Герберт не нашелся и пробормотал, что Дух святой веет, где захочет...

Наконец всех пригласили за стол. Герберт сразу переадресовал вопрос об апостоле Павле отцу Матвею, и тот ответил весьма убедительно.

— Апостол Павел не был случайным грешником. Он свято верил, что исполняет Божью волю, преследуя христиан. Поэтому Иисус явился ему...

Далее заговорили о Рождестве. Заговорили о смысле вочеловечивания Бога и почему люди нуждаются в искуплении.

— Спаситель мира, — ответил отец Матвей, — вочеловечился для того, чтобы разрушить преграду между тварью и Творцом, положенную грехопадением, и даровал обновленному человечеству Вечную жизнь и радость Богообщения. Сын Божий стал Человеком, чтобы человек мог стать сыном Божиим. В Своем воплощении Бог отдает миру Самого Себя безраздельно и без остатка. В этом проявляется

акт высочайшей Любви, которая не ищет своего, но ради другого жертвует собою.

— А почему православное приветствие: «Христос рождается! Славите!»? Он ведь родился две тысячи лет назад, как Он может родиться ныне? — задал вопрос сын фрау фон Паули.

На это, с позволения отца Матвея, ответил Герберт.

— Христианство — это не вчерашний день и не только воспоминание событий, происшедших когда-то. Христианство — это нынешний день, это живая Божественная, действенная сила. Всё, что совершается в Церкви Христовой, это не только светлое воспоминание, это каждый раз новое и живое событие, без которого не существовала бы Церковь на земле. Для Бога нет времени в нашем человеческом представлении. Христос действительно постоянно рождается, и местом Его рождения, той самой пещерой, в которой он родился, является наше сердце!

37

За окнами джипа мелькали голые пальцы лесов. Адлеры везли дочь в аэропорт. Утром Энжела невзначай сообщила отцу, что родители Альберта со временем собираются приехать и поселиться с ними на новом месте на другом

конце страны. Как обычно, Энжела не понимала значения того, что передавала. Герберта же словно осенило. Всё стало на свои места.

— Ты зря собираешься скандалить с мужем, — уже в машине сказал он дочери.

— Почему?

— Потому что его переезд был, по всей видимости, частью большого плана, а не случайным капризом его матери. Пока вы жили рядом с нами, как принц и принцесса, ни о какой самостоятельности не могло быть и речи. Его родители давно собирались уехать из России, как подойдет пенсионный возраст. Что ж, их можно понять... Пенсионерам на Руси не сладко! Известный факт...

— Ну и какое отношение это имеет ко мне? — недовольно спросила Энжела.

— Абсолютно никакого. Они завершат свой план, с тобой или без тебя — без разницы. Альберт получил вид на жительство в результате женитьбы. Теперь он может, что называется, «спонсировать» приезд своих родителей. А для этого ему нужно официально устроиться на более или менее постоянную работу, чтобы можно было доказать властям свою финансовую состоятельность хотя бы в течение одного года.

— Так что же с того?

— А то, что ты собираешься обвинять Альберта, что он маменькин сынок, а он тебе ответит, что он просто заодно со своей матерью,

и именно так и должен вести себя настоящий сын.

— Но почему они не могли все это осуществить, оставив детей жить рядом с нами? — спросила Эльза.

— Потому что они считают, что мы, во-первых, могли бы воспрепятствовать их приезду, а во-вторых, и по всей видимости это главное — в нашем присутствии они невольно чувствовали бы себя обязанными нам за помощь в их переезде. Родители Альберта не такие люди. Они ни за что не желают быть обязанными... Поскольку наши дети не телились, и у них ничего не происходило, родители Альберта вмешались и выслали его туда, где впоследствии собираются обосноваться. Вот почему они поддерживают их финансово... Ну что ж, нас это, в общем устраивает!

— Меня это не устраивает! Я не хочу жить с его матерью!

— Ну, тогда они выдадут тебя нам обратно. Не подумай, они тебя любят и ценят, ты нравишься им, как невинная, хорошо воспитанная барышня, но если будешь брыкаться — тебя выставят в два счета.

— Я так не хочу!

— Боюсь, что тебя уже и не спрашивают... Видишь ли... У тебя было три пути. Первый — по которому ты и пошла — это полностью перейти на сторону семьи мужа, во всем им потакать и так далее. Ты громче всех кричала,

что тебе надоела эта лесная тюрьма, в которой стоит ваш дом. Кстати, это почти точные слова его матери. А теперь, когда он поехал осуществлять и твою мечту о переезде, ты начинаешь перечить.

— Что же я могла сделать?

— У тебя был второй путь — поддерживать свою семью, продолжать работать в нашем бизнесе, помогать нам с Патриком, чтобы мы могли сэкономить на няньках, и требовать от мужа, чтобы он тоже работал у нас. Ты же полностью порвала с нами всякие деловые связи, чем и создала удачную ситуацию, которой его родители не преминули воспользоваться. Теперь всю твою жизнь можно предсказать с точностью до года... Летом ты переедешь к мужу. Когда цены на недвижимость вернутся на прежний уровень или станут выше, чем во время покупки вашего дома, вы его продадите и отдадите деньги нам и его родителям, потому что они хотят, чтобы нам нечем было вас попрекнуть. Лет через пять-шесть, когда его родители переедут к вам, тебе разрешат завести ребенка, чтобы им можно было поныничаться с внуком или с внучкой. Не думаю, что тебе позволят родить больше одного. Ведь ваша семья в точности должна повторить семью его родителей. Ты будешь работать учительницей младших классов, а он так и будет болтаться с места на место, но это не важно, потому что его родители пока очень прилично зарабатывают, а выйдя на пенсию, продадут квартиру в центре Москвы, дачу и так далее, и

приедут с небольшим состоянием. Мы, к вам, естественно, совать нос не будем. Мы и здесь-то не очень к вам лезли, а на другой конец страны и подавно не попремся... А через десять лет ты станешь точной копией своей свекрови! Но она милая женщина. Неконфликтная, интеллигентная. Так что нас это устраивает!

— Но моя жизнь будет совершенно бессмысленной! — заплакала Энжела.

— Ну почему? — возмутилась Эльза.

— А в чем ты видишь смысл жизни? — спросил Герберт. — Смысл жизни — помогать тем, кто в тебе нуждается. Твой муж один, он плохо питается, а ты не желаешь везти ему сковородку и готовить обеды... Смысл жизни — дети, их воспитание, вера в Бога, наконец! А хочешь, я скажу тебе, в чем ты видишь смысл жизнь? Хочешь, опишу твою идеальную жизнь?

— Угу... — хлюпала носом Энжела.

— Нигде не работать. Детей не рожать. По дому все делает прислуга. Вставать к полудню, завтракать в дорогом ресторане, покупать шмотки и побрякушки не считая денег, а после обеда до самого сна играть в компьютерные игры и смотреть телесериалы. Отчасти мы сами виноваты. Сами тебя так воспитали...

— А искусство? Она любит рисовать! — обиделась Эльза.

— Ах, да... Еще ты периодически будешь рисовать натюрморты, составленные из

собственных туфель! Правда, я не уверен, что у тебя будет много работ, которые ты доведешь до конца! — Герберт задел за живое, потому что последняя незаконченная картина Энжелы имела именно такое содержание. — Я прав? Такой образ жизни тебя больше всего устраивает?

— Да, — простодушно призналась Энжела, и Герберту показалось, что дочь не видит в таком образе жизни ничего предосудительного.

— Такой образ жизни, во всяком случае, наиболее близкий к нему, ты могла бы вести только оставаясь с нами, да и то периодически, когда бизнес приходит в упадок, нужно работать всей семьей... Кроме того, теперь мы не стали бы выделять тебе столько денег на праздный образ жизни. Излишки, если таковые у нас обнаружили бы, мы отдавали бы нуждающимся, жертвовали на церковь, на издание православных газет и литературы. Так что если нам выдадут тебя обратно, мы больше не будем подыскивать тебе мужа, а привлечем к благотворительной деятельности, помощи больным и бедным. А может, тебе уйти в монастырь? Неподалеку в греческом монастыре живет одна русская монашка, вот и будешь ей подругой. Ты же всегда шутила, что если не выйдешь замуж, то уйдешь в монастырь? Теперь нам это кажется замечательной и очень похвальной идеей.

В машине повисло молчание. Было слышно только мерное жужжание мотора.

— А какой третий путь? — поинтересовалась Энжела.

— Третий — всех послать подальше и начать жить самостоятельно. Построить свою жизнь независимо ни от кого.

— Все знают, что я на это не способна!

— Ничего страшного. Значит, в тебе не так уж много гордыни. Но чего бы ты ни достигла, удовлетворения тебе это не принесет, потому что женщина счастлива только в семье и в Боге. Холодная одинокая карьера — это путь к депрессии.

— Так что же мне делать?

— Люби мужа, и он ответит тебе тем же. Какой бы он ни был. Другой может оказаться не лучше. Тем более Альберт — добрый. Он нам нравится. А то, что он так вел себя с нами, — видимо, боялся, что мы будем препятствовать его планам насчет родителей, и пытался доказать, что толку от него нам не будет!

— То есть вас все устраивает? Сплавил дочку, и порядок? — неожиданно заносчиво прошипела Энжела.

— Ты сама сделала свой выбор, — ответила мать. — Люби мужа, постарайся быть полезной другим, и в этом и будет смысл твоей жизни. Посмотри на нас отцом. Мы практически не занимаемся собой. Церковь, газета, Патрик...

Незаметно машина подкатила к входу в нужный терминал аэропорта. Пришло время прощаться.

Герберт помог выгрузить из багажника ярко-красный чемодан, подаренный Адлерам индусом вместе с индийскими одеяниями. Во втором, зеленом чемодане, было пуховое одеяло и сковородка. Герберту хотелось плакать. Он крепко обнял дочь и долго не отпускал. Потом резко отвернулся и сел за руль.

Ночью позвонила Энжела и сообщила, что долетела.

Герберт спросонья вместо телефонной трубки схватил с ночного столика стакан воды и поднес его к уху. Вода неприятно обдала его. Герберт невольно рассердился.

— Куда долетела? В Париж? — саркастически вымолвил он.

— Нет, к мужу, — почему-то веселым, наглым, даже немного развратным голосом сказала Энжела.

— Ну и слава Богу, будьте счастливы, — пробормотал Герберт и положил трубку. Забавы Герберта Адлера плавно перетекли в забавы свекрови. Это была уже не его игра.

Печальное событие в нашей жизни. Не выходя из запоя, от нас съехал Верховный Мурковод Крыма, мой добрый собутыльник, который решил пожить вместе со своей чувихой в

съемной комнате. Жаль, с тобой не знаком Герберт Адлер. Миленький Герберт, ты всегда был озабочен поиском материала для своих нетленных творений. Так вот, я предлагаю тебе приехать в Москву и занять освободившееся место в бомжатнике высокой культуры им. Н. К. Крупской. Надеюсь, двести баксов в месяц у тебя найдутся. Будешь жить в Москве, подобно Гаруну аль-Рашиду, и наслаждаться пестрой круговертью гастарбайтерской жизни. Правда, не знаю, берут ли на работу без московской прописки. А я, так уж и быть, поручу вместо тебя твой бизнес.

Ты узнаешь много нового, ребята научат тебя пользоваться тридцатидолларовыми проститутками и пить из горла «Балтику» третий номер. Заживешь наконец полнокровной жизнью. А потом напишешь роман, который обессмертит твое имя в веках.

Сосед, торговец диванами, вчера сетовал, что слишком дорого брать двух девушек за раз. Пришлось отказаться, хотя это «мечта каждого мужчины». Странно, у меня таких «мечт» никогда не было. Наверное, я ненастоящий мужчина.

Чем я только не занимался на своей последней работе. Как-то весь день просидел в офисе в ожидании проверяющего из банка, в котором у одной из наших липовых фирм открыт счет. Кому принадлежит этот офис, мне неизвестно. Я должен был сыграть роль сотрудника фирмы и создать у проверяющего иллюзию кипучей

деятельности на ниве закупок мебели и стройматериалов. Банковский юноша подъехал только в четыре. Наши «Рога и копыта» ему, кажется, забашляли, так что проверка превратилась в пустую формальность.

Уехал из Москвы на родину, в мой Быдлоград. По приезду выпил две бутылки «Туборга» (третья на подходе) и заскучал. Уехать, что ли, обратно, не дожидаясь Нового года... Видел сегодня своего одноклассника. Залысины, морщины, выглядит лет на десять старше меня. По городу невозможно нормально ходить, улицы покрыты ледяным панцирем. А я в своих «Umbro» с шипами. Город чугунного дьявола. Хочется нажраться вдохновенно, сокрушительно, по-нашему.

С грустью вспоминаю, как втроем в бомжатнике в Москве смотрели клип Кристины Софьиной на песню «Я полюбила бомбилу». Сэм назвал ее гимном нашей квартиры. В моем плеере она вертится в режиме нон-стоп. Какая же красotka эта Кристина! Мы все на нее... гм... молимся (честно признаюсь, фразу украл). Итак, «Бомбила» — наш гимн. В одной из сцен Кристина толкает «Жигуль» своего возлюбленного. У соседа по этому поводу была припасена история. Однажды он купил проститутку, которую его друзья характеризовали как волшебницу любви. В свое время у него было две машины (как не вспомнить «всё проебать — ведь это тоже дар!»). Когда ехали на его тачке, кончился бензин.

«Давай, вылезай, дотолкаем до заправки». Так и толкали вдвоем. Как женщина перетрудившаяся, она его разочаровала. «А распиарили-то!» Не знаю ни одного жителя столицы, хотя бы однажды не прибегавшего к услугам корыстных девушек. Жуткие подозрения терзают меня. Скучаю по тебе — мое московское обиталище. Пузырящиеся обои, сорванные газовые краны. Бомжатник.

Да, Москва подарила мне немало чудесных встреч. Как-то я пил кофе с Ксюшей, тяжело труждающейся в борделе. Тогда я был закодированный, в завязке... Поэтому вернее так — я пил кофе, а она шампанское, причем на мои деньги. Как вы думаете, чего вожделем Андрей Виригин с его алкоголизмом второй стадии из трех возможных — Ксюшу или шампанское? Но нельзя. Ей двадцать четыре года, из-под Костромы, ума ни унции. Выдула почти целую бутылку в один обаяльник. Рассказывала о постоянном клиенте на «лексусе», предлагающем жить вместе. А она, дескать, не хочет. Это еще раз доказывает, что на путь проституции женщин толкают не социальные условия, а темперамент. Впрочем, скорее всего, рассказ о влюбленном богаче — одна из тех сказок, которые есть в заглавнике у каждой девушки нетвердого поведения.

За последний год я познакомился со многими чудесными людьми. Один из них отец Василий, настоятель церкви, названия которой не помню. Возможно, я никогда его и не знал. Эта церковь

находится в Подмоскowie. Был я там, кажется, дважды, когда привозил от Герберта Адлера православные книги и небольшие пожертвования. Перечисления на эти цели были в долларах, но деньги я отдавал в рублях, округляя сумму в большую сторону и компенсируя разницу из собственного кармана. У отца Василия с отцом Никифором (духовник Герберта) есть общий знакомый — бизнесмен, который помогал этому храму, а впоследствии сквозанул за океан. Отец Василий — вылитый Бандитский Батюшка. Те же манеры, та же лексика. Иномарка, хороший мобильный, дома — спутниковый интернет. Побрить бы его и переодеть — ничем бы не отличался от обитателей нехорошей квартиры-бомжатника, в которой я имею честь проживать. Хитромордый низкорослый служка пригласил нас к себе в дом, а там классическая русская жратва: соленые огурчики, квашеная капуста, вареная дымящаяся картошечка в кружках лука. И, конечно, самогон. Пить я отказался. «Отец Василий, будете?» — «Обижаешь. Что я, не православный батюшка, что ли?» И всё бы ничего, долбанул и долбанул, но... Батюшке предстояло везти меня на своей иномарке обратно на вокзал. С пьяным гаишником я однажды ездил, а вот с пьяным священнослужителем как-то не доводилось. Вернувшись в Москву, я, что называется, пробил батюшку по базам, и оказалось, что с ГИБДД у него были серьезные нелады, но прав его не лишили. Может, у них взаимозачет — батюшка

им грехи отпускает, а гаишники прощают ему прегрешения на дороге? Хороший мужик, мог бы заняться трудом на благо народа: стать торговцем наркотой, сутенером или на худой конец водителем-бомбиллой, но вот предпочел торговать опиумом для народа. Что ж, каждый сам выбирает дорогу, по которой ему идти.

Не знаю, за что можно любить христианство? За его учение любви к убогому? Или за то, что оно говорит то, что люди рабы Господни? И за это мне любить христианство? Нет уж, увольте, но мне такая вера не по сердцу, язычество и то мне больше по душе, там хотя бы про природу строки есть. А чего в христианстве? Снова грязью тебя обливают, а ты должен ноги икон целовать, уж извините меня, но больно убого это!

Несуществование Бога доказано, равно как и лживость Библии (особенно Ветхого Завета), все современные христиане просто дикари и дегенераты.

Это дерьмо извращает историю, заставляет людей становиться быдлом. Презренные верующие есмь тупые идиоты, верят во всякую библейскую ложь, игнорируя факты, они забивают себе свои тупые головы враньем, потому как с ним живется легче...

«Бог умер!». Это религия рабов. Я могу долго разглагольствовать на эту тему, но не вижу смысла. Я не могу понять, как можно опять-таки насиловать себя в угоду кому-то. Как может всепрощающий Бог требовать покаяния в грехах,

иначе не простит! Лучше всего сказал Ницше в «Антихристе»: «Как можно поклоняться разложившемуся телу на полуистлевшем куске дерева?»

Христианство, по-моему, самая глупая и опасная для человеческой духовности религия. Вообще религия — это способ контроля над людьми и вбивание им в голову тупых догм. Христианство с самого начала тормозило прогресс на Земле. Оно предлагает пассивно прожить жизнь, чтобы потом попасть в рай... Какая глупость.. Нет никакого рая и быть не может. А Библия — это вообще книга для баранов. Когда прочитал, у меня волосы дыбом встали... Такой ерунды никогда не видел и не увижу, наверно... Мне очень жаль христиан. Особенно если они фанатики... Тогда можно сказать, что жизнь потеряна...

Крепко задумался над фразой Герберта Адлера из его последнего романа: «Сосочки оказались тоже малюсенькими, ярко-розовыми и обворожительно выступали над овалами, как пипки на куполах церквушки». Под овалом Герберт имел в виду ареолу (пигментированную кожу вокруг соска)? Или все-таки грудь в целом? Ареола, как известно, овальной быть никак не может. Но ведь и грудь никакой не овал, а полукружие. Кажется, недоглядели здесь редактора, а заодно с ними и я, грешный... Православного писателя сразу видно: «пипки на куполах церквушки».

После возвращения в Грецию апостол Андрей остановился в городе Патрос (Патра), расположенном у Коринфского залива. Многие чудеса явил Господь через ученика Своего в этом городе. Недужные исцелялись, слепые прозревали. По молитве апостола выздоровел тяжело больной знатный горожанин; наложением апостольских рук исцелилась жена правителя Патрского, которая от всего сердца уверовала во Христа и стала ученицей апостола. Его пламенное слово просветило истинной верой почти всех граждан города Патры, а язычник, местный правитель, возгорелся ненавистью против апостола Андрея и приговорил его к распятию на кресте. Апостол Андрей не раз обращался к нему со словами Благовестия. Но даже чудеса апостола не вразумляли тирана. Святой апостол с любовью и смирением взывал к его душе, стремясь открыть ему христианскую тайну вечной жизни, чудотворную силу Святого Креста Господня.

Мир ненавидит христиан, от которых он не терпит никакой обиды, за то, что они вооружаются против его удовольствий. Христиане же любят тех, кто их ненавидит. Душа заключена в теле, но в сущности она сама содержит тело. Так и христиане, заключенные в мире, как в темнице, сами сохраняют мир.

Бессмертная душа обитает в смертном жилище; так и христиане обитают, как пришельцы в тленном мире, ожидая нетления на небесах. Душа, претерпевая голод и жажду, становится лучше; и христиане, несмотря на наказания, всё больше умножаются с каждым днем. Вот какое славное положение определил им Бог, и от него им нельзя отказаться.

Тех, кто отрицает христианство, должно быть просто жаль. Это большое несчастье — не знать ничего об истинном Боге, его Законе и счастливой жизни православных христиан. Может, кто-то не согласится и скажет, что жизнь у них не такая счастливая, но в сердцах всегда живут и крепнут надежда и упование. И не стоит думать, что жить на Земле будем вечно... Да и вообще — как можно ненавидеть христианство?

40

На следующий день после проводов дочери Герберт проснулся в отвратительном настроении. Его внезапно осенило, что история с насилием со стороны родителей повторяется из поколения в поколение. Совсем недавно его собственная мать вывернула его наизнанку, практически довела до разорения и расстроила ему всю жизнь. Невероятно! Он, который считал себя независимым, попался на точно такую же удочку... Родители, переезд за границу... Его мать

терпеливо, десятилетиями словно бы выжидала удобного момента. И дождалась! Почувствовала слабину, когда Герберт свихнулся на христианстве. Причем Герберт помогал родителям все эти годы, обеспечивая их настолько, что они постоянно пользовались прислугой и даже откладывали деньги. А приехав к нему, они начали вести себя так, словно во что бы то ни стало желали разрушить жизнь своего сына. Может быть, неосознанно, хотя Герберту казалось, что мать вела себя как фурия вполне осмысленно.

С родителями Эльзы — та же история, причем повторявшаяся уже несколько раз: переезд за границу, попытка поселиться с детьми, скандал... А у самих ведь то же самое: девяностодвухлетняя баба Маня довела семидесятитрехлетнего сына до того, что он провозгласил: «Я ненавижу мать!» Но теперь она умерла и он, должно быть, казнит себя нещадно.

Переплеты поколений... Разорвать эту магическую заколдованную связь, этот проклятый круг... Ничего не получилось! Герберт навязывал своим детям работу в своем бизнесе, свое видение жизни... То есть он продолжал тот же самый почин!

Недаром Иисус сказал, что враги человека домашние его. И еще: «Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч; ибо Я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее...»

В одном доме не могут быть две головы. Мужу глава — Христос, а не отец и мать. Жене глава — муж. Строительство новой семьи меньше всего нуждается в том, чтобы кто-то контролировал ее или опекал. Значит, то, что произошло с Энжелой, — неправильно! И я не прав, и родители мои... И родители Эльзы. Мы все не по-христиански живем. Видим только свою выгоду, лелеем только свое самомнение, молимся сами на себя. Видим в избранниках детей наших только средство к исполнению наших планов или же препятствие, и таким образом и действуем. В соответствии с этим и относимся к зятьям и невесткам нашим. О ужас! Как вырваться из этого круга? Как не забывать, что это вязкая, липкая, бесовская страсть — понукать своими детьми! Конечно, легче всего вздохнуть и развести руками — мол, что поделаешь? Заповедано нам уважать родителей своих... но ведь не сказано, что родители должны руководить жизнями своих отпрысков. Более того. Христос явно противится этому.

Когда Энжела вернулась, Герберт не выдержал и стал расспрашивать ее. Она не хотела отвечать, жалуясь матери: «Ну почему он задает вопросы?», что означало, как обычно, мольбу оставить ее в покое. Наконец Энжела созналась, что Альберт спит на полу в какой-то совершенно невозможной каморке, а в честь ее приезда стащил где-то матрас. Так что она по тамошним меркам почивала, как королева...

Энжелу не устраивало многое. Альберт опустил, выглядел как бродяга, исхудал до невозможности... Герберт от острой жалости тут же предложил дочери отправиться отдохнуть в тропики. Энжела согласилась.

Это разозлило и Альберта, и его родителей. Альберт сначала дипломатично сказал жене, что не возражает, но потом его прорвало.

— Если ты мне изменишь, я тебя никогда не прощу!

— Тогда бросай всё и поезжай со мной! — заученно требовала Энжела.

— Я не могу, ты же знаешь... У меня работа!

— На которой ты получаешь в два раза меньше, чем до отъезда!

— В тропических странах опасно! Ты — наивная!

— Ты всё сказал?

— Мне нечего больше сказать.

— Тогда пожелай мне счастливого пути...

Поначалу Адлеры добились желаемого эффекта. Альберт был вне себя от ревности и раздражения, что Энжела вышла из-под его контроля. Но в тропиках Энжела сразу же заскучала и стала каждый день ждать его звонка. Чего же ей надо? Герберт пытался понять этих людей. В них было нечто общее. Нельзя сказать, что они были глупы. В каждый отдельный момент времени они могли рассуждать вполне трезво, но так часто меняли свои взгляды, ничуть

не находя в этих переменах несоответствий и внутренних противоречий. Многие пересматривают свои взгляды в течение жизни, но по крайней мере не меняют их по десять раз на неделе. А именно это и происходило с их детьми. Особенно с Энжелой. Она и любила Альберта, и не любила его, она хотела путешествовать, но в то же время хотела оставаться дома, ей не хотелось слушаться свекрови, но она боялась ей противоречить. Надо сказать, родители Альберта скрыли свое неудовольствие отъездом Энжелы.

— Во всяком случае, что бы мы ни предпринимали, мы всегда будем оставаться с Энжелой в дураках! Она просто не видит внутренних противоречий в себе самой, и поэтому все вокруг нее чувствуют себя в дураках: родители мужа, которые оплачивают ее жилье и учебу, в то время как она отправляется на юга; Альберт, который ждет ее к себе спать на полу а-ля рай в шалаше; мы, которые тратимся на ее поездку только для того, чтобы она вдруг осознала, что хочет домой, а на следующий день решила, что вовсе не домой хочет, а к мужу, — рассуждал Герберт. — Хотя мы слишком скоры на осуждение! Как легко выносим приговоры... Боже, что же с нами происходит? Почему, как дети неразумные, мы не можем усвоить таких простых и непреложных правил: «Не суди... Возлюби...» И ведь это не только сейчас, не только здесь, во мраке нашей нынешней

пустопорожности... Это во все времена... Не можем... Не умеем...

Эльза не слушала и сердилась. Она не была настроена на философско-сентиментальный лад.

— Все-таки надо было послать ее ко всем чертям... — кипела она.

— Мы не можем, мы ее любим, — возражал Герберт.

— Что же нам делать?

— Поддакивать и не раздражаться... Помнишь, в притче о блудном сыне... Когда сын просит отдать часть его наследства и отправляется кутить, отец его отпускает. Когда же нищий блудный сын возвращается, он принимает его с радостью...

— Видимо, я плохая христианка... — вздохнула Эльза. Было видно, что у нее разболелась голова. Она терла левый глаз и на лице ее, как бледная лилия, расцветала гримаса страдания.

— Я не думаю, что у нас есть иной выход. «Что отлучит нас от Любви Божией? скорбь, теснота, гонение, голод, нагота, опасность, меч?» Вроде бы мы ничем не стеснены... Мы не можем оставить дочь без нашей любви, и мы будем поддерживать ее в том направлении, куда будет дуть ее беспорядочный ветер, пусть он меняет свое направление хоть по тридцать раз на дню.

— Не создаем ли мы из нее чудовище?

— Напротив, поступать иначе чудовищно... Мы пытались! Пусть тщетно, но все же при всяком

случае разъясняли... Если бы мы не пытались вразумить ее все эти годы, тогда другое дело Ты же видишь, что всё было бесполезно... Нужно принимать ее такой, какая она есть, всегда с улыбкой, приязнью, любовью, терпением... Как больную... Ведь все мы в той или иной мере хронически больны. Наши болезни духа превращаются в такую привычку, что их уже не отличить от черт характера...

— И теперь она спрашивает, не разочаровала ли она нас... — не унималась Эльза.

— Думаю, что и мы ее разочаровали...

— Чем же?

— Тем, что к чужим относимся лучше, чем к своим... Этот парадокс так знаком и неизбежен! Родных мы всегда судим строже и наказываем больнее... Вечные неумные прокураторы Иудеи...

41

С Никой Герберт познакомился еще в бытность свою чтецом при церкви отца Никифора. Она смущала его своим математическим умом, таким неженским и в то же время склонным к слепоте в постижении элементарных душеспасительных истин. Недаром именно математикам было суждено извечно погружаться в вопросы богопознания. Если Бог — явление простое,

то именно математикам и следует его объяснить. Единичен, троичен... звучит как математическое откровение...

— В университете, когда мы, еще совсем зеленые, пришли на первую лекцию, нам сказали; вот стоят три березы. Докажите, что их три! — часто вспоминала Ника.

У нее была взрослая дочь, хотя сама она выглядела настолько молодо, что нельзя было сказать, тридцать ей или сорок. Едва заметная седина на висках придавала утонченную прелесть ее лицу.

Герберт часто доводил Нику до слез, едва речь заходила о вере. Он уже пытался избегать этих разговоров. Почему-то стоило ему указать Нике на ее маловерие, что в православных кругах является обычной практикой, как она приходила в отчаяние и выбегала прочь со слезами.

— Вот тебе и математик, не по-женски логичный и остроумный... — вздыхал Герберт и зарекался беседовать с ней на эти темы, но потом снова забывался и всё повторялось, как в дурном водевиле, с претензией на вечную театральность, духовность и возвышенность.

Нику выводил из себя метод доказательств, применяемый Гербертом. «Пока ты не уверуешь, не убедишься». Но как же можно уверовать, не убедившись? Что-то мешало Нике в этой разорванной геометрии богословия и неизменно вызывало приступ чуть ли не истерики. Возможно, было нечто более глубинное и неизвестное в отношениях Ники с Богом, в чем можно было бы попробовать разобраться в

личной беседе, но Герберт опасался Ники, потому что она, будучи математиком, была всё же слишком женщиной, и Герберту казалось, что ему постоянно приходится погружаться в гибельную зону ее притяжения. Он не хотел двусмысленности и старался держаться подальше.

Дочь Ники собралась замуж за молодого человека, убежденного в своей гениальности, и сначала словно бы шутя, но потом вполне серьезно встал вопрос о их венчании в церкви Герберта Адлера. Юношу привели к нему для беседы, поскольку он, по всей видимости, не принадлежал ни к одной из известных религиозных конфессий, что нередко случается с людьми неординарными, к которым некогда причислял себя и сам Герберт Адлер.

У Эрвина были слегка выпученные глаза, которые он любил пучить пуще натуральной их выпученности, чем, по мнению дочери Ники, напоминал своих предков — итальянских князей.

— Стоит ли мне принять православие? — поделовому начал Эрвин.

— Верите ли вы в Бога? — ответил вопросом на вопрос Герберт.

— В какой-то мере я допускаю, что существует некая разумная сила над всеми нами... Но мне кажется маловероятным, что ей есть какое-либо дело до нас...

— Вот как? — Герберт улыбался. Ему казалось смешным, что каждый думает, будто занимает блестяще оригинальную позицию в основных вопросах мироздания, а потом оказывается, что

это не более чем очередная ересь, давно известная и побежденная.

— Что вы можете посоветовать разумному человеку? Зачем нужна вера в Бога?

— Как раз на это, пожалуй, ответить несложно. Как раз для таких случаев известно пари Паскаля — предложенный математиком и философом Блезом Паскалем аргумент для демонстрации рациональности религиозной веры. В своей посмертно изданной работе «Мысли о религии и других предметах» (фр. *Pensées sur la religion et sur quelques autres sujets*), написанной в 1657—1658 годах, Паскаль рассуждал, есть Бог или нет.

На какую сторону мы склонимся? Разум тут ничего решить не может. Нас разделяет бесконечный хаос. На краю этой бесконечности разыгрывается игра, исход которой неизвестен. На что вы будете ставить? Для поиска ответа Паскаль предположил, что шансы существования или отсутствия Бога примерно равны или, по крайней мере, конечны. Тогда возможны два варианта: жить без веры крайне опасно, так как возможный «проигрыш» в случае существования бога бесконечно велик — вечные муки. Если же его не существует, то цена «выигрыша» невелика — безверие нам ничего не дает и от нас ничего не требует. Реальным выигрышем атеистического выбора будет уменьшение затрат на религиозные обряды. Жить по канонам веры неопасно, хотя и чуть более затруднительно из-за постов, всяческих ограничений, обрядов и связанных с этим затрат средств и времени. Цена «проигрыша» в случае отсутствия Бога

невелика — затраты на обряды. Зато возможный «выигрыш» в случае Его существования бесконечно велик — спасение души, вечная жизнь. Какова же оценка рассматриваемых вариантов? Паскаль делает вывод о том, что второй вариант предпочтительнее, что глупо хвататься за конечные величины, если можно приобрести бесконечные. Чем вы рискуете, сделав такой выбор? Вы станете верным, честным, смиренным, благодарным, творящим добро человеком, способным к искренней, истинной дружбе. Да, разумеется, для вас будут заказаны низменные наслаждения — слава, сладострастие, — но разве вы ничего не получите взамен? Говорю вам, вы много выиграете даже в этой жизни, и с каждым шагом по избранному пути всё несомненное будет для вас выигрыш и всё ничтожнее то, против чего вы поставили на несомненное и бесконечное, ничем при этом не пожертвовав.

— Убедительно. Но мне кажется этот ваш догмат о Святой Троице представляет собой нечто несуразное. Зачем вам это надо? Верили бы в единого Бога...

— Очень трудно что-либо объяснить человеку, который спорит не с истинами веры, а со своими собственными представлениями о них. Причем всякий считает, что, услышав что-нибудь краем уха, он вполне созрел вести богословские споры. Когда, например, вы последний раз перечитывали Евангелие?

— Я его, честно признаться, не читал, но вполне имею представление о том, что там написано.

— Блестяще... Почему вам не приходит в голову поступать так же, когда разговор касается других предметов. Например: «Я Канта не читал, но знаю, что он неправ.»

— Как раз Канта я читал...

— Вот именно!

— И все же, не уклоняясь от темы, почему вам так необходима вера в Троицу?

— Мы не выбираем, во что верить. «Слава Отцу и Сыну и Святому Духу» — вот слова, которые постоянно повторяются в Церкви. «Благословенно Царство Отца и Сына и Святого Духа» — возглашает священнослужитель в начале Божественной Литургии. Это не чья-то прихоть. Просто вера в Троицу вытекает из всего того, что нам поведал Иисус Христос.

— Что, Он так и заявил? Мол, мы с Отцом и Святым Духом — триединный Бог?

— Во всяком случае, такой вывод неизбежно вытекает из всего сказанного Им. Почитайте сами.

— Я обязательно прочту...

— Ах, если бы прочтение Евангелия решало вопрос... Прочел книжечку — и уверовал...

— А разве не так?

— Увы... Вера — тоже дар Божий. Ее тоже нужно вымаливать...

— Как же это?

— А вот так: «Верую, Господи! Помоги моему неверию!»

— Понимаю... То есть если неверующий обратится с мольбой к Богу дать ему веру, то тем самым он уже превращается в верующего, ибо почему бы неверующему вообще обращаться к Богу?

— Если отместить мистическую сущность молитвы...

— Не подтасовочка ли это?

— Во всяком случае, иного пути нам не известно. Если кто-то страдает неверием, никакая логика его не убедит. Глас с неба услышит — решит, что галлюцинация.

— А разве логике учит вера?

— Как это ни покажется странным, именно так. Вера основывается на логике. Да и сам Спаситель нередко взывал к разуму человеческому, а не к сердцу. «Всякий, кто слушает сии слова Мои и не исполняет их, уподобится человеку безрассудному, который построил дом свой на песке...»

— Так почему же вы говорите, что логика не может убедить человека поверить?

— Потому что неверующий будет приводить свои доводы снова и снова, по кругу, до бесконечности. И, один раз согласившись с нами, через минуту снова станет талдычить свое.

— Почему?

— Да потому что «имеющий уши да услышит». А человек, не готовый внимать, — глух. Он хуже глухого. Глухой, по крайней мере, осознает свой изъян... В Святой Церкви мы живем в Царстве Пресвятой Троицы. И в Пресвятой Троице — наша жизнь. Поэтому неудивительно, что наша

высшая радость, ощущение и сознание полноты жизни выражаются хвалою Пресвятой Троице. Если же мы не всегда радуемся, вознося эту хвалу, то потому, что мы далеки от полноты совершенной жизни и недостаточно сознаем, что источник ее есть Пресвятая Троица.

— Для меня это пустые слова... Как может быть, что Бог одновременно троичен и един?

— Как солнце существует само по себе, но при этом проявляется в свете и тепле, так и Бог проявляется в Слове, сыне своем едиnorodном, и в Святом Духе... Единому Богу поклоняются многие, в частности иудеи и магометане, а Богу — Пресвятой Троице — только христиане, и в этом их великое преимущество. Тайну, что Бог, хотя и один, но Троичен в Лицах, открыл нам Иисус Христос. Он открыл нам и то, что Бог есть любовь. Одна великая тайна помогает нам приблизиться к другой: Бог есть любовь, потому что Он Троичен в Лицах; и Бог Троичен в Лицах, потому что Он — любовь.

— Мне кажется, это — всего лишь слова... Но, впрочем, вы сказали, что так мне и должно казаться. Я почитаю...

— Только приступайте к чтению со смирением.

— Это как?

— Ну, вы же считаете себя одаренным человеком, весьма талантливым?

— Разумеется...

— И вы думаете, что в этом ваша заслуга?

— А чья же?

— Вдумайтесь в значение слова «одаренный». Одаренный кем?

— Это просто форма языка... анахронизм с тех пор, когда считалось, что все дается от Бога.

— А вы так не считаете? Разве вы не могли родиться идиотом?

— Мог...

— Вы же родились не сами по своей воле. Значит, всё, что у вас есть, — не ваша заслуга... Вот с таким смирением и следует приступать к чтению, в противном случае Евангелие будет вас раздражать...

— Ну, если Бог — Любовь, то почему же это мне не должно нравиться?

— Потому что на свете есть Зло, которое не желает, чтобы вы тянулись к Богу.

— Я думаю, что зло относительно.

— Вы так считаете? Не думаю... Вспомните о кошмарах в истории человечества...

— Значит, Божественная любовь
несовершенна?

— Даже человеческая несовершенная любовь соединяет людей между собой как бы в одно существо, например супругов, семью, друзей. Относительно людей — это больше слова, чем действительность. Но любовь Божественная безмерна и потому Лица Пресвятой Троицы, по всемогуществу Их взаимной любви, суть действительно один Бог, имеющий одну сущность и живущий одной жизнью.

— Опять же звучит легковесно... Ну хорошо, пусть будет Троица...

— Вера в Пресвятую Троицу — это не просто догмат о вечно осуществляемом и осуществленном торжестве любви. Она дает нам

твердое основание верить, что, стремясь к единству всех на земле, мы, христиане, гонимся не за утопической мечтой, а стремимся к тому, что от века существует и что есть самый принцип подлинной жизни. Зная, что Сам Бог есть высшее единство в любви, бояться ли нам кого-либо, кто ненавидит, кто разъединяет, кто хочет убить или разлучить? Таково жизненное значение для нас догмата о троичности Бога.

— Заманчиво, но не вполне убедительно.

— Не убедительно потому, что вы считаете себя, человека, мерой всех вещей. Познать Бога по-настоящему, проникнуть до конца в тайну Пресвятой Троицы мы не можем. Если сердце человека и загорается на время чистой любовью, ему не вместить в полной мере пламени Божественной любви, которая пылает неослабно и вечно. Бог познается сердцем, потому что сердцем познается любовь. Но если сердце не может до конца вместить и познать Божественную любовь, это может сделать разум; он разбирается только в том, в чем уже удостоверилось сердце. Если всё же мы знаем что-либо о Боге, то потому только, что Бог Сам нам открывается. Мы знаем о Боге из Божественного Откровения, которое есть излучение Божественной любви, ее свет.

— То есть вы мне предлагаете расслабиться, снять круговую оборону и внимать. Давайте представим, что я готов слушать. Что же мне откроет Бог о себе?

— Из Божественного Откровения мы постигаем, что Бог есть «Сущий». Это означает,

что только Бог существует самым полным и совершенным образом.

— Хорошо... Как же Он совершенен, если Ему нужны люди?

— Совершенство Божие означает, прежде всего, что Бог ни в чем не нуждается, что Он ничего не лишен. Бог — это полнота всех качеств и каждое Его качество совершенно, а все вместе они сочетаются в полной гармонии. В этом заключается полное единство Божие, Божия простота. Святые люди, в сердце своем переживавшие близость Божию, единогласно утверждают, что Бог прост. Однако простота Бога не означает отсутствие в Нем богатства или множества свойств. В сотворенном мире предметы, как образы Прекрасного, дают нам примеры такого единства во множестве, или простоты при богатстве...

— Ну а какое всё это имеет практические приложение? Как всё это должно влиять на мою жизнь?

— Для жизни в Боге необходимо помнить заповеди... Первая заповедь: «Аз есмь Господь Бог твой: да не будут тебе бози иные разве Мене...» Подумай: действительно ли ты не любишь никого и ничего столько, как Бога, никого более Бога не чтишь и не слушаешь; относишься ли к Богу с полным доверием, не роптал ли никогда на Бога? Вторая заповедь не велит поклоняться идолам. Не служишь ли ты более мамоне (капиталу), чем Богу? Своему чреву, своему самолюбию, своей гордости, любостяжанию, объедению, пьянству, сильным

мира сего до забвения Бога? Третья заповедь гласит: не произноси имени Господа, Бога твоего, напрасно. А ты не употребляешь ли Имя Божие часто в шуточных разговорах и вообще без всякого благоговения? Не осеменяешь ли себя крестным знамением безо всякой мысли о распятом за нас Господе, кое-как и иногда шутя? Не молишься ли Богу одними устами — холодно, рассеянно, а не сердцем и всею душою? Четвертая заповедь повелевает чтить праздничные и выходные дни и посвящать их Богу и душеспасительным делам. Как же ты их проводишь? Не имеешь ли привычки работать по праздникам? Но в праздничные дни мало того, что не надо работать, а и проводить их следует в святости, в богомыслии, в чтении слова Божия и духовных книг, в молитве, в творении милостыни, в посещениях больных и облегчении их участи и т. п. Наблюдаешь ли за этим? Пятая заповедь: чти отца твоего и мать твою. ... Здесь припомни всю твою семейную жизнь с родителями, братьями, детьми, затем перейди к общественной и церковной жизни, насколько ты исправен в исполнении обязанностей, предан духовным отцам, в отношении к крестному отцу и матери и своим крестникам исполняешь ли свои обязанности? Широка эта заповедь. Не виновен ли ты в чем против нее? Шестая заповедь: «Не убий». «Не виновен я против нее», — говоришь ты себе. Да, пусть ты не убил никого. Но разве только делом можно убить человека? Бывает и слово клеветы, осуждения, ненависти и презрения хуже ножа. Можно

сделаться убийцей другого и таким образом: человек страдает в нужде, мучится, рвется изо всех сил, и уже больной всё же идет на работу. Ты мог бы помочь ему, но не помог, и он от перенапряжения умер. Кто его убийца? По закону совести и ты виновен в его смерти. Ты должен был если не сам, то через людей помочь ему — и он жил бы еще. Итак, если ты не оказал сострадания несчастному, не утешил печальных, не помог ближнему, не наставил на путь истины и добра заблуждающихся, не отвратил от соблазна, а, может быть, и сам погубил чью-либо душу грехом соблазна, то ты, без сомнения, к великому несчастью, виновен и против шестой заповеди закона Божия, запрещающей убийство. Можешь ли сказать, что ты не согрешил против нее? Седьмая заповедь запрещает всякую плотскую нечистоту... Сюда же относятся разные нескромные игры и шутки, непристойные песни, вредное чтение, страсть к нарядам и театральным зрелищам. Не виновен ли ты в этом? Восьмая заповедь: «Не укради». Ты не вор, это так. Но всякий обман, подлог, утайка — тоже воровство. Скажу более, к разряду воров должны быть причислены и все, кто, так или иначе, живет на чужой счет, тунеядцы, люди, промышляющие разной легкой наживой, немилосердные, скупые всех родов и видов, расточительные домохозяева, разоряющие через то свои семьи и так далее. Не виновен ли ты в этом? А против девятой заповеди и тем более кто из нас не безответен? «Не послушествуй на друга твоего свидетельства ложна», — говорит Господь. Кто

из нас не сказал ни разу лишнего слова про другого? А двоедушие, сплетни, пересуды? И против десятой заповеди кто из нас чист? Кто чужд зависти? Кто чужд нечистых, корыстолюбивых и прелюбодейных желаний? Не согрешил ли ты и против этой заповеди? Кроме десяти ветхозаветных, нужно припомнить и девять евангельских заповедей. Стараетесь ли воспитывать в себе чувство смирения, сознание собственной недостойности? Скорбите ли слезно о своих грехах и слабостях? В обращении с ближними всегда ли были и стараетесь быть кроткими? Жаждете ли святости и высшей праведности? Внимательны ли к нуждам ближних? Считаете ли себя обязанными помогать нуждающимся, утешать печальных, посещать больных, вразумлять неразумных и вообще быть ко всем милосердными? О чистоте сердца прилагаете ли старание? Не питаете ли в сердце зависти и дурных пожеланий? Заботитесь ли об умиротворении враждующих? Готовы ли претерпеть за правду хотя бы легкие скорби? Любите ли вы Господа Иисуса настолько, чтобы за Него пожертвовать собой?

— Ну, хорошо... Скажем я нашел в себе грехи и покался...

— Если твое раскаяние искренно и священник отпустил грехи — можешь приступать к причащению. Причащение — самое важное и непостижимое Таинство Православной Церкви, в котором верующий принимает Тело и Кровь Спасителя под видом хлеба и вина. О Своих

Святых Дарах Господь так говорит в Святом Евангелии: «Истинно, истинно говорю вам: если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни. Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь имеет жизнь вечную, и Я воскрешу его в последний день» (Ин. 6: 56). Таинство Причащения подает человеку силы для благодатной жизни во Христе. Причащаясь, мы становимся сами частью Его Тела как члены Его Церкви.

— Так или иначе, я сделал два вывода. Я попрошу у Бога дать мне веру и прочту Евангелие, — утомленно промолвил Эрвин.

42

У нового священника были светлые глаза. Несмотря на пожилой возраст, они светились какой-то совершенно необъяснимой и, может быть, даже неуместной для иеромонаха молодостью. Всегда веселый семидесятипятилетний отец Иннокентий сменил сорокалетнего хмурого отца Матвея, который, сказавшись нездоровым, по сути бросил приход Герберта Адлера. «Имя Иннокентий означает невинный...» — пронеслось в голове у Герберта. После службы, прошедшей спокойно и в то же время волнительно, все уселись за стол. Прихожане принялись представлять себя новому

батюшке. Немцы снова повторили свои истории. Уже как по заученному герр фон Паули отчитался — русские освободители изнасиловали сестер, братьев убили, отец погиб при бомбежке в Берлине, его самого чуть не расстреляли за попытку воровства овощей с собственного огорода. Фрау добавила о своих родственниках, раздавленных русскими танками. Потом жена серба призналась, что отец ее — немец и был фашистским солдатом. Русские за столом оказались из бывших власовцев. Герберт Адлер сам был из обрусевших немцев, прибывших в Россию задолго до обеих мировых войн. Ему претило прошлое Германии. Теперь же у него за столом собрались сплошные фашисты! Пусть полураскаившиеся, но всё же... Он с надеждой посмотрел на серба. Ну этот-то, по крайней мере, не фашист, настоящий православный. Не тут-то было. Серб оказался гораздо старше, чем выглядел. В свои восемьдесят пять он держался молодцом.

— В Югославии тогда за каждого убитого немецкого солдата расстреливали сто мирных жителей. Ну... Я пошел служить в отряд, который отлавливал партизан по лесам... Когда война кончилась — я бежал через всю Европу... Освободители таких, как я, расстреливали на месте, без суда...

Герберт поморщился и снова заговорил о том, что после окончания войны прошло уже шестьдесят лет, что по сути всё это — история и что нужно покаяться и забыть. Не смотреть в

прошлое. Не давать старым грехам заслонять путь к Богу.

— Забыть? Забыть тех, кого мы любили? — сверкнула слезами фрау фон Паули.

— Нет, забыть нужно раскаянные грехи, — в который устало раз пояснил он.

За столом повисло молчание. Все ждали, что отец Иннокентий расскажет о себе. Он же добродушно посматривал на собравшихся и скромно жевал корочку. Как многие монашествующие, отец Иннокентий постничал и в обычные дни.

— Отец Иннокентий, расскажите о себе, — предложил Герберт, зная, что новый священник поляк и надеясь, что хотя бы в его случае не выйдет какого-нибудь рассказа о сотрудничестве с фашистами.

— Я родился в Польше... Учился в Духовной Академии в Варшаве.

— А как на вас отразилась война? — спросил фон Паули.

— Мне кажется, вас смутят подробности моей жизни, — уклончиво ответил отец Иннокентий и отхлебнул чаю.

Все решили, что отцу Иннокентию есть что скрывать и оставили его в покое.

Отец Иннокентий заговорил совсем о другом.

— Я хотел бы сказать относительно исповеди и Святого Причастия. Мне задали вопрос, как часто следует прибегать к этим таинствам... — отец Иннокентий посмотрел на серба, и всем стало ясно, от кого поступил этот вопрос. Серб исповедоваться не любил и всё время пытался

увильнуть. — Чем чаще, тем полезнее для души исполнять сей долг наш духовный по нынешним временам, но, разумеется, всегда надо подходить ко Святой Чаше с полным сознанием своего недостойнства и греховности, с сердечным сокрушением и с мытаревым смирением и молитвою: «Боже, милостив буди нам, грешным!» Вот и в сегодняшнем чтении Евангелия мы читали притчу о мытаре и фарисее... — отец Иннокентий посмотрел на Герберта.

Герберт заговорил о притче, а отец Иннокентий слушал и кивал. Потом заговорили о скором Великом посте, и отец Иннокентий снова взял слово.

— Помышляйте больше о посте духовном, который выше и ценнее телесного. Чтобы войти в Царствие Небесное, надо сдерживать греховные порывы свои, утишать разбушевавшиеся страсти, словом, употреблять над собой усилие. Но это усилие не должно ограничиваться одним воздержанием от страстей, пищи, но должно простираться на все внутренние и внешние действия наши. «Если мы воистину станем искать Бога, то Он Сам придет к нам и мы увидим Его, и если чистым житием удержим Его, то Он Сам пребудет с нами», — закончил он свою мысль словами преподобного Арсения Великого.

Затем инициативу в разговоре снова захватил неугомонный герр фон Паули. Вспомнив, что отец Иннокентий из Польши, он к всеобщему смущению поведал, что один из его

родственников руководил концлагерем в этой стране. Герр фон Паули рассказывал об этом одновременно со стыдом и с гордостью.

— Да, что говорить... Ведь мой дядя — штурмбанфюрер СС Макс Йохан Фридрих Паули был повешен как военный преступник. Да! Хотя выполнял долг, присягу... В 1939-м он был в составе эйнзатцгруппы, наводившей порядок на захваченных территориях Польши. Потом участвовал в создании близ Данцига концентрационного лагеря Штутгоф... Навел и там идеальный порядок...

— Хватит, — прервала его фрау фон Паули, — тут гордиться нечем...

— Ну что ты! Я раскаиваюсь...

— Разве можно каяться за грехи, совершенные другими? — наигранно возмутилась фрау фон Паули, поглядывая на отца Иннокентия. Тот посмотрел на нее своими обворожительными светлыми глазами.

— Единственное истинное настоящее счастье на земле — это жить для Бога. А это невозможно без полного и всецелого покаяния. Да укрепит вас Господь в этом убеждении и настроении, — мягко сказал он.

Трапеза закончилась тем, что немцы пригласили Герберта, Эльзу и отца Иннокентия на обед в конце следующей недели. Батюшка охотно согласился.

Когда отец Иннокентий уехал, Герберт принялся возмущаться, что у него получился не приход, а какой-то рассадник фашизма, что все его прихожане так или иначе были связаны с

коричневым Змеем. Когда через пару дней его навестил отец Никифор, Герберт продолжил свои жалобы.

— Ну и чувство юмора у Господа Бога! Собрал ко мне сплошных фашистов. Отец Иннокентий вообще отказался рассказывать о себе. Представляю, что у него там припасено. Небось, тоже какой-нибудь бывший староста...

— Быть страдальцем за правду — высшая честь и слава, какая только может быть на земле, — уклончиво ответил отец Никифор и, помолчав, добавил: — Православные священники-евреи — редкое явление, но люди эти всегда глубоки, необычны и искренни. Многие заканчивают жизнь, приняв мученическую смерть...

— Вы это к чему? — Герберт не скрывал свое недоумение.

— Отец Иннокентий — еврей. Крещеный еврей.

— Да... у Господа Бога действительно исключительное чувство юмора.

— Тут юмором и не пахнет... Вся его семья погибла в концлагере. Спасся только он и его отец. Ребенком его всю войну прятал на чердаке местный православный священник. А отец защищал Польшу, попал в плен, спасся, потому что не похож на еврея... У него тоже были светлые глаза и русые волосы. Но потом, узнав, что Иннокентий принял православие, проклял его как предателя еврейского народа, отслужил по нему — по живому как по мертвому — еврейский кадиш и заявил, что у него нет больше

сына. Так они до самой смерти отца и не разговаривали.

У Герберта потемнело в глазах.

— Вот так история... А он согласился прийти на обед к фон Паули, племяннику начальника концлагеря!

— Что ж... В этом нет ничего удивительного. Православный еврей-священник — удивительное явление... Вот эта двойственность, конфликт внешнего с внутренним и порождает необыкновенные качества человека, углубляет его способности, заостряет ум, возвышает духовность и искренность. Такие люди притягивают к себе... даже потомков фашистов!

Герберт во что бы то ни стало решил предупредить герра фон Паули, чтобы тот прекратил свои разглагольствования на скользкие темы. Приехав на обед за полчаса до назначенного времени, он извинился за бестактность и сухо рассказал чете фон Паули историю отца Иннокентия. Те схватились за головы.

Времени для охов и вздохов было предостаточно. Отец Иннокентий опоздал минут на двадцать. Он сердечно попросил извинения: был на требах, не мог прервать молитву.

— Мы понимаем, — бормотал смущенный герр фон Паули, хотя ненавидел любые проявления беспорядка и никому не прощал даже пятиминутных опозданий. Между тем по понятным причинам батюшке Иннокентию он был готов простить что угодно.

— Конечно, Бог важнее любой пунктуальности, — неловко подвел итог немец.

На обед подавали рыбу. За столом старались не говорить о войне, хотя старики с трудом представляли себе иную тему для разговора. Поэтому хозяин был необычно молчалив и застенчив. Разлив всем по бокалам розовое вино, он забыл налить Герберту. Тот промолчал и, отодвинув пустую рюмку, взял инициативу на себя. Он обстоятельно принялся разъяснять притчу о блудном сыне, тем более, что эта тема теперь была ему близка.

На сладкое подали желеобразный пудинг. Он вздрагивал, как бесплотная медуза в водах студеного океана. Герр фон Паули поведал, что в его аристократической семье такой пудинг называли «Бррр пудинг». Когда все с недоумением посмотрели на него, он пояснил, что до того, как пришли русские, они имели собственный дом в Пруссии и у них была не только кухарка, но и конюх. Однажды конюха попросили помочь подавать к столу. И вот он принес огромный пудинг, который вибрировал и норовил вывалиться из блюда. «Бррр!» — закричал конюх, словно обращался к лошади и, поставив блюдо на стол, прижал пудинг сверху пятерней...

Все рассмеялись. Отец Иннокентий поел немного пудинга и, поблагодарив, отодвинул тарелку.

— Притча о блудном сыне — прежде всего о неосуждении... — сказал он. — Никогда не надо отходить ко сну, не простив всех, так как не знаешь — не последняя ли сия ночь твоя? Не должен ли будешь внезапно явиться пред

Судиею? А кто другим не прощает, сам не будет прощен.

— Но вам-то за что молить о прощении? — внезапно всхлипнула фрау фон Паули, и отец Иннокентий понял, что его прошлое уже не секрет для собравшихся.

— Мне? Да хотя бы за предательство моего народа... — неожиданно ответил он. — Пусть мой народ не принял Христа, пусть он ошибался и продолжает ошибаться... Но он, подобно Христу, всем народом взошел на Голгофу. А я выжил, и за это должен молить о прощении...

— А нам что же делать? — растерянно спросил герр Паули. — Если вам следует просить прощения, что же тогда нам? Мы, дети, не знали, кто такие евреи. Нам говорили, что они очень плохие. Мы верили. Нам говорили, что Христос — жидовский Бог. Мы верили и этому... Что же нам делать? О чем молить Бога? Каково же объяснение того, что произошло?

— Успокойтесь. Ведь Бог не поставил вас судией над эпохами! — воскликнул отец Иннокентий. — Смирение — это дар Божий; надо усердно просить Господа о даровании сего дара. Если мы чувствуем и помним старые обиды, оскорбления, возмущение, значит, в нас гордость, самолюбие, тщеславие... Смирения — две степени: когда я считаю себя хуже, грешнее всех и когда все сделанное доброе всецело приписываю Богу. Чтобы приобрести смирение, надо и молиться о сем, и исполнять заповеди. Чем больше соблюдаешь заповедей, тем ближе к

Богу, как дерево тем ниже наклоняется к земле, чем больше на нем плодов; так и святые: чем смиреннее себя считают, тем больше добродетелей у них и тем ближе к Богу. Смирение — основа всякой добродетели. Вот мой отец так меня и не простил за то, что я предал еврейский народ. Но вот теперь, когда он уже там, по другую сторону жизни, мне кажется, он понял, что я был прав. Я больше не чувствую осуждения со стороны моих погибших родных. Теперь они знают, что всем нам следует принять Христа и покаяться. И убийцам, и убиенным... Покайтесь и забудьте. Смотрите вперед, в будущее, в будущую жизнь вечную. Простите обидчиков ваших и сами попросите у всех прощения. Нет ни фашистов, ни евреев... Есть Добро, которое Бог, и зло, попускаемое нам в наизидание. Вот и всё нам объяснение...

43

Герберт, конечно, не преминул вставить рассказ об отце Иннокентии в свой незаконченный роман и отослал его своему литагенту Елене Мах. По прочтении у них завязался диалог.

— Я потрясена до глубины души. Читала ночью, с часу до пяти утра — не могла оторваться. Ваш герой беспристрастно препарирует свой собственный мозг, мысли, мировоззрение. И с сарказмом и беспощадностью

анализирует собственные поступки. Полнейшая обнаженность душевная и духовная. А ведь следовало бы давно уже себе на носу зарубить: «Молчи, если не уверен! Молчи, если не в духе! Молчи, если нет мира в сердце! Молчи, если это принесет кому-то вред!» Так ведь это не вам сказано! Это постмодернистам разным... От ваших книг вреда нет! А польза есть. Они нужны миру (хотя мир об этом мало знает — ну так это уже проблема мира!).

— Вы слишком добры ко мне и моим книгам, — ответил Герберт. — Мне просто необходимо существовать сразу в нескольких мирах — реальном, если таковой вообще имеет место, и литературном, который представляет собой его несмелое, но столь неизбежное отражение. Там я чувствую себя спокойней и ровнее. Я могу экспериментировать, подводить итоги, молиться, прежде всего об исцелении моего маловерия, неверия...

— По поводу молитв неверующих. В какой-то газете встретила следующее духовное напутствие- растолкование: «Нельзя молиться (ставить свечи.....) просто так, на всякий случай. Если не веришь и ходишь в церковь, то это

еще хуже грех. Это схоже с суеверием». Может быть, не очень точно изложила. Но приблизительный смысл был именно такой. Ваш Андрей Веригин говорит: «Я же лицемерить не

умею, даже за деньги пишу и говорю то, что думаю». Со своей стороны могу сказать, что я тоже лицемерить не умею: ни за какие деньги не могу написать или сказать то, что не думаю. Максимум — могу промолчать (иногда). В вашем романе два самых ярких героя — вы и ваш бывший литагент. Так вот над бездной кружат оба! Причем Андрея Виригина не жалко. Потому что он сам виноват в той ситуации,

в которой оказался. Он сам туда пришел... А вот вас хочется спасать, помогать вам.

Главы о вас полны боли, надрыва. Каждый человек должен давать миру то, что именно он может дать миру. И вы можете дать книги, мысли, свое творчество, тепло, свет для друзей. И именно это нужно миру от вас. Иногда у вас не хватает сил. А иногда вы забредаете в пещеру. И вам приходится очень тяжело. Вам нужно научиться прощать себя, а не просить прощения у Бога. Бог, конечно, простит. Да и как не простить вас? Вы сами себя судите намного жестче и серьезнее, чем вас мог бы за что-то осудить Бог или кто-нибудь еще.

— Ну что вы, Елена... Как же можно. Вы путаете мою гордыню с талантом, а отсутствие смирения — с порывом к небесам... Не противоречьте Святым отцам. Вы же сами говорите, что и я кружусь над бездной. Не толкайте же меня в эту пропасть своими похвалами!

— Герберт! Вы ставите себе чрезмерно высокую планку. И может быть, ваша гордыня так себя проявляет? Так вот, такая гордыня — действительно грех. Потому что она наносит вред именно вашей душе. Я сейчас предельно откровенна. Вам надо спасти себя, спасти собственную мятущуюся душу. А для этого — писать, писать, продолжать анализировать себя.

Сами себя пожалейте! Попробую дать вам дурацкий совет. Точнее — простейший, примитивнейший. На вас столько всего навалилось. И вы сами на себя столько всего взвалили. А вам надо просто отдохнуть, взять отпуск. От всего мира. Вам надо куда-то уехать. Одному. Побывать наедине с собственной душой. С природой. Может быть, неделю, может — две. Как можно меньше всякой информации от человеческого мира. Вы и природа! Ну а для вас, Герберт, наверное, надо добавить еще один ингредиент — бумагу и ручку (ну или компьютер, только без Интернета).

Молиться — наедине с Богом и с самим собой. Только при желании и внутренней потребности. Эльзе надо это понять и отпустить вас ненадолго. К самому себе. Она же мудрая женщина. Она поймет. Она ведь знает, как Вы ее любите. Вам действительно нужно отдохнуть немножко от мира.

И вот еще важный аргумент в пользу этого совета (думаю, что Эльза тоже поймет этот аргумент). Иисус Христос ушел в пустыню на

сорок дней. Правильно? А потом вернулся — и...! Магомет тоже уходил в пещеру, уединялся. Будда — медитировал под смоковницей. Это список можно продолжать очень долго.

И еще один, наверное, тоже дурацкий рецепт. Если вдруг решите последовать примеру пророков, то обратите внимание: они же обходились без прозака!

Простите за прямоту. Возможно, я чего-то недопонимаю, в том числе — и смысла, важности, нужности этого лекарства (не приходилось сталкиваться — и слава Богу!). В данном случае — поймите правильно. Я ни капельки ни в чем вас не осуждаю. Я только пытаюсь подсказать. Конечно, это решать только вам. Но некоторые решения только кажутся простыми и правильными. А в перспективе, возможно, оказываются проигрышными. Может, лучше и правильнее было пережить все бури в тот период, на который они выпадали?.. Но это, конечно, вопросы, а не ответы.

— Елена, вы слишком добры ко мне. Мне не от чего отдыхать. Да я и ненавижу одиночество и совершенно опускаюсь, когда один... Я принимаю достаточную дозу одиночества по ночам, когда ничто не мешает мне писать... Только вот теперь я не уверен, следует ли мне продолжать... Помните: «А как быть? Замолчать? Вера не совместима с литературой? Неужели

пером может водить только гордыня, а смирение всегда должно оставаться немым?»

— Герберт, пером водит не гордыня, а ваша собственная внутренняя потребность. А смирение остается немым потому, что такой потребности у него нет. Никакого противоречия. И никакого греха в литературе нет и быть не может.

Пером Чехова, Гоголя, Толстого Бетховена, Баха... водила их собственная внутренняя потребность. Для вас литература — это тоже род молитвы. Разве не так? В литературе вы находите успокоение и радость. Есть книги-вопросы и книги-ответы. И те, и другие важны. И те, и другие нужны человеку в разный жизненный период.

Так вот, ваши книги, Герберт, — это книги-вопросы. Они сильны именно заданными вопросами. Библия — это книга-ответ. Она сильна своими во многом универсальными ответами. Но некоторые из этих ответов еще нуждаются в расшифровке. Причем достаточно часто — каждый должен расшифровывать эти ответы для себя сам. По поводу религии. Я ни в коем случае не спорю с верой в Бога. Тем более — с верой конкретного человека. Это ваш духовный опыт. Он важен и ценен именно для вас.

Я не могу принять религиозные обряды. Ну не могу я поверить в то, что Создателю Вселенной действительно нужны эти наши иконы, свечи, кадила, всяческие ритуалы и так далее... Вот эта

сторона религии нужна каждому конкретному человеку и его собственной душе (или не нужна). Напомню ваше же определение религии как заменителя психотерапии.

Поэтому опять же — в ваших книгах я очень ценю заданные вопросы, в том числе по поводу религии. Я ни в коем случае не осуждаю ваше стремление к вере. Стремление к обрядам — раз это требуется вашей душе — тоже важно и нужно. И плохо, если кто-то в вашем окружении этого не понимает и не осознает. Вы пишете, что «для не принявшего Евангелие жизнь именно и превращается шатание». Герберт, я боюсь поставить вам диагноз, но мне кажется, что именно вашей умнейшей и вопрошающей душе ответов Евангелия будет недостаточно. Причем вы сами это частью души осознаете. Только прячете сами от себя это осознание. И скорее всего, весь нынешний конфликт в вашей душе — именно от того, что вы не хотите это сами для себя осознать и признать. Для огромного количества людей ответов Евангелия вполне достаточно для нормальной и спокойной жизни, для умиротворения и примирения с собственной душой. Но... я не думаю, что вы, Герберт, входите в число этих счастливыхцев.

Ох! Извините. Ну вот такой плохой я психоаналитик. Но это всё от чистого сердца и стремления помочь. Извините, если влезла куда не следует. Уверена, что этот душевный кризис

— он куда-то вас обязательно приведет. Куда и когда?

44

Герберт Адлер часто возвращался в своей газете к истокам христианства. Десятилетия, отделяющие апостольское «начало» Церкви от середины II века, оставили очень мало памятников. Мы почти ничего не знаем о росте Церкви, о первоначальном развитии ее организации, учения, богослужения. Это дало возможность всевозможным «реформаторам» христианства или же «научной» критике строить всевозможные гипотезы, по-своему восстанавливать и толковать эту эпоху. В ней обязательно хотели усмотреть какую-то метаморфозу Церкви, разрыв с первоначальной «идеей» христианства, отраженной в Евангелии. Организованная Церковь с иерархией, учением, дисциплиной — какой мы снова видим ее в середине II века — есть-де продукт всех этих кризисов, «применения» к социальным условиям. Расплавленная, расплывчатая вера волей-неволей отлилась будто бы в формы мысли той эпохи, «эллинизировалась», отразила в себе влияние и потребности принявшего ее общества.

Но в последнее время все эти теории всё очевиднее вскрывают свою несостоятельность. И со все большим вниманием вслушиваются

ученые в голос предания Церкви, еще так недавно представлявшегося им тенденциозной, почти злонамеренной выдумкой. Евангелие невозможно, оказывается, отделить от Церкви: оно в ней и для нее написано, есть свидетельство о вере Церкви, о ее живом опыте, и вне этого опыта его нельзя понять. Отрывки молитв, знаки и символы на стенах катакомб, несколько посланий одних Церквей к другим — всё это оживает сейчас в новом свете, раскрывается как единое развитие, а не чередование кризисов и разрывов. Незаписанное могло таинственно жить и сохраняться в непрерывной памяти Церкви, в самой ее жизни, и быть записанным иногда лишь столетиями позже. Так всё очевиднее становится, что Церковь и есть первичная сущность христианства, что не ее нужно «восстанавливать» и «оправдывать» на основании дошедших до нас отрывков, а что только в ней, то есть в признании ее «первичности», сами эти отрывки приобретают смысл и могут быть правильно истолкованы. Начав с разрушительной критики церковного Предания, наука постепенно приходит к обратному результату: утверждает это Предание как самый надежный, самый авторитетный источник наших знаний о прошлом христианства.

Что же мы знаем об этих первых десятилетиях, об этих церквях, рассеянных теперь по всей Римской Империи?

Опять, как и в самый первый день в Иерусалиме, мы прежде всего видим христиан,

«собранных в Церковь» для Крещения и Евхаристии. Этой двуединой мистерией: рождением от воды и Духа и преломлением хлеба определяется вся жизнь Церкви и жизнь каждого из ее членов. Это не один из «аспектов» церковной жизни, не просто богослужение, — это источник, содержание и вершина всего в Церкви, само сердце «первохристианства».

«Христианами не рождаются, а становятся», — эти слова Тертуллиана объясняют нам, почему о крещении и евхаристии больше всего говорят редкие памятники той эпохи. Христианами становились. А это значит, что в памяти каждого из них не мог не быть запечатлен тот день, когда после таинственного роста семени, брошенного в душу проповедью, после сомнений, проверок, мучений он подходил, наконец, к воде Таинства. В ней должна была умереть старая жизнь, чтобы началась новая. В ней давалось сразу всё: прощение грехов, соединение со Христом, уверенность в смерти самой смерти, опыт воскресения и вечной радости, которой никто уже не мог отнять. И всё это было не абстракцией, не «идеологией», а действительностью: выйдя из святой воды, новокрещенный не оставался один. Она вводила его в братство, в единство любви, в непрестанное общение с Богом.

Бес бродил за Гербертом по пятам. Во всяком случае, так ему казалось, и когда в темноте вокруг него уже не оставалось ни души, он знал, что его упрямое альтер эго по-прежнему рядом, никуда не ушло... Говорят, так бывает, когда силы тьмы особенно недовольны нашими порывами и пытаются погрузить нас в зыбкие пески соблазнов... Можно смеяться и не верить, но от этого не становится ни легче, ни проще... Бесам важно спровоцировать своих подопечных на вечную кровешнюю войну...

Герберт снова наткнулся на гадости о себе, расставленные Андреем Виригиным в Интернете. На этот раз впервые за столько времени он решил ответить: «Андрей не будет отрицать, что он хронический алкоголик (посмотрите его блог), и мы с ним расстались во время его третьего запоя за полгода. Обливая меня грязью, он пытается таким образом вымогать деньги, поскольку опять пустился в запой... Я бы не сказал, что Андрей Виригин меня раздражает, скорее, расстраивает. Так или иначе, скоро он углубится в запой, и мы еще долго о нем не услышим. Бедный парень. Простите его».

Это наконец вывело соперников на прямой диалог.

— Герберт, скажи, пожалуйста, что ты прокомментировал? Как твои слова соотносятся с текстом моих записей? Что до денег, то ты прекрасно знаешь, что я отверг те еженедельные выплаты, которые ты мне предлагал. Не всё продается, Герберт. Нельзя купить талант и

доброе имя. А по-русски ты так писать и не научился...

— Андрюша, я рад, что ты все еще вяжешь лыко. (Что странно. На моем пайке ты обычно отрубался гораздо быстрее. Видимо, сказывается экономический фактор.) Береги себя. Не растрачивай себя понапрасну. Я — ничтожество, недостойное твоего болезненного внимания. Твои зеленые чертики — объекты гораздо более достойные. Обязательно ешь молочные продукты. Ты — великий моралист, высоко ценящий доброе имя, а главное, хорошо разбирающийся в талантах. Именно поэтому тебе просто совершенно необходимы молочные продукты.

Андрюшенька, обвинять человека, прожившего двадцать лет в дальнем зарубежье, в слабом знании русского языка по крайней мере смешно. Интересно, знаешь ли ты, что я покинул Советский Союз, когда мне было восемнадцать лет? То есть ты утверждаешь, что я успел натворить нечто такое, за что я в розыске более двадцати лет? Несмотря на неоднократную смену режима... Что же я, военный преступник? Андрей, ты сам находишься в вечном розыске самого себя... Бедная душа. Неужели ты полагаешь, что влияешь на мою судьбу? Хотя, возможно, ты влияешь. Ты — вечное напоминание о том, что добро наказуемо, а кроме того, ты для меня символизируешь Россию. Не пропадай. Продолжай пердеть из своего угла. Ведь это так важно: не давать нам всем забывать,

что вы из себя представляете — загадочные рязанско-тульские души. Научи меня писать по-русски! Научи меня, как правильно писать слова «быдлохуй» (как ты меня называешь) и прочее. Только молочные продукты смогут излечить твою черную, как рельсы твоей родной станции, душу. Ах, извини. Ты, конечно же, скажешь, что рельсы не черные... Что я не знаю жизни. Ты прав. За что ты меня ненавидишь? Может, боишься?

— У меня нет ненависти к тебе. Ненавидеть тебя — слишком много чести. И я тебя не боюсь, несмотря на то, что твои слова нередко содержат скрытые угрозы. Ну найди, попробуй! А? Мне что, уже следует писать нечто подобное: «В случае моей насильственной смерти или причинения мне увечий знайте — заказчиком является Герберт Адлер»?

— Да что ты, бог с тобой. Я не угрожаю, я просто за тебя боюсь. Круто ты выступаешь. Не дай бог, не на того нарвешься. А я — тот. На меня можно. Я — хороший. Ты же знаешь. Я за тебя молился усердно, но, видать, уж больно ты напакостничал в жизни. Не пускает тебя бес на волю.

— И откуда ты такой, Герберт, взялся? Проповедник... Слушать тебя — много чести... Уши вянут...

— Насчет «много чести» это как раз, скорее, наоборот. Ты сам прикинь на трезвую голову. А? И вообще, Андрей, ты хотя бы в редкие просветы

между бутылками пива понимаешь, как ты выглядишь со стороны? Я знаю, что тебе наплевать. Мне, в общем, тоже. Хотя ведь если по совести, тебе вовсе не наплевать. Ты тут уже полгода красуешься: Гафт ему то, Юрский ему это. Постыдился бы. Тебе и сейчас лестно, что я с тобой общаюсь. Ты напоминаешь назойливую муху. Пей уж свое пиво и не лезь к людям.

— Слушай, Герберт... Правда, отстань, а? Нам друг друга не понять. Слишком разный социальный статус...

— Конечно, ты прав. Богатый на бедняка не похож. Но по-моему, я с тобой расплатился. И даже если и не додал тебе каких-то денег — ну пришлю я тебе еще, а ты только больше упьешься... Очень часто, Андрюша, когда у тебя появляется чувство, что ты держишь Бога за одно место, оказывается, что тебя за это место держит Сатана.

— Я просто остаюсь честным до конца...

— Вот как? Почему же, например, ты не поведаешь миру, что многократно пользовался моим списком адресов, который попал к тебе, когда ты со мной работал? Ты по этим адресам рассылал обо мне несусветные гадости. О какой морали ты говоришь? Большая часть твоих действий легко описывается статьями уголовного кодекса. Кстати, это идея. Я, пожалуй, подам на тебя заявление. Ты ведь не любишь сидеть в тюрьме? Поищи хорошего адвоката. Тебе это пригодится.

— И чем же это я провинился?

— Травил повсеместно такого злого-презлого Адлера. Посылал прихожанам его церкви сообщения с ложными обвинениями, вымогал деньги... Ты же читал мои романы... На что ты рассчитывал? Что Герберт нынче с ума спендрил от приступа православия? И поэтому ты посылаешь его прихожанам грязь? Так вот, они требуют, чтобы я на тебя пожаловался вашим властям. Ты не оставил мне выхода...

— Ну и сволочь же ты, Герберт...

— Давай, Андрюша, повыступай еще. Подбрось мне еще матерьяльчик. Ты же сам говоришь, что я богач. Беспринципный подонок. Ну и получи по полной программе. Каждому, как говорится, свое... Обычно, кто от человека ждет зла, тот его и получает. Вот уж, воистину, не думай ни о ком дурно... Короче, и меня ты направил на стезю шантажиста. Иди и убирай все гадости, что написал обо мне в Интернете. Мне стоит сделать один звонок в следственный отдел и прислать им один факс, и ты окажешься в тюрьме. Так что убирай, говорю... Не знаю, как будешь, хоть языком вылизывай. И докладывай о проделанной работе. Не нравилось тебе мое православие — так вот тебе по-твоему, по-атеистически. Мне безразлично, что ты собрался скоро сдохнуть... Но остаток твоей никчемной жизни я легко превращу в ад, чтобы ты привыкал. Причем всё абсолютно законно и по заслугам. На судьбу он мою взялся влиять...

— Ну, что ж... Герберт Адлер — православный писатель угрожает сделать мою жизнь адом. Что и требовалось доказать! Представляешь, какой скандал поднимется в желтой прессе? Православный писатель заложил своего литературного агента.

После некоторого перерыва Герберт написал:

— Слушай, а ведь я уже всё отослал. Настрочил жалобу. Кстати, мне написала твоя бывшая жена, предлагает помощь. Она будет сажать тебя за укрывание алиментов. А скандал в желтой прессе мне только на руку. Какой мне вред? Какое мне дело до русской желтой прессы? А вот тем, что ты затеял играть с моим паспортом и выставил его под заголовком «разыскивается», ты подписал себе приговор. Ты поставил ссылку на английский сайт, с которым мы судимся. Мой адвокат потребовал принять против тебя меры. Кстати, по закону паспорт является собственностью государства, а не ее гражданина. Выставив паспорт, ты способствуешь возможности его подделки, а значит, терроризму и шпионажу. Ты, Андрюша, — пьяный дурак. Видать, ты очень пьяный. Убери мой паспорт, идиот. К тебе вот-вот заявится ФСБ. Мой адвокат уже связался с Министерством иностранных дел, и они связываются с Интерполом. Кроме того, я посмотрел, за время твоей работы я перевел тебе в общей сложности сорок тысяч долларов. Вся работа тобой завалена. Диски пропали. Книги не

продаются. Все контакты провалены. Козел ты, Андрюша, и почему-то мне, твоему Быдлохую, как ты меня называешь, кажется, что на этот раз ты обязательно попадешь в тюрьму. Как ты не можешь понять, что это у вас в России пить — круто, а у нас на Западе это — позор. У вас нельзя закладывать, а у нас так должен поступать всякий честный гражданин

— Герберт, я не хотел тебе отвечать. Но я пью пиво, а посему так и быть. Нет порядочности западной и российской. Есть порядочность и бесчестие. Это во-первых. Во-вторых. В случае негативных последствий для меня я устрою такой феерический скандал, что история Билла и Моника покажется тебе рождественской сказкой. У меня есть мобильный шеф-редактора одной из самых желтых российских газет с многомиллионным тиражом.

— Андрюша, твои угрозы звучат смешно. Ты еще от своей жены попробуй обороняться желтой прессой.

— Она тебе неспроста написала, а с моей наводки. Прикольно. С ней вы подружитесь на почве национального сродства. Фрицы недобитые! Неужели ты не понимаешь, что если бы ты сразу перевел мне все мои деньги, ничего бы не было? Без них я не мог рассчитывать на возвращение в Москву. Да и не остался бы я в столице, если бы одна чудесная женщина не помогла... Что тебе говорила обо мне Вета? Почему она взялась поливать меня грязью, как ты думаешь? И, кстати, понимаешь ли ты, что

это была единственная девушка, которую я любил?

— Понимаю...

— Ничего ты не понимаешь! Теперь с Ветой всё кончено... Мне ничего не надо. Помоги одной хорошей девушке, проститутке, выбраться из этой грязи... Я знаю только ее «рабочий» телефон. Ответят другие девушки. Помоги именно этой. Я всё плохое о тебе в Интернете сотру. Ее зовут Ксюша. Спроси у девчонок, солги, что это именно ты на «лексусе» к ней подъезжал. Сейчас она у себя, под Костромой. Разузнай личный телефон. Помоги. Обо мне не вспоминай до поры. Снимаю все гадости про тебя после личной встречи с ней, после того, как она трудоустроена. Она мне никто. Отношений никаких не было и не будет. Только помоги. Мне ее жалко. Она очень трогательная. Ей бы детей рожать, любить своего мужа, а она... Меня не переделать, ты прав. А ее можно.

— Ты хочешь, чтобы я помог проститутке? Пожалуйста. У нас в христианстве это часто случается. Только вот захочет ли она, чтобы я ей помог, да и что я могу сделать? Судя по той фотографии, что ты мне прислал, она вполне довольна собой. Кстати, воздержись присылать мне фото своих протеже в обнаженном виде... У меня тут полный дом священников!

— Извини, другой фотографии не нашлось...

— Ну да...

— А знаешь что? Глупости все это. Не надо никому помогать... Я ничего не уберу, Герберт. Хоть тресни. Врагу не сдается, как говорится...

46

Бывшая жена Андрея Виригина охотно рассказала Герберту Адлеру о своей жизни. Ее дед по отцу был сосланным в Сибирь поволжским немцем. Однако в результате метаний по стране двух предыдущих поколений Лиля родилась в Краснодарском крае. Через некоторое время она с родителями переехала в Заполярье. Эта планета затягивает, буквально душит своих обитателей петлями широт, заставляет, вырываясь из этих пут, скитаться в извечном поиске тихой обители, но в конце концов выталкивает в иные миры без срока, не внимая упрекам...

Тогда многие думали, что достаточно поработать на Крайнем Севере года три и можно вернуться к той жизни, к которой привыкли. Однако правы те, кто утверждал: «Север затягивает». Они прожили там двадцать лет вместо трех. Двадцать долгих лет, двадцать бесконечных зим, когда «июнь — еще не лето,

июль — уже не лето»... Но Лиля считала, что именно на Севере проявляются все лучшие качества человека — выносливость, сострадание, милосердие, доброта, отзывчивость...

Она была единственной дочерью. Когда подошел срок, она, как и миллионы советских детей, пошла в школу, эту кузницу молодых сердец, где процессковки неизбежно подразумевает мерные удары молота. Учеба не представляла для нее особой трудности. В четвертом классе Лилька в первый раз влюбилась. В сына классной руководительницы. Девочки свою первую любовь обычно скрывают, Лиля же, наоборот, с младых ногтей была убеждена, что любовь — великое чувство, и скрывать его не имеет смысла. Она любила, а его друзья, ее одноклассники, этим пользовались. Обычно накануне контрольной работы возлюбленный подходил к Лиле и просил у нее разрешения на уроке сесть с ней за одну парту. Лиля приходила в безразмерный восторг. «Моя! Любовь! Просит! У меня! Сесть! Со мной!» А вокруг Лили садились те, кому надо списать, — ведь именно они просили ее избранника пойти на хитрость, спросить разрешения подсесть. А любил он Лилю или нет, было не важно. Главное, он был любим... Однако к концу пятого класса ее любовь как-то сама собой утихла.

У Лили было обостренное чувство справедливости. Кто, кроме Лили, на всех классных и школьных собраниях мог прямо в лицо критиковать учителя или одноклассника?

Все боялись, а Лиля — нет. Именно поэтому у Лили почти не было подруг. Были просто одноклассницы, а если подруги и появлялись, то только затем, чтобы воспользоваться отзывчивостью Лили и потом снова о ней забыть до следующего «удобного случая».

Родители Лили были в городе людьми «не из последних», почти всё время на виду. Мать — начальник одного из отделов администрации города, отец — ведущий специалист на «блатном» предприятии. Единственную дочь они любили и, как могли, оберегали от реалий внешнего мира. Для них Лиля оставалась несмышленишкой, которого надо водить за ручку, всё время предугадывать плохое, чтобы дочь, не дай бог, не влипла в какую-нибудь неприятную ситуацию. Так прошло еще три года.

Когда Лиле исполнилось четырнадцать, появился настоящий ухажер — мальчик из параллельного класса. Дарил ей конфеты (и где он их брал, на Севере-то?), морочил ей голову комплиментами. А школа выжидающе ждала: чем закончится этот роман? Все ожидали от Лили чего-то нового, необычного, яркого, незабываемого. И дождались! «Да я с друзьями поспорил, что ты согласишься!» — эти слова Лиля вместе с родителями услышала в милиции. Несмотря на переполнявшие ее эмоции, Лиля выдержала свой первый в жизни удар: «Я знаю, что у тебя есть сестра. Посмотрим, что ты скажешь, когда такое случится с ней...» Как родители пережили это всё, Лиля видела — мать

ходила как в воду опущенная, семья была по сути опозорена — в те годы «это» было позором для девушки и ее семьи!. Как такового изнасилования не было, был «спор на Лильку» и выигрыш спора, преданный огласке... Все смеялись над Лилей, оскорбляли ее, предлагали ей «продолжить». Следователь как-то сказал Лилиной маме: «Ваша дочь — потенциальная проститутка. Она погибла...» А спустя полтора года сам погиб в перестрелке.

Лиля поняла, что любовь не всегда приносит радость, поэтому случившееся глубоко переживала, а внешне была все так же весела и беззаботна. С ней знакомились, ей предлагали дружбу, но дальше поцелуев она идти не позволяла. Да и сколько было тех «друзей» и слюнявых неприятных поцелуев? За два года — не более семи. Лиля уж и имен-то дружков не помнит.

В шестнадцать Лиля впервые попробовала ласки взрослого мужчины. Ему было за сорок. Пригласил к себе, налил ей вина, она слегка пригубила бокал и заинтересовалась коллекцией книг в шкафу. Подошла, наклонила голову, стала читать названия. Хозяин подошел сзади, взял бокал из ее рук, поставил на столик, наклонился и прикоснулся к ее уху. Тогда Лиля не читала бульварные любовные романы, но могла бы описать чувство, как «меня словно бы пронзило током, и я поплыла...». Далее события развернулись стремительно, и через несколько минут полностью обнаженная Лиля сидела у него

на коленях, целовала мужчину в губы, а он ласкал ее еще не созревшие грудки... Только вернувшись домой, Лиля спросила себя, почему же этот мужчина не уложил ее в постель?

Потом Лиля училась в педагогическом училище, все так же не имела подруг. Молодые люди мелькали как однообразный пейзаж за окном вагона поезда. За секс с одним из них Лилька буквально платила! Саша был у нее вроде проститутки, и за сто-двести рублей она получала все, что хотела. Закончилась эта история печально — Сашка «на стороне» развлекался с другой и заразил свою благодетельницу триппером. Лилька, боясь, что родители узнают (ведь ей было семнадцать), пережив унижение от слов злобной врачихи «Трахаетесь, а кто предохраняться-то будет?», вылечившись, при встрече бросила ему пятьсот рублей «на лечение» и навсегда вычеркнула его из памяти. Тогда же она начала выпивать, курить. Возвращалась домой, прокуренная дешевыми вонючими сигаретами, пропахшая кислым вином и горькой водкой. Но несмотря на свое состояние, когда после граненого стакана вина хотелось лечь, поспать, Лилька возвращалась домой. Только два раза сил не хватило — тогда ей просто «сделали ершик». Мать пыталась ее остановить — впереди оставалось всего полгода учебы. Запирала дома, забирала деньги, возила в училище... Но преддипломную практику Лилька все же провалила. Однако когда мать узнала об этом,

все уже было исправлено — Лилька сквозь мутную пелену алкоголя поняла, что ей грозит отчисление и договорилась о пересдаче. Таким образом, у нее в руках оказался диплом учителя начальных классов. В тот же год она умудрилась поступить заочно в два разных университета. Многие считали, что дипломы были уже «куплены», а Лиля училась для виду. Она никому ничего не доказывала, а на подобные вопросы отвечала: «В таком случае желаю и тебе так же купить дипломы». Встречалась с несколькими мужчинами сразу, но спала не со всеми, уже осознав, что имеет право выбирать, чем и пользовалась... А летом встретила настоящую любовь.

И снова закрутилось, понеслось! Встречи, объятия, поцелуи и недовольство родителей: «Он тебе не пара!». Пять лет продолжалась любовная история... Он ее ревновал ко всему — даже к столбам. Именно с ним Лилька бросила курить и выпивать. Навсегда. Никакой «ломки», никакого лечения, просто сказала: «зачем мне это все?». Пять лет Лилька летала в облаках, пять лет ходила в синяках как результат недоверия к ней. «Флиртовать я могу, но ведь сплю с тобой! И люблю только тебя!» Родители ее возлюбленного приезжали в гости, хотели посватать своего сына за Лильку, но Лилька как отрезала: «Мне надо закончить учебу!». Через месяц он уехал к родителям.

Второй удар Лилька переживала более болезненно — ночами не спала, рыдала, звонила

в Челябинск. На сессии однажды вместе с ним съездила к родителям. Потом поняла — уехал навсегда. Приняла этот факт. Закончила учебу, получила два диплома.

Студенчество — прекрасная пора. Что там эти сессии, зачеты, экзамены? Пустяки. Лилька знала все минимум на «четверку», а большей оценки она и не хотела. Любой зачет, экзамен сдавался легко. Сокурсники удивлялись: «Как? Ты же ни на одном занятии не была, ничего не знаешь, конспекты не брала...». Секрет успеха был прост: оказывается, ночь перед экзаменом надо провести с мужчиной (коих было достаточно — на каждую сессию по одному-два). Лилька эту закономерность выявила только на последней сессии, когда познакомилась с молодым человеком, ночи с которым были супернезабываемыми и который посвятил ей свой рассказ. Благодаря ему она на «отлично» защитила свой дипломный проект — именно он заставлял ее снова и снова дополнять, переписывать от руки текст выступления, читать его вслух, пока Лиля не заучила этот текст наизусть. «Леня, я уже не могу! Я хочу тебя!» — «Нет, пока не закончим с текстом, никакого секса!» А потом было такое! Соседи, наверное, спать не могли от звуков скрипучего дивана и характерных стонов... Но сказка закончилась, и Лиля вернулась домой.

Через несколько месяцев молодой специалист Лиля познакомилась с вахтовиком из

Белгородской области. Знала о нем мало; женат, есть двое мальчишек, любит жену. Последнее обстоятельство не мешало ему иметь в лице Лили «вторую, северную, жену». А ей стал нравиться экстремальный секс — на столе, на работающей стиральной машинке, на полу, в ванной, на его работе, когда рядом гудят агрегаты и в любой момент может зайти кто-то из бригады. Это ее «заводило», особенно последнее. Он называл Лильку не по имени, а прозвищем «аборигенка». Научил играть в нарды, что стало еще одним поводом для секса: «кто проиграет, тот начинает». И Лилька проигрывала специально.

Когда Лиля купила себе машину (тогда она работала в двух местах), они под предлогом «в лес, за грибами» часто уезжали за город, на «дорогу любви», где Лилька познала еще один вид экстрима — «на природе». Грибы и ягоды в лесу они, конечно, потом собирали, поэтому Лилька обеспечила свою семью засолами на всю зиму. Две недели каждого месяца Лиля, забыв о многом, ублажала своего вахтовика и получала за это, наверное, такое же удовольствие. Он часто говорил ей: «Замуж бы тебе надо! Я же не для тебя!»

Новое тысячелетие Лиля встретила с родителями и, чуть-чуть выпив шампанского, заявила: «Выйду замуж за того, кто первый в этом году предложит!» Естественно, никто не придавал этим словам никакого значения. В феврале того же года по электронной почте она получила письмо: «Привет! Меня зовут Андрей. Наши дни рождения совпадают. Будем общаться?». Лиля ответила согласием. Стали переписываться, перезваниваться. В сентябре Андрей Виригин приехал к Лиле. Родителям он не понравился — был какой-то странный, с

откровенно женскими манерами и речью. Кроме литературы и сортов алкоголя, ничего не знал и знать не хотел. Сыпал фразами, стихами поэтов и своих знакомых.

«Лиля! Ну куда ты смотришь? Он же гораздо ниже тебя по образованию, достатку, образу жизни! Не работает! Пьет!» — «Ну и что? Он исправится...». За время его пребывания в доме родителей Лиля не позволяла ему перешагнуть грань допустимого, да и не смогла бы при всем желании — «болела». А через неделю оказалась в его городе. Устроилась на работу, а Андрей продолжал сидеть дома, тем более уже знал, что пока Лилка с ним, ее родители будут им помогать. Секс с ним был для Лили чем-то вроде каторги — ей было с кем и с чем сравнивать. Но и изменить своему сожителю она не могла — не «позволяло воспитание»... А Андрей, видимо, чувствуя ее холодность, пил беспробудно, третировал сожительницу рассказом о своих подружках и неизменным вопросом «Сколько у тебя до меня было мужчин?», часто не приходил ночевать. Виригин надеялся вызвать в ней подобие ревности и злился, потому что ревности и близко не было, ведь она-то его не любила. Показал ей видеозапись со скотским сношением с двумя своими подружками — безрезультатно. Чтобы «добить» ее, пригласил в дом девчонку. Предполагал, что «вот сейчас она проявит себя». Лиля от этой выходки была в шоке. Терпела, мучилась и ждала хоть каких-то изменений в поведении сожителя, но в ближайшем будущем

никакого просвета не предвиделось. Скоро терпение у нее лопнуло, и как-то утром она со злости заявила: «В понедельник идем в ЗАГС», на что получила автоматический, неосознанный ответ: «А почему не сегодня?». Автор ответа решил, видимо, поставить на этом точку, но Лильку уже понесло: «Собирайся, идем сейчас!» И, взяв паспорта, повела своего сожителя в ЗАГС. Собственно, Андрей и не сопротивлялся, считая все это неким сном, и только возле ЗАГСа притормозил: «Я же должен сделать тебе предложение!». «Ну, так делай, в ЗАГСе скоро обед!». Через полчаса сожители вышли из ЗАГСа с уведомлением о дате регистрации брака. Лилька была окольцована и стала законной женой Андрея Виригина. Все расходы по свадьбе — одежда жениху, невесте, ресторан и прочее — полностью легли на родных Лили. Со стороны жениха было довольно много народу — свекровь пригласила своих подружек, дабы показать им, кого ее сын берет в жены. Со стороны невесты было несколько человек из родни — мать, отец, двоюродная сестра из Кемеровской области, тетка и троюродный брат из Подмосковья. К концу свадьбы сердце отчима свекрови не выдержало — скончался. Вот тогда Виригин и показал себя во всей красе, за час вылакав запас заготовленного тещей и тестем на несколько дней спиртного. Только присутствие тестя спасло Андрея от разъяренной супруги — схватив пустую бутылку, она занесла ее над головой мужа и, если бы не ее отец, Виригин вряд ли выжил бы от удара.

У Виригина был друг «по бутылке», молодой человек с образованием, учитель в школе. Лиля недоумевала: грамотный, умный человек, а дружит с ничтожеством. Да и отсутствие у него девушки наводило на определенные предположения о сексуальной ориентации. Но спустя месяц у друга появилась женщина, на пять лет старше, с двумя детьми, и Лиля поняла, что ошибалась. Его избранница Лиле очень понравилась — хозяйственная, спокойная, терпеливая, опытная. Как стало известно позже, ее дети приняли нового «папу», более того, даже советовали своей матери держаться за него. Однако обстоятельства превыше нас, и спустя пару лет они расстались.

Отношения Лили со свекровью были нормальными. Она не вмешивалась в жизнь молодых. Работала, так как надо было заботиться о дочери. Сестра Виригина оказалась умной, симпатичной и доброй девчушкой. Приняла Лильку как подругу, водила ее по городу, получала подарки — сумочку детскую, куклу, книжку. Лиле было приятно делать подарки своей золовке. Мысли о «подкупе ребенка» даже не допускались — всё было от души. Хотя нет, корысть все же была: Лильке нравилось, как девочка радуется подаркам.

Молодая жена Новый год встретила огорченной — ее родители отправили ей посылку с подарками, а вместо подарков она получила пакеты с крупой. Украшения на елку, подарки ей и мужу (кстати, Лилька расшифровывала это

слово как «мужчина у женщины», что в ее семейной жизни полностью соответствовало действительности), свекрови и золовке были вытащены и заменены хламом. С Лилькой случилась самая настоящая женская истерика. Впервые в жизни она позволила себе выплеск эмоций. Андрей, зная сильный характер жены, был растерян и не знал, как утешить, поэтому промолчал. На звонок тещи ответил: «У Лильки истерика... говорить не может...».

Через полмесяца Лилька почувствовала, что не может ни есть, ни пить, ее стало тошнить, нарушился сон, не хотелось жить. Андрей не замечал состояния жены, ему за непрекращающейся чередой «состояния нестования» было не до нее. Врачи твердили: «Нервы!». Лилька уже подумывала о временном отъезде и отдыхе на природе, но очередной врач посоветовал ей сходить к соответствующему специалисту. Так Лилька узнала о беременности. По возвращении домой от врача она заявила мужу, что хочет с ним развестись, на что Виригин дал «добро», однако Лиля допустила ошибку, добавив: «Не хочу удерживать тебя ребенком. Разведемся, и будешь свободен!». Виригин, вспомнив, что он все-таки цивилизованный мужчина, заявил, что в этом случае согласие на развод не даст.

Почти всю беременность Лиля провела в больницах. В выходные сбегала, чтобы на рынке купить продуктов, приготовить мужу еду. А летом вместе с приехавшим отцом уехала в

Сибирь, где в сентябре родила прекрасную дочку. В октябре подала на развод. В ноябре все родственники поздравили Лилю с «бумажной» годовщиной свадьбы, подарили много цветов. А через четыре дня под предлогом «хочу видеть свою дочь» без приглашения приехал Виригин. Предлог визита был уместный, да только дочь ему была не нужна. Он на нее даже не смотрел, ему было некогда. «Ушибленный парами спиртного» Виригин орал на жену, оскорблял ее и ее родных, припоминал количество мужчин у Лили до него. Чтобы не разбудить дочь, Лиля ушла в кухню, приготовила себе чашку чая и стала ножом подрезать стебли подаренных родственниками цветов. Виригин вбежал с пьяными воплями: «Да твой отец меня купил! Да твой отец платит мне, чтобы я спал с тобой!..» Потом увидела кровь и побелевшее лицо мужа: «Ты меня убила!». По словам Виригина, она размахнулась и ударила его в живот ножом. Пришлось вызвать «скорую помощь», затем пришел участковый. Лиля уже пришла в себя и поняла: она ни при чем и, если понадобится, расскажет всё, после чего ее действия будут признаны как «действия в состоянии аффекта». Однако Виригин сказал участковому, что сам где-то упал, находясь в состоянии алкогольного опьянения, — сделал «широкий жест» и защитил жену от наказания. Хотя слова Лильки запомнил: «Я трезвая, у меня грудной ребенок, а ты пьяный. Как ты думаешь, кому поверят?».

В тот же день родные Лили выставили Виригина, дав ему «на первое время» около трех тысяч рублей. Через несколько дней проживания в дешевой гостинице он уехал.

С тех пор жизнью дочери Виригин не интересовался, а дочь видела своего отца только на фотографиях. Сейчас ей семь лет, учится в первом классе. О своем родном папе знает очень мало: знает имя, фамилию и то, что она ему не нужна. До последнего дочь додумалась сама.

Лиля крещеная. В Бога верит, хотя есть сомнения (читала книгу «Библия для верующих и неверующих»). Считает, что, если Он и есть, то Его жизнь описана неправдиво — не так всё начиналось. А вообще Лиля, как и многие другие, слышала «что-то там» о каких-то правилах типа «не убий», «не укради», «не прелюбодействуй»... Как-то давно читала настоящую Библию, точнее пыталась читать, но, решив, что всё написанное там просто выдуманно, перестала. Знакомые предлагали ей посетить какие-то непонятные собрания, где можно получить ответ на любой вопрос, но Лиля сразу предположила, что это своеобразное зомбирование и поэтому не ходила. Нет, вообще на одно собрание ее все же уговорила сходить однокурсница; ей там, можно сказать, понравилось — доброжелательная атмосфера, танцевальные «лекции», но когда «пастор» прямым текстом попросил «прихожан» сдать по десять рублей на аренду помещения, Лиля не выдержала и при всех напрямую спросила: «А вы

всегда требуете деньги с ваших гостей? Это же равносильно тому, что я вас приглашу в гости, угощу чаем, тортом, пообщаюсь, а перед вашим уходом потребую с вас деньги за общение со мной!».

Вообще Лиля уважает любую религию, даже сектантскую, но до момента, когда взгляды определенной религии не начинают навязываться. В любой религии есть свои постулаты, которые выполнить просто невозможно. Если следовать постулатам того же христианства, то человек грешен уже со младенчества: «не возводи себе кумира» — а как же любовь к матери, к отцу, к родным? «Шесть дней работай и делай всякие дела твои» — а как же российское законодательство, предписывающее работать пять дней? Многие непонятно Лиле, поэтому она особо и не заморачивается. «Не прелюбодействуй» — эта заповедь больше всего злит Лилю. Ведь давно известно, что удовлетворенная женщина, получившая наслаждение, счастлива, а если муж не удовлетворяет, что делать? Идти на сторону. Так считают многие, вроде как «хороший левак укрепляет брак». Но Лиля воспитана в духе верности мужу, как бы там ни было. Но ведь хочется любви, радости секса! Да и заповедь эта непонятная: прелюбодейство — это что, физическая измена или просто мысли об удовольствии? С Виригиным Лиля не получала никакого удовольствия, просто притворялась, чтобы муж быстрее уснул. Секс Лиля считает

продолжением общения с женщиной, хотя чаще всего «допуском к телу» любое общение и заканчивалось. И потом, несправедливо, что только женщина должна предусматривать возможные последствия. В общем, когда Лиля чувствовала нестерпимое желание получить удовольствие, а мужчины рядом нет, она обходилась собственными силами. Впрочем, почему «обходилась»? Данное действие она практикует до сих пор. Это — прелюбодеяние? Рукоблудие?

В церковь Лиля ходит редко, в среднем один раз в год, обычно для того, чтобы набрать «крещенской» воды, поставить свечи. Не любитель она стоять, слушать непонятные песнопения. Но обоих своих детей крестила — скорее, отдав дань некоей моде, нежели по велению души.

Теперь Лиля замужем. Муж работает на севере Свердловской области. Вахтовик. У них сынишка. Супруг никогда не препятствует общению приемной дочери с ее родным отцом; более того, даже в меру поощряет. В общение Лили с бывшим мужем он не вмешивается, считая свою супругу умной женщиной. Только однажды он стал подозревать ее — когда Лиля ездила в суд, в город, где жил бывший муж, чтобы лишить его родительских прав. «Ну, что, как дела? Тебе было хорошо с этим ничтожеством Виригиным?» Лиля не стала оправдываться, она спокойно ответила: «Если подозреваешь — лучше уходи». Муж, в 38 лет

впервые ставший отцом, не ушел. Более того, извинился и на следующий день принес ей букет из двадцати пяти желтых хризантем. И, кстати, на многие письма Виригина отвечал нынешний муж Лили.

Полтора года назад, когда нынешнего супруга и дочери Лили не было дома, под благовидным предлогом «хочу пообщаться с дочкой» приехал Виригин. Как всегда, пьяный, но с «подарком» — тремя бутылками пива. Всю ночь Лиля слушала его разглагольствования, пытаюсь понять, что же она нашла в нем в свое время. В пять часов утра она его выгнала — ей просто надоело слушать рассказы о том, с кем он пил, с кем спал, да и его оскорбления на тему «какая ты дрянь»... Как выяснилось, Виригин соврал своей матери, сказав ей, что это Лилька его позвала, и в телефонном разговоре она обвинила Лильку в том, что та сначала зовет в гости, а потом выгоняет. О визите Виригина Лиля сообщила мужу, на что он ответил: «Зачем ты вообще его впустила?» — и ни слова о возможных отношениях. Ибо — верит.

Счастлива ли Лиля? Трудно сказать. Скорее, все-таки да. Вспоминая жизнь с Виригиным, она понимает — это было своеобразное испытание. Но не понимает, за что и зачем. Родные Виригина терпели жену своего родственника, не более того. Свекровь, правда, вопреки сложившемуся мнению, в жизнь молодых почти не вмешивалась. Лиля лично не была знакома с отцом Виригина, о его жизни знает только со

слов бывшего мужа и свекрови, поэтому отношение к убийству свекра двоякое: с одной стороны, по словам свекрови, он был гуленой, не пропускал ни одной юбки, бесцеремонно влезая в размеренную жизнь порядочных людей; с другой стороны, по словам Виригина, был домоседом, жене не изменял, о семье заботился. Но как бы там ни было, что случилось — то случилось. Как сказал один человек, «все мы смертны, вопрос только в способе».

Зачем ей алименты и суды с бывшим мужем? Не проще плюнуть и забыть? Чисто мужское непонимание! Лиля родила дочь в браке, Виригин знал о рождении ребенка. Почему она должна одна содержать дочь? Почему родители Лили содержат свою внучку? Как-то Виригину было предложено добровольно отказаться от ребенка. Он не захотел. Суд «вошел в трудное материальное положение» Виригина (просто не хотел работать!), и бывший муж платит не одну четвертую, а всего одну пятую часть установленного в России минимального размера оплаты труда. Да и то не ежемесячно.

Был случай: Лиля тогда жила со вторым мужем на Урале, ждала рождения сына, дочка осталась на время с ее родителями в Твери. И вдруг звонит ее мама и рыдает в трубку. Оказывается, родителям предложили путевку в Чехию, и они решили взять с собой внучку. Лилькина мать позвонила Виригину и попросила оформить согласие на выезд ребенка за пределы России, гарантировав оплату нотариальной услуги и

пересылки документа, на что бывший заявил: «И еще тридцать тысяч за то, что я дам это согласие». Мать Лили в шоке: «Ведь мы его дочь за свой счет везем отдыхать!!!» Естественно, родители никуда не поехали... Короче, Лиля наняла адвоката, и через шесть месяцев суд лишил Виригина родительских прав.

Зачем Лиля и сейчас общается с ним? Лиля общается с ним тогда, когда никого нет дома. Просто Лиля человек, который без общения чахнет. Обычный треп, без всякой цели... А наказывать бывшего мужа Лиле не за что — он уже наказан: семьи нет, настоящих друзей нет. На пути попадаются не те люди. И прочее, и прочее, и прочее. Короче, весь мир против него — это разве не наказание? Лиля никогда не любила своего бывшего мужа. Как и он — ее. Он постоянно изменял ей, чем и «убил только зарождавшееся чувство» жены. Последней каплей терпения Лили был очередной скандал в семье Виригиных, когда безработный, финансово зависимый и оттого злой на весь мир «глава семьи» ударил Лилю. Собственно, бил он ее и до этого, но, зная характер своей супруги, старался все же сдерживаться. А тогда он сломал ей нос, после чего понял — это конец всему: обеспеченной жизни, заботы и внимания со стороны жены. Так оно и случилось: спустя несколько месяцев Лиля переехала в другую квартиру; правда, и там не чувствовала себя свободной: муж мог в любое время суток вломиться квартиру и потребовать еды.

За все время совместного проживания Виригин только один раз сказал ей «спасибо»: она разрешила ему съездить в Москву к переводчику Набокова. Однако поездке предшествовала долгая «обработка» жены, обещание исправиться. Лиля заявила: «Неделю ты мне помогаешь по дому и ведешь себя нормально». Неделю дома было чисто, пыль вытерта, ковры выбиты, пол чистый, неделю Виригин молчал, ночевал дома, на любое свое действие спрашивал позволения... И выдержал испытательный срок, после чего получил определенную сумму и на два дня укатил.

Хотя что-то хорошее все же есть — дочь. Виригин до сих пор думает, что она не его дочь. А Лиля не тот человек, чтобы что-то доказывать: не твоя? да, не твоя...

Отношения с родителями у Лили достаточно тактичные. Иногда помогают — с детьми посидеть, добавить средств. Хотя дочка фактически находится на полном их содержании. Молодость Лили, конечно, иногда вспоминает, но ведь уже ничего не исправишь...

Сейчас Лиля уже дважды мама, что, как ей кажется, придает ей спокойствия, оптимизма и восхищенных взглядов мужчин. Работает она на «бумажной» работе (документооборот, кадры, архивная работа и др.). В свободное время читает книги, классику и современные. Имея доступ в Интернет и свободное от подозрений мужа общение, Лиля нашла многих знакомых, обзавелась друзьями.

В общих чертах, сожаления о прожитой жизни нет. Да и жалеть о прошлом не имеет смысла. Лиля изредка вспоминает свою жизнь, но нет мыслей, что могла бы прожить ее по-другому, если бы не...(познакомилась с..., не переспала с..., не согласилась бы на... и тому подобные «не»)...

47

Словно белочка, несущая всякий орешек к себе в норку, Герберт не преминул историю жены Виригина вставить в роман, даже не снабдив ее умеренными комментариями. Ему казалось, что всё очевидно. Несчастливая падшая душа, запутавшаяся в собственной слепоте, поставившая страсть телесную превыше спасения душевного... Чем я могу ей помочь? Она уверена в своей правоте. Разве что молиться, чтобы прозрела, чтобы взглянула на себя очами правды... Тут и часы бесед не помогут, и чтение ничего не изменит... Ведь низменная похоть вовсе не часть нашего характера. Она растрavляется по мере падения в бездну и угасает по мере воспарения к небесам. Просто не нужно относиться к себе как к каменной данности... Где же найти путеводный свет? Нет другого альтернативного, в той же мере удовлетворяющего объяснения нашей жизни, кроме Евангелия. Люди думают, что они умнее

этой книги, что там сказано не про них, что они выбирают какой-то новый путь. А всё дело в том, что уши и глаза их закрыты... Евангелие такая великая книга, и хотя мы столько лет ее изучаем, всё не знаем. Когда приступаешь к чтению Евангелия, помолись сначала: «Господи Иисусе! сподоби мя услышати святое Евангелие Твое и уразумети его...» Нет иного пути...

— Есть! — настаивала литагентша, прочитав роман. — Я недавно чисто случайно наткнулась на одну книгу. Никогда в жизни не осмелилась бы Вам ее советовать (хотя книга в целом хорошая — просто ну как я могу советовать вам читать современных писателей-философов, когда вы проштудировали и Сократа, и так далее?).... Но, похоже, именно эта книга — из серии книг-ответов. И я очень надеюсь, что она поможет вам, вашей душе. А может быть, вы даже и читали... Михаил Веллер. «Кассандра». Я взялась за книгу из-за названия. Но там почти ни слова нет о древнегреческой прорицательнице. Там Михаил Веллер выдвигает новую философскую теорию. Там нет вообще моральных оценок различных явлений в современном (и не только в современном) мире в стиле «плохо или хорошо». Но подано таким образом, что сразу становится понятно: «Да, так это и есть». И никаких дополнительных вопросов уже не возникает. Вторая часть «Кассандры» — политологическая, и эту часть даже не обязательно читать. Там уже есть интерпретации,

с которыми можно спорить. Но вот с тезисами первой части спорить совершенно невозможно. И кроме того. Опять же — кроме книг-ответов (типа Библии и «Кассандры» Веллера) нужны и книги-вопросы. Нужны ваши книги...

— Боже мой, как можно сравнивать что-либо со Святым Евангелием? — недоумевал Герберт. — Тем более с Веллером. Разве я не говорил, что считаю Веллера грубияном. Топорная работа... А чем я лучше?

— В общем и целом, вот мой «приговор». Ваш новый роман — сильнейший! Потрясающий. Необычный. Ни капельки нестандартный. Не дает свободно вздохнуть. Написан не то что кровью — клочками рвущейся души. Задаёт столько вопросов, — похоже, ни в одной книге я не встречала столько серьезных вопросов, сколько в вашей... И заставляет размышлять. Может быть, не в тему, но давайте я вам небольшую историю из своего окружения расскажу. Вам точно понравится. И возможно, даже пригодится. Описываю в точности, как слышала от знакомого.

Много сотрудничаем по работе. Он известный деятель — глава местной общественной организации, занимающейся вопросами культуры, языка, и немножко писатель-журналист. Ну, жизнь провинциального общественного деятеля и журналиста понятна.... Со всеми вытекающими (или втекающими) последствиями. То есть пить приходится. часто.

И вдруг замечаю, что с ним стало гораздо удобнее сотрудничать.

Он пить бросил. Совсем. Я его хвалю:

— Вот молодец, сейчас намного приятнее работать с вами.

И он рассказывает следующую историю:

— Я перед Богом поклялся. Завязал. В очередной раз (после очередного «заседания») потерял «дипломат». С документами организации, со своими дипломами об образовании... И куча важных документов еще. Шок полный. Всё. Жизнь буквально кончена. Абсолютный крах. Разглашать нельзя: документы организации — мгновенно перестану быть главой. Другую работу без дипломов не найдешь. А восстанавливать — тоже мороки не оберешься. И по-тихому не удастся это сделать. Ну и так далее... Что делать? Выхода нет. Иду в церковь молиться. Днем. Пустая церковь. Стал на колени. Прошу у Господа: «Господи, помоги! Верни. Брошу пить. Клянусь!» Выходит батюшка: «И как же это вы так согрешили, что вот так грехи замаливаете?..»

Вышел из церкви. Вдруг сестра звонит на мобилку: «Приди, заberi!» Еду к сестре. Она рассказывает: зашел водитель маршрутки, занес «дипломат». Сказал: «Э-эээх! По-нормальному надо бы за это хорошие деньги взять! Ну заберите так». (Водитель знал лично этого деятеля и его сестру.)

Вот такая история о молитвах и помощи Господа. Так что, может, и ваша правда? Молиться Богу надо в церкви?

— Что сказал премудрый царь Соломон, испытавший все блага земные? Он пришел к убеждению, что всё это суета и томление духа; душа остается пустой. А что сказал Иисус Христос? Читай святое Евангелие и найдешь ответ, для чего нам жизнь дана.

— Так и сказал: «читай»?

— Не надо придирается к словам... Путь узкий, тесный, путь борьбы с грехом, соблазном, путь креста ведет к душевному миру, спасению, радости, счастьем... Чаше ходите в церковь; сами не молитесь, так хоть священник за вас молится: мир всем, благодать Господа на вас. Врата Небесного Рая открыты для всех последователей Христовых; надо лишь постараться быть достойными вхождения туда, а для сего наблюдать за собой, за своей совестью, сердцем и душой и очищаться покаянием...

— Церковь, обряд, покаяние... это не мое!

— Покаяние необходимо для любого: грехи отдаляют человека от Бога — источника всякого добра, делают его чужим Христу, Который является Главой Церкви. Грех — рана для человеческой души, и сокрытые и неисповеданные грехи неизбежно приводят к болезням душевным и телесным.

— Ну, я же как-то живу и вполне счастлива...

— Когда почувствуете себя несчастной, может оказаться слишком поздно...

— Что же мне, выдумывать эти грехи? Я у себя их не нахожу.

— Если говорим, что не имеем греха, — обманываем самих себя, и истины нет в нас, говорил Иоанн Богослов.

— В чем заключается истинное покаяние?

— Сущность покаяния не только в признании себя грешником — это было бы слишком просто, — но и в оставлении греха, в изменении самого образа жизни, приводящего к греху. Священник молится за всех кающихся. По окончании этих молитв он произносит следующее напутственное слово: «Се, чадо, Христос невидимо стоит, приемля исповедание твое...»

— И все-таки... Религия — это не мое.

— А представьте себе, что на вас действует некая сила, убеждающая вас в этом... Вы не воспринимайте себя как нечто стойкое. Наша душа словно поверхность вод — пребывает в вечной зыбкости. Забудьте, что вам твердит внутренний голос. Это чаще всего не ваш голос... Идите в церковь. Стойте. Слушайте молитвы. Возноситесь сами вместе с дымом кадил и свечей... Вы увидите, что скоро в вас заговорит совсем другой внутренний голос...

Любовь к Богу тогда только бывает настоящей, когда она основана на смирении, когда человек устраняет из своего сердца плотскую воображаемую любовь. В чем же выражается плотская любовь? Она выражается в необыкновенном самопроизводимом восторге. Человек напрягает в себе все свои силы к восторгу, возбуждает свою нервную систему, и при этом происходит вскипение крови, возникает необыкновенное воображение, пылкость. Пылкость и горячность крови и нервов — это и есть плотская любовь. Такая любовь не бывает угодной Богу, ибо она приносится на жертвенник гордости. Такая любовь недолговечна, она быстро исчезает.

Герберт Адлер неумоимо писал об этом в своей газете.

Чтобы иметь постоянную духовную любовь, необходимо любить Бога смиренно, кротко и стремиться к достижению любви духовной, которая успокаивает нервную систему, охлаждает порывы крови нашей и дает внутреннее успокоение в смиренном и кротком духе.

Вот какова должна быть Божественная, или духовная, любовь. Как же нам научиться такой любви? Научиться любить Бога можно при том условии, если мы будем в меру своих сил и

возможностей исполнять всё то, что заповедал нам Спаситель мира Иисус Христос.

И не только исполнять, но и внутри своего сердца возбуждать вражду ко всякому греху, удаляющему нас от любви Божией. Вот это и будет началом любви к Богу.

Но только началом. Чтобы эта любовь утверждалась и крепла, необходимо постоянно следить за собой. И если когда-либо по немощи своей мы впадем в тот или иной грех, то быстро должны встать и принести искреннее слезное покаяние.

Для того чтобы сердце наше постоянно пребывало в любви, необходимо изучать в Евангелии ту волю Божию, которую открывает нам Спаситель мира, познавать, чего хочет от нас Господь, познавать Его благую и совершенную волю и исполнять ее до конца своей жизни.

Только при постоянной верности Богу в нас сохраняется настоящая Божественная любовь. И если в какой-то момент нашей жизни мы нарушим эту верность, то тем самым нарушим и любовь к Богу. Прервется эта внутренняя взаимосвязь любви Божией и любви нашей.

Любовь наша к Богу должна совершенствоваться изо дня в день. Она получает непосредственную связь с Богом, входит в единение с Ним и посредством этого единения получает утешение, просвещение, возвышение.

Но мы должны хорошо понимать, что в достижении или укреплении этой любви к Богу

необходимо пройти известный путь испытания, путь борьбы — и прежде всего с самим собою. Почему? Потому что внутри нас находится ветхий человек, тлеющий в похотях своих. Потому что необходимо убить в себе этого ветхого человека — убить все греховное. А когда мы начнем это совершать, то, естественно, диавол, отец греха, восстанет на нас, чтобы защитить свое достояние, и тогда возникнет борьба. Нелегкая борьба.

К примеру, для того, чтобы обуздать наш язык, сколько же нужно силы, внимания, энергии! А разве легко победить в себе гордость, самолюбие, тщеславие, любовь к похвале или любой другой грех? Конечно, всё это требует с нашей стороны немалых усилий, постоянной брани.

Но не только во внутренних искушениях проходит наш путь. Вспомните, каким испытаниям подвергся апостол Петр от людей! Разве мы не испытываем подобного страха, когда некоторые люди приступают к нам с вопросами: «Ты веруешь во Христа? Ты христианин? Ты ходишь в церковь?» А мы что отвечаем? Разве порой мы не допускаем малодушия? Разве не боимся подчас исповедовать Христа? Мы бываем жалкими, не имея мужества заявить, что мы действительно христиане, чтущие заповеди Божьи.

Итак, проверим самих себя, по-настоящему ли мы любим Бога? Не бывает ли так, что мы стараемся любить Бога от плотского своего мудрования? Возбуждаем свои нервы, горячимся

даже в молитве и в посте. Да, это происходит в нашей жизни, особенно в начале нашего обращения к Богу, когда мы, возбужденные той или иной красотой Божественной, восхищаемся, возбуждаемся, готовы на любой подвиг: и чрезмерно поститься, и помногу молиться, и милостыню творить, и за ближними ухаживать. Всё как будто бы нам легко! Но потом проходит этот порыв, и наступает период, когда мы остаемся один на один со своими естественными возможностями. И вот тут-то уже сил ни на какие подвиги не хватает, потому что нет еще у нас Божественной любви, которая достигается постоянством и смирением. Помните о том, что любовь к Богу обязательно соединяется с любовью к ближнему. Припоминаются стихи иеромонаха Романа:

Вновь наступает пора покаянная,
И запожарилась осень вокруг,
Нет ничего на земле постоянного,
Радость моя, мой единственный друг...

Желтое, красное — все разноцветное,
Золотом, золотом устланы рвы.
Прямо в лицо роднику безответному
Ветер швыряет монетки листвы.

Затосковали деревья бесправные,

В ризах растерзанных гибели ждут.
Лишь золотые Кресты Православные,
Радость моя, нас в бессмертье зовут.

Радость моя, эта суетность грешная
Даже на паперть швыряет листы.
Но не отвлечь от покоя нездешнего
Белые Церкви, Святые Кресты.

Их не прельщают монеты фальшивые,
Не привлекает поток золотой,
Нужно ли Вам это золото лживое,
Вам, что нашли уже вечный покой?!

Белых Церквей звон доносится издали,
То благовест нам о мире ином,
Живы еще Проповедники Истины,
Радость моя, не скорби ни о чем!

Белые Церкви исполнены кротости,
Той, что по сей день спасает наш свет.
Радость моя, что кручинишься попусту,
Белым Церквам уже тысяча лет!

Выжили Вы, бессловесные Зрители,

Бури прошли, расточились врази.
Сколько всего за века перевидели
Белые Церкви, Осколки Руси?

Белые Церкви плывут в Бесконечности,
О, Кладенцы неземной Чистоты!
Непокоренные Граждане Вечности,
Белые Церкви, Святые Кресты.

Вас не смутить листопадами тленными,
В этот осенний отчаянный пир.
Белые Церкви — на вас вся Вселенная!
Не устоите — развалится мир.

Звон колокольный летит сквозь столетия,
Встретим же в Храме молитвенный час:
Радость моя, мы с тобой не заметили;
Осень уже за порогом у нас.

Как узнать, что мы любим ближних своих и Господа? Если мы чувствуем, что в нас угасло памятозлобие, то мы уже на пути любви к ближнему. Если у нас породилось в сердце мирное, сострадательное отношение к ближнему своему при любых обстоятельствах, то знайте, что мы уже у самых дверей любви к ближнему и

к Богу. Вот так и необходимо нам совершенствоваться в духовной любви.

49

Змейка бессонного запоя все-таки выманила Андрея на улицу. У него закончилось пиво. Пивной ларек рядом с домом оказался закрыт, и пришлось бежать на другую сторону реки. Чтобы сократить путь, он спустился на лед и неверной походкой зашагал, пересекая реку наискосок. Вот зачернели сваи моста. Здесь он когда-то выбросил крестик, освященный на Гробе Господнем. Как раз в том месте была полынья. Андрей осторожно обошел ее, стараясь не ступать на тонкий лед у краев чернеющего отверстия.

— Как он там, миленький, на дне полеживает?
— усмехнулся Андрей, с удовлетворением проведя рукой по шее, свободной от креста.

Денег хватило только на три бутылки пива. Одну он выпил сразу, вышвырнув пустышку, а две бутылки аккуратно держал за пазухой. Их нужно растянуть до утра, а сейчас только около полуночи... Андрею страшно хотелось курить и, завидев темный мужской силуэт на льду, он громко окликнул незнакомца.

— Сударь, у вас закурить не найдется?

Мужчина обернулся и, не ответив, прибавил шаг.

Андрей ради интереса решил нагнать нахала, не знакомого с утонченными манерами, принятыми у эстетствующих маргиналов. Уже совсем приблизившись, в латуневом свете луны он узнал убийцу отца.

— Вы?

Человек, не отвечая, побежал в сторону полыньи. «Сейчас или никогда! — мелькнуло в голове у Андрея. — Такой шанс отомстить за отца!» — Он выхватил бутылку с пивом и, легко нагнав беглеца, огрел его по голове. Жертва громко вскрикнула и повалилась на снег. Ничего не соображая, Андрей отбросил бутылку в сторону и, схватив тело за ноги, поволок к полынье. Едва добравшись до края, принялся сталкивать тело в воду, но тут человек очнулся и попытался высвободиться. Завязалась борьба. Сын, мстящий за отца, и убийца покатились по тонкому льду, пытаясь схватить друг друга за горло. «Он ненавидит меня за то, что я такой же», — пронеслось в голове Андрея.

Внезапно лед под ними треснул, и оба провалились в обжигающе-холодную воду. Андрею повезло. Ему удалось сразу выбраться. Более грузный соперник только судорожно обламывал кромку льда. Андрей лежал на льду и боялся пошевелиться. Ему казалось, что лед вот-вот снова под ним проломится. Через пару минут

борьба с полыньей должна была закончиться, но вдруг из черноты послышался стон:

— Андрюша, спаси Христа ради! Я не хотел его убивать, так получилось... Андрюша!

Сам не зная почему, Андрей подполз к краю и протянул руку. Немедленно в его запястье вцепилась клешня утопающего.

— Тяни, тяни, миленький...

Андрей осторожно принялся пятиться назад и постепенно рядом с ним на льду растянулось тело его противника.

— Давай теперь осторожно отползем от полыньи, — прохрипел спасенный и пополз прочь. Андрей не раздумывая последовал за ним, и лишь через мгновение, снова очутившись в воде, понял свою ошибку. Лед под тяжестью первого тела трескался, и он, попадая след в след, провалился.

— Помогите мне! — застонал Андрей, но черная тень удалялась: сначала ползком, а потом, поднявшись на ноги в безопасном месте, побежала прочь.

Холод мгновенно прожег Андрея до самого сердца. Он отчаянно пытался выбраться, но кромка льда превращалась в ледяное варево. Неведомая сила тянула Андрея на дно. Последней его мыслью было: «Напрасно я выбросил крестик... Господи, помилуй!»

...В половодье тело Андрея нашли на берегу, в двух километрах вниз по течению. Следовательно при описи личных вещей покойного бесстрастно записал: маленький серебряный нательный крестик. Он был надет на шею Андрея.

Мать утопленника заказала отпевание и похоронила сына по православному обряду. Его могила находится рядом с могилой отца.

50

Герберт послал роман Виригину.

— Герберт, ты в своем уме ли? Я старался не читать тебя, когда был твоим литагентом, неужели ты думаешь, что я буду читать тебя сейчас? Ты не писатель, ты мелкий ничтожный авантюрист. Я сравнил тебя с Остапом Бендером, но когда я рассказал об этом сравнении Юрскому, тот сказал: «О, нет. У Бендера был вкус. У вашего Адлера его ни на грош».

— Не хочешь — не читай... Я не настаиваю. Просто забавно. Я допишу роман и забуду тебя, как шорох прошлогодних листьев. Кстати, в романе ты очень красиво умираешь. Пролистай до конца. Сцена гибели впечатляет. Я тебе не для публики скажу: ты ничего не смыслишь в литературе. Так что я не надеюсь на твою оценку. Просто приятно послать тебе мои очередные забавы, на которые ты купился... Я думаю, тебе все-таки достанется на этот раз.

— Это еще как знать...

— А о Юрском, Гафте и прочем ты все круто сочиняешь. Надо сказать, артисты не великие ценители сами. Тоже мне, литературные гении.

Ну не понравилось Юрскому. Ну и что? Ты пластинку смени... Натерло уже. И кто тебе с колбасным образованием вообще дал право судить да рядить? Особо меня позабавило в твоих записках, как ты, сидя на прозаке, клеймишь меня за то, что я на прозаке. Знаешь, Андрей, у меня чувство, что я препарировал лягушку — а она вся червивая изнутри. Зря ты крестик выкинул, зря. Дядечка Христос за тебя на кресте висел, а ты Его не уважил... Достанется тебе, вот увидишь. Может, все-таки покаешься?

— А ведь вру, посмотрел, Герберт, посмотрел я твой роман. Очень местами смешно. Но если ты не заменишь имена Юрского и Гафта, будут проблемы. Как бы то ни было, помни, что когда у тебя в рукаве туз, у меня будет джокер. Уж извини.

— Смешно там, где про тебя, конечно. Да? А помнишь, я предлагал тебе написать этот роман вместе... Да, у меня туз, у тебя джокер. Только мы играем в подкидного дурака, где дурак — ты, а джокер выброшен из колоды. Понимаешь? И почему ты думаешь, что будут проблемы с Гафтом и Юрским? У Минаева в романе Путин по небу летает. У него же нет проблем. Мало ли, может, фантазия такая... Нет, нельзя менять: самый смак... мне, кстати, понравилась история про проститутку, толкавшую машину, а потом себя не проявившую... Видишь, мне совсем необязательно занимать твою койку в бомжатнике. Ты у меня корреспондентом поработал. Но не обольщайся. Большая часть

того, что ты изрыгаешь, очень противна, очень, честное слово. Я двадцать лет не был в обоссанном подъезде, понимаешь? А от тебя им прямо разит...

— Ты попал, ты, Герберт, еще сам не знаешь, как попал. Ты уже стал руконеподаваемым человеком в литературном и деловом мире. Выражение моего любимого писателя «я ли ляля в одеяле» стоит всего, что ты написал и напишешь.

— Почему руконеподаваемым? С чего ты взял? Ты видел, как меня такие же англоязычные каналы честят годами! От тебя мне ни прибавилось ни убавилось... А рук я и сам никому не подаю. Брезгую...

— Расслабься, Герберт, я просто прикалываюсь...

— Ты не прикалываешься. Ты там живешь, в России. Я прикалываюсь. Я тут живу, на Западе. Ты всё время об этом забываешь. Здесь совсем другая реальность. Я в твоей реальности хозяйничаю, а ты в моей — нет. И даже если у тебя пупок лопнет — все равно хозяйничать не сможешь...

— Ну, это мы еще посмотрим, долго ли ты будешь таким самодовольным...

— Ты, Андрюша, ведь мое внимание хотел привлечь. Ну, привлек. Доволен? Получилось, как ночь с Клеопатрой... удовольствия на одну ночь, а наутро голова с плеч. Кстати, в романе я к

себе отношусь незавидно... Так что не такой уж я самодовольный.

— Что, Герберт, гордынька душит. Душит, а?

— Андрей, ты — бес. Слушай, а ты когда-нибудь сомневаешься в своей правоте? Ты правильно сказал... Всё потерять тоже талант нужен... Сидел бы на зарплате, тихонько по поручениям моим бегал бы... Все равно ведь потом полгода трезвый был... за просто так. Измучился небось, пивосос. Дурак. Ладно, я на тебя уже не сержусь. Только будет тебе по полной программе. Мне кажется, российские власти от тебя не отвяжутся. Давай, не сдавайся, варяг. Да и толку сдаваться? Теперь это уже не поможет.

— Душит гордынька...

— Ты, самоуверенный придурок, за границей ни разу в жизни не был... И зачем ты, Андрюша, связываешься? Мы же живем в уютной безопасной стране, в полном достатке, в трехэтажных домах (в которых все этажи наши), а ты елозишь в канаве. И чего ты добился? Подведем итоги. Я — получил запись Гафта. Это так или иначе останется в истории. И это его лучшая запись. Я написал роман, пользуясь тобой как ярчайшим антагонистом. Я живу как жил, издаю газету, печатаю книги, родил третьего ребенка. Поверь, даже если ты накакаешь себе на экран, мне это повредит не больше, чем экономический кризис всем нам. Ты — потерял лучшую в своей жизни работу.

Доскакался так, что мне пришлось на тебя жаловаться, и, очень возможно, будешь доживать свои дни в тюрьме. А я ведь даже не напрягался... Вспомни мои романы... Я ведь могу придумать и получше. И главное... Насчет судьбы. По-моему, теперь я действительно поневоле повлияю на твою судьбу, еще больше, чем когда я тебя вышвырнул из московской квартиры... Ну и чего ты добился? И ты считаешь себя умным, талантливым, честным, гордым? Ох, бог с тобой...

51

«Эльза, Эльза... — думала Эльза, — Марфа, Марфа...» Евангельское предание о Марфе и Марии настойчиво преследовало Эльзу не первый месяц.

Приняв Иисуса с учениками, старшая сестра Марфа стала суетиться с приготовлением угощения для гостей, а Мария села у ног Иисуса и слушала Его. Сознывая, что одной трудно услужить всем гостям, Марфа обращается к Иисусу как бы с упреком: «Господи! или Тебе нужды нет, что сестра моя одну меня оставила служить? скажи ей, чтобы помогла мне».

Не с укором, а с чувством глубокого сожаления ответил Христос озабоченной Марфе: «Марфа! Марфа! ты заботаешься и суетишься о многом, и считаешь это многое необходимым; но ты

ошибаешься: твоя забота, твое усердие направлены к тому, без чего можно обойтись и что составляет лишь житейскую, скоропреходящую суету. А нужно только одно — внимание к Слову Божию и исполнение воли Его. Мария, которую ты упрекаешь, избрала лучшее дело, и то, что она приобретает, слушая Меня, никогда не отнимется от нее, всегда останется при ней как в этой, так и в будущей жизни».

Марфа любила Иисуса не менее Марии, любила слушать Его и, конечно, исполняла Его главнейшие заповеди, но она признавала необходимым прежде заняться житейскими делами, а потом уже внимать Слову Божию; в заботах и суете она забывала ранее сказанное Иисусом: «Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам».

«Суетность — самый распространенный женский грех, — рассуждала Эльза, мелко кроша вареные овощи в неизменный, как лунный свет, салат «оливье» к новогоднему столу. — Поди-ка, сядь у ног Господа, когда и каша на плите горит, и вода кончилась, и дите за юбку дергает, — то ли голодное, то ли уделалось... А вот в том и суть, чтоб и подгузник менять, Господа славя», — сама себе возражала Эльза. Такое пререкание с самой собой с недавних пор вошло у Эльзы в привычку.

События истекающего года не только перетряхнули весь внешний уклад Эльзиной жизни, но и перевернули весь ее внутренний мир,

показав, что важно, а что нет, что в ней совершенно напускное, а без чего она не может существовать даже на элементарном уровне.

Конечно же, все началось с крещения. Эльза так долго ждала и шла к нему, и в то же время и до крещения православие было настолько родным, неотделимым от нее самой, что, крестившись, она испытала феерическую радость странника, вернувшегося в родной дом, радость сказочной ценности и чистоты.

Человеку взрослому, и даже уже стареющему, известна щемящая тоска по родительскому дому, какому-то своему уголку, маме, папе, любимой бабушке, какими они представлялись нам тогда, когда мы только что начинали осознавать себя. Разумом сорока-пятидесятилетнего и далее-летнего человека мы осознаем, что это тоска не по месту и людям, а по времени, а еще глубже, середкой своей души, понимаем, что это тоска по собственной невинности, безгрешию, чистоте. Поэтому и сидит в нас безумная надежда возвращения, и многие принимают ее слишком конкретно — не мудрствуя лукаво, бросают всё, едут к родным местам и людям, а там вроде всё то же, но совсем-совсем другое. Или еще смешнее: в поисках утекших попусту лет разводятся, бросают постаревших жен и подросших детей, женятся на молоденьких и рожают новеньких, толстопузых, глянцевого, розовых младенцев, которые прекрасны и очаровательны, но от тоски не спасают, разве что только отвлекают необходимостью

соответствовать. А душа продолжает ныть и плакать по ночам. И чувствует человек себя связанным по рукам и по ногам и осознает наконец, что же значит расхожее «И рад бы в рай, да грехи не пускают».

Крестившись в зрелом, уже даже в забальзаковском возрасте, Эльза испытала счастье колодника с тридцатилетним стажем, вдруг по амнистии отпущенного с каторги, и первые месяцы летала ее душа упоенным жаворонком в глубине небесной, в сиянии солнечном. А спустя некоторое время заметила она, что сама себе снова связывает крылья: когда ниточкой, а когда и веревочкой. Потому что привычки сорока прожитых лет остались, а привычка — вторая натура, и поди-ка еще за второй этой натурой первую разгляди...

Грозы ссор с Гербертом сначала почти до основания, до полной опустошенности, разрушили Эльзу, а потом постепенно, по капельке, сперва доводами разума, потом привычной привязанностью, а вскоре и возрождающимся заново чувством любви и особенно нежности (ах, нежность эта, жалость и умиление сердечное, ничего слаще тебя нет, никакой новомодный секс, никакой разумнейший психолог, никакое равноправие и разработанные пути социального обеспечения не дотянутся до тебя, не наумудрят и песчинки из тех городов золотых, надоблачных, что ты строишь одним взмахом своих несмелых ресниц...) привязали Эльзу, приклеили, растворили и скрепили с

мужем. Это как когда объезжают коня: сначала седок еле удерживается в седле, а конь и брыкается, и встает на дыбы, и несет, но утихает, и через какое-то время всадник и конь в скачке сливаются друг с другом в нераздельное целое, как кентавр, так, что, попадая в ритм копыт, всадник из лука поражает цель. Только в случае с Гербертом и Эльзой оба были наездники, оба были кони.

После всего пережитого сместился сам центр их жизни. Да, остались неприятности и неразрешенные и неразрешимые вопросы. Но раньше они занимали весь небосвод их жизни, оставляя им крохотный уголок для самих себя, а сейчас Эльза чувствовала, что они стоят на земле пусть и острова, омываемого океаном невзгод, но земле крепкой, надежной, в родном убежище. Пропало ощущение щепки, носимой по воле волн, хотя внешние обстоятельства их жизни переменились скорее к худшему, чем к лучшему.

Оберегая это новоприобретенное счастье, Эльза училась по-новому быть внимательной к себе, своим поступкам, а более мыслям и чувствам, так как на этом уровне гораздо легче предотвратить несчастье — не подумал, не почувствовал, тем паче и не сделал. Отсюда и появилась эта привычка к многословному спору-рассуждению с самой собой.

На первом месте, конечно же, стояла проблема смысла жизни. Теперь Эльза видела смысл своей жизни в вечной жизни в Боге, иначе называемой спасением... Во-первых, она пришла к

окончательному убеждению в том, что Бог есть и что Он является не только источником бытия, но и самим бытием, в Котором лишь возможно благо бытия всего существующего, возможно полноценное постижение Истины и познание сотворенного Им мира. Во-вторых, Эльза начала понимать, что земная жизнь является не самодовлеющей ценностью, а лишь необходимым условием, формой бытия для достижения совершенной жизни в Боге. Христианскому сознанию поэтому противоестественен атеистический призыв: «Верь, человек, тебя ожидает вечная смерть!». Теперь Эльза могла бы выразить существо христианской веры всего двумя словами: «ХРИСТОС ВОСКРЕС!», — так как в них заключена вся бесконечная и одновременно вполне очевидная перспектива нашей жизни. Ее смысл — в уподоблении Христу и единении с Ним. Что это значит? Это совершенство в любви, основанной на самопожертвовании, составляющей само существо Бога, ибо «Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем». Человек, духовно очистившийся, исцеленный от страстей, пребывает в глубокой радости, любви и мире души, говоря на повседневном языке — счастлив, но не мимолетно, случайно, а постоянно, сделав счастье свойством своей души «нового» человека, и потому свойством неотъемлемым, вечным. Но вовсе не это состояние само по себе являлось целью и смыслом Эльзиной жизни. Оно лишь одно из

следствий достижения истинной цели — спасения, единения с Богом, в котором личность человека достигает полноты раскрытия, богоподобия. Совершенство в любви — это не только нравственное и эмоциональное благо человека. Любовь не в меньшей степени является совершенным «инструментом» познания Истины. Не случайно те, которых Церковь в силу их особой духовной чистоты именует преподобными, называли духовную жизнь истинной философией, искусством из искусств, наукой из наук. Они потому ее так именовали, что правильный образ жизни, восстанавливая единство души с Богом, открывает человеку и ведение Истины, и созерцание Ее нетленной Красоты, и познание существа всех творений. Опыт Церкви со всей очевидностью свидетельствует, что духовное совершенство человека, к которому призывает Евангелие, — не фантазия разгоряченных мечтателей, а реальность, факт, бесконечное число раз практически проверенный в истории жизни мира и доныне предлагаемый ищущему человеку в качестве единственно разумной цели бытия.

Христианство предлагает человеку идеал, большего или равного которому не знала ни одна религия мира, — чистую, бескорыстную любовь.

Эта любовь, по образу Христа, является высшим состоянием блага, блаженства духовного человека, и одновременно средством истинного познания Бога и всего сотворенного им бытия. О том, что этот идеал совершенной любви достижим реально, говорится в истории Церкви, жизни ее святых. Почему же в таком случае он не только отрицается миром, но и часто с ожесточением, огнем и мечом, «вычищается» из сознания человеческого? Само это ожесточение разве не является показателем истинного источника отрицания миром христианского идеала жизни?

От этих размышлений Герберта отвлек Андрюша Виригин. Он дочитал до сцены своей гибели и решил ответить публично, опубликовав в Интернете следующее заявление.

— Герберт Адлер убил меня в своем романе. Утопил. Пелевин в «Generation П» утопил своего хулителя, известного критика, в выгребной яме, Герберт меня — в полынье. И на том спасибо.

Давай, Герберт, я научу тебя, как писать.

«“Ну вот и всё”, — пронеслось в голове Андрея. От ледяной воды он забился в судорогах, мокрая одежда облепила тело и потянула ко дну. Перед его мысленным взором замелькали яркие пестрые картины из прошлого: сетка ворот команды города Донского, раздувающаяся после его точного удара, голубые глаза и улыбка дочери, приближающиеся губы Веты, ее

полуприкрытые веки в бирюзовых прожилках и многое, многое иное.

...Синий разбухший труп Андрея, обглоданный раками, нашли только весной. В кармане его спортивной куртки в полиэтиленовом пакете лежал паспорт, по которому его опознали. Согласно завещанию, Андрей был сожжен в Митинском крематории. Под шершавые звуки скрипки гроб с его телом медленно въехал в печь... То, что когда-то было Андреем, стало кучкой серого пепла, который, как он и просил задолго до гибели, был развеян над Москвой-рекой с Крымского моста».

— Удивительный эпатаж... Ну, что ж, придется и правда исполнить волю покойного... Вот и твоя бывшая жена возмутилась возвышенной концовкой. Говорит, что ты — скотина, и ни за что не раскаешься, потому что в Бога не веришь... Ты, кстати, так и не ответил, за что ты меня так возненавидел, — написал Герберт.

— Ну, во-первых, как юноша воспитанный, верну комплимент — от скотины слышу. Мои главные претензии к тебе, что ты назвал мою любимую девушку заморышем, после чего я просто обязан был послать тебя...

— То есть материальных претензий не было...

— Были, но не в этом дело...

— Кстати, я так и не понял. Тебе же должны были другую карточку прислать взамен отобранной у тебя по пьяни. Не прислали? Я клал бы на нее немного денег в качестве

гуманитарной помощи. Видишь ли, у меня таких, как ты, вагон и маленькая тележка. Вон я совершенно незнакомой эпилептичке на такую карточку деньги каждую неделю кладу, и еще одному инвалиду. Вы все думаете, что занимаете такое же место в моей жизни, как я в вашей, с полнебосклона. А по-настоящему ты, Андрюша, лишь маленькая частичка всего того, о чем я беспокоюсь. Тебе, бездельнику, этого не понять. О, вспомнил! Я еще шлю деньги четверем негритятам в Африке. Может, тебе нужно было лицо измазать сажей? Короче, Андрюша, попал ты под раздой... рылом не вышел. У меня был очень трудный период экономически, и совершенно не до тебя было, кстати. А вот после Нового года как-то получше стало, можно и тобой заняться вплотную. Так что мы делаем? Воюем? Ты уже надел каску? Или, может, помиримся?

— Ты предлагаешь мне деньги?

— Нет, я не предлагаю тебе денег. И не дай бог тебе согласиться. Это будет доказательство, что ты вымогал у меня деньги. Я просто прикалываюсь над твоей нищетой... я же беспринципный. Приятно... Сегодня мы в офисе заработали шесть тысяч долларов, несмотря на кризис. А я кайфую над тобой... бездарным вымогателем семечек. У вас шпана все еще говорит: «Деньги, семечки на стол!»? В мое время так говорили... Я еще удивлялся: на какой стол выкладывать?.. Вымогали ведь на улице... Слушай, а тебя часто бьют? Или ты в личном

общении трусливый и только по Интернету такой смелый?

— И все-таки ты предлагаешь мне деньги...

— Я предлагаю тебе достичь просветления в голове. О какой любимой девушке ты пишешь? О Вете? Ты же ее облил грязью с головы до ног на своем блоге, и не как-нибудь анонимно, а как положено, по фамилии, имени, отчеству... Заявил, что она лесбиянка и вообще.... Ну уж если она у тебя любимая девушка, то я еще имею шанс стать твоим любимым парнем. А чего ж ты не признался публично, что майку с моим портретом, или, как ты говоришь, быдлохуйством, носил? А? Какой-то ты, Андрюша, убогий, что ли? У тебя она любимой становится после какой бутылки? Кстати, заморышем ты первый ее назвал, с самого начала она тебе не понравилась. И еще... Признайся, ты ведь наврал про СПИД. Кому ты мозги паришь... Если правда, пришли справку — я тебя сразу прощу... только неподдельную. Кстати, Вете ты никогда и не нравился. Она сама мне это сказала. Может быть, немного нравился в самом начале, пока целоваться не полез. Ну а потом ты ведь вообще пьяным быдлом стал. Ну какая девушка поедет на квартиру к пьяному быдлу, даже организовавшему лучшую запись Гафта?

— Зря я связался с лесбой, тем более с самого начала знал, что она такова. Лучшая запись Гафта? Ха-ха! Пообщайся с моей экс-женушкой, она тебе расскажет удивительные вещи. Только, пожалуйста, не верь, если она скажет, что я ем на

завтрак христианских младенцев. Роман твой — фуфло. Правда, кое-что в нем написал я... Точнее, то, что ты у меня стибрил... Любимая девушка... Тебе этого не понять. Ты никогда не нравился женщинам так, как я. И, в отличие от тебя, Андрей Виригин знает русский язык и умеет писать, а не лепит горбушки где попало. Чего ты достиг? Остап Агатович Арсилов публиковался во всех толстых журналах. Я его литагент. От него без ума Гафт: «Вот кого бы надо читать!»

— Это ты можешь рассказывать собутыльникам в обоссанном подъезде... Арсилов твой — бездарность.

— В обоссанном подъезде... Ты, кстати, знаешь, что твой аполитичный литагент выходил на «Марш несогласных» вместе с лимоновцами в ту пору, когда у тебя работал? Это была единственная возможность протестовать против режима. А ты сидел у себя в особняке и рассуждал со мной о мерзости российской власти, когда я за несколько часов до того протестовал против нее. Это ты тоже в ФСБ отправь.

— Так ты Нацбол, что ли? Ого! Вот так поворот романа! Я окружен фашистами со всех сторон! «Марш несогласных»... С чем ты не согласен? Ну, правда, с чем?

— Я не согласен — с тобой, Герберт... Тебя знают в основном в русскоязычном мире. И я тебе устрою такой блэк пиар, что не отмоешься.

Ты будешь растерзан российскими СМИ. Когда-то ты называл меня отличным журналистом. Кстати, что ты прочитал Арсилова, что тебе так не понравилось? Ведь хоть что-то ты прочитал?

— Ну, я прочитал те четыре цитаты про Свет, с которыми он спал, и то, что тело любой шестнадцатилетней девушки нравится сорокалетнему мужчине. Если это лучшее, что он сказал, — увы... Кстати, я пробовал читать его рассказы. Серость... Плоско, скучно, язык никакой... Мало ли кого печатали в толстых журналах. У меня более пятисот афоризмов, и их цитируют по всему Интернету... Десятки, сотни раз. Я думаю, ты сталкивался не раз, когда искал, где бы еще нагадить. Вон возьми Минаева — самый популярный... Ну это же конфуз, да и только. Я бы промолчал про Арсилова, он мне ничего не сделал, но ты меня с ним достал. Признайся, что Гафт тебе не говорил ничего плохого о моих текстах. Зачем ты врешь? Юрский, может, и говорил. А Гафт — нет. Я же слышал его голос. Он меня хвалил по телефону. А тебе с твоим Арсиловым просто поддакивал, зачем — не знаю, однако так ничего из его творчества не записал. А теперь скажи... Ну и какая запись Гафта современного писателя лучше? Прочел он восхитительно. Хотя некоторые тексты неудачные, не спорю. Ну так сам виноват. Был бы хорошим агентом, нашел бы из моих книг чего-нибудь получше. Только не лги опять, что я бездарность. Ты просто многого не понимаешь из того, что я пишу. Просто мозги

у тебя слабые, поэтому тебе и кажется, что бездарность. Я с такими случаями сталкивался. И вот еще. Не умеешь ты критиковать совершенно. То, к чему ты привязываешься вроде овалов груди и еще не помню чего, либо вырвано из контекста, либо ты просто не понял прикола. Привязываешься же ты потому, что сам ничего стоящего создать не можешь по узости ума. Хотя кое-что яркое в твоих блогах проскакивало, но чаще ворованное или цитаты. Ты страдаешь страшным комплексом неполноценности из-за никакого образования. Ну и что, что ты знаешь каких-то там писателей, о которых я или кто другой никогда не слышал? Толстой тоже не знал современных ему писателей... Не интересовался. Зато я знаю целые науки, о которых ты слыхом не слыхивал, и говорю весьма бегло на шести языках. А ты, кажется, кроме русского и русского матерного ни на каких языках не изъясняешься и на слух не понимаешь... Потом, что за гигантомания? Мои книги издавались и во Франции, и в Англии, и в Германии, и там я тоже их продвигал. Россия — это мой, что называется, pet project — так... тоска души. Устрой мне скандал в СМИ. Только настоящий. Знаешь, как прославился Северянин после того, как его обругал Толстой? Только вот боюсь, у тебя кишка все-таки тонка... Ты же там будешь опять рассказывать те же самые истории... что я бездарность, что Юрский то, а Гафт это, и потом еще будешь раскрывать тайны моей личной жизни, вычитанные в моих романах! Кстати, насчет розыска. Ну с чего ты взял, что я в

розыске? Ну с каких фиггов? Мне было восемнадцать лет, и уезжал я из Советского Союза. И потом, ну и что, что в розыске? Что ты заладил... в розыске да в розыске... Вот ты точно будешь в розыске. И зачем ты меня до греха довел? Теперь мне тебя уже жалко. Это ты меня вынудил так вынудил... Я ведь, правда, тебя заложил и ФСБ, и МВД. А ты надеялся, что я блефанул... Ты мой паспорт с блога убери. Хоть эти проблемы снимешь. Мне, правда, все равно. Тебя жалко. Этого, правда, нельзя делать. Это как детская порнография. Ну не понимаешь ты, так послушай старших. И за что я тебя, подлеца, все равно люблю? Наверное, это у меня христианское... А?

— Это у тебя от бездарности...

— Андрюша, ну ты ведь лазал по Интернету. Полно цитат из меня, а одна женщина прямо прослезилась над моим текстом про Россию. Людям нравится. Ну кто ты такой, чтобы так меня судить? Ну не нравится тебе, ну и успокойся. Лебезил, терся вокруг меня... Отсосал хорошую дозу денег. Ну и чего тебе еще надо-то? Сейчас ведь будешь получать сплошные тумачи. И Гафт меня лично хвалил!

— По поводу Гафта, ведь там как произошло. Он сперва мне сказал: что за «херню ты мне подсунул» (цитата). А потом вроде как вчитался. Трудно с ним было, трудно. Но да, что-то хорошее говорил. Потом говорил что-то плохое.

— Тоже мне, удивил... Помнишь эпиграмму на него Герда... Что-то вроде: «Утром скажет что ты бог, а к вечеру — дерьмо...»

— Мне гораздо дороже, что ко мне так отнесся Юрский. Этого не проведешь... Герберт, я наверно, раскрываю чужой секрет, но тем не менее. Блистательный Арсилов хочет ввести тебя в свой новый роман. И это будет куда лучше, чем унылый плагиат в твоём романе. Мои отточенные, выверенные фразы с твоими вставками.

— Это не плагиат, а наша с тобой переписка... Разные вещи. А что, Арсилов на меня тоже зуб держит? Ему-то я чего недодал? Ну правильно, давайте все писать романы друг про друга. Будем все вместе водить хороводы над бездной...

— Мы с Арсиловым талантливые люди, а ты, Герберт, бездарь! И роман твой — чушь. Только и есть там ценного то, что написано мной.

— Ну как можно так себя любить? Ну это же просто неприлично... Все, кто читал мой роман, наоборот, требуют, чтобы я выбросил всё, что ты набазлал... Правда, молодежи до пятнадцати твоя писанина больше нравится. Может, ты просто пацан невыросший? Недоразвитый. Отточенная фигня, вот что это. Я и вставил на суд читателя, чтобы его стошнило так же, как меня. Ладно, друг... давай воевать. То есть ты вой, а я займусь другими делами. Я по тебе залп уже выпустил. Будем ждать результатов. Что ты за свою жизнь такого сделал, что дает тебе такую

самоуверенность и гордыню? Мне и угрожать-то тебе совестно. Как лежачего бить.

— Не говори гоп... бездарь...

— Извинился бы... Хотя, впрочем, если бы ты внимательно читал мои романы, ты знал бы, что я не считаю себя высоконравственным человеком. Это сейчас я стал исправляться, да вот ты опять меня до греха довел. А насчет моих талантов — заткнись. Ну надоел уже. Ничего ты не смыслишь. Сам ведь узколобенький, как карась!

— Сентиментален я стал. Всё, что я тебе написал, вовсе не отменяет того простого факта, что я тебя, Герберт, закопаю. Вспомни Броневого: «Война — это вам не покер. Война — это война». Так что готовься.

— То есть ты все еще не уgomонился? Я думал, что ты по максимуму поработал. Ну смотри, Андрюша, я пока тебя ласково отметил. Ты хоть почитал бы, что я раньше с недругами делал... Что ты хвастаешься на пустом месте. Кого ты урыл? Убийца отца у тебя до сих пор по городу ходит. Козел ты малодушный, Андрюша. Самое время тебе заткнуться и попросить прощения, я — добрый. Хотя проблемы у тебя будут, чует мое сердце... Причем ты и без меня загнешься со своими проблемами. Ну не любишь ты такой стиль. Ладно. Я не люблю твой. Ну и разошлись. Чего ты пристал, как банный лист, выпускник колбасного техникума? Литературовед хренов. Ты у меня не один такой. А вот я у тебя —

единственный. Ты, похоже, больше ни о чем последние полгода ни говорить ни думать не можешь, в каждой записи блога поминаешь. А скандал — это хорошо. Ты правда нравишься женщинам? Я посмотрел на твои последние фото — страх божий. То ли лицо распухло, то ли ты в весе прибавил. И никаким мальчиком ты не выглядишь. Для Гафта все мальчики. Ему же семьдесят с гаком. Не приплетай старика к своим проблемам. Хотя он к этому, наверное, привык. А раз Юрский тебя так любит, ты ему свою писанину отнеси — он ее со сцены читать будет!

— Герберт, просматриваю эту фигню, зовущуюся твоим романом, и думаю... Ты шулер, это передергивания. О чем я писал и что ты вставляешь в мои фразы. Жалкий бездарь. Записи из моего дневника выглядят прекрасными царевнами на фоне тех шлюх, которые составляют ткань твоего романа.

— Ну что может сказать Нацбол о литературе?

— Нацбол — нет, я не Нацбол, конечно, просто сочувствующий. Гафт, кстати, знал Лимонова в шестидесятые. Называет он его «бесспорно талантливым человеком». Лимонов когда-то пытался покончить с собой из-за того, что друг Гафта Кваша пришел к его возлюбленной Лене.

— Боже, почему он не покончил с собой! Ну если ты сочувствуешь таким ублюдкам, как Нацболы, то о чем мы с тобой говорим? Лимонов — это даже не литературное дно, это литизнанка. Нацболы — это же русифицированная версия

раннего немецкого национал-социализма, то есть фашизма. Если бы Гитлер сказал, что ему не нравятся мои произведения, я воспринял бы это как высшую похвалу! То же касается и Лимонова. Короче, всё с тобой ясно. Давай, сочувствуй Нацболу. Нацболы всё еще ходят под лозунгами: «Завершим реформы так: Сталин! Берия! ГУЛАГ!». Так они ж тебя первого к стенке поставят!

— Лимонов в шестидесятые — это не Лимонов сейчас, при всем при том.

— Так же, как Адлер в девяностые — это не Адлер сейчас... Попался бы ты мне раньше...

— Пошел на фиг, встретимся в аду и так далее. Это какую же ты мою фотку видел? Проституточка Ксюша призналась мне, что сделала для меня исключение. С другим не целуюсь, а с тобой — да. И это, поверь, была не их профессиональная лажа. Понимаешь, большинство молоденьких проституток не целуют клиента в губы. После фильма «Красотка», что ли. Если только он им очень не понравится. Я ей понравился. Эта девушка куда красивее Веты. До встреч в окопах!

— То есть в ад ты веришь, а в рай нет... Молодец. Ты хвастаешься, что целовался с проституткой? Ты, Андрюха, сам настоящая проститутка. Только плохая. Деньги берешь, а сам норовишь клиента между ног пнуть. Поэтому мне и приходится жаловаться твоим сутенерам.

— Герберт, не хотел тебе отвечать. Но я пью пиво, а посему так и быть. Большинство Нацболов — это те, кто разочаровался в футбольном хулиганстве, но есть и другие. В любом случае это единственная оппозиция той омерзительной власти, что есть сейчас в России. Это тоже сообщи в ФСБ, друг африканцев.

— Андрюша, ты фашист.

— Найми, что ли, киллеров, избавь меня от необходимости самого себя лишать жизни. Я люблю Вету. Понимаешь? Я не могу без нее... Я уже вскрывал себе вены осколком стекла...

53

Ветхозаветное Божественное Откровение говорило о милости Божией к падшему человеку. Новозаветное Откровение говорит о великой любви Божией, явленной миру.

«Так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего единородного, дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную» (Ин. 3: 16).

«Бог, богатый милостью, по Своей великой любви, которою возлюбил нас, и нас, мертвых по преступлениям, оживотворил со Христом; благодатью мы спасены» (Еф. 2: 4–5).

В том любовь, что не мы возлюбили Бога, но Он возлюбил нас и послал Сына Своего в умилоствление за грехи наши. Будем любить

Его, потому что Он прежде возлюбил нас (1 Ин. 4: 10 и 19).

Бог, в предвидении падения человека, предопределил спасти людей еще прежде создания мира (Еф. 1: 4). Слово Божие называет Спасителя Агнцем Божиим, Предназначенным еще прежде создания мира (1 Пет. 1: 20).

Когда пришла полнота времени, Бог послал Сына Своего (Единородного), Который родился от жены, подчинился закону, чтобы искупить подзаконных, дабы нам получить усыновление (Гал. 4: 4–5).

В чем состояла эта кончина лета, или «полнота времени», определенная для дела искупления? В стихах, предшествующих этим словам ап. Павла из послания к Галатам, апостол так выражается о времени перед пришествием Спасителя. Таким образом, он называет период Ветхого Завета детством, временем воспитания, детоводительства Моисеевым законом; пришествие Спасителя — конец детства.

Значение этого приговорительного периода мы можем уяснить себе, руководствуясь притчей о блудном сыне. Отец скорбел об уходе из дома любимого сына. Но не нарушая его сыновнего достоинства и сыновней свободы, он ждал, пока его сын, познав всю горечь зла и вспомнив благо жизни в отцовском доме, сам затоскует об отчем доме и откроет свою душу для отцовской любви. Так было с человеческим родом. «Душа моя, как земля безводная Тебе» (Пс. 142: 6), — могло

сказать человечество в его лучшей части, оно стало «землей жаждущей», испытал до конца горечь отчуждения от Бога.

И Господь не оставил людей, не отвратился до конца и с первого дня грехопадения вел их к будущему спасению.

Прекратив преступность первобытного человечества потопом, Господь избрал из потомства спасшегося Ноя сначала один род для хранения благочестия и веры в единого истинного Бога, а также веры в грядущего Спасителя именно род Авраама, Исаака и Иакова, а затем целый народ иудейский. В попечении о Своем избранном народе Бог вывел его из рабства, сохранил в пустыне, поселил на земле, текущей молоком и медом; заключал заветы: завет обрезания и завет Синайского законодательства; посылал ему судей, пророков, предостерегал, наказывал и снова миловал, возвратил из плена Вавилонского и, наконец, приуготовил из его среды Избранницу, ставшей Матерью Сына Божия.

Избранность иудейского народа подтверждает Господь Иисус Христос, указывая в беседе с самарянкой, что «спасение от иудеев» (Ин. 4: 22). О том же многократно свидетельствуют Писания апостолов: речи св. первомученика Стефана и ап. Петра в книге Деяний, послания ап. Павла к Римлянам и Галатам и другие места Священного Писания.

Далее, приготовление к принятию Спасителя состояло в утешительных обетованиях Божиих и предсказаниях пророков о Его пришествии.

Обетования Божии начинаются еще в раю. Таинственный смысл уже имели слова Господа змею о «семени жены»: «Вражду положу между тобой и между женой, и между семенем твоим и между семенем ее; оно будет поражать тебя в голову, а ты будешь жалить его в пята» (Быт. 3: 15). Данное здесь обетование о семени жены становилось все более ясным для избранных веры по мере умножения дальнейших пророчеств о Спасителе, Который Сам испытает страдания от насилия дьявола (Пс. 21), но поразит его самого «И извержен был великий дракон, древний змий, называемый диаволом и сатаной» (Откр. 12: 9).

Далее идет обетование Адаму — благословятся в семени твоём все земные народы (Быт. 22: 18), — повторенное потом Исааку и Иакову (Быт. 26: 4; 28: 14); оно также постепенно раскрывалось в своем подлинном значении для иудеев — как обетование о Спасителе мира — в периоды пленений и других бедствий.

Патриарх Иаков в предсмертном благословении одного из своих сыновей изрекает уже более определенное пророчество о Спасителе в словах: «Не отойдет скипетр от Иуды и законодатель от чресл его, доколе не придет Примиритель, и Ему покорность народов» (Быт. 49: 10). Доколе не прекратится власть из колена Иуды, пока не придет Примиритель — чаяние народов — и,

следовательно, прекращение власти колена Иудова будет ясным признаком пришествия Спасителя. Древние иудейские учителя видели в Примирителе ожидаемого Мессию, Которому и давали это имя (Шило — Примиритель).

Дальнейшим пророчеством являются слова Моисея своему народу: «Пророка же из братьев твоих, как меня, воздвигнет тебе Господь Бог твой, Его слушайте» (Втор. 18: 15). Много после Моисея было великих пророков у евреев, но ни к кому из них они не относили этих слов; и то же Второзаконие свидетельствует о времени, близком Моисею: «И не было более у Израиля пророка такого, как Моисей» (Втор. 34: 10). Сам Господь Иисус Христос отнес слова Моисея к Себе: «Ибо если бы верили Моисею, то поверили бы и Мне, потому что он писал о Мне» (Ин. 5: 46).

Затем идут многочисленные пророчества-прообразы в псалмах, из которых наиболее выразителен псалом 21-й, признаваемый древними раввинами за песнь Мессии. Он содержит в себе изображение тяжких и мучительных страданий, таких, какие были перенесены Спасителем на кресте: «Боже, Боже мой, услышь меня, для чего Ты оставил меня... Все видящие меня, ругаются надо мною, говорят устами, кивают головой: Он уповал на Господа, пусть избавит Его... я пролился как вода, все кости мои рассыпались... делят ризы мои между собою и об одежде моей бросают жребий...» В конце псалма — о торжестве Церкви: «посреди

собрания восхвалят Тебя... да едят бедные и насыщаются... и будут называться Господними во век».

К пророчествам-прообразам относится и ряд других псалмов. Из них одни возвещают страдания (8, 15, 39, 40, 68, 108); а другие — славу Спасителя (2, 94, 96, 109, 117).

Наконец, еще ближе к концу ветхозаветного периода появляются в книгах пророков (больших и малых) многочисленные предсказания, все более и полнее раскрывающие грядущее пришествие Сына Божия. Они говорят о предтече Господнем, о времени, месте и обстоятельствах рождения Спасителя, о Его духовно-телесном образе (о кротости, смирении и других чертах), о событиях, предшествующих преданию Господа, о Его страданиях, воскресении, о сошествии Святого Духа, о характере Нового Завета и о других сторонах пришествия Господня.

Среди этих пророчеств особое место занимает 53-я глава пророка Исаии, дающая образ крестных страданий Мессии Христа: «Господи! кто поверил слышанному от нас, и кому открылась мышца Господня? Ибо Он взошел пред Ним, как отпрыск и как росток из сухой земли; нет в Нем ни вида, ни величия; и мы видели Его, и не было в Нем вида, который привлекал бы нас к Нему. Он был презрен и умален пред людьми, муж скорбей и изведавший болезни, и мы отвращали от Него лице свое; Он был презируем, и мы ни во что ставили Его. Но Он взял на Себя наши немощи и понес наши

болезни; а мы думали, что Он был поражаем, наказуем и уничижен Богом. Но Он изъязвлен был за грехи наши и мучим за беззакония наши; наказание мира нашего было на Нем, и ранами Его мы исцелились. Все мы блуждали, как овцы, совратились каждый на свою дорогу: и Господь возложил на Него грехи всех нас. Он истязаем был, но страдал добровольно и не открывал уст Своих; как овца, веден был Он на заклание, и как агнец пред стригушим его безгласен, так Он не отверзал уст Своих. От уз и суда Он был взят; но род Его кто изъяснит? ибо Он отторгнут от земли живых; за преступления народа Моего претерпел казнь... Посему Я дам Ему часть между великими, и с сильными будет делить добычу, за то, что предал душу Свою на смерть, и к злодеям причтен был, тогда как Он понес на Себе грех многих и за преступников сделался ходатаем» (Ис. 53:1–8, 12).

У пророка Даниила читаем откровение, данное ему архангелом Гавриилом о семидесяти седминах (490 лет) как о сроке, определенном от указа о восстановлении Иерусалима до Христа, до Его смерти и прекращении Ветхого Завета, т. е. прекращения жертв в Иерусалимском храме (Дан. 9: 2–27).

Обетования и пророчества, во-первых, поддерживали дух избранного народа, особенно в трудные периоды его жизни, поддерживали стойкость, веру, надежду; во-вторых, подготавливали народ к тому, чтобы он мог узнать по этим предсказаниям приближение

времени обетования и узнать Самого Спасителя в данном пророками Его образе.

Благодаря этим предсказаниям ко времени пришествия Спасителя ожидание Его было у благочестивых людей среди иудеев напряженным и бодрственным. Видим это из Евангелия. Таково ожидание Симеона Богоприимца, которому возвещено, что он не увидит смерти, доколе не узрит Христа Господня (Лк. 2: 26). Таков ответ самарянки Спасителю: «Знаю, что придет Мессия, то есть Христос: когда Он придет, то возвестит нам все» (Ин. 4: 25). Таковы вопросы иудеев, приходивших к Иоанну Крестителю: «Ты ли Христос?» (Ин. 1: 20–25); слова Андрея, первозванного апостола, после его первой встречи со Христом, обращенные к своему брату Симону: «мы нашли Мессию» (Ин. 1: 41), а равно и подобные слова Филиппа Нафанаилу в Евангелии об их призвании к апостольству (ст. 44–45). О том же свидетельствует и настроение народа во время входа Господня в Иерусалим.

К сказанному нужно прибавить, что к принятию Спасителя был готово не только народ иудейский, но и весь мир, хотя и в меньшей степени.

Сохранялись и в языческом мире — правда, в искаженном виде — предания о происхождении и первобытном счастливом состоянии человека (о Золотом веке), о падении прародителей в раю, о потопе как следствии развращения людей и, что важнее всего, предание о грядущем

Искупителе рода человеческого и ожидание Его пришествия, как это видим из сочинений Платона, Плутарха, Вергилия, Овидия, Страбона, а также из истории религий Древнего мира (предсказание Сивиллы, о котором читаем у Цицерона и Вергилия).

Язычники находились в общении с избранным народом при помощи взаимных посещений, мореплавания, войн, отвода в плен иудеев, особенно в годы ассирийского и вавилонского плена, через торговлю и благодаря рассеянию иудеев по разным странам частей старого света к концу ветхозаветного периода. При всех условиях свет веры в Единого Бога и надежды на Искупителя мог распространяться и на другие народы.

За два с лишним столетия до Рождества Христова был сделан перевод священных еврейских книг на греческий язык, и многие из языческих ученых, писателей и вообще образованных лиц пользовались ими, о чем имеются разнообразные свидетельства, в частности древнехристианских писателей.

Знаем из Священного Писания, что и вне избранного народа были люди, хранившие веру в Единого Бога и стоявшие на пути к принятию благовестия. Это видно из книги Бытия о Мелхиседеке, истории Иова, рассказа о Моисеевом тесте Иофоре мадиамском, о Валааме, который пророчествовал о Мессии («вижу Его, но Его еще нет, зрю Его, но не близко...»), покаяния ниневитян после проповеди

Ионы. О готовности лучших людей языческого мира к принятию благовествования о Спасителе говорит то, что проповедью апостолов Христова Церковь была быстро насаждена во всех странах языческого мира, и Сам Христос иногда встречал в язычниках такую веру, какой не находил в самих иудеях.

«Когда пришла полнота времени» (Гал. 4: 4), — когда род человеческий, вслед за Адамом, в полной мере вкусил (в духовном смысле) от древа познания добра и зла и узнал на опыте сладость добродетеля и горечь злодеяний; когда преобладающая часть людей достигла крайней степени нечестия и развращения; когда в лучшей, хотя меньшей его части стала особенно сильна жажда (тоска) — видеть обещанного Избавителя, Примирителя, Спасителя, Мессию; когда, наконец, по воле Божией, были подготовлены политические обстоятельства: объединение в одно целое цивилизованной части человечества под властью Рима, что весьма благоприятствовало распространению веры и Церкви Христовой, — тогда пришел на землю Обетованный и Ожидаемый Сын Божий.

Люди отвергают христианство, конечно, не в силу каких-то его принципиальных противоречий человеческой природе и жизни.

Причина совсем в другом. Оно отвергается из-за своей полной противоположности целям и характеру жизни языческого мира. Для мира наслаждения богатство и слава являются существом жизни, для христианства же — это страсти, неминуемо влекущие за собой страдания, разочарования и неизбежную телесную и духовную смерть.

Герберт построил свою жизнь так, что все средства направлял либо на церковь, либо на благо ближнего. Даже его обширный дом стал прибежищем странников и паломников. Теперь он не мог считаться богачом, потому что по сути у него ничего не было. Он жил при храме. Он жил для храма. Герберт более не был язычником. Ведь для язычества смысл жизни — земные блага, для христианства же — блага духовные: любовь, мир души, радость, чистота совести, великодушие, то есть то, чем человек, по милости Божьей, может владеть вечно.

Между тем соблазны не оставляли его. Андрей Виригин настойчиво врывается в его жизнь. Почему? Потому что для таких, как он, сама святость христианская невыносима, она для них как укор совести в душе нераскаянной, как звон колокольный, напоминающий о вечной правде. Наш век такого рода, что когда мы с чем-то соприкасаемся или что-то нам предлагают, то мы, иногда сознательно, иногда подсознательно, но спрашиваем себя — а что нам это даст? Тот же Запад приучает смотреть на вещи прагматически. Хватит витать в облаках.

Точно с таким же подходом нередко можно встретиться и когда мы говорим о православии. А действительно, что оно может мне дать? Что оно дает человеку? Существует же много мировоззрений, и мы на них смотрим, как на что-то прикладное. Вот есть жизнь — это наша жизнь. Это наши заботы, это наши беды, если хотите, скорби, радости. Это наша жизнь. Мы знаем нашу работу, знаем, чем живем, к чему стремимся. А мировоззрение и религия — это только некий придаток. Религия стала придатком к жизни! Жизнь — одно, религия — другое! Самое большее, на что согласен современный человек, — это в воскресенье или на праздники сходить в церковь. Или вон, как бывшая жена Виригина — раз в год набрать крещенской воды... И зачем она ей?

Дело в том, что вера — это не придаток к нашей практической жизни, а то, что определяет нашу жизнь, определяет ее в самых важных вещах. Самое важное для нас — чтобы на душе было хорошо. Пусть в шалаше — да по душе! Давно затертая банальность — можно жить в дворцах и быть несчастным человеком...

Но как научиться не осуждать ближнего? Хотя Господь и учит нас не осуждать ближних, говоря: «Не судите, да не судимы будете», мы как-то мало или вовсе не слушаем слов Спасителя и продолжаем осуждать других постоянно, и грех осуждения, пожалуй, самый распространенный грех. Мы зачастую не обращаем внимания на самих себя и на свои недостатки, никак не хотим

вникнуть в то, что часто можем ошибаться и на самом деле ошибаемся в своих суждениях о других. И, наконец, мы забываем, что судить других есть не наше дело, а дело Божие. Преподобный Серафим Саровский говорил: «Отчего мы осуждаем братьев своих? Оттого, что не стараемся познать самих себя. Кто занят познанием самого себя, тому некогда замечать за другими. Осуждай себя и перестанешь осуждать других. Осуждай дурное дело, а самого делающего не осуждай. Самих себя должно нам считать грешнейшими, всякое дурное дело ближнего считать за свое и ненавидеть диавола, который прельстил его».

Но что же делать, когда ближний неотличим от этого самого диавола? Провоцирует тебя, заставляет стать с ним на одну планку — ненависти и осуждения?

Герберт твердо решил прервать общение с Андреем Виригиным, но не прошло и дня, как разговор возобновился. Причем Герберт написал ему сам.

— Всё, что ты написал обо мне плохого, родилось в твоём воображении от обиды, я — очень хороший. Ты это знаешь. Я — добрый, щедрый и так далее. И на тебя совсем не сержусь. Нельзя сказать, что твой блог очень мне мешает — его мало кто читает, но иногда он появляется в поиске, и это неприятно. Ты сильно пил тогда, и с тобой совершенно невозможно было продолжать общаться. Наверное, ты опять пьешь. Я сейчас не очень богат, хотя по твоим

меркам это, конечно, не имеет значения. Когда ты полез в английский Интернет со своим «Герберт Адлер разыскивается полицией», ты стал доставлять неприятность моим сотрудникам и они потребовали наехать на тебя, что я и сделал. То же самое произошло с церковью, когда ты послал на меня клевету всем моим прихожанам. Я не имею никаких связей с твоей возлюбленной Ветой и не думаю, что она по своей гордости захочет от меня какой-то помощи. Я пожаловался администраторам твоего блога, и они уже удалили выставленный тобой мой паспорт. Думаю, со временем они удалят всё и заблокируют тебя. Но это, конечно, ерунда — ты можешь продолжать гадить и в других местах, и тогда мне придется продолжать с тобой бороться — неактивно, а вяло. Только зачем? Твоя бывшая жена тут предлагает всяческую помощь. Да, ты неуязвим в своей нищете и бомжовстве. Ну и чем тут гордиться? Мне кажется, для тебя было бы лучше постараться поправить наши с тобой отношения. Ты сам себя убедил, что должен со мной бороться. А ведь мое фото на майку переводил. Зачем? Ну не нравится тебе моя литература. Есть многие, кому нравится. Да и если бы никому не нравилась. Ну и что? Короче, давай мириться. Давай еще раз проведем анализ того, кто что получил от сложившейся ситуации. Я получил от тебя запись Гафта, издание своих романов в России и большую рекламную компанию, которая сделала меня более или менее известным. В Интернете более пятисот мест, где люди цитируют мои

книги и т. д. На все это я потратил около сорока тысяч долларов, что по старым временам составляло мой двухнедельный оборот. Ты получал от меня хорошие деньги — но все профукал и ничего не скопил. Возможность набрать других авторов потерял, устроив такую грязную бодягу в Интернете на своего бывшего автора. Любой другой писатель ни за что не пойдет к агенту, который может потом устроить такое... Я с твоей помощью приобрел целую библиотеку для нашего прихода. Прочел большую часть святых книг и встал на путь священника, то есть так или иначе обзавелся еще одним занятием в жизни, приносящим мне удовлетворение, покой и радость. Я создал православную газету и церковь в своем доме. Ты, несмотря на то, что терся с моей подачи в православных кругах и через тебя прошли книги — двухтысячелетнее богатство святых отцов — ничего от этого не взял, наоборот, озлобился, и если представить, что в глубине души ты чувствуешь, что Бог все же существует, то совершил ты грехов немерено: клеветал на церковнослужителей и выбросил крест. То есть, по нашим представлениям, если у тебя и был шанс спастись, то теперь ты проклят навеки... Ты не обрел ни покоя, ни радости, а только еще более впал в депрессию и озлобление. Я в процессе общения с тобой создал роман. Ты послужил мне исключительным ярким героем, олицетворяющим почти в чистом виде ЗЛО, и ни при каких обстоятельствах не желающим раскаться. Я не смог смягчить тебя в жизни,

пытался в романе — но и там это не получится. Я вставляю написанную тобой сцену смерти как реальную, а мной — как выдуманную. Так что твоя воля будет соблюдена. Ты оставил след в литературе как антигерой, вызывающий отвращение, во всяком случае, у читателя, на которого рассчитан мой роман. Хороша ли моя литература, или нет — это другой вопрос, но роман прочтут тысячи людей, и ты об этом хорошо знаешь. Я как пребывал в материальном благополучии, окруженный любовью многих людей, близких и дальних, так и остался. Ты одинок, тебя НИКТО не любит. Кроме того, ты совершенно обнищал. Если ты служишь диаволу — то он должен быть доволен тем, чего он достиг. Если ты сам по себе — то извини, Андрюша, ты — идиот в самом неприглядном значении этого слова. И нет у тебя никакой правды и НИКТО тебя не поддерживает. Даже твои собутыльники, если бы вникли, как ты лоханулся, первые тебя избили бы за то, что нельзя так относиться к шансам, которые предоставляет тебе жизнь. Я предлагаю тебе поддержку — дружбу, любовь, деньги и надежду на будущее. Ты отталкиваешь все это. Я у тебя единственный такой. У меня таких, как ты, — сотни тысяч, начиная от негритят в Африке и кончая жертвами землетрясения в Гаити. Я и правда тебя люблю, Андрюша, и мне тебя очень жалко. Возможно, я единственный человек на земле, кто тебя все еще любит. Но ты плюешь и на эту любовь...

Виригин ответил не сразу.

— Ты прав. Меня действительно никто не любит. Господи, ну что же далась тебе эта майка! Есть такое слово «китч». Я и майку с Путиным носил, ну и что? Да, ты щедрый и сентиментальный, и в этом похож на меня. А Вета гордая, ты это, слава богу, заметил. Ты понимаешь, что это единственная девушка, которую я любил? Что я хотел быть с ней всегда, навеки. Стареть вместе с ней. Любить наших детей. Неужели ты думаешь, что я не мог найти себе другую? Но мне полюбилась именно Вета, хотя я с самого начала знал, что она лесба. Может, я и в самом деле не разобрался в твоей прозе. Знаменитый переводчик Набокова, Сергей Ильин, очень хвалил твои романы, а это величина в литературном мире нехилая. Один рассказ очень даже Гафту понравился. Да мне наплевать было, в конце концов, какой ты писатель! Мне казалось, что ты хороший человек. Это, поверь, важнее. Я Гафту говорил, что вот, дескать, не блядей в Куршавель возит, а трогательно любит свою жену и книжки пишет. А тот кивал, а после поутру рассказывал Остроумовой, думая, что я не слышу, о том, что не встречал таких замечательных молодых людей.

— Я выслал тебе долг, и даже больше. Ты принял эти деньги. Теперь мы квиты?

— Да.

— Давай тогда допишем роман и устроим тебе happy end в романе и жизни?

— Это как? То есть не убьем меня, что ли? Ты знаешь, что хеппи-энда у меня без Веты быть не может?

— Очень просто. Пиво пить можно. Но только хорошее и в малых дозах. В остальное время суток пить нужно компот. Есть варенье. Пить чай. Быть добрым! Смотришь, какой-нибудь человек чужой — а он мил твоему сердцу, и всё такое милое кругом становится... И тогда к тебе набьется всякой живности, все будут тебя любить, шастать туда-сюда... Первый шаг — посмотреть в зеркало и прыснуть со смеха!

— Мне уже и так смешно. До слез. У меня нет возможности остаться в Москве, я съезжаю. Хеппи-энд в романе будет неестественным. Там всё правда, эти вставки из моего дневника. После расставания с Ветой я пролил столько слез, что мог бы утопить себя в них. Но не получилось. И еще. За быдлохуя извини. Это не мой стиль.

— А ты меня извини за ругательства в твой адрес. На фига тебе эта Москва? Поезжай в Питер. Или лучше еще куда-нибудь. Только не на свою станцию... Ее надо переименовать в «станция Гордиев Узел», следующая станция «Абзац», конечная. Давай я тебе пришлю денег. Съезди на юг, развейся, отдохни. Поезжай, где у вас приличная погода сейчас. А лучше за границу. Съезди в Грецию. Тебя это взбодрит. Ну

а вернешься, и с новыми силами за пьянство. Иди в турагенство. Дашь мне их данные, я напрямую им заплачу. Возьми тур недельки на две. Или в Египет. Тебе нужно солнца. Нездоровая погода. навевает хандру. Энжелу я услал в тропики на две недели. Только не говори, что я тебя покупаю. Можешь свой блог так и оставить. Зачем мне тебя покупать? Просто в России сейчас зима и тоскливо, а тебе нужно солнце, море и витамины.

— Зачем мне ехать?

— Поменяй обстановку! Пусть каждый день служит для пользы твоей души. Если ты не сделаешь это, то будешь скомкан, как тряпка, и отброшен во мрак. В земной жизни мы тратим несущееся время или на спасение, или на погибель — так бурный поток воды, который не удалось направить на жернова мельницы, утащит несчастных к обрыву, к бездне. Одним время служит, над другими оно господствует. Одним время — седло, другим — наездник.

— Герберт, нет у меня и никогда не будет мира в душе.

— Мир и спокойствие есть великая награда, но как воины получают награду за подвиги и пролитие крови, так и мы должны прежде претерпеть многие искушения и скорби со смирением, обвинять себя, а не других, и только победив страсти наши, а паче гордость и гнев, удостоимся мира душевного... Это просто: подними зад , пойдя в турагенство и закажи тур...

— Я в запое...

— Пить можно и за границей. Так даже интереснее...

— Какой же ты наивный. От тебя я ничего не приму, а у меня самого нет денег даже на билет до Питера. Ты мне когда-то рассказывал, что у тебя тоже было нечто подобное. Может, ты забыл об этих временах. И пьянство тут совершенно ни при чем.

— Гордыня — вот причина, а пьянство — только средство. У нас на Западе почти не пьют, а к жизни скотской весьма расположены по той же гордыне. Просто меньше видно, потому что фасад чистенький, а заглянешь — уродство не хуже русского.

— Герберт, а где ты был, когда я осколком бутылочного стекла себе вены резал?

— Из-за меня?

— Господи, ну при чем тут наш разрыв? Не льсти себе. Но разрыв с тобой лишил меня возможности видаться с Ветой. Всё из-за нее, только из-за нее. Я до сих пор схожу по ней с ума. Всё, что я могу от тебя принять, — это помощь проститутке Ксюше. Единственный компромисс, на который я способен пойти. Но ведь у тебя нет никаких связей в Москве. А засим распрощаемся. Ты правда меня очень разочаровал.

Герберта разочаровали читатели его газеты. Он обратился к ним, прикрывшись подписью «От редакции»...

Нужно ли проповедовать Евангелие Христово в наше время? И какой должна быть православная проповедь сегодня? Эти вопросы волнуют многих верующих. Остро стоят они и в Северной Америке, население которой хотя и придерживается традиционных христианских ценностей в большей степени, нежели в Западной Европе, но исповедует в основном протестантизм.

Проповедь православия, распространение его ценностей — безусловный долг каждого православного христианина. Почему же некоторые отдают за это свою жизнь, а другие не готовы пожертвовать даже малым?

В Евангелии сосредоточена суть христианской веры. Это добрая весть о том, что Христос спас человечество от вечного рабства греху, что Он победил главное зло мира — смерть — телесно, душевно и духовно через Свои воплощение, смерть и воскресение.

Известно, что евангельской проповедью давно и успешно занимаются протестанты. Ими разработаны особые проповеднические программы. Организуются своего рода крестовые походы. Их проповедники выступают на стадионах перед многотысячной аудиторией. У

них есть мегацеркви, телевизионные каналы, христианские книжные лавки. На них работает христианская музыкальная индустрия. Они располагают значительными финансовыми средствами. Почему бы не оставить протестантам дело проповеди Евангелия неверующим?

По мнению иеромонаха Дамаскина (Кристенсена), насельника монастыря преподобного Германа Аляскинского, ответ на этот вопрос прост: протестантской проповеди Евангелия недостаточно. Ведь протестанты и католики проповедуют не полное, совершенное и неискаженное Евангелие Христово. Только Православная Церковь существует до сего дня в непрерывной, никогда не пресекавшейся цепочке святой апостольской традиции. Это Церковь, которую, по словам Христа, «врата адовы не одолеют» (Мф. 16: 18). Непосредственно перед распятием Христос сказал своим ученикам, что Святой Дух придет и приведет их к полноте истины (см.: Ин. 14: 26). Это обетование полностью исполнилось после воскресения Христова. Оно не отменилось и после того, как преставились апостолы. Христос сохраняет это обетование в течение двух тысячелетий. Обетование остается донине и пребудет до Второго пришествия. На протяжении всей истории Церкви еретические императоры, священники, епископы и даже патриархи стремились нарушить чистоту православной веры, но под водительством Духа Святого

Церковь сохранила истину, а еретики были посрамлены.

Неправославные христианские Церкви сохранили часть истины первоначальной христианской веры. И не важно, что они сохраняют лишь какую-то часть истины, будь это Священное Писание, догмат о Святой Троице или догмат о Христовом воплощении. Они приняли это от первоначальной апостольской Церкви — Православной Церкви, признают они это или нет. Но все же Церкви эти владеют только частью истины, а остальное в их учении искажено. Искажено потому, что они отделены от той Церкви, что основал Христос. Только Православная Церковь является хранительницей неискаженного Евангелия и незамутненного образа Христа.

Вот потому православные христиане призваны проповедовать Евангелие Христово. Они могут дать то, что вне церковной ограды никто дать не может. Поскольку христианская вера — истинная вера, а православная вера — истинная форма этой истинной веры, православные христиане одни могут дать полноту истины ищущему человечеству наших дней. Да, каждый православный должен заботиться о службах, составляющих для православного христианина центральную часть его жизни как служения Телу Христову. Необходимо также нести социальное служение. Православный христианин прежде всего должен пребывать в братолюбии с другими членами Тела Христова. Но в то же время

каждый православный призван делиться своей верой и предлагать ее тем, кто еще не принял великий дар быть частью истинной Христовой Церкви. Это величайшая ответственность, и отрадно, что православные Америки теперь понимают это. Конечно, много уже сделано и многое делается. Так, за последние двадцать пять лет наблюдается мощный рост православной миссии в Америке. Но многое еще только предстоит сделать.

Ваша помощь газете «Православная Вера» является мощным средством распространения православия на американском континенте и в Западной Европе. Наша газета издается тиражом 7500–10 000 экземпляров на русском, английском и французском языках и распространяется теперь в более 300 церквях и общественных местах. Только три церкви периодически оказывают нам материальную помощь.

Не думайте, что ваши чеки на 50 или 100 долларов являются незначительной лептой. Они представляют собой основу существования нашей газеты. Нет православной семьи, которая, как бы она ни была бедна, хотя бы раз в несколько месяцев не могла бы прислать такое пожертвование. Однако из почти десяти тысяч читателей каждого выпуска газеты пожертвования присылают только семь-восемь человек. Вдумайтесь в эту печальную цифру... Что нам прикажете делать? Закрывать газету? Значит, она не нужна? Один читатель вместо

пожертвования прислал раздраженное письмо, что наша газета не отвечает потребностям русской общины, что церкви нужно превратить в клубы по интересам, а вместо поучений святых отцов мы должны печатать рецепты русской кухни... Неужели это мнение большинства читателей?

С момента появления газеты ее получило более четверти миллиона человек, и только полсотни из них прислали материальную помощь... Как это объяснить?

Нам не хватает средств на издание молитвословов на английском языке и на прочие важнейшие миссионерские проекты.

Как вы могли заметить, теперь газета выходит только раз в месяц. Те, кто стоял у истоков газеты, уже потратили все свои личные сбережения — более пятидесяти тысяч долларов на издание 34-х выпусков в прошлом году, когда газета выходила каждую неделю. Теперь мы всецело полагаемся на вашу поддержку. Мы молим Бога, чтобы он вразумил наших читателей не дать пропасть такому важному начинанию.

Христа ради и ради всех тех, кто ждет целительного слова Православной Истины, распространяемой нашей газетой, не дайте ей погибнуть, не оставляйте нас, окажите вашу помощь, пока не поздно!

Гордость, самолюбие, тщеславие — всё это разные виды одного основного явления — «обращенности на себя». Зачем Герберт продолжал развращать своим вниманием этого падшего человека, Андрея Виригина? Они всё кружили и кружили над порядком обмелевшей бездной. Неужели Герберт действительно его любил? Или просто было затронуто его тщеславие, нетерпение упреков, жажда похвал, поиск легких путей, непрерывное ориентирование на других — что они скажут, как это покажется, что подумают? Тщеславие издала видит приближающегося зрителя и гневливых делает ласковыми, легкомысленных — серьезными, рассеянных — сосредоточенными, обжорливых — воздержанными, — всё это, пока есть зрители. Тем же объясняется грех самооправдания, который часто вкрадывается незаметно даже в нашу исповедь: «Грешен, как и все... только мелкие грехи... никого не убил, не украл». Может быть, только для этого самооправдания и принялся Герберт за свой роман?

Бес тщеславия радуется, видя умножение наших добродетелей: чем больше у нас успехов, тем больше пищи для тщеславия. Усилившееся тщеславие рождает гордость — крайнюю самоуверенность, с отвержением всего, что не свое, источник гнева, жестокости и злобы, отказ от Божьей помощи, «демонская твердыня». Она

— «медная стена» между нами и Богом; она — вражда к Богу, начало всякого греха, она — во всяком грехе. Ведь всякий грех есть вольная отдача себя своей страсти, сознательное попрание Божьего закона, дерзость против Бога, хотя гордости подверженный как раз имеет крайнюю нужду в Боге, ибо люди спасти такого не могут.

Может быть, Герберт Адлер не так уж отличается от Андрея Виригина? Они страдают от одной и той же страсти... Откуда же она берется? Как она начинается? Чем питается? По каким признакам можно узнать ее? Последнее особенно важно, поскольку гордый обычно не видит своего греха. Некий разумный старец увещевал на духу одного брата, чтобы тот не гордился; а тот, ослепленный умом своим, отвечал ему: «Прости меня, отче, во мне нет гордости». Мудрый старец ему ответил: «Да чем же ты, чадо, мог лучше доказать свою гордость, как не этим ответом!». Во всяком случае, если человеку трудно просить прощения, если он обидчив и мнителен, если помнит зло и осуждает других, то это всё, несомненно, признаки гордости.

Но Герберт уже запутался, где кончалась его гордыня и начиналась гордыня его возлюбленного врага. Герберт чувствовал, что Андрей попросился не окончательно, и не ошибся.

— Я понимаю, что помочь с работой в Москве ты не можешь. Хотя ты говорил, что

попытаешься помочь Ксюше. Ты ей, наверное, так и не позвонил? Ответь, пожалуйста. Я говорю же, Герберт, — для себя просить не умею.

— Нет. Не звонил. Открой свой бизнес. Стань настоящим литагентом. Что может быть лучше? Построй себе сайт в Интернете — это ведь можно сделать бесплатно. Иди на сайты, где авторы публикуют свои произведения. Выбирай новых талантливых писателей, тех, что тебе нравятся. Пиши им рецензии. Они будут в восторге. Пристраивай их книги, пусть даже за их счет. Выбирай тех, кто за границей — то есть всегда с деньгами. Для начала могу свести тебя с моим издателем. Он как раз, написав Пятое Евангелие, вернулся из сумасшедшего дома, завязал пить и снова издает книги и даже публикует литературный журнал. Полно возможностей. Сам начни издавать литературный журнал малым тиражом на деньги авторов. Многие так начинают... С твоей энергией, направленной в доброе русло, можно горы своротить! На своем сайте напиши, как ты нашел и перевел утерянный текст Набокова, про Гафта, про Юрского. Можешь в качестве примера показать, как ты раскрутил меня. Потихоньку соберешь коллектив авторов. Я буду поддерживать твои издания понемножку, если, конечно, ты сможешь преодолеть свое отвращение ко мне и моему творчеству. Нет — так и суда нет.

Последовав моим советам, расцвести можно в считанные месяцы. Там, глядишь, на тебя

обратят внимание в издательствах. Может, и устроишься куда, не прекращая свою литагентскую деятельность. Или еще... Учреди литературный конкурс. Найди спонсоров. Пусть будет премия символическая. Зато в жюри — сплошные знаменитости. Те же Гафт и Юрский, раз ты им так полюбился... Назови как-нибудь пышно. Премия «Золотое Слово», или «Алмазная запятая»... или еще как. Организовывай литературные вечера, где знаменитости вперемешку с молодыми авторами будут читать свои произведения. Кстати, чтобы начать все это делать, денег совсем не надо. Можно пить. Только говори всем, что уехал за границу встречаться со спонсорами или издателями. А сам в запой. Потом проспался — и опять работать. Так и с Ветой свяжешься в конце концов — предложишь ее напечатать... Глядишь, отношения и наладятся! Хотя куда там... Тебе же все равно помирать от СПИДа... А будущей жизни у тебя не будет — православие тебя раздражает...

— Все-таки ты безнадежный мечтатель. Есть люди, совершенно неспособные начинать с нуля. Но деньги никакие и ни под каким видом я от тебя не приму. Написал вот гражданин Германии неплохой роман. Я ему предложил свои услуги. А он — у меня ни гроша, живу в немецком бомжатнике. Единственная женщина, которую любил, его бросила. Короче, я ему начал редактировать бесплатно. Правда, работу так и не закончил. А насчет твоего издателя я не знал.

По поводу алкоголизма, психиатрической клиники. Я как-то справлялся о его здоровье. «Плохо», — был ответ. Его однокурсник в сумасшедший дом попал еще до Литинститута, а уж до «белочки» допился после его окончания. Ничего страшного — я за три дня восстанавливался полностью. История с Ветой давно закончена. Навсегда. Она принимала мою помощь так, будто делала одолжение. Она говорила мне в июне, что в апреле собиралась переезжать ко мне. Приехать сразу с вещами и остаться. Может, по обыкновению лгала. Вете, знаешь ли, верить нельзя. Тем более, я целоваться к ней не лез. Как так? А вот так. «Вета, можно я тебя поцелую?» А вместо ответа ее губы — вот и все. Станция «Театральная», приехали.

Ладно, открою тебе тайну... Сделал я анализ крови на СПИД. «Вам необходимо сдать анализ еще раз». К тому времени я уже знал, что это значит. При положительном анализе всегда так говорят. Ничего не сдаю. Проходит неделя или около. Встречаю девушку, с которой спал, в слезах. Что случилось? У меня анализ на ВИЧ положительный. Что я еще мог подумать? Только осенью решился и сдал подряд два анализа на Кутузовском. Отрицательные. Кстати, православие меня не раздражает. С глубочайшим уважением отношусь к своей прабабушке, постом и молитвой дожившей почти до ста лет. Но я загнусь и без СПИДа. Цитирую пастернаковскую строчку: «Мы будем гибнуть

откровенно». Да, да — именно откровенно, еще как откровенно...

— Ну, так за чем же дело стало? И обязательно ли гибнуть? Может, стоит что-нибудь попытаться изменить?

— На свете есть множество людей, которые, несмотря на ум, знания и талант, не способны ничего изменить в своей биографии. Подчас такова ЖЗЛ. Знаешь, наверное, кем работал Венедикт Ерофеев на протяжении своей жизни.

— Я, Андрюша, всё всегда начинал с нуля. Ерофеев жил в советское время. Нынче другие возможности!

— Я тут, как ты догадался, пил несколько дней. Оттого мои послания были чуть более эмоциональными и сумбурными, чем обычно. Спасибо, что развлекал меня перепиской, иначе было бы совсем скучно. Неужели ты и впрямь думал, что я приму от тебя тур в Египет? Я не только собутыльникам в глаза после этого смотреть бы не смог, — в зеркало заглядывать бы перестал. Была у Владимира Войновича такая ранняя повесть «Хочу быть честным». Я, наверное, прискорбный продукт советской эпохи, в которой честность, бескорыстие и жертвенность были одними из главных добродетелей. Главное — быть честным перед самим собой. Я не сделаю дурной поступок, даже если об этом никто и никогда не узнает. В ту пору, когда я у тебя работал, на разнице курсов, скакавших, как цирковая лошадь, можно было

неплохо наварить. Ты ведь меня, по сути, не контролировал. Но я не присвоил себе ни одного цента. И после этого я для тебя олицетворяю Россию, где не воруют только мертвые! На твоём месте я бы не слишком верил откровениям моей бывшей жены. Это прямая противоположность Вете: низкорослая, не умеющая вести себя в обществе, малообразованная баба (полагает, что Церетели — это сорт грузинского вина), к тридцати трем годам полностью утратившая женскую притягательность, которой, впрочем, вряд ли когда обладала. На Вету она похожа только лживостью. Но если ложь Веты искусна и преследует определенные цели, то ложь моей бывшей женушки, как правило, немотивирована. Жаль, что ты так и не догадался извиниться передо мной за май. Нет, не за увольнение, конечно. Догадайся сам за что.

— Как же не попросил прощения? Вот, я же отослал тебе еще в мае: «Прости меня, Андрюша. Я согрешил, ибо не оказал тебе сострадания несчастному, не утешил тебя печального, не наставил на путь истины и добра тебя заблуждающего, не отвратил от соблазна, а, может быть, и сам погубил твою душу грехом соблазна. Прости меня, грешного, Христа ради. Твой Герберт...»

— Этот мэйл меня дико возмутил. Извинения вместо денег. Что тебе мешало перевести все деньги?

— Андрюша, мы все уже обсудили. Прости меня, если можешь, если не можешь — не прощай.

— Есть вещи, которые не прощаются. Кстати, твой паспорт я вернул на место. Снова красуется. А то подумаешь, что я удалил его за окончательно погашенный тобой на днях долг. Ты послал мне сто долларов, а был должен семьдесят... Ты обязан был сделать это еще в мае. Может, отдать твои деньги Нацболам? Мол, скромный вклад в дело освобождения России, сделанный западным бизнесменом Гербертом Адлером.

— Ты меня не удивишь. Меня последнее время окружают сплошные фашисты. Так как насчет хеппи-энда? Отказываешься?

— Все-таки чудак ты редкий. Сначала грозишь мне адом, а потом предлагаешь устроить хеппи-энд. Но мне почему-то кажется, что с эндами мы еще повременим. Как с хеппи, так и не с очень. Я ничего не боюсь.

— А по-человечески жить тебе не хочется?

— Мне почему-то стихи вспомнились: «Жизнь моя удалась, но конец ее близко. А когда я был свеж, легковерен и юн, полюбилась мне девушка-кокаинистка, озорная хохлушка из города Сум». Думаю, что ничего уже не исправить. Тут что-то непоправимое в судьбе. Несмотря на то что я симпатичный и умею вести себя с барышнями, ни одна из тех, кто был мне дорог, не отвечала мне взаимностью. А по-настоящему была дорога

только одна. «Она была так дорога ему чертой любою, как морю близки берега всей линией прибоя». Я ведь и в самом деле был бы тебе признателен за всё, если бы не такой конец. Помнишь: «Спасибо за сказку, за боль, за отчаяние»? Так я тебе писал в мае. И это было искренне. А теперь подышаю в этом бомжатнике. Радуйся. Мне довольно много лет, нет образования и нет никаких шансов на работу, связанную со словом. Может, тебя повеселит то обстоятельство, что владельцу крупного питерского издательства понравился твой роман о нас. И жалко блудницу Ксюшу. Очень жалко...

57

Герберт не переносил неопределенности и, улучшив момент, написал Альберту и его родителям письмо. По заведенному у него обычаю он сначала холодно изложил факты, свидетельствующие, что Альберт обманул его дочь и женился на ней исключительно с целью получения вида на жительство. Далее шел ультиматум: если Альберт не вернется, последуют враждебные меры против него. Конечно, Герберт не собирался ничего предпринимать, но не видел другого пути поставить точку в сложившемся парадоксе – дочь вроде замужем, но муж отсутствует и приезжать не собирается.

Ответ пришел не от Альберта, как можно было ожидать, а от его отца. Причем он был адресован не Герберту, а его дочери.

«Энжела!

Пишу тебе это откровенное личное письмо на правах некогда близкого родственника и человека, который когда-то тепло к тебе относился.

Еще недавно я был уверен, что тебя ждет захватывающее и блестящее будущее. Альберт любил тебя так, как тебя уже никогда никто любить не будет, перед вами открывался новый интересный мир в одном из красивейших городов мира, в котором вместе вы могли бы добиться многого...

И что же в результате? Ты предала бесконечно любящего тебя человека в самый трудный для него период, когда он только начинал строить ваше будущее и ему больше всего нужны были твоя забота и поддержка. И ты предала его самым оскорбительным образом, предпочтя развлечения заботам о муже. Также ты поподленькому хитрила с людьми, которые относились к тебе как к родной дочери, отдавали свои последние средства для твоей учебы, строили планы ваших будущих путешествий по миру...

Теперь ты, как заезженная пластинка, повторяешь чужие слова о том, что «муж меня бросил... у нас в городе полно работы...». Ты прекрасно знаешь, что в течение многих месяцев

Альберт перерыл всю округу в поисках постоянной и квалифицированной работы. Но в ваших болотах достойной работы нет ни для него, ни для тебя.

Совершенно ясно, кто и зачем навязывает тебе эти мысли. Для твоего отца идеальным существованием было бы такое, когда он восседает барином, а вокруг толпится обслуживающая его челядь, покорно ожидающая, пока он смахнет им крошки со стола. И ты в его доме нужна только как прислуга: нянька для ребенка и девочка на телефоне. Таковую же роль разнорабочего он уготовил и Альберту. Недаром человек, выбрасывающий на свою блажь десятки тысяч долларов, не хочет дать ни цента на твое образование. Несмотря на все его заверения о «семейном бизнесе», первое, что он сделал после нашего отъезда, – выгнал из своей конторы тебя и Альберта.

Ну и что теперь тебя ждет? Твою мать – умную, привлекательную, одаренную женщину он превратил в богомольную бабку, не видящую ничего в жизни, кроме кур и огорода. Ну, она хоть может оправдать свои загубленные способности тем, что преданно последовала за мужем в полную неизвестность и безропотно помогала ему горшки в больнице таскать, когда он начинал свою карьеру. А что оправдает то, что ты – весьма способная девочка, очень скоро превратишься в провинциальную пустышку? Неужели только то, что тебе теперь можно будет

ничего не делать и смиренно ждать, пока между бранью и криками тебе будут бросать несколько долларовых бумажек? И ради этого с твоего согласия было отправлено гнусное лживое письмо с угрозами людям, которые искренне и нежно заботились о тебе, как о собственной дочери?

Сквозь нагромождения лжи и передергивания фактов в этом письме отчетливо видна подлинная цель твоего отчима – захватить себе все наши сбережения, которые мы отдали для вашего с Альберта будущего. И вот ради этих денег он подло и расчетливо сломал твою жизнь.

Но подлость, даже приправленная деньгами, еще никого не сделала счастливым. Сейчас твое предательство подпитывается подачками, но очень скоро ты убедишься, что вся эта афера была затеяна только для того, чтобы заполучить назад прислугу в дом. Наверное, в вашем болоте у тебя будет достаток, ты будешь вволю есть и спать, но счастливой по-настоящему ты уже не будешь никогда!

Прощай...»

Герберт не ответил на это письмо, тем более оно было адресовано не ему. Он написал матери Альберта:

«Здравствуйте.

Не могу удержаться, чтобы не поделиться с Вами новостью. Сегодня я был в офисе, и наша сотрудница рассказала мне, что Альберт брал у нее ее диплом из ее университета и, наклеив свое имя и название программы, использовал его, по всей видимости, чтобы послать вам, а также при устройстве на работу.

Альберт не учился в этом заведении, хотя заплатил вашими деньгами за весь курс.

Может быть, вы сначала разберетесь со своим сыном-лжецом, а потом будете учить мою дочь, как ей жить?

Если Вам интересно, пошлите запрос в университет, и они подтвердят, что диплом подделан.

Ничего не могу сказать о его прежних дипломах, но если они получены тем же путем, не удивительно, что его не брали здесь на работу, потому что на Западе принято проверять дипломы, посылая письма в учебные заведения.

Мы готовы любить Вашего сына таким, каков он есть – лгунишка, безответственный, ни на что не способный. Потому что мы любим его безусловно, а не за что-то.

Но вы настаиваете на своем видении своего сына, представляя себе совершенно другого человека. Он был счастлив у нас, пока Вы не влили яд в наши отношения, с чем Вас

и поздравляю.

Я одно хочу понять. Вы действительно не знаете, что Альберт постоянно врет всем – и Вам, и нам, или вы прибываете в невинном неведении? На какой работе он может удержаться с такими качествами? Я не обращал на это внимание, но если хотите, могу восстановить целый список его вранья во всех областях его деятельности.

Бедный мальчик. Вы его, видимо настолько затюкали, что он не может не врать.

А у нас он уютно спал на диване у огня, и от него никто ничего не требовал. Продолжая швырять его по миру, где он морит себя голодом, Вы его погубите. Помяните мое слово.

А я действительно его очень люблю, и мне его жалко. Почему Вы не дали ему жить счастливо и беззаботно с молодой женой? Куда Вы лезете со своими коммунистическими принципами? Вкалывать... Кто не работает – тот не ест. А меня Вы не любите классовой ненавистью, как буржуя.

Отлично... Бог Вам судья...

Кстати, Вы в курсе, что Энжела поймала Альберта на том, что он до сих пор

переписывается со своей старой подружкой и зовет ее приехать сюда? Кстати, об этом он сообщил моей жене сам до отъезда. Альберт – очень наивный...

А недели три назад моя дочь узнала, что он снова выставил себя на сайт знакомств и активно

общался с новыми девушками, и сделала ему замечание.

Я спросил Энжелу: «Так может, он уже нашел себе новую подружку?»

Она ответила: «Да кому он нужен... Ты видел, что с ним стало...»

Вы вообще видели, как он исхудал? На фотографиях – фигура из концлагеря.

Вам действительно его совершенно не жалко?

Во имя чего Вы решили замучить собственного сына? Во имя Ваших идей 60-70-х

годов прошлого века? Господи... Вы хоть когда-нибудь сомневаетесь в своей правоте?

Энжела сказала, что он и ей не нужен... Она очень обиделась. А мне его жалко, и я его люблю. Может, посоветуете ему вернуться, мы все помиримся и заживем по-прежнему счастливо?

Ну, ведь до слез жалко парня...

Он и собаку свою замучил. Совершенный скелет и пуганая. Теперь она у нас стала сытая, спокойная, счастливая...

Ну, что Корчагины, может, помиримся? Пусть возвращается. Вышибут его с этой работы, если уже не вышибли... И со следующей... Потом он влипнет в очередную историю... Погибель, да и только. Единственное место, где этот парень мог бы быть счастлив, это у нас.

Пожалейте его. Он же болен на всю голову. ну, Вы ведь это знаете...

И что нам делать с его восемью единицами огнестрельного оружия? Это незаконно – держать оружие здесь, а перевезти его никто не может, кроме него.

Он тратил все деньги на приобретение этих ружей, арбалетов – целый арсенал.

Если хотите, пусть продаст этот дом, и заберите все, что сможете. Нам этот дом не нужен.

Энжела может вернуться на съемную квартиру – где, кстати, у нее было уютней...

Альберт настолько “хозяйственный” что загадил весь дом и территорию. Зимой вместо того чтобы вывозить мусор, он прятал его в сугробы...

Короче, продавайте дом, забирайте деньги. Но все-таки, если в Вас есть хоть капелька родительской любви, – отправьте его обратно, пусть и дальше пускает фейерверки, валяет дурака и т. д. Он был очень веселый и смешной, пока Вы не приехали...

Ваш Герберт».

Через некоторое время пришел ответ от матери. Сам же Альберт ничего не ответил.

Мать писала:

«Прошло несколько дней с момента получения вашего письма, которое совершенно выбило меня из колеи. Не потому, что я испугалась угроз

(признаюсь, что я боюсь только смерти близких и своей собственной, – все остальное можно пережить), а потому, что я самоуверенно не допускала, что отношения двух наших семей когда-нибудь опустятся до уровня вульгарной склоки. И я всеми силами буду бороться за то, чтобы этого все-таки не случилось.

Я сейчас очень плохо себя чувствую, а любое неформальное письмо неизбежно приводит к эмоциональной перегрузке с чисто медицинскими последствиями. Мне, конечно, было что ответить по каждому пункту, я просто хотела себя пощадить и поберечь (я сейчас, как вы знаете, живу одна и побаиваюсь оказаться без помощи). Однако крик души моего мужа (я пишу это без кавычек, потому что это действительно был выплеск мучительной душевной боли) спровоцировал продолжение, и вот я села писать ответ. Приготовьтесь к долгому разговору и, пожалуйста, дочитайте все до конца.

Вы не могли не заметить, что я чрезвычайно консервативна. Может быть, это не самое лучшее свойство, но у него есть одна положительная сторона: если я к кому-то прониклась расположением и уважением, меня трудно сдвинуть с этой точки зрения. И это касается персонально вас. Люди умные, талантливые, творческие и артистичные (а вы именно такой) вызывают у меня особую приязнь. Мне всегда было интересно и с вами, и с вашими книгами. Поэтому я сознательно игнорирую оскорбительный тон последних писем. Я не

желаю верить, что мы опустимся до уровня людей, которые, очнувшись, будут сами себе противны. Мне кажется, мы не должны дальше продолжать общение в таком же духе. С тех пор, как поженились дети, я наблюдаю за вами, я размышляла о вас, я составила о вас мнение, и это благоприятное мнение. Поэтому сейчас я пытаюсь отсечь все оскорбительное и разглядеть за этим суть проблемы. Я хочу восстановить взаимопонимание, которое, как мне кажется, между нами до сих пор существовало.

Мы с мужем не сходимся в мнениях относительно побудительных мотивов, подвигнувших вас написать письмо. Я уверена, что меньше всего вы были движимы корыстными соображениями. Я многократно была свидетельницей вашей щедрости, доходившей порой до расточительности. Однако в том, что вы не мелочны, в том, что вы глубоко добры, меня навсегда убедили два обстоятельства. Дело касается вашего отношения к вашей служанке (не помню, как зовут молодую женщину, которая помогает вам по дому). Вы не только бескорыстно спасали и поддерживали ее в тяжелую минуту. Самое ценное, что вы, насколько я слышала, продолжаете поддерживать ее и сейчас, даже тогда, когда собственные ваши дела идут не так хорошо, как прежде. И еще. вы «ничтоже сумняшеся» потратили огромные деньги (вероятно, сопоставимые с теми, что мы вложили дом детей), когда привезли к себе своих родителей и

изо всех сил пытались создать им удобную жизнь. Из этого я делаю вывод, что дело не в проклятом доме и не в деньгах. Что касается долгов, оставленных Альбертом, то связанные с этим финансовые вопросы легко решаются в процессе переговоров, а потери компенсируются. Дело, по-моему, не в этом.

Я почти убеждена, что не ударь по всем нам экономический кризис, не было бы и почвы для возникших между нами противоречий. Альберт наверняка, нашел бы работу по специальности где-то поблизости (благо местность у вас курортная), и ребята, имея крышу над головой, худо-бедно находили бы возможности ее оплачивать. Однако жизнь внесла коррективы, и, похоже, мы еще долго не выкарабкаемся из проблем. По крайней мере, наши информированные московские родственники из крупного бизнеса предрекают еще не одну волну и срочно принимают меры. Я уже говорила как-то Эльзе в телефонном разговоре, что сложившаяся ситуация не позволяет больше детям играть в Барби и Кена, а подталкивает к освоению жанра под названием «борьба за выживание». Именно поэтому мы были очень рады, что Альберт после восьми месяцев рассылки резюме получил хоть одно-единственное предложение. Так случилось, что оно поступило с другого конца страны.

Теперь, Герберт, я думаю, пришло время разрешить еще одно недоразумение и ответить на некоторые пункты обвинений из вашего письма. К вопросу о нашей иммиграции и страстном

желании руководить жизнью детей. Борис, припомните, пожалуйста: разве мы, когда были у вас, хоть раз намекнули на то, что вынашиваем подобные планы? Мы и сейчас не собираемся иммигрировать. Мой муж, хвала Господу, востребован, как никогда прежде. Его главной проблемой является только нехватка времени для работы по всем возможным направлениям. У него тьма планов на будущее, аспиранты и студенты-дипломники, с которыми он обожает возиться. Он включен в несколько международных проектов, рассчитанных на несколько лет вперед, и приглашен для участия в конференциях и чтения лекций. К несчастью для меня (я бы его с удовольствием сопровождала), он вынужден был в этом году отказаться в пользу более значимых конференций от поездок в Швейцарию и в Израиль.

Герберт, вы же умница и понимаете, что у вас он никому не нужен в данном качестве. Тут своих физиков хватает. Если уж ехать, то надо было делать это лет 30 назад. Без занятия наукой, да и без места, которое он в ней занял с годами, мой муж жить уже не сможет. А потеря качества, снижение социального статуса для активного мужчины – путь к стремительному угасанию.

Моя жизнь не менее интересна и насыщена работой, которая мне нравится, а также такими событиями и впечатлениями, которые я вряд ли смогу обеспечить себе на новом месте. Ближний круг создается годами, а у меня потрясающе интересные друзья и родственники, без которых

я не смогу обходиться! Наш быт налажен, средства к существованию пока, слава Богу, есть. Нефти и газа на наш век хватит – это, к сожалению, не гарантировано будущим поколениям. Именно поэтому мы в свое время «выдавливали» Альберта из страны, пока он не женился, не обзавелся друзьями, не успел прирасти накрепко.

Второе обвинение, которое меня задело в тексте письма, касалось моего постоянного вмешательства в жизнь молодой семьи. Аргумент – оплата мной авиационных билетов. Герберт, я не мачеха Золушки, а старая сентиментальная идиотка, свято убежденная в том, что дети обязательно должны быть вместе в новогоднюю ночь, а отсутствие денег может им в этом помешать.

Теперь позвольте мне, Борис, коснуться других тем, затронутых вами. Во всем, что касается поведения, характера, психологических особенностей моего сына, я с вами полностью согласна. Тот факт, что он бросил университет, был обнаружен мной не сразу, но довольно давно. Свое, мягко говоря, негативное отношение к этому поступку я ему обозначила. Поступок был легкомысленный, в чем он, конечно, отдавал себе отчет. Он ведь надеялся скрыть его от родителей. А уж как велико было искушение: нежная Энжела, хлебосольный и гостеприимный дом, красная машинка, лошадка и, главное, вновь обретенное и необходимое всем

слабохарактерным людям ощущение себя под защитой семьи.

Герберт, вы написали: «Альберт – лгунишка, безответственный, ни на что не способный». И это мне тоже известно. Альберт не просто лгунишка, но и фантазер. Особенно тогда, когда осознает, что не дотягивает до требуемого уровня и хочет казаться лучше и значительнее, чем он есть на самом деле. Поверьте мне, мы с этим боремся с детства. Психологи утверждают, что у инфантильных мужчин этот порок компенсируется с достижением зрелости. Хочется верить, что и с Альбертом это случится.

Теперь о его безответственности. Вы снова правы. Я знаю об этом качестве, ибо оно проявляется и на работе, и в быту. Он не способен к самоконтролю. Однако безответственность полностью исчезает, когда Альберт знает, что, в связи со спецификой работы, над ним установлен жесткий внешний контроль. Это проверено. Вы, Герберт, жесткий бизнесмен, наделенный природной деловой хваткой, и не можете не понимать, что легкомыслие, безалаберность и безответственность несовместимы с собственным бизнесом. Это значит, что Альберту рано (или вовсе противопоказано) начинать собственное дело. С другой стороны, он способен хорошо работать в команде. Это тоже проверено и об этом стоит думать.

Как мудрый человек и психолог, да и как опытный манипулятор, вы ведь, Герберт, сразу

распознали в Альберте доброго, наивного, неконфликтного и бесконечно доброжелательного (а, значит, неопасного) человека, которого не страшно впустить в семью. Да, вы правы, он вечный мальчишка, обожающий взрывать петарды, стрелять, лихо кататься на сноуборде и т. п. И он таким будет до старости (что, кстати, хорошо сплачивает подобных отцов с их детьми). Герберт, вы можете на меня обидеться, но ведь и в вас много от мальчишки. Я на 20 лет вас старше и наблюдала вас с материнской точки зрения. Однако, в отличие от Альберта, обычного мальчишки, в вас живет другой мальчишка – ранимый мальчик-вундеркинд, редко находящий братьев по разуму.

Герберт, вы пишете, что Альберта «вышибут» с работы, которую он нашел. Я этого не исключаю. Я не ослеплена родительской любовью и знаю ему цену. Однако я все же обращаюсь к вам с просьбой и очень надеюсь на понимание. Давайте на некоторое время оставим его в покое. Пусть он попробует все-таки поработать на том месте, которое нашел сам. Пусть он с мая месяца попробует взять на себя оплату их с Энжелой дома. Это дисциплинирует его и позволит «сохранить лицо», когда он вернется. Если у него все-таки ничего не получится, то ему суждено пережить тяжелые минуты, и вот тогда он уже сознательно опустит планку своих амбиций. Если же мы не дадим ему даже сделать попытку, в своей несостоятельности он всегда будет обвинять окружающих. Я очень надеюсь,

Герберт, найти в вас союзника в этом. Альберт понимает, что допустил много ошибок, и хочет вам доказать, что чего-то стоит сам по себе. Вместе со всеми своими недостатками он все-таки не самое безнадежное воплощение человека на земле? Давайте подождем немного. Давайте не забывать о том, что экономический кризис еще не миновал. Жизнь сама расставит все по своим местам. Если вы со мной согласитесь, то я прошу вас, не обрывайте с ним контактов. Он очень привязан к вашей семье.

И, наконец, мне хотелось бы поговорить о том, что на самом деле волнует меня больше всего. Я имею в виду ухудшившиеся отношения между ребятами. Это очень тревожно. В их годы абсолютно все принимает гипертрофированные размеры: любят «навсегда», расстаются «навсегда», «никогда» не прощают, бешено ревнуют, а когда наступает отрезвление, бывает поздно что-то исправить. Для того чтобы «поздно» не наступило, существуют доброжелательные родители. Давайте поможем этой семье пережить тяжелые времена. Герберт, вы как большой поклонник Интернета и опытный юзер, знаете, что контакты в социальных сетях к дурным болезням не приводят. Я не проверяла, разумеется, почту Альберта, но думаю, что кроме совершенно безопасных одноклассниц и однокурсниц, у которых уже давно своя собственная семейная жизнь, там никого быть не может. Ручаюсь, что и Энжела, как всякая современная девочка,

поддерживает контакты с бывшими школьными товарищами, среди которых, думаю, есть и мальчишки. Спросите у нее сами, насколько серьезно она к этому относится? А пугать друг друга и пытаться вызвать ревность они могут сколько угодно.

Герберт, я хочу сделать вам предложение. Давайте все немного успокоимся. Давайте последуем восточной мудрости: «Если хочешь сотворить глупость, послушайся голоса гнева». Обдумайте, пожалуйста, не торопясь, то, что я вам написала.

Мы накануне Великого поста. Скоро будет Прощеное воскресенье. Давайте постараемся смирить накопившиеся обиды, умиротворить души и попросим друг у друга прощения за все причиненные обиды и несправедливости. Тогда мы сможем надеяться, что Бог нас простит».

Семья Адлеров не оставила Альберта в покое. Однажды им удалось вызвать его на телефонный разговор, который состоялся только после большого скандала, устроенного Эльзой и его матерью. Альберт четко заявил, что не вернется ни при каких обстоятельствах. Энжела в свою очередь сказала, что к нему не поедет, да и тут он ей не нужен.

Герберт подвел итог отношений в своем последнем письме Альберту:

«Спасибо за разъясненную тобой позицию, полностью совпадающую с позицией твоих родителей. Наши разногласия наиболее ярко были выражены в письме

твоего отца, но именно разговор с тобой не оставил надежды на уступки с твоей стороны.

Я не буду более беспокоить тебя своими предложениями. Более того, постараюсь тебя и твою семью вообще более не беспокоить. Разрыв в твоём сегодняшнем понимании мира и то, как его видим мы, слишком велик, чтобы пытаться навести мосты. Когда ты пришел в нашу семью, ты вполне разделял наши взгляды. Мы провели вместе незабываемые месяцы до приезда твоих родителей. Нам было хорошо и весело с тобой. Так что если говорить о перемене, то она произошла в тебе, и, как я вижу, эта перемена необратима.

Энжела выходила замуж за совершенно другого человека. С хорошим и очень уступчивым характером. Все время спрашивающего: «Энжелочка, с тобой все в порядке?», заботливого и веселого.

Конечно, не менее мрачный, чем она сама, строитель по кирпичику «светлого будущего» ей, скорее всего, не нужен. Кроме того, не приходило ли тебе в голову, что она мрачна только с тобой, а в твое отсутствие весела и счастлива?

Я не думаю, что ты на самом деле стал таким серьезным строителем светлого будущего. Наверняка с друзьями ты, как и прежде, приветлив, дурашлив и болтлив. Но по какой-то причине ты и твои родители пришли к выводу, что с нами надо общаться именно в стиле строителя коммунизма.

Прощай, мой любимый веселый Альбертик.

Если Энжела пожелает, она напишет тебе сама.

Твой Герберт».

58

Разрыв был очевиден, однако каково же было всеобщее удивление, когда на день рождения Энжелы Альберт прислал подарок и цветы, а его мать — двести долларов.

— Они и правда считают меня безмозглой куклой, — возмутилась она, однако не скоро решила, как же ей поступить. Наконец она написала Альберту холодное письмо, в котором благодарила за подарки, но просила больше ей их не присылать, потому что «то, что произошло между нашими семьями, не позволяет принимать от вас подарки».

На это, как водится, Альберт ответил не Энжеле, а Герберту. Причем по стилю Герберту показалось, что с ним переписывается мама зятя.

«Дорогой Герберт!

Я только что получил письмо от Энжелы. Оно меня очень удивило, почему-то она решила писать мне по-английски и очень официально. После почти 3-х часовой телефонной конференции с вами всеми пару недель назад у меня сложилось мнение, что мы начали искать путь к примирению. Теперь мне кажется, что это была только Ваша инициатива. Поэтому я хочу ответить Энжеле через Вас. Свой подарок я выбирал от души, помня о ее коллекции. С мамиными деньгами она может делать все, что хочет.

Надеюсь, вы все здоровы и готовитесь отмечать Пасху.

Заранее поздравляю вас всех с Вербным воскресеньем.

Ваш Альберт».

Герберт ответил:

«Дорогой Альберт.

Первая и главная наша проблема – коммуникация. Нельзя на письмо Энжелы отвечать мне. Нельзя на письмо моей жены

отвечать не ей, а мне. На мое письмо отвечать Энжеле, и так далее.

Так что тебе придется ответить Энжеле на ее письмо и все выяснить у нее.

С нашей стороны есть четыре человека. У каждого своя позиция. Тем более теперь, после нашего разговора с тобой, они изменились.

Моя позиция. Мне нужно, чтобы моя дочь была счастлива, любима и обеспечена. Если ее муж не желает или не способен дать ей все это — я охотно буду ей это давать. Поэтому когда она грустна, я посылаю ее в тропики, обеспечиваю деньгами, и на днях купил ей новую «тойоту». Она выглядит совершенно счастливой, спокойной и довольной жизнью.

Собирается поступать университет на искусствоведение. Попытки твои и твоей семьи доказать нам, что мы живем неправильно, — безуспешны. Мы так жили десятилетиями и с Божьей помощью продолжим так жить и в будущем.

Поскольку ты твердо заявил, что не собираешься делать каких-либо уступок в направлении нашего образа жизни, то, с моей точки зрения, отношения между нами прекратились, о чем я и написал, и сказал по телефону. Я сказал: «Будешь в наших краях — заходи», что означало: «Ты не согласен ни на какие уступки. Ты не хочешь нас понимать. Я вычеркиваю тебя из своей жизни».

Позиция моей жены. Она любила тебя всей душой. Ты ее предал тем, что бросил, перестал общаться и особенно обидел тем, что на ее письмо ответил, что считаешь, будто его написал я. Именно она плакала в телефон и звучала наиболее расстроенной. После трехчасового разговора с тобой, увидев, что ты ее совершенно не понимаешь и не желаешь идти на какие-либо уступки, она полностью успокоилась и вычеркнула тебя из своей жизни.

Позиция Джейка. Он с тобой дружил. Теперь у него осталось глубокое ощущение предательства. Ни общаться, ни дружить он более не хочет.

Наконец, позиция Энжелы. Она глубоко обижена. Твоя реакция на ее поездку в тропики, твои нападки на нашу семью и наш образ жизни привели к тому, что ты ей глубоко опротивел. Ты не собираешься ее понимать, разбираться в том, что ей действительно хочется и так далее. Письмо твоего отца (за которое никто не извинился), подвело черту. Наконец, твой формальный подход к вашим

отношениям – неспособность расположить ее к себе, извиниться, принять ее позицию и желания – полностью перечеркнули хорошее отношение к тебе.

Теперь она твердо уверена, что вы в фактическом разводе, и утверждает, что не примет тебя обратно ни при каких условиях.

Вот, собственно, и все, что я могу сказать о результатах того разговора. Мы решили не

производить никаких враждебных действий, но ввиду твоего упрямого нежелания идти на какие-либо компромиссы, попыток твоих и твоей семьи нагло учить нас жить, мы вычеркнули вас из своей жизни, с чем вас и поздравляю.

Твой Герберт».

На это незамедлительно пришел ответ, по стилю еще больше похожий на стиль матери Альберта.

«Дорогой Герберт!

Большое спасибо за ответ, рад, что вы все в добром здравии. Также хотел бы поблагодарить лично Вас за разъяснение вашей позиции в письменном виде. Однако мне кажется, что ясности мы все-таки не добились.

Во время нашего последнего разговора мы договорились принять Status Quo. Более того, я принял Ваше личное предложение приехать на некоторое время к вам и обсудить наши дела. Я сказал, что смогу это сделать, но только тогда, когда у меня будет отпуск. Теперь мне совсем не понятна фраза из Вашего письма: «Будешь в наших краях – заходи», что означало: Ты не согласен ни на какие уступки. Ты не хочешь нас понимать. Я вычеркиваю тебя из своей жизни». Я не понимаю, как приглашение может означать – «ступай с глаз долой». Как бы там ни было, приехать я все равно планирую.

Если внимательно приглядеться к Вашему письму, становится заметно, что все четыре мнения совпадают. И не просто совпадают, а идентичны, вплоть до построения фраз. Все меня вычеркивают. Это наводит на один-единственный вывод: Вы лично оркестрируете и озвучиваете мнения всех членов семьи. Поэтому на сегодняшний день я принимаю только Ваше мнение, которое я уважаю, хотя и не разделяю. Что касается остальных, у них есть свой голос, свои компьютеры, свои e-mail-ы, свои мобильные телефоны. Я буду очень рад пообщаться с ними лично.

Вы упорно повторяете: «Попытки твои и твоей семьи доказать нам, что мы живем неправильно, – безуспешны». Вы также пишете о попытках «твоих и твоей семьи нагло учить нас жить». Ни я, ни я мои родители никогда таких попыток не предпринимали. Образ жизни вашей семьи – это ваше личное дело. Чтобы вести такую жизнь, нужно иметь очень солидную материальную базу и особый тип мышления. У Вас есть и то и другое. А у меня нет ни того, ни другого. Поэтому навязывать мне подобный образ жизни и выдавать его за единственно возможный и правильный мне представляется несправедливым. По-моему, это то же самое, что «нагло учить жить».

Вы все время пишете о моем упрямом нежелании «идти на какие-либо компромиссы». А ведь вопрос не о компромиссах, а об ультиматумах – либо ты возвращаешься, либо я,

моя жена и дети вычеркиваем тебя из нашей жизни. Вы прекрасно знаете, что в ваших краях я не могу найти ту работу, на которую способен и которая сулила бы какие-либо перспективы в будущем. Когда Вы со мной только познакомились, Вы прекрасно понимали, что в ближайшее время я не смогу купить своей жене «тойоту» и отправить отдыхать ее в тропики, когда ей грустно. Что же изменилось теперь? Вы пишете: «Если ее муж не желает или не способен ей дать все это – я охотно буду ей это давать». Пожалуйста, балуйте ее сколько хотите, а мне дайте только возможность со временем Вас заменить.

Здесь мне удалось найти место, которое меня на сегодняшний день устраивает. После почти полутора лет случайных подработок мне наконец-то удалось добиться стабильности. И я считаю, что передо мной вырисовываются перспективы. Главным стимулом для меня является желание в течение ближайших лет начать обеспечивать свою жену. Почему бы Вам просто не поддержать меня в желании твердо стоять на собственных ногах? Неужели вместо этого лучше вычеркнуть меня из своей жизни?

Я уже очень давно пытаюсь выяснить многие вопросы именно с Энжелой. Но она не желает вести со мной конструктивный диалог. Вы мне пишете: «твой формальный подход к вашим отношениям – неспособность расположить ее к себе, извиниться, принять ее позицию и желания – полностью перечеркнули хорошее отношение к

тебе». А у меня сложилось впечатление, что Вы очень сильно повлияли на ее отношение ко мне. Вы специально ее против меня настраивали. И, надо сказать, добились успеха. Есть такое выражение: «Против кого дружим?». Вы сейчас всей семьей «дружите» против меня. Я думаю, что вы даже сплотились на этой почве. Но вы почему-то забываете, что в каждом конфликте не может быть виноватой только одна сторона.

Вы пишете: «Первая и главная проблема – коммуникация». Я обязательно напишу Энжеле большое, подробное письмо. Но есть ли гарантия, что она станет его читать? Есть ли у меня шанс получить от нее лично подробный и вразумительный ответ? После ее поездки ко мне она становилась со мной все более и более грубой. Вы пишете, что, я не собираюсь «ее понимать, разбираться в том, что ей действительно хочется» и так далее. Все время, пока мы жили вместе, я искал пути к взаимопониманию. Что касается Энжелы, то она разговаривает со мной исключительно в ультимативном тоне. Так с мужем разговаривать нельзя! Я не знаю, является ли это следствием Вашего влияния, или она живет только сегодняшним днем и не желает думать о будущем.

Вы пишете, что Энжела «твердо уверена что вы в фактическом разводе и утверждает, что не примет тебя обратно ни при каких условиях». Со своей стороны я категорически заявляю, что не считаю себя в разводе. Что бы Вы на мой счет ни

придумывали, я веду исключительно праведный образ жизни. Для меня сейчас существует только работа.

Хочу, чтобы Вы знали: я никого из вас вычеркивать из своей жизни не собираюсь.

По-прежнему ваш Альберт».

Герберт ответил:

«Дорогой Альберт.

Вы не учите, как жить? А письмо твоего папика? Оно отражает позицию вашей семьи, чтобы вы ни говорили. Наглую и грубую. Мы топчемся на одном месте. Разбейся с Энжелой сам. Звони ей, приезжай, делай что хочешь. Больше не пиши. Это глупо.

Я не заставляю ее посылать тебя подальше. Завтра она придет и скажет:

«Я снова люблю его, папа», и я с легким сердцем ее благословлю, пускай едет.

Если я тебе скажу, что ты ведешь себя как дурак, ты не поверишь.

Во всяком случае, так ты с ней разговариваешь (а мы слышали):

– Ты своему дружку прежнему на наркоту мои деньги потратила!

– Какая же ты свинья! – единственная фраза Энжелы за весь наш трехчасовой разговор.

Так что общайся со своей женой сам. Оставь меня в покое. Потом сообщите, что вы там себе наобщаетесь. Ты также не поверишь, что в данный момент ты не являешься центральной фигурой моих забот и устремлений, и мне скучно настраивать всех против тебя. Любила, теперь не любит. Как мне сказали, так я и реагирую. А вот почему любила и почему не любит, выясняй у нее. Надеюсь, что ты меня освободишь от дальнейшей переписки от которой сильно пахнет перепиской с твоей мамой. Твой Герберт».

59

Энжела рыдала, сидя на полу в гостиной своего пустого дома. Она то принималась браниться, то хваталась за голову обеими руками и стенала душераздирающе, истошно, безутешно. Все, что было достигнуто с таким трудом, рухнуло. Ничто не могло ее утешить. Ее принц, которого она лелеяла с таким тщанием, лишился головы.

Она только закончила его красить, как он упал со стола и у него отлетела башка и сломался шарфик.

Энжела лепила глиняную статуэтку маленького принца с барашком в руках.

Вчера она спокойно и даже с некоторым удовольствием сообщила своему супругу, что твердо решила развестись. Тот воспринял это невозмутимо. Продолжал свысока учить ее жизни.

«Ах, если бы он не был идиотом... Это можно было бы еще хоть как-то переносить», — жаловалась девушка своим родителям. Она не проронила и слезки по своему завершившемуся браку. Она рыдала по глиняному принцу, лишившемуся головы.

Бог милостив. Голову удалось приклеить, и принц поселился в коробке, специально раскрашенной под ландшафт его маленькой планеты, всецело поглощенной темно-синим небом в звездную крапинку.

Давнишняя просьба, обращенная к родителям: «Найдите мне принца», была ими выполнена неудовлетворительно. Пришлось вылепить себе принца самой.

Герберт больше не вмешивался. Да и что он мог теперь поделать? Энжела выглядела счастливой, погруженной пусть и в неприхотливое, творчество.

Его «непротивление счастью» распалось само собой. Зря он думал, что восторжествовал над мрачными образами Достоевского. Теперь он понимал, что его хриstopодобные герои учили смирению и чувству вины за чужой грех, за все грехи, за грехи всего человечества. А он, желторотый устроитель земного счастья,

попытался восстать против Божественного мироустройства, в котором своя собственная воля – грех, и нет иного пути к спасению, кроме смирения и добровольной муки.

Герберт проиграл Достоевскому, православию, а вместе с ним и всему мирозданию.

Ему ничего не оставалось более, как покорно склонить голову.

Если кому-то покажется, что только в семье Адлеров был непорядок, он ошибется.

Пучеглазый Эрвин, которого Герберт обращал в истинную веру, отказался венчаться. Молодые поссорились на той же почве. Деньги, ответственность, работа... Жених начал сильно выпивать. Все кончилось тем, что невеста исцарапала пьяному жениху лицо. Они расстались окончательно...

Андрей Виригин, вопреки ожиданиям, не утонул в проруби и не покончил с собой. На его записи в Интернете, где он поносил творчество Адлера, наткнулся корреспондент центрального телевидения, искавший факты использования детектора лжи при приеме на работу. Там, между прочим, Андрей жаловался, что однажды его не приняли на работу в редакцию после того, как детектор лжи показал, что он склонен к алкоголизму.

Телевидение не приняло во внимание, что детектор оказался прав, в тех же записях Андрей

вовсе не отрицал, что он алкоголик. Про него сделали передачу, где Андрей оказался несправедливо пострадавшим.

Через некоторое время Андрей похвастался Герберту, что его приняли на работу заместителем редактора крупного московского журнала. В его обязанности входит принимать или отвергать присылаемые материалы. Он продолжает пить, но не запоями, а каждый день, по вечерам. Мечтает, чтобы Вета узнала о его успехе...

Герберт, как ни странно, был за него рад, хотя и ворчал: «На сколько его хватит, неизвестно, но надо заметить, что неверующему алкоголику и НацБолу нет лучшего места, чем кресло зама редактора журнала. Кому еще быть властителем дум?»

Герберт продолжал облагораживать свой маленький храм. Установил купол с крестом, принимал паломников, продолжал обхаживать своих прихожан. Жена его счастливо шила покровы для алтаря и аналоев на Пасху...

Для того чтобы уверовать в библейское объяснение мира через первородный грех, не нужно подыматься к звездам. Достаточно взглянуть внимательным взглядом на любого человека. Мы все уязвлены, смертельно ранены грехом. Грехом не в его лубочном, затасканном веками понятии, а именно грехом в простом значении слова – изъёме непомерным. Ведь так

легко представить себе идеальные отношения, простую бесхитростную жизнь. Люди любят друг друга больше, чем самих себя, скромно, бережно и трепетно отживают свои дни на благодатной земле. Зори сменяют закаты. Альберт нежно любит Энжелу, не оставляет ее ни на минуту, во всем ей становится подмогой. Энжела души в Альберте не чает. Они живут счастливо, и ничто не омрачает их светлой спокойной жизни. Появляются детки, и они возятся с ними, умиляются их первым словечкам...

Ничего этого не будет. Только змеиный клубок гордынь...

Или вот Андрей Виригин забывает вкус спиртного, обращается всей душой к Богу. Находит свою любовь и лелеет ее беззаветно...

А Герберт освобождается от своего вечно грызущего его червя сомнений и отживает дни в мире и благоденствии, любви и смирении...

Куда там! Все мы словно изъязвлены, смертельно ранены гордыней, гнетущей наши мятежные души...

Герберт издал свой роман, но отзывы читателей были ужасны. Так еще не ругали ни одно его произведение: «Вот отстой. Судьба премии “Полный абзац” предрешена. Совершенно бездарно».

Только одна добрая душа заступилась: «В каждом человеке сплелось воедино столько мыслей, тревог, забот, переживаний, радостей, добра и зла. Не каждый может вынести на Суд Человеческий свою обнаженную душу и открытое сердце. Смелости не хватает. А Адлер о своих сомнениях и метаниях пишет открыто. Его кружение над бездной видно и чувствуется. Может, пора задуматься и каждому из нас?»

60

Боже, как же трудно было обращать в христианство языческие народы! Герберт битый час сидел над Евангелием на китайском, подаренным китаянке, нянечке его младшего сына. Он выучил китайский ровно настолько, чтобы ориентироваться в Святых Писаниях.

— Вот, пятая глава Евангелия от Матвея... Нагорная проповедь. Видите, Бог говорит вам — вы соль земли, вы свет мира.

— Я не понимаю.

— Ну, вам же китайским языком написано...

— Разве люди могут быть солью и светом?

— Это значит, что мир создан для вас, что мы, люди,

самое ценное в нем и мы призваны стать свидетелями Бога в этом мире...

— ...голодные станут счастливыми... —
китайка недоумевала.

— Голодные до правды!

Китайка взгляделась в иероглифы.

— Да... голодные до правды...

Китайка читала, коверкая смысл...

Герберт пояснял так, как надо это понимать... Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное. Блаженны плачущие, ибо они утешатся. Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю. Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся. Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут. Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят. Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими. Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное. Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня. Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах: так гнали и пророков, бывших прежде вас. Вы — соль земли. Если же соль потеряет силу, то чем сделаешь ее соленою? Она уже ни к чему негодна, как разве выбросить ее вон на поприще. Вы — свет мира...

Боже, как же трудно... Как невероятно трудно нести свет учения Христова во все языки, всем народам до краев земли...

Язычники думали опорочить проповедь святого Андрея Первозванного, предав его смерти на кресте, который прославлял апостол. С радостью принял святой Андрей Первозванный решение

правителя и с молитвой ко Господу сам взошел на место казни. Чтобы продлить мучения апостола, тиран приказал не прибавлять руки и ноги святого, а привязать их ко кресту Три дня и три ночи с креста апостол проповедовал собравшимся вокруг. Люди, слушавшие его, всей душой сострадали ему и потребовали снять святого апостола с креста. Испугавшись народного возмущения, правитель приказал прекратить казнь. Но святой апостол Андрей стал молиться, чтобы Господь удостоил его крестной смерти. Как ни пытались воины снять апостола Андрея с креста, руки им не повиновались. Распятый апостол, воздав Богу хвалу, произнес: «Господи, Иисусе Христе, прими дух мой». Тогда яркое сияние Божественного света осветило крест и распятого на нем мученика. Когда сияние исчезло, святой апостол Андрей Первозванный уже предал свою святую душу Господу. Правитель, мучимый совестью за смерть апостола, лишил себя жизни.

Русская Церковь, приняв веру из Византии, епископы которой ведут преемство от апостола Андрея, является его преемницей.

В мире нет совпадений,
Есть только тростиночки судеб.
Их сплетая в венки,
Время цепко нас держит в руках.
В мире есть только тени,

И тени в нем, видимо, будут.
Даже если они
Вызывают у светочей страх.

В мире нет простоты,
Как бы нам простоты ни хотелось.
И излучины рек
Разлучают навек берега.
В мире есть просто ты,
Твое милое млечное тело.
И внезапный побег
В темноту твоих сомкнутых глаз.

Я от терний венков
Отказаться, наверно, обязан.
И от лавров мирских,
С сожаленьем вздохнув, откажусь.
Мой нехитрый улов —
Свет свечи и воскуренный ладан.
И объятья твои,
Во Христа обращенная Русь.

Нам многое дано, но мы не берем и того, что
можем. Когда не хватает слов, остается
проповедовать только восходя на крест...

ЭПИЛОГ

1

— Я не утратил веры! Нет... Вера утратила меня!
— поведал Герберт невразумительный каламбур своему невидимому другу. Эта женщина бессменным редактором его текстов сопровождала Герберта всю его пятилетнюю писательскую одиссею. Они никогда не встречались, только переписка и редкие телефонные разговоры, но никто так не был знаком с внутренним миром Герберта, как этот человек, проживавший на другом конце земли, в России.

— Боже мой! — услышал Герберт в трубке знакомый прокуренный голос. Было чему удивляться. Герберт вот уже два года ничего не писал и почти не общался со своим ангелом-хранителем от литературы, хотя и скучал по тем временам, когда исписанные страницы с шелестом крыльев рвались из-под его руки прямым под ее зоркий взгляд...

— Да, представьте себе... Не могу, рвусь писать, но сажусь — и руки опускаются... И жена не велит, говорит: лучшее, что ты можешь сделать для православной веры, — это ничего про это не писать!

— Жену нужно слушать. Если она не велит, тогда, может, и не стоит?

— Не могу! Набух, как зрелая бомба... Я не потерял веры, но все, что происходило вокруг в последнее время, совершенно выбило из колеи...

— Ну, не томите... Что случилось?

— Явилась ко мне некая дама, которую мой духовный отец представлял всем как свою племянницу. И вот представьте, является вся в слезах: никакая, дескать, не племянница я ему, а любовница. Да и Бог им судья, но этот мой монах ее, оказывается, бьет и обижает, а теперь и вовсе выгнал из дома. Ведет двойную жизнь, церковные деньги тратит на роскошь, которую тщательно скрывает... Я было не поверил, но все сходится, и буквально доказательства налицо... Последние сомнения развеялись, когда мой пустынник тут же примчался и со слабо замаскированным презрением всучил мне пачку купюр якобы на издание моей газеты, а сам тихонько увез свою «племянницу», которая не сопротивляясь отправилась за ним, как овца.

— Страсти какие!

— Это еще что... Тут мы пригласили другого монаха, из России. Он устроил нам настоящий монастырский режим, строгий пост и молитвы по четыре раза на дню... А через месяц так напился, что стоять на ногах не мог, мы с сыном за ним ходили, удерживали, а он все на пол порывался помочиться... Ну а перед тем как в такое невменяемое состояние впасть, успел поведать, что та, что его нам порекомендовала, оказывается, была его любовницей, и теперь он

напился не иначе как из ревности, поскольку она сподобилась наконец познакомиться с другим мужчиной. Опять же Бог им судья, но зачем же в запой, да еще в такой беспробудный, да еще при моем сыне? Теперь он, насмотревшись на все это, заявляет, что стал атеистом...

— Прямо как в романе! Нет, вы не подумайте, я это без сарказма!

— А архиепископ наш и вовсе под судом. Отстранен от должности. Обвиняется в растлении малолетних — случай тридцатилетней давности и отчасти, возможно, результат внутрицерковных интриг, но все же... Развращал он их или нет, не ясно. Оправдывается он вяло, все больше помалкивает, а суд, сами понимаете, дело долгое... Опять же Бог ему судья, если бы он при этом по-человечески к своим братьям по вере относился... Я написал ему письмо на шести страницах, крик души. Мол, работать не с кем. Дайте мне сан, я буду сам служить... Ну не направлять же мне прихожан к моему «отцу-молодцу»! Он не ответил. А серый кардинал, который всем у них заправляет, сказал мне: «Ты десять лет на коленях сана должен просить». Я отвечаю, мол, пожалуйста, я не против... Но если десять лет просить, то служить когда? Я же не конфетку выпрашиваю... Я же — «все раздай и следуй...» А они надо мной словно бы потешаются. Потом подослали ко мне моего духовного отца, ну, видно меня утешать. Я ему в лицо про его любовницу и высказал... Грубо как-то мой

рассказ звучит, но все-таки совершенно сил нет. Помните, «и если мой — свет тьма, то какова моя тьма?» Так и ждешь, что про кого-нибудь из честных отцов еще что-нибудь узнаешь. И не то чтобы я считал себя святошей... Просто по-человечески невозможно!

— Так, может быть, книгу? Церковь тот же социум, всюду люди, всюду свет и тьма, всюду страсти, всюду прелести.

— Книгу нельзя. Меня и за прошлую духовенство осудило, а за такое и вовсе предаст анафеме.

— А разве дурное дело — говорить о пороках и искоренять? Своеобразная чистка, белые одежды...

Духовные отцы это же как врачи: о хороших хорошая молва и очереди к ним на прием, о худых худая, и каждый делает выбор, к какому идти, и безусловно идет к хорошему. А плохого почему не ослабить?

— Эльза говорит: не пиши, это может отвратить человека от веры. А разве можно отвратить от веры? От фарисейства — да. От преклонения перед земными авторитетами — да. Но не от веры... Никак не от веры! Да и зачем бы Господь все это моим глазам представил, да еще в такой сжатый отрезок времени? Я — издатель «Православной газеты», какой-никакой писатель... Может, и Ему хотелось бы вскрыть этот нарыв? «Не надейтесь на князи, на сыны человеческия, в нихже несть спасения». Увы,

некоторые иерархи точно такие же князи земные... За ними можно и Бога не заметить...

— Да, и у нас подобных историй о духовенстве полно. Не надо только соблазняться и веру терять...

— Ох, тяжело...

— А Эльза как?

— А Эльза верует и варит на кухне манную кашу.

— Это здорово. Пока вы мучительно решаете глобальные вопросы, Эльза просто верует и просто варит кашу, и пока она это делает, в мире будет гармония и порядок. А остальные домочадцы что подделывают?

— Домочадцы? — Герберт усмехнулся, предвкушая, как удивит собеседницу, которая, хотя и была в курсе всех тонкостей его семейной жизни, читая его рукописи и книги, но вот реальной развязки нескольких сюжетных линий еще не слыхала... — Дочь развелась и сошлась с молодым человеком, который был у нее до замужества.

— Со Стюардом? Не может быть!

— Да, да... С тем самым, которого мы так дружно изгоняли и от кого хотели уберечь Энжелу, выдавая ее замуж.

— И как же вы это приняли?

— По-христиански. В воскресенье он пришел к нам в храм, и я открыл ему свои объятия со словами: «Прости! Я был не прав!» Он обнял

меня и тоже попросил прощения. Теперь все ведут себя, как ни в чем не бывало. А главное, Энжела теперь стала вполне самостоятельной и, похоже, ей все это очень нравится: и Стюард, и жизнь!

— А Анна на шее? Ну, та начальница вашего бизнеса, с которой вы судились?

— Тоже полное примирение. Прошло ведь уже несколько лет. Судебные дела все еще тянулись, и тут она взмолилась, мол, нет здоровья, нет денег, со всех сторон обижают-обманывают, со всеми в ссоре... И даже родители ее с ней не ужились и вернулись в Россию. Я простил и сам попросил прощения. Все закрыл... А на днях сижу в кабинете, слышу, кто-то вошел в комнату. Обернулся — она! Оказывается, ей не с кем провести свой день рождения, такое пустое пространство вокруг, и она приехала к нам... Посидели, поговорили. Так что со всеми помирился!

— Так уж и со всеми? А ваш закадычный враг?

— Литагент, что ли? Теперь все позади. Судите сами. Вот что он пишет:

«Герберт, я не знаю, кто ты. Но могу сказать определенно — ты мой добрый гений. Тогда, в Царицыне, я был страшно на тебя зол. Я не смог остаться в Москве, а значит, не смог рассчитывать на встречу с Ветой. Теперь я знаю, что такое любовь. Помнишь, как в "Гранатовом браслете" у Куприна?»

Но ведь ничего не было. Помнишь, как булгаковские Иешуа и Пилат идут и беседуют? Ничего не было. Я жутко скучал по нашим разговорам. Конечно, не так, как по ней. Но это и понятно.

Знаешь, есть такая певица Земфира? У нее есть строчка "Я стала старше на жизнь". В Москве-2009 я стал старше на жизнь.

Спасибо тебе за те церкви, что я посетил. Иначе бы я их никогда не увидел. И прости за выброшенный крестик.

Боже мой, что только не случилось с тех пор, как мы перестали общаться. Я познакомился с бомжом, живущим в коробке у Храма Христа. Он мой земляк. И хотя у меня не было ничего у самого, я старался ему помогать.

Я непременно закодируюсь. На несколько лет. Я столько пропустил и растратил. Но ведь можно начать все сначала и в 33, не так ли? Я думаю, что ты об этом напишешь.

Андрей Виригин»

Гербрет отправил Виригина в монастырь к тому монаху, который у него гостил. Но Виригин вернулся обратно на следующий день. Едва зародившаяся вера снова сменилась стоном: «я верю только в движение белковых тел... все остальное бутафория.

— «Герберт, я не знаю, кто ты», — повторили на другом конце провода. — Хорошее начало

диалога. Хотя всем известно, кто вы. Вы писатель.

— Да, если чем-то мы себя и обнаруживаем в этом мире, то только этим скользким свечением атласа слов. Но я давно ничего не пишу, вы же знаете.

— А надежду на возведение в сан оставили?

— Не совсем. Кое-какие варианты крутятся. То к одной меня церкви прибывает, то к другой... Но теперь я их боюсь! Чтобы еще чего-нибудь эдакого не узнать! А то, как в истории про царя Мидаса... Хоть ямку выкапывай и туда тайну рассказывай!

— Зачем же в ямку? Садитесь и пишите!

— Вы думаете?

— И думать нечего, коли у царя Мидаса ослиные уши.

2

Отчего, только достигнув края, начинаешь понимать, что в мире нет ничего прекрасней бытия и что для равновесия небытие должно быть, по крайней мере, не менее прекрасным? Не нужно излишнего осмысления. То, что доносится снизу из мрачных кладовых, недостойно осмысления. Лучше, заполнив провал, завалив его ветвями, решить раз и навсегда, что без стержня, без ствола, без смысла можно разве что резвиться в песке. Невозможно

без покрытого умудренной корой стебля ни доделать, ни довершить, ни даже осознать глубину вопреки всему здравствующей мысли.

Кто является этим первопричинным столпом — не секрет. Он очевиден, едва глаза впервые завидят мир, в котором ищут и находят раболепие цветов и прочих тварей, подчиненных нам сызмальства, когда зрачки, как гладиаторы, мечутся в безвольной схватке и наконец цепляются за первые, едва прикрытые пеленой признаки грядущего света и покоя. Я жизнь мою прожил, но не видел ни света, ни покоя, хотя они были рядом, как вечно присутствующая мелодичная зарница наших позабытых, но вовсе не медлительных сердец, словно бы упрятанных в ращелинах царских гробниц, теплых трущоб нашего средостения. Я дремал и продолжаю дремать. Но теперь эта дремота иная. Мое ложе надежно, и надежная стремительная птица несет меня если не в небо, то хотя бы туда, к самым верхушкам веками не оставляющих своих полномочий дубов. Взяв меня в ладонь, меня бережно выносит прочь из тьмы лесов невидимая, но совершенно ощутимая длань. Чего ж еще надо? Отчего не довериться, не уснуть, словно в тени безмолвного, но верного сфинкса, и пробудиться без вскрика, радостно потирая глаза? Словно ждешь нужной станции, и вот внезапно она пред тобою, омытая дождем, и вот уже твой дом. Войди же в него и будь душой спокоен! Но не тут-то было. Из-под отеческого крова выползает варан сомнения. Он неприятно устремляет на меня свой окостеневший череп, и я

уже не помню длани, птица и сфинкс проваливаются в зыбкие пески. По вытянутому телу варана проходит дрожь. Он сделал свое дело. Я снова слаб, я снова не могу принять подвижное сочленение судьбы. Мне снова страшно. Вытянутая голова сидит на длинной шее, переходящей в удлиненное мощное тело. Варан пытается напугать меня еще больше. Вот он уже примеряется, как лучше использовать свой хвост, чтобы, нанося им, словно кнутом, сильные удары, заставить меня сникнуть и, прижавшись к его чешуе, более не помышлять о покое и спасении. Он тащит меня в перевернутую башню. Винтом извивается удушливый башенный ход. Но я зову, и в лучах, изнемогая от жалости ко мне, трепещет распятая тень птицы, и снова я спасен. Взор мой, пусть не ангельский, но светится, я трепещу, и над шлемами гладиаторов-зрачков полощутся вздуваемые перья приподнятых в восторге бровей. И вот уже готов я снова излиться в сиянии, веселье без душного вина лелеет меня в радужном нежгучем огне. Я снова счастлив, и так до следующего падения. Что же, разве только у древних благородство и добропорядочность, культурные манеры и правильные понятия, а у нас — колотушки прокаженных и полное отсутствие смысла? Его отсутствие уподобляет жизнь придирчиво осматриваемой в темноте белоснежной скатерти, на поверку оказывающейся порядочно изъеденной мышами. Или вот еще, представьте, кругом зыбкая плоскость мирового моря. Вдали — непонятно,

то ли тени облаков, то ли суша. Без маяка никогда не выбраться из тесных объятий морского простора. Но стоит появиться огоньку, слабенькому намеку — и вот уже все обретает смысл. Я набираю воздух в свои парусиновые легкие и стремлюсь туда, к нечеткому серому очертанию горизонта, который уверенно и вязко уплотняется в дальний, давно зовущий меня берег. И вот уже водяная мгла забыта. Поразительно, с каким упорством слепые на один глаз пытаются выколоть себе второй. Вера в самого себя подчас становится сильнее нежелания брать на себя ответственность за что-либо. Это обычно заканчивается гулким эхом краткого по своей глубинной сути проклятия. Но все это позади. Вокруг меня уже нет ничего, кроме выросшего до эквивалента бытия мирного луга, а томное путешествие забыто, и воспоминание о нем уже не несет в себе ни самопалов всхлипов, ни луков, оцетиненных частоколом отчаянных стрел.

Что всем этим я желаю сказать? Отчего не прибегнуть к обычной белизне и прочности обыденного слова? В тонкой капсуле своих предубеждений мы не можем более воспринимать слова в их первозданный янтарной зрелости, среди пелен, укутавших строки мерно пустеющих книг, парча туманных превращений становится тряпьем, смысл — рухлядью, откровение — банальностью.

Какие-то люди ползут в высоту, приставляя лестницы к зыбким испарениям облачной влаги. Кто-то стремглав падает вниз, собираясь когда-

нибудь потом использовать нераскрытый парашют в качестве пододеяльника, а не на шитье дешевого, а потому совсем уж пошлого савана.

Почему дальнейшее рыдание напоминает смех, и почему смех напоминает дальнейшее рыдание?

Терпите же, не принявшие клинопись шумеров виноградари! В необозримый мир я отправляю такие сочетания слов, к которым трудно привыкнуть. Я освобождаю их от камнепадной силы, с которой рушатся на нас штампы, не то костей не соберешь. Стоит выдать себя полунамеком, стоит только прикоснуться к известному понятию, как сразу всего меня, как нога мастодонта, расплющит привычное клеймо. Ведь это так замечательно просто. Стоит обучить детей обрывкам сути невзрачных мыслей, неуверенно пришедшим на смену огню и железу, — и считай, дело сделано. Мир отравлен пропитанными мышьяком ярлыками, и в их гигантских лопуховых листах никак нельзя найти приюта уму.

Итак, лишив себя возможности проводить дни в домике с верандой, устланной удобными дощечками знакомых понятий, я вынужден искать себе соратников в беспощадной вьюге подноготных слов, вырывающихся из кладовых младенческого первознания, из кажущегося безмолвным мрака могил, в которых безвременно упокоились забытые наречия. Молчание же — томление пустое. Пусть ваши уши станут выпуклыми линзами, вперенными в эти буквы, — я научу вас не верить своим

урожаем, не надеяться на свой столь привычный и незамысловатый ум. Считайте, что он сгинул в диком поле. Вы отправились его искать — и не нашли даже самих себя. И вот я со своими выскальзывающими друг из-под друга словами, словно крупье с колодой карт, пытаюсь дать вам то, что вы могли бы взять многократно совершенно безболезненно, но не взяли. Не позволяйте своему воображению играть ночью или в неудобное для вас время, а также пресекайте его вредные привычки, например погрызть вам совесть... И если чем-то мы себя и обнаруживаем в этом мире — то вот этим скользким свечением атласа слов. Не нужно искать ненадежную благодать там, где ее нет и быть не может, и с лампой в комнате отслеживать мили процеженных строк. Если вытянуть любую книгу в одну строку — получится длина не меньше мили! Только раньше книги были с деревянными берегами, как каналы, несущие влагу в знойный край, а теперь они ведут себя словно роса полей — едва выпадая, высыхают, будто им и дела нет до орошения наших сердец.

Почему реки, как, впрочем, и каналы так редко текут туда, куда бы нам хотелось? Редко, но все-таки иногда текут.

3

Несмотря ни на что, еще какое-то время Герберт Адлер продолжал проживать в своем зачарованом мире. Подмигивающая всем без

разбора электронными огоньками современность обтекала его стороной. Он служил в своей церкви, проповедовал древние истины. К нему в дом стекались толпы: кто просто поглазеть на наивное житие на природе, кто поделиться своими баулами с несчастьями, а кто и приколоться. Ведь это смешно, когда в наш век пытаются жить по правилам.

Звоном похоронным ворвался телефонный звонок брата Герберта. Голос его был непривычно сдержан и глух.

— Тут такое дело... Папа умер.

Все существо Герберта неотвратимо наполнилось тошнотой. Он позвонил маме.

Она ошарашила его риторическим вопросом, казалось бы, не подходящим в таком положении.

— Ну, как тебе это нравится? — пыша отчаянным раздражением, а может быть, с таким особым юмором вопрошала мать. — Сбежал... Теперь узнает, что там, на том свете... — тут она заплакала. — Нет больше нашего папки!

Вот так — собачились всю жизнь, а теперь «наш папка»!

Герберт молчал. Ему было плохо. Нет, он не плакал. Уже после, в уборной, он дал волю рыданиям. Домашние его жалели. От этого ему было еще больнее, но он ревностно следил, чтобы обязательно жалели, сочувствовали. Нельзя сказать, что Герберт не ожидал смерти отца. Он знал, что на днях папа попал в

больницу, но в отличие от прошлых случаев, в этот раз все заботы переложил на брата. Никто ничего не успел сделать. Как потом оказалось, отец перед этим пролежал неделю в душной комнате, отказываясь от еды и питья. Об этом мама никому не сообщила, а может и говорила, но Герберт пропустил мимо ушей. Потом отца увезли в больницу, и в ту же ночь его не стало.

Герберт предчувствовал недоброе. На утренней молитве, когда он неуверенно попросил Пантелеймона Целителя о выздоровлении отца, тот непонимающе посмотрел с иконы. Еще бы. Ведь к тому времени отец был уже мертв.

Герберт не поехал на похороны, сославшись на опасения, что его арестуют на границе за старые грехи. Поехал старший брат и все устроил.

Тяжесть, свинцовая тяжесть поселилась в душе Герберта — утки в дудки, тараканы в барабаны... Он исповедовался, признавшись, что одолжил у отца большую сумму, которую потратил на их же с матерью пребывание у себя, лечение и прочее... Отдавать ему оказалось не из чего, поскольку бизнес теперь едва покрывал самые насущные нужды... Хотя нет! Герберт не так уж безденежствовал. Он ведь приобрел колокола. Заплатил дорого. Конечно, частично вроде бы из церковных денег... Но последний разговор с отцом по телефону именно и был об этих колоколах.

— И откуда у тебя деньги на колокола? — недовольно буркнул отец.

— Всем миром собирали, — неуверенно ответил Герберт.

Отец спросил о долге. Герберт ответил нагло и раздраженно, мол, как смогу, — отдам. Отец сник.

Больше они с отцом не разговаривали.

Конечно, Герберт во всем винил себя. Зачем он отпустил отца? Почему не настоял, чтобы он остался жить с ним? Герберт понимал, что все это вряд ли было возможно, но что поделаешь, совесть наша слепа. Она не желает вникать в обстоятельства. Более того, совесть неразумна, она не привыкла внимать гласу разума.

На то и есть исповедь. Все рассказал, раскаялся, священник прочел разрешительную молитву — и дело с концом.

Отец был некрещеный, но Герберт проигнорировал этот факт. Он отслужил заупокойную службу у себя в церкви, причем вопреки традиции установил там траурный портрет отца, окружив его цветами.

Везя на переднем пассажирском сидении портрет из фотоателье, где его вставили в черную рамку, Герберт спросил:

— Тебе не дуется?

Отец молчал. Герберт подумал, что в жизни папа был крайне неразговорчивый, и если бы он сейчас ехал с ним живой, то вполне возможно, Герберт тоже не дождался бы ответа.

Отцовское *«почему ты не выучил уроки?»*, доносившееся из зыбкого детства, теперь растворилось, рассеялось, как прах, несмотря на то что он в конце концов таки разочаровал отца...

Через некоторое время мать прислала фотографию могилы отца. Было непривычно наблюдать нечто новое, красивое, блестящее, связанное с отцом. Тот был скупец и ходил в обносках. Могильная плита черного цвета лаконично сообщала имя и даты... Рядом — кусочек земли, оставленный для будущей могилы матери. Герберт напряг глаза и всмотрелся в изображение сухих комьев. *«Вот сюда закопают маму»*, — подумал он и поморщился.

Ровно в срок, когда он обещал вернуть отцу деньги, нужная сумма откуда ни возьмись оказалась в руках Герберта, и он положил деньги на счет отца. Теперь он сам распоряжался этим счетом, но что бы там ни говорили — долг он отдал.

Маму закопали в другом месте, но на том же кладбище. Она пережила папу на полтора года. Предпоследними ее словами были: *«Я вас люблю!»*, а последними: *«Идите все к черту»*. Она умерла в пасхальную ночь. Герберт так и нашел ответа, что же это значит...

Гонения на церковь, построенную Гербертом, начались с лукавки. Небольшой куполок с крестом теперь славно возвышался над крышей этого строения. Было не просто отыскать такой элемент архитектуры отжившего века, тем более на чужбине. Но Герберт во всем старался доходить до черты, за которой бушевали волны океана чрезмерности и даже вычурности.

Итак, лукавка была найдена, привезена и освящена. Когда же пришло время водрузить ее на крышу, сосед Герберта пожаловался в городскую управу. Инспектор явился без проволочек, не снимая белой каски, вошел в храм и без приглашения уселся на единственную лавку.

— Поймите, — начал инспектор обстоятельно, — запрещено устраивать у себя дома приход.

— Отчего же? — приветливо улыбнулся Герберт. «Кажется, начинаются настоящие гонения, о которых предупреждал Христос», — подумал он с некоторым удовлетворением, если не удовольствием.

— Ну, во-первых, ваша система канализации не рассчитана на скопление людей!

Герберт не смог сдержать смеха.

— Что же, вы полагаете, они приходят в церковь, чтобы сходить в туалет?

— Наш долг наблюдать за выполнением строительных норм.

— Согласен, ваша работа важна и даже необходима. Вот в древнем Риме строили как вздумается, и рушились дома! – то ли с издевкой, а может, и вполне серьезно отметил Герберт. Он ведь так умел объединяться в мысленном порыве с властями, когда речь шла о всяческой пользе населения...

— Так или иначе, по нашим правилам, имеющим силу закону, вы не можете устраивать церковь у себя дома. Но если у вас собирается совсем немного людей и вы не будете афишировать эти ваши собрания – мы на это закроем глаза. Однако луковку придется убрать, а также отменить ваши объявления в газетах, и, разумеется, прекратить звонить в колокола, — инспектор старался выглядеть дружелюбным и даже доверительно добавил, что сам ведет кружок библейских чтений у себя дома.

«Ах, вот оно что!». Герберт понял, что перед ним был никто иной, как руководитель местной секты. Он вспомнил, что встречал его объявления в газетах. Поскольку сам Герберт нередко публиковал там статьи, прославляющие православие, это, несомненно, должно было обеспокоить местных сектантов, да и не только их!

— Да, наша группа стремится к росту, — признался инспектор. — Ну, а если вы желаете, чтобы ваш приход рос, вам нужно перенести свою деятельность в какое-нибудь другое место.

— Нет, мы не стремимся к росту, — ответил Герберт уклончиво, — просто моя жена очень религиозна... Она хотела посещать храм каждое воскресенье, а ближайшая православная церковь очень далеко...

Герберт сам удивился такому простому объяснению своих действий. Как часто великие намерения, облеченные в слова, превращаются в пошленькие, блеклые и незначительные действия... Весь смысл своей сегодняшней жизни «раздай все и следуй за Христом» Герберт выразил в утилитарном оправдании, мол, в церковь далеко ездить, вот и основали свою собственную, домовую, так сказать.

Инспектор поднялся с лавки и оглядел иконостас. Византийские лики взирали на сектанта спокойно и словно бы сквозь него, не замечая его присутствия.

— Да, я верую в Христа, — с некоторой торжественностью заявил он, но сквозь его мутноватый взгляд Герберт прочел дополнение к этому утверждению: верую да только несколько иначе, без всей этой мишуры и картинок...

Наконец покинули церковь. Инспектор напоследок придрался и к русской бане, выстроенной несколько лет назад во дворе дома Адлеров. Она оказалась на два метра больше, чем допускалось возводить без особого разрешения градоправления. Точнее, сама баня была даже меньше допустимых пределов, но вот верандочка

при входе в баню как раз эти допустимые границы и нарушала.

Инспектор выписал штраф и потребовал подать все необходимые бумаги и планы, которых, разумеется, и в помине не было. Герберт не спорил. Он понимал, что начались гонения, и почему-то это его по-настоящему радовало.

«Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать, и всячески неправедно злословить за Меня. Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах» ...

Как это нередко бывает, конфликт, начавшийся спокойным визитом инспектора, через некоторое время стал перерастать в полномасштабную войну. Сначала Герберт пытался умиротворить инспектора, подавал ему бумаги и какие-то наскоро изготовленные планы, но тот корректно и безмятежно все отвергал. Теперь становилось ясно, что за показной вежливостью не было и следа доброжелательства к братьям во Христе. Сектант явно жаждал полного уничтожения церкви.

Он обклеил красными приказами о закрытии входную дверь, и прихожане с опаской рассматривали эти бумаги, прежде чем войти в храм Божий.

Там значилось, что помещение церкви небезопасно, и только вчитавшись можно было понять, что небезопасность этого строения заключается в отсутствии достаточной системы

канализации, которая могла бы обслужить собрание людей.

Герберт, поняв, что примирение невозможно, заказал огромные алюминиевые иконы на внешние стены церкви и установил большой указатель на дороге: «Храм Преображения Господня».

Из-за указателя разразился новый скандал. Сосед, который жаловался на луковку, снова сообщил о самовольстве Герберта в городскую управу. Снова явился инспектор и потребовал указатель убрать.

— На нем изображена икона, — ответил Герберт, — это мое право иметь икону при въезде во двор.

Нужно отметить, что собственность Адлеров простиралась на два с половиной гектара, и не следует забывать, что жил Герберт практически в лесу и с соседом последний раз виделся лет пять назад.

На порог выскочила Эльза.

— Вы передали свою бумажку? Теперь убирайтесь! — закричала она.

Герберт попытался ее успокоить, но инспектор обиделся и возжаждал крови. Он намеренно не уходил и провоцировал расстроенную женщину.

— Что мне вас, застрелить, чтобы вы исчезли? — Эльза была вне себя.

— Ну, это совсем уже другая история, — с хмурым удовлетворением заметил инспектор. —

Вы угрожаете мне насилием! Я вынужден пожаловаться в полицию! — и он чинно удалился.

Полицейский появился только на следующий день. Он, как воспитатель детского сада, разъяснил супругам Адлерам, что угрожать инспектору городской управы не следует, с чем Герберт практически сразу согласился, а Эльза, одетая в старомодное платье, попыталась спорить, но полицейскому стало смешно, как такое наивное и смешное существо в кружевах может составлять угрозу борову-инспектору, и он удалился, ограничившись внушениями.

Герберт написал жалобу мэру города, что инспектор — сектант, и притесняет его по религиозным соображениям. В ответ на это пришел ответ от городских адвокатов, где они угрожали Герберту судом и утверждали, что он клеветает на честного, исполняющего свой долг инспектора.

Через некоторое время пришел судебный иск от города, требующий снести церковь и примерно наказать Герберта, — а именно оштрафовать, и если он не выплатит штраф и судебные издержки, то отобрать у него дом в счет долга. Иск представлял собой внушительных размеров том и содержал огромное количество фотографий — свидетельствах деятельности храма и Герберту было приятно рассматривать

результаты своей работы: вот свадьба, вот крестины, вот престольный праздник...

Прихожане-немцы испугались конфликта с городом и покинули приход, а оставшиеся сплотились и даже собрали небольшую сумму на адвоката. Остальное заплатил Герберт. Началась судебная канитель.

Архиепископ, сам находящийся под судом, ничем помочь не смог или не пожелал, а просто сказал — все разберите и спрячьте по подвалам до лучших времен. Герберт не подчинился и принялся искать другую каноническую Православную церковь, которая согласилась бы принять его приход в свое лоно, благо на чужбине существует множество различных юрисдикций Православных церквей...

Его приняла Болгарская Православная Церковь и где он и был рукоположен во диакона. На ближайшее лето назначили рукоположение во священники.

Духовный отец Герберта прогнал епископа из своей церкви и ушел в раскол. Тут уж Герберт не выдержал и склонил битую им и оставленную любовницу, на которой он обещал жениться, пожаловаться епископу. Нашлась и вторая пострадавшая, тоже бывшая любовница монаха. Ей оказалась крестная мать Герберта. Назначили духовный суд. Церковь может сама себя отчистить. Монаха запретили в служении и, видимо, лишат сана. Однако это не остановило и его и он по-прежнему изображает из себя

канонического священника и ведет безблагодатные службы. Больше половины прихода его покинуло и основало свой приход. Когда Герберт опубликовал обо всём этом открытое письмо епископа в газете, ему стали угрожать судом и даже покушением на его жизнь.

Опасаясь дополнительных судебных преследований, Герберт опубликовал в своей газете общую статью, посвященную всяческим гонениям на христиан, описанным словами Христа: «Блажени есте, егда поносят вам, и изженут, и рекут всяк зол глагол на вы, лжуще Мене ради. Радуйтеся и веселитесь, яко мзда ваша многа на небесех (Мф. 5: 11–12)».

5

«Православному христианину не стоит удивляться, если он сталкивается с таким же отношением к себе, как и к нашему Господу Иисусу Христу. Чем более похож он на своего Учителя и чем более свята и духовна его жизнь, тем больше вероятность того, что он будет терпеть ненависть, подвергнется ложным обвинениям и преследованиям.

Не стоит ожидать, что какой-либо степенью праведности можно избавить себя от этого креста. Тут нечего винить христианина за ошибки: не они, а именно праведность вызывает вражду людей. Мир ненавидит всё, что стремится принять образ Божий. Сынам мира

досадно видеть других, старающихся стать лучше, чем они. Почему Каин ненавидел своего брата Авеля и убил его? Потому, говорит Иоанн, что «дела его были злы, а дела брата его праведны» (1 Ин 3: 12). Почему фарисеи ненавидели Христа?

Потому что Он обличал их грехи и ложные учения, а они знали в своих сердцах, что Он был прав, а они не правы. «Мир, — сказал наш Господь, — ненавидит меня, потому что Я свидетельствую о нем, что дела его злы» (Ин. 7: 7). Православным христианам пристало пить ту же чашу терпеливо и без смущения духа. Господь сказал: «Если мир вас ненавидит, знайте, что он ненавидел меня прежде чем возненавидел вас» (Ин. 15: 18). Пусть же мы помним это и приободримся. Приближается день, когда каждому воздастся по трудам его. Преследования и ненависть к детям Бога на земле были здесь с самого начала и будут до скончания века.

Иногда случаются передышки, и мы живем в спокойствии, но мир ненавидит Бога, и поэтому война будет продолжаться. Мы молимся о временах

мирных, но меч неизбежен. Нам необходимо укрепляться в вере, что подобные испытания есть посещение Господне, призванное до конца исцелить наши души от связи с миром. Практически всем святым в конце жизни приходится перенести поругание и поношение.

Истинная христианская радость — это не земное счастье, удовольствие или приятное времяпрепровождение, но ни с чем не сравнимая радость в вере (Рим. 15: 13), радость знания Божией любви, радость достойно, по слову ап. Петра, участвовать в Христовых страданиях (1 Пт. 4: 13).

Духовная радость тесно связана с духовным страданием. Неверно думать, что радость приходит только после страдания: радость во Христе

приходит вместе со страданием во Христе. Они сосуществуют и зависят одно от другого в своей силе и власти. Как скорбь над грехом приходит вместе с радостью спасения, так и страдания в этом мире созвучны и даже прямо вызывают эту же неизреченную радость спасения. Поэтому, как говорит апостол Иаков, христиане должны считать великой радостью, когда они впадают в различные искушения, зная, что совершённое действие их непоколебимой веры выражается в том, чтобы они могли стать совершенны во всей полноте, без всякого недостатка (Иак. 1: 2–3). Таково же твердое убеждение апостола Павла, писавшего: «...Хвалимся надеждою славы Божией. И не сим только, но хвалимся и скорбями, зная, что от скорби происходит терпение, от терпения опытность, от опытности надежда, а надежда не постыжает, потому что любовь Божия излилась в сердца наши Духом Святым, данным нам» (Рим. 5: 2–5). Такова духовная радость христиан, радость мучеников, которая более чем что-либо свидетельствует об

истинности христианской веры и подлинности христианской духовной жизни.

Давайте же восхвалим Господа, когда нам ниспосылается такое испытание, ибо Он сподобил нас шагнуть на Его крестный путь!»

6

Стюард прожил с Энжелой еще два года, и снова был прогнан ей за бездеятельность и курение марихуаны. На этот раз Герберт не только не вмешивался, но и наоборот всячески препятствовал этому. Он теперь считал, что нельзя выбрасывать людей, как старые вещи. Стюард проникся теплыми чувствами к Герберту и крестился.

У Герберта проживал жилец, молодой китаец. Он тоже крестился, потому что хотел попасть в рай. Кто посмеет сказать, что это не достаточное основание для крещения? Герберт стал обоим крестным отцом, а Эльза – крестной матерью.

Энжела так и осталась жить одна. Может быть до поры, до времени?

КТО ВИНОВАТ В ТОМ, ЧТО МЫ ОДИНОКИ?

В соитии земли и неба
Рождаются зеркала крупницы,
Дождя угрюмая телега
Опять стремится сном забыться.

И непослушные аккорды
Дрожащих в неге струйных капель

Вдруг населяют словно орды
Пространства сероглазый кафель.

И растравив внезапно душу
Стремглав ревет безликий ливень,
И мертвой хваткой впившись в сушу
Безбрежных вод прилив обилён...

В движеньи их нет пищи мысле
Как нет в них жизни оправданья,
Над нами небеса зависли
Как ткань знакомого преданья.

Мы различаем в молний свете
Намеки, знаки, судьбы, сроки...
Но только сами мы в ответе,
За то что вечно одиноки...

В ХРАМ СПЕШИ...

Силой злаков
Древних знаков
Мы напрасно дорожим.

Пред судьбою
Мы с тобою,
Ни трепещим, ни дрожим.

Видно нет скорбей напрасных,
Видно нет напрасных ран,
И для нас тоской безгласной
Неспроста наполнен храм.

Суждено нам оставаться
В этой пристальной тоске,

Словно давний голос раций
Нам напомнил о войне.

Сколько соли и сомнений
Нам пришлось с тобой вкусить,
И в свои пустые сени
Вновь и вновь тоску пустить

Видно скорби нам даются
Лишь затем чтоб исцелить
Буйной страсти злого блюда
Переполненную прыть

Но кричат мне: «Это – бредни!
Не узнать тебя теперь!»
Ну а я спешу к обедне
Отворяя настежь дверь.

В храм вхожу, таюсь, любуюсь
На безбрежный глас небес.
Мне ж кричат: «Не тренируясь
В небеса бы ты не лез!»

Потерявшийся в кропиве,
Заблудившийся в песках
Сам себе я стал противен
Как мозоли на руках.

Как разнузданные язвы
В потайных зрачках души,
Я измученный и грязный
В храм спешу и ты спеши.

* * *

Не я избрал Тебя, но Ты меня!
И я стремлюсь отправиться в дорогу,

Как пение седого соловья
Стремится ввысь к внимательному Богу.

И всякий град, что станет на пути,
Допустит пусть меня в свою утробу.
И средь волков, как агнец средь толпы,
Я помолюсь внимательному Богу.

Пусть жатвы много, делателей — нет,
Пусть песнь поют тяжёлые колосья,
От них струятся как нетварный свет
Святых молитв живые отголосья!

Войдя же в дом, я пожелаю мир.
И мир почиет иль метнёт к порогу.
Как много званых на роскошный пир,
Но не спешат к внимательному Богу.

Пусть не приемлют нас, пусть гонят нас
И расточают собранное нами.
Пусть ждут знамений и суровый глас,
Гремящий с неба грозными словами.

Я буду верить, ждать без суеты,
Без буйных криков, без шаганья в ногу.
«Не я Тебя, но выбрал меня Ты», —
Я всё шепчу внимательному Богу.

* * *

Не верь уму. Ум слишком часто лжёт.
Ему привычны лживые советы.
А поступай всегда наоборот:
Ищи всегда Евангельского света.

И посетит Господь не раз тебя,
И исцелив, возляжет для беседы,
Ты драгоценным миром, не скорбя,
Омой Его и позабуди все беды.

Ведь нищих много, хватит им щедрот.
А Бог один, отдай Ему всё сразу.
И поступай всегда наоборот,
Чем поступать велит лукавый разум.

Мы верим странно, сторожась утрат,
Все подсчитав расчётливей Иуды.
Спешим к Каифе, не дождаь утра,
И не дождаь дождя, целуем в губы.

Наш ум — не светоч. Немошный маяк!
Не светит он, а лишь чадит и мает,
И сам понять не может он никак,
Что ничего, увы, не понимает!

Итак, прошедших дней нам не вернуть,
Дней без молитв, растраченных напрасно.
И погребая веры нашей суть,
Мы погребаем Бога ежечасно.

Но каждый миг нам дан повторный шанс
И воскрешает в нас живого Бога
Живой молитвы непрестанной глас,
Живой молитвы до конца, до гроба!

